ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 3(54) 2024

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 3(54) 2024

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.
Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.
Журнал выходит четыре раза в год.
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 34121.
Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук
Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук
Н.Б. Бугакова, кандидат филологических наук
Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:
Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Л.Н. Верховых**– доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова –** доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов –** доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова –** доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова –** доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова –** доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».
Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

12+

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)
Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.
The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The subscription index in the United catalog "Press of Russia" is 34121.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology
Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology
N.B. Bugakova, PhD in philology
Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:
E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **L.N. Verkhovykh** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Eremeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod**,** Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgary; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopie, Northern Makedonia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova –** doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».
Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

12+

© Voronezh State Technical University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Скуридина С.А. Вступительное слово главного редактора……..... 6

Лингвистика
Кукшинова Е.Н. Первая речь члена парламента в жанровом пространстве парламентского дискурса……. 7
Бычкова О.Н. Интегральное исследование англоязычного метеорологического дискурса…….. 18
Гальцова Д.Н., Кубышкин И.А. Экспрессивный синтаксис русских говоров (на воронежском материале)….. 30
Фатюшина Е.Ю., Семина О.Ю. Машинный перевод технического текста: современное состояние и перспективы……..... 38
Меркулова И.А. Какие они, слова нашего времени?..... 48
Прокопьева Н.В., Прокопьев Д.М., Черкашина М.В. Флективные аспекты русского языка в контексте технологий обработки естественного языка: теоретические и прикладные решения……. 59

Аспекты изучения художественного текста
Барсукова-Сергеева О.М. Авторская ирония и средства ее выражения в рассказе В. Токаревой «Рарака»….. 72
Голубева Я.Е. Типология эмоционально-оценочной лексики современной российской патриотической поэзии…… 79
Спиридонова Л.Н. Своеобразие и традиционность интеллектуального романа (на примере произведений Г. Гессе и Б. Пильняка)…….. 85
Губанов С.А. Признаковая концептуализация эмоций в текстах М. Цветаевой……. 93
Подшивалова Н.И. Функционально-семантические особенности вставных конструкций в романе «Авиатор» Е.Г. Водолазкина…… 100
Твердохлеб О.Г. Функционирование одноосновных слов с корнем рыж- в поэзии первой трети XX века: имя прилагательное……. 107
Скуридина С.А. Гастрономическая деталь в повести «Дядюшкин сон» Ф.М. Достоевского …… 117

К юбилею А.С. Пушкина
Бугакова Н.Б. Структурное своеобразие антропонимикона пьесы А. Платонова «Ученик Лицея»……. 123
Кондратьев А.С., Хотакко В.А. 1824 год в творческой биографии А.С. Пушкина: вызовы эпохи и духовная традиция…… 130
Попова Е.А., Исмаэль М.Т.И. Прецедентные феномены-арабизмы в произведениях А.С. Пушкина…… 137

Лингвокультурология
Ситянина Н.В. Лексико-синтаксические особенности наименования объектов и явлений природы в английских художественных текстах…… 148
Недоступова Л.В. Говор вымирающего хутора Саприно как отражение жизненных реалий середины XX века…… 155

Межкультурная коммуникация
Чечетка В.И., Пашковская Н.Д., Пилевцева А.В. Совершенствование навыков письма на немецком языке у студентов неязыковых вузов……. 163

Журналистика в историко- теоретическом аспекте
Белова А.В. «Алкоголизм и возможная с ним борьба» Александра Чехова……. 174
Пономарев П.А. Принципы коммуникативной ответственности и диалога в российском публицистическом дискурсе……. 182

Язык СМИ
Грамакова А.А., Шавырина А.А. Специфика сюжетного решения и художественно-психологического компонента аудиовизуальной социальной рекламы и инсталляций на тему безопасности дорожного движения в зависимости от географии создания и применения……. 189

События, обзоры, рецензии
Долгова Е.Ю. Вызовы времени в лингвистической русистике: об итогах методологического семинара научной школы профессора Е.П. Иванян (Самара, СГСПУ, 13 мая 2024 г.)……. 198
Чуйков П.Л. 120 лет назад не стало А.П. Чехова…… 208

Правила оформления статей…….. 211

CONTENTS

Skuridina S.A. Opening remarks of the chief editor ……..... 6

Linguistics
Kukshinova E.N. Maiden speech in the genre space of parliamentary discourse……. 7
Bychkova O.N. An integral study of the English meteorological discourse……... 18
Galtsova D.N., Kubyshkin I.A. Expressive syntax of Russian dialects (based on Voronezh material)…… 30
Fatyushina E.Y., Syomina O.Y. Machine translation of technical texts: current state and prospects…… 38
Merkulova I.A. What are the words of our times?..... 48
Prokopyeva N.V., Prokopyev D.M., Cherkashina M.V. Flexive aspects of the Russian language in the context of natural language processing technologies: theoretical and applied solutions…… 59

Literary text: aspects of study
Barsoukova-Sergeeva O.M. Author`s irony and the means of its expression in the short story «Raraka» by V. Tokareva…… 72
Golubeva Ya.E. Functioning of emotional-evaluative vocabulary in the space of poetic text of patriotic orientation……... 79
Spiridonova L.N. Peculiarity and traditionalism of intellectual novel (on the example of works of H. Hesse and B. Pilnyak)……... 85
Gubanov S.A. Attributive conceptualization of emotions in M. Tsvetaeva's texts…… 93
Podshivalova N.I. Functional and semantic features plug-in structures in the novel «Aviator» by E.G. Vodolazkin…… 100
Tverdokhleb O.G. Function of one-base words with the root red- in the poetry of the first third of the XX century: adjective……. 107
Skuridina S.A. A hastronomic detail in novella «Uncle's Dream» F.M. Dostoevsky's …..……...……... 117

On A.S. Pushkin's anniversary
Bugakova N.B. The structural peculiarity of the antroponymicon of A. Platonov's play «The Lyceum student»……... 123
Kondratiev A.S., Hotakko V.A. 1824 in the creative biography of A.S. Pushkin: challenges of the era and spiritual tradition…….. 130
Popova E.A., Ismael M.T.I. Precedent phenomena-arabisms in the works of A.S. Pushkin…… 137

Language and culture studies
Sityanina N.V. Lexical and syntactic features of naming objects and phenomena in English literary texts…… 148
Nedostupova L.V. The dialect of the dyingning farm of Saprino as a reflection of the life realities of the middle of the XX century……. 155

Intercultural communication
Chechetka V.I., Pashkovskaia N.D., Pilevtseva A.V. Improving writing skills in German for students of non-linguistic universities……. 163

Journalism in historical and theoretical aspect
Belova A.V. «Alcoholism and a possible fight with it» be Alexander Chekhov……. 174
Ponomarev P.A. The principles of communicative responsibility and dialogue in Russian publicistic discourse…….. 182

Language of mass media
Gramakova A.A., Shavyrina A.A. Specificity of a plot decision and artistic-psychological component of audio-visual social advertising and installations on the subject of road safety depending on the geography of the creation and application……. 189

Events and reviews
Dolgova E.Y. Challenges of the time in linguistic Russian studies: on the results of the methodological seminar of the scientific school of professor E.P. Ivanyan (Samara, SSSPU, May 13, 2024)…… 198
Chuikov P.L. 120 years ago A.P. Chekhov died……..... 208

Layout of the articles……..……..……... 211

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей пятьдесят четвертый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II «Аспекты изучения художественного текста», III – «К юбилею А.С. Пушкина», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ», VIII – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 24 научные работы. Раздел «Лингвистика» включает статьи, выявляющие особенности первой речи члена парламента в жанровом пространстве парламентского дискурса (*Е.Н. Кукшинова*) и специфику англоязычного метеорологического дискурса (*О.Н. Бычкова*), анализирующие экспрессивный синтаксис русских говоров (на воронежском материале) (*Д.Н. Гальцова, И.А. Кубышкин),* рассматривающие вопросы машинного перевода технического текста (*Е.Ю. Фатюшина, О.Ю. Семина)* и флективные аспекты русского языка в контексте технологий обработки естественного языка (*Н.В. Прокопьева, Д.М. Прокопьев, М.В. Черкашина),* а также предлагающие задуматься о том, какие они, слова нашего времени *(И.А. Меркулова).* Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, выявляющие типологию эмоционально-оценочной лексики современной российской патриотической поэзии (*Я.Е. Голубева*) и признаковую концептуализацию эмоций в текстах М. Цветаевой (*С.А. Губанов*), представляющие своеобразие и традиционность интеллектуального романа (на примере произведений Г. Гессе и Б. Пильняка) (*Л.Н. Спиридонова*), анализирующие авторскую иронию и средства ее выражения в рассказе В. Токаревой «Рарака» (*О.М. Барсукова-Сергеева*), рассматривающие особенности функционирования вставных конструкций в романе «Авиатор» Е.Г. Водолазкина (*Н.И. Подшивалов*а) и одноосновных слов с корнем *рыж-* в поэзии первой трети XX века: имя прилагательное (О.Г. Твердохлеб), раскрывающие специфику гастрономической детали в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» (С.*А. Скуридина*). В разделе «К юбилею А.С. Пушкина» представлены работы, выявляющие структурное своеобразие антропонимикона пьесы А. Платонова «Ученик Лицея» (Н.Б. Бугакова), описывающие 1824 год в творческой биографии А.С. Пушкина (*А.С. Кондратьев, В.А. Хотакко)* и выявляющие прецедентные феномены-арабизмы в его произведениях (*Е.А. Попова, М.Т.И. Исмаэль)*. Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, характеризующие лексико-синтаксические особенности наименования объектов и явлений природы в английских художественных текста (*Н.В. Ситянина*), исследующие говор вымирающего хутора Саприно как отражение жизненных реалий середины XX века (*Л.В. Недоступова*). В разделе «Межкультурная коммуникация» рассматриваются пути совершенствования навыков письма на немецком языке у студентов неязыковых вузов (*В.И. Чечетка, Н.Д. Пашковская, А.В. Пилевцева*). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» анализируется статья «Алкоголизм и возможная с ним борьба» Александра Чехова (*А.В. Белова*) и представлены принципы коммуникативной ответственности и диалога в российском публицистическом дискурсе (*П.А. Пономарев*). В разделе «Язык СМИ» выявляется специфика сюжетного решения и художественно-психологического компонента аудиовизуальной социальной рекламы и инсталляций на тему безопасности дорожного движения в зависимости от географии создания и применения (*А.А. Грамакова, А.А. Шавырина*). В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги методологического семинара научной школы профессора Е.П. Иванян «Вызовы времени в лингвистической русистике» (*Е.Ю. Долгова*), а также представлена работа к 120-летию со дня смерти А.П. Чехова (*П.Л. Чуйков*).

Содержащиеся в выпуске 3 (54) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА
LINGUISTICS

УДК 81’42
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.001

Филиал Ростовского государственного университета путей сообщения
в г. Воронеже
Доцент, кандидат филологических наук
Кукшинова Е. Н.
Россия, г. Воронеж
тел. 8-960-125-34-90
e-mail: elnik-k@mail.ru

Rostov State Transport University
(Voronezh Branch)
PhD, associate professor
Kukshinova E.N.
Russian Federation, Voronezh
tel. 8-960-125-34-90
e-mail: elnik-k@mail.ru

Е.Н. Кукшинова

ПЕРВАЯ РЕЧЬ ЧЛЕНА ПАРЛАМЕНТА В ЖАНРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается один из жанров парламентского дискурса, известный как «первая речь члена парламента». Цель исследования – выявить и описать жанровую специфику данной речи. Актуальность работы обусловлена отсутствием специальных лингвистических исследований, посвященных первой речи члена парламента, и необходимостью детального и системного описания жанровой организации парламентского дискурса. Материалом исследования послужили 90 текстов, содержащих первые речи парламентариев, извлеченные методом сплошной выборки из стенограмм заседаний палаты общин парламента Великобритании за декабрь 2019 – февраль 2020 гг. В ходе исследования применялась комплексная методика, включающая описательный метод, метод дискурсивного анализа, элементы лексико-семантического и стилистического анализа.Описание жанровой специфики первой речи производилось на основе ряда жанрообразующих признаков, таких как событийная отнесенность, хронотоп общения, участники коммуникации и их статусно-ролевые характеристики, коммуникативная цель (интенция), форма коммуникации, содержательная структура выступления и особенности его языкового воплощения. В результате проведенного анализа установлено, что специфическими жанровыми характеристиками первой речи члена парламента являются следующие: привязанность к определенному политическому событию циклического характера; фиксированность в пространстве и времени; статус нового, впервые избранного члена парламента как статусно-ролевая характеристика адресанта; самореклама как коммуникативная цель выступления; устная монологическая форма речи, имеющая письменную основу; «запрограммированное» содержание речи; повышенная клишированность, оценочность и экспрессивность речи, высокая степень ритуальности выступления. Теоретическая значимость работы заключается в изучении и описании первой речи члена парламента как речевого жанра, а также расширении существующих представлений о жанровой организации парламентского дискурса. Практическая значимость статьи состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в вузовских курсах политической лингвистики, теории дискурса, генристики.

Ключевые слова: парламентский дискурс, первая речь члена парламента, жанрообразующие признаки, жанровая специфика первой речи члена парламента

E. N. Kukshinova

MAIDEN SPEECH IN THE GENRE SPACE OF PARLIAMENTARY DISCOURSE

The article sites a genre of parliamentary discourse, known as a maiden speech. The purpose of the study is to identify and describe the genre specifics of the speech under consideration. The relevance of the paper is due to the lack of special linguistic studies devoted to the speech in question and the need for a detailed and systematic description of the genre organization of parliamentary discourse. The research material comprises 90 texts containing maiden speeches

© Кукшинова Е.Н., 2024

extracted by a continuous sampling method from the UK House of Commons Hansard for December 2019 – February 2020. The methods used in the paper include the descriptive method, the method of discursive analysis, elements of lexico-semantic and stylistic analyses. The analysis of the genre specifics of a maiden speech was carried out on the basis of the following genre-forming features: a political event correlation, chronotope of communication, participants of communication and their status-role characteristics, communicative purpose (intention), form of communication, content structure of the speech and features of its linguistic realization. As a result of the analysis, it is found out that specific genre characteristics of a maiden speech are the following: attachment to a certain political cyclic event; fixity in space and time; the status of a newly, first-time elected member of Parliament as a status-role characteristic of the addresser; self-promotion as communicative purpose of the speech; oral monologue form of communication, which has a written basis; "programmed" content of the speech; increased number of clichéd phrases, evaluative and expressive means of language, a high degree of rituality. The theoretical significance of the paper lies in the study and description of a maiden speech as a speech genre, as well as the expansion of existing ideas about the genre organization of parliamentary discourse.The practical significance of the research is defined by the fact that its results can find application in the courses of lectures on political linguistics, discourse theory and genre studies.

Keywords:parliamentary discourse, maiden speech, genre-forming features, genre specifics of a maiden speech

Одним из актуальных направлений современных лингвистических исследований является изучение парламентского дискурса и его жанровой организации. Важнейшими целями в исследованиях подобного рода на сегодняшний день выступают определение принципов жанровой дифференциации парламентского дискурса, описание специфики речевых жанров, характерных для данной сферы общения, выявление универсальных и специфических черт в системе парламентских речевых жанров разных стран, а также анализ речевого поведения парламентариев в рамках того или иного жанра.

На данном этапе отдельные речевые жанры, образующие жанровое пространство парламентского дискурса, уже получили определенное освещение в отечественной и зарубежной лингвистике. Широко и всесторонне изучен такой жанр, как парламентские дебаты [1; 2]. Объектами исследования выступали и другие жанры парламентского дискурса, такие как-доклады, заявления министров, «время вопросов» [3; 4; 5]. Несмотря на это, до сих пор не изученным остается целый ряд парламентских жанров, в том числе и жанр первой речи члена парламента, которому посвящена настоящая статья. Анализ специальной литературы показал, что первая речь члена парламента на данный момент еще не получила какого-либо лингвистического описания, не являлись предметом специального обсуждения и ее жанровые свойства, что определяет актуальность настоящего исследования. Тем не менее в фокус внимания лингвистов попала одна из разновидностей изучаемой нами речи– первая речь премьер-министра. Предметом исследования в публикациях, которые обращались к упомянутому выше виду первых речей, стали лингвостилистические особенности языка отдельных политических лидеров [6], тактики и стратегии их речевого поведения [7; 8], рассматривавшиеся в том числе и в сравнительном аспекте [9]. Однако комплексный анализ первой речи (как премьер-министра, так и члена парламента) как речевого жанра ранее не производился. По указанным причинам изучаемая нами первая речь члена парламента представляет несомненный интерес для лингвистического анализа. Привлекательной исследовательской задачей представляется и сопоставительный анализ двух обсуждавшихся выше разновидностей первых речей, что может составить перспективу дальнейшего исследования.

Целью настоящего исследования является выявление и описание жанровых особенностей первой речи члена парламента (ПР). Для достижения поставленной цели необходимо кратко рассмотреть основные подходы к толкованию речевого жанра,которые актуальны для настоящего исследования, выявить жанрообразующие признаки, релевантные для описания первой речи члена парламента, и произвести ее анализ на основании данных параметров.

Материалом исследования послужили 90 текстов, содержащих первые речи парламентариев, извлеченные методом сплошной выборки из стенограмм заседаний палаты общин парламента Великобритании за декабрь 2019 – февраль 2020 гг. В качестве источника материала использован сайт www. publications. parliament.uk.

Основными методами исследования являлись описательный метод, включающий в себя приемы наблюдения, обобщения, классификации и интерпретации языкового материала, а также метод дискурсивного анализа, позволивший интерпретировать выступления парламентариев в условиях институциональной парламентской коммуникации. Для выявления лингвостилистических особенностей текстов выступлений использовались элементы лексико-семантического и стилистического анализа.

В основе данного исследования лежит понятие жанра, введенного в научный обиход М.М. Бахтиным. Под речевыми жанрами ученый понимал относительно устойчивые в тематическом, композиционном и стилистическом планах высказывания [10, с. 159]. Приняв данное определение в качестве базового, лингвисты, тем не менее, вкладывают в понятие жанра разный смысл. Жанр рассматривается как разновидность функционально-речевого стиля [11, с. 85], как «средство индивидуализации текста, его соотнесения с условиями речевой деятельности» [12;с. 38], как «устойчивый тип риторического произведения» [13, с. 195] и т.д.

Актуальным подходом к интерпретации речевого жанра на сегодняшний день является его рассмотрение с точки зрения соотношения с дискурсом. Речевой жанр при таком подходе трактуется как единица дискурса и в этом качестве предстает как «некая устойчивая модель речевой деятельности, складывающаяся в определенной сфере общения под воздействием самых разных факторов коммуникативной ситуации» [14, с. 58]. Данная модель обладает предсказуемым набором языковых средств, действий, участников и тем [15, с. 35].

Важным подходом к интерпретации речевого жанра представляется его рассмотрение в тесной связи с понятием речевого или коммуникативного события. С этой позиции жанр определяется как форма речи, являющаяся частью того или иного события [16, с. 316]. В качестве примеров событий политической жизни, которые, по мнению Е.И. Шейгал, являются большей частью событиями коммуникативными, приводятся переговоры, визиты политических деятелей, избирательная компания, съезд партии и пр. [Там же]. Что касается парламентской коммуникации, то она имеет институциональный характер, поскольку осуществляется в рамках такого социально-политического института, как парламент, и представлена речевыми событиями, связанными с основной функцией данного института – обсуждением и принятием законов. В связи с этим в настоящем исследовании речевые жанры, реализующиеся в парламентском дискурсе, рассматриваются, вслед за К. Илие, как институционализированные формы речевых событий, приспособленные к реализации определенных институциональных целей [17, с. 8].

Институциональная коммуникативная среда оказывает ключевое влияние на жанровую организацию парламентского дискурса и определяет специфические характеристики каждого парламентского жанра, в том числе и жанра ПР.

Как показал анализ специальной литературы [4; 17; 18] и практика исследования, коммуникация в парламенте репрезентируется самобытной системой жанров, таких как дебаты, интерпелляции, письменные вопросы, «время вопросов», выступления (речи), заявления, отчеты, реплики, проекты законов, декларации, петиции, голосование, повестка дня и проч.

Жанровое своеобразие ПР как одного из жанров парламентского дискурса в данном исследовании определялосьна основании ряда жанрообразующих признаков, выделенных в работах М.М. Бахтина [10], Т.В. Шмелевой [19], К.А. Долинина [20, с. 43], О.В. Спиридовского [21, с. 6], Т. ван Дейка [22] и др., с учетом особенностей исследуемого материала.В процессе исследования установлено, что для описания специфики анализируемого речевого жанра релевантными являются следующие жанрообразующие признаки: событийная отнесенность, хронотоп общения (время и место), участники коммуникации и их статусно-ролевые характеристики, коммуникативная цель (интенция), форма коммуникации, содержательная структура выступления и особенности его языкового воплощения.

Анализ жанра ПР по перечисленным параметрам позволил сделать некоторые обобщения.

Прежде всего, необходимо отметить, что выступление с ПР относится к коммуникативным событиям циклического характера, которые подчинены строго узаконенному пятилетнему циклу. Такие события, как отмечает Е.И. Шейгал, происходят регулярно, в определенное время, по регламентированному сценарию [16, с. 317]. Выступление с ПР, подразумевающее официальное вступление нового парламентария в должность, является завершающим в ряде других событий данного цикла: предвыборной кампании и выборов в палату общин. Данные выборы, как известно, проводятся каждые пять лет в первый четверг мая, однако последние парламентские выборы в Великобритании были досрочными. Они состоялись 12 декабря 2019 года, в результате чего в британский парламент было принято 24 % новых парламентариев, которые впоследствии выступили с ПР.

Специфика хронотопа ПР заключается в том, что она обычно произносится в течение двух месяцев со дня выборов. Так, в результате парламентских выборов 2019 года период выступлений охватывал декабрь 2019 – февраль 2020 гг. Первые выступления новых парламентариев традиционно начинаются во время дебатов о речи королевы, которые обычно продолжаются шесть дней. Ежедневное количество выступающих в этот период составляет десять или более человек. В последующие дни ежедневное количество парламентариев, выступающих с ПР, варьируется в зависимости от объема законодательной работы. При этом оратор имеет возможность выбрать день, когда он хотел бы выступить с ПР, но точное время его выступления в течение дня определяет спикер. Продолжительность ПР ограничена во времени и, согласно регламенту, не должна превышать 10 минут.

ПР является частью такого сложного институционального речевого события, как парламентские дебаты, и участниками этого события являются все присутствующие в зале заседаний члены парламента и правительства, а также опосредованно – электорат. Организатором парламентских дебатов является спикер или его заместитель, который присваивает участникам коммуникативную роль адресанта.

Субъект ПР – политик, выступающий с первой речью, который был избран в палату общин парламента Великобритании впервые. Как и все члены парламента, он представляет позицию своей партии и интересы своих избирателей.

Адресатом ПР являются все члены парламента: как политические единомышленники, так и оппоненты, как избранные впервые, так и переизбранные, как те, кто уже выступили с ПР, так и те, кто еще ожидают своей очереди. Адресат ПР – это и избиратели новых парламентариев; несмотря на то, что они находятся за пределами парламента, субъект ПР всегда ориентируется и на них.

Необходимо отметить, что парламентарии, переизбранные на другой срок, и новые члены парламента имеют разный статус с точки зрения наличия у них опыта парламентской деятельности. Первые – это зрелые политики, имеющие за плечами многолетний опыт парламентских выступлений, ко второй группе парламентариев относятся начинающие политики, большинство из которых делают начальные шаги в своей парламентской карьере. Представляется, что статус нового члена парламента влечет за собой определенные недостатки и преимущества. С одной стороны, будучи избранными впервые, новые парламентарии, еще не владеют достаточным фондом знаний, необходимых для успешного взаимодействия в парламенте. С другой стороны, выступление в статусе «новичка» привлекает к оратору повышенное внимание аудитории и создает благоприятные условия для достижения его коммуникативной цели.

По наблюдениям Д. Антелми и Ф. Сантулли, коммуникативной целью первого выступления является самореклама оратора [9, с. 111]. Субъект ПР нацелен на то, чтобы продемонстрировать перед аудиторией свои сильные качества, публично заявить о своих убеждениях и намерениях, и произвести таким образом нужное впечатление на политических сторонников, оппонентов и избирателей.

Характерная особенность ПР состоит в том, что она реализуется в форме монолога. Однако, будучи частью такого сложного речевого события, как парламентские дебаты, ПР не лишена определенных признаков диалогизма. Так, в начале ПР происходит фатический обмен репликами между спикером (или его заместителем), приглашающим оратора к выступлению, и оратором, вступающим в общение.

Madam Deputy Speaker: *I am delighted to call, to make his maiden speech, Tom Hunt.*

Tom Hunt: *Thank you very much, Madam Deputy Speaker.*

(Госпожа заместитель спикера: *Рада пригласить выступить с первой речью Тома Ханта.*

Том Хант: *Благодарю Вас, госпожа заместитель спикера*).

Кроме того, несмотря на то, что прерывать ПР не принято, иногда за счет реплик и выкриков с места монолог в ходе выступления оратора переходит в особого рода диалог. Такие реплики, подчеркивает Л.Г. Шамугия, «меняют структурную типологию парламентского дискурса по параметрам «диалогический-монологический» в пользу диалогизма парламентского дискурса» [23, с. 184]. Данные речевые интервенции в исследуемом материале направлены на выражение поддержки и солидарности в адрес оратора.

David Johnston: *North-west of that is Faringdon, which is another very picturesque market town. It holds a special place in my heart because it is where they held the meeting to select the Conservative candidate for Wantage.*

Ben Bradley: *A historic moment.*

David Johnston: *Indeed; another one.*

(Дэвид Джонстон: *К северо-западу от нее находится Фарингдон, который является еще одним весьма живописным торговым городом. Он занимает особое место в моем сердце, потому что именно здесь состоялось собрание, посвященное выборам кандидата от консервативной партии в Вантедж.*

Бен Брэдли: *Исторический момент.*

Дэвид Джонстон: *Действительно, еще один*).

Следует упомянуть, что жанр ПР реализуется в устной форме, но, очевидно, имеет письменную основу, которая, по наблюдениям О. Н. Паршиной, ослабляет, а часто исключает спонтанность речи [24, с. 55]. Пользуясь терминологией данного автора, можно сказать, что ПР не является импровизационном жанром, она продумывается, готовится, письменно фиксируется заранее и впоследствии, чтобы уложиться в жесткие временные рамки, зачитывается.

Содержание и языковое воплощение ПР во многом обусловлены регламентом, традициями и профессиональным этикетом.

Обязательными содержательными составляющими ПР, согласно рекомендациям для новых членов британского парламента, должны быть положительная характеристика избирательного округа выступающего и положительный отзыв о коллеге, который занимал эту должность ранее. Другие рекомендации к содержанию ПР предписывают отсутствие полемических вопросов в тексте выступления и соответствие выступления теме заседания [25].

Установлено, что в исследуемый период в текстах ПР нашли отражение следующим темы: «Великобритания в мире», «Выход из Европейского Союза», «Безопасность», «Образование», «Транспорт», «Телекоммуникации», «Выплаты фермерам», «Полиция и преступность», «Уклонение от налогов», «Бездомность населения», «Финансирование системы здравоохранения», «Развитие сельского хозяйства», «Охрана окружающей среды».

В основе содержательной структуры ПР зафиксирован ряд смысловых блоков, которые, как показал проведенный анализ, в том или ином видеприсутствуют во всех выступлениях парламентариев. Последовательность содержательных элементов ПР, их объем и языковое наполнение могут варьироваться в зависимости от замысла оратора. Описание этой вариативности, а также всесторонний анализ средств языка, используемых в рамках ПР, не входят в задачи данного исследования.

Рассмотрим характерные особенности каждого из данных смысловых блоков и типичные средства их языкового наполнения.

1. Выражение благодарности спикеру за предоставленное слово, поздравление спикера с избранием или переизбранием, а также поздравление новых членов парламента, которые произнесли свои речи.

Рассматриваемый смысловой блок открывает выступление оратора. Для данной части выступления характерно использование клишированных формул приветствия (*it is wonderful lto see you– рад(а) вас видеть, it is an honour for me to be here – для меня честь быть здесь*), благодарности (*thank you very much – большое спасибо, I am grateful l– я признателен/признательна*) и поздравления (*I congratulate – поздравляю*), с помощью которых реализуется фатическая функция коммуникации, заключающаяся в установлении и поддержании контакта.

Jane Hunt: ***Thank you**, Mr Deputy Speaker, for allowing me to make my maiden speech during this debate. I **thank** the hon. Member for Ellesmere Port and Neston (Justin Madders) for his contribution, and all other colleagues for their fantastic contributions and maiden speeches.*

(Джейн Хант: *Благодарю Вас, господин заместитель спикера, за возможность выступить с первой речью в ходе этих дебатов. Я благодарю уважаемого члена парламента, представляющего Элсмир-Порт и Нестон (Джастина Мэддерса) за его вклад в эту дискуссию, и всех остальных коллег за их фантастический вклад и первые речи*).

2. Выражение почтения предшественникам нового члена парламента, представляющее собой оценку деятельности парламентариев, которые занимали данный пост в парламенте ранее.

Оценке подвергаются личные и профессиональные качества предшественника, его деятельность в парламенте, вклад в развитие региона, опыт совместного общения в прошлом. Диапазон оценки варьируется от краткого сдержанного признания заслуг предшественника до его восхваления. В первом случае говорящий ограничивается лексическими единицами с семой «благодарность», «уважение» (*thank – благодарить, pay tribute – отдавать дань уважения, pay respect – засвидетельствовать почтение, well respected – пользующийся большим уважением*).

Wendy Chamberlain: *I **pay tribute** to my most recent predecessor, Stephen Gethins, who served North East Fife with distinction from 2015. It is clear from my few days here that he was well liked and well **respected** by Members across the House. I **recognise** the work of his parliamentary team in the constituency.*

(Венди Чемберлен: *Я отдаю дань уважения моему недавнему предшественнику, Стивену Гетинсу, который безупречно служил Северо-Восточному избирательному округу Файф с 2015 года. За несколько дней моего пребывания здесь мне стало очевидно, что он был любим и уважаем всеми членами палаты общин. Я выражаю признание деятельности его парламентской команды в этом избирательном округе*).

Во втором случае, помимо названных лексических единиц, используются лексемы с оценочной семантикой (*good – хороший, remarkable – замечательный, outstanding – выдающийся, hard-working – трудолюбивый*), идиомы (*have big shoes to fill – иметь перед собой высоко поднятую планку, take one's hat off – снимать шляпу*), количественные числительные, подчеркивающие продолжительный опыт работы предшественника (*served his constituents for 27 years – служил своим избирателям в течение 27 лет*).

Danny Kruger: *I rise for the first time in this place as the hon. Member for Devizes and as the successor to my friend, the **great** Claire Perry O'Neill. Claire was a **brilliant** Minister in several Departments, and she **brought huge zest and zeal** to her work in government. Most of all, however, she was a **great** campaigner for our constituency. We owe her for the faster, better trains through Pewsey and Bedwyn and for the superfast broadband that is now enjoyed by our communities.*

(Дэнни Крюгер: *Я впервые выступаю в этом месте в качестве уважаемого члена парламента от г. Девайзес и преемника моей подруги, замечательной Клэр Перри О'Нил. Клэр блестяще исполняла обязанности министра в нескольких департаментах, она также проявила огромный энтузиазм и рвение, работая в правительстве. Однако прежде всего она зарекомендовала себя как отличный агитатор за наш избирательный округ. Мы обязаны ей более быстрыми и качественными поездами, курсирующими по Пьюси и Бедвину, а также сверхбыстрой широкополосной связью, которой теперь пользуется наше население*).

3. Описательно-оценочная характеристика избирательного округа парламентария, охватывающая описание географического положения, исторического прошлого, достопримечательностей региона, его жителей.

Данная характеристика осуществляется с помощью особых средств языка, способных создавать эффект речевой выразительности и образности: эпитетов (*landscape of vivacious variety and beauty – пейзаж жизнерадостного разнообразия и красоты, the picturesque aside town – живописный приморский городок, idyllic villages – идиллические деревушки*), метафор (*the ancient heart of England – древнее сердце Англии, a true melting pot – настоящий плавильный котел, the real driving force – настоящая движущая сила, the jewelin the crown – жемчужина, венец*), лексем с положительной оценочной семантикой и квазиоценочных лексем (*excellent – превосходный, outstanding – выдающийся, wonderful – чудесный, the best – лучший; the first – первый, the largest – самый большой, the oldes – самый старый, the longest – самый длинный*), топонимов (*Wales – Уэльс, Hertfordshire – Хартфордшир, Dover – Дувр, the Thames – Темза, Rest bay–залив Рест*), прецедентных имен (*Benjamin Disraeli – Бенджамин Дизраэли, Queen Victoria – королева Виктория, Charles Dickens – Чарльз Диккенс, Lad yGodiva – леди Годива*).

4. Описание актуальных проблем представляемого избирательного округа, презентация политических убеждений, декларация приоритетов в будущей деятельности.

Для данного смыслового блока ПР характерно использование лексических единиц с отрицательной оценочной семантикой (*deprivation–лишения, frustration–крах, unhealthy–нездоровый, the worst–наихудший*), лексем семантического поля «проблемы» (*challenges–испытания, проблемы, issue – проблема, вопрос, problem – проблема, concerns – озабоченности, crime – преступность, crisis – кризис*) и «планы» (*plans – планы, priority – приоритетная задача, agenda – повестка дня*), глаголов интенционального состояния и намерения (*want – хотеть, would like – хотелось бы, intend – намереваться*), глаголов действия, которые несут в себе идею созидания (*protect – защищать, improve – улучшать, fight – бороться, support – поддерживать*), процессуальных глаголов (*change – изменять*), модальных глаголов со значением долженствования (*must – должен, должны, should – следует*), шаблонных конструкций (*I will continue – я продолжу, I will work – я буду работать*), риторических приемов, основанных на повторах, таких как лексические повторы, анафоры, параллельные конструкции.

David Johnston: *If the key **challenges** of my constituency can be summed up in one word, it is infrastructure. In different parts of the constituency, that means different things. In some places **it is about** road safety and trying to reopen Grove station …; in other parts **it is about** GP appointments and school places. In the more rural areas **it is about** broadband. I know that lots of these **issues** are familiar to Members on both sides of the House.*

(Дэвид Джонстон: *Если ключевые проблемы моего избирательного округа можно выразить одним словом, то это слово – «инфраструктура». В разных частях избирательного округа имеются разные проблемы с инфраструктурой. В некоторых местах речь идет о безопасности дорожного движения и попытках вновь открыть станцию Гроув …; в других частях избирательного округа речь идет о приеме к терапевту и наличии мест в школах. В сельских районах речь идет о широкополосной связи. Я знаю, что многие из этих проблем знакомы членам парламента, находящимся по обе стороны палаты общин*).

5. Репрезентация личности говорящего, демонстрация опыта и компетентности.

В данной части выступления субъект ПР сообщает информацию о различных аспектах своей личности: об этническом происхождении, месте рождения и жительства, о личных качествах, семье, образовании, допарламентской профессиональной деятельности, профессиональных достижениях и т.д. С этой целью оратором широко используются лексические единицы, принадлежащие к соответствующим тематическим сферам, таким как «профессиональная и политическая деятельность личности» (*correspondent – корреспондент, lawyer – юрист; Labour Member – член лейбористской партии, Liberal Democrat – либеральный демократ*), «этническая принадлежность человека» (*Ghanaian – ганец*), «региональная принадлежность» (*Londoner – лондонец, Ponty born and bred – коренной житель Понти*), «семейный статус» (*daughter – дочь, wife – жена*) и т. д. Предоставляемая личная информация «вплетается» в тематический контекст речи, связанный с темой дебатов или проблемами региона.

Virginia Crosbie: *My grandfather was a miner in Wales for 47 years, and my mother worked in a jam factory. I am the first person in my family to have stayed on at school beyond the age of 16…. I am a scientist. My degree is in microbiology. I worked in pharmaceuticals and more recently I taught maths. …. I am proud that I am one of the 220 women MPs in this place. …. I would like to end by saying that I am a mother, a wife and a friend.*

(Вирджиния Кросби: *Мой дедушка проработал шахтером в Уэльсе 47 лет, а моя мать работала на фабрике по производству джемов. Я первая в нашей семье, кто смог продолжить обучение в школе после достижения шестнадцатилетнего возраста. … Я ученый. Моя ученая степень – в области микробиологии. Я работала в фармацевтике, а в последнее время преподавала математику. … Я горжусь тем, что являюсь одной из 220 женщин-депутатов в этом парламенте. … В заключение я хотела бы сказать, что я мать, жена и друг*).

6. Выражение благодарности избирателям за доверие, обещание оправдать оказанное доверие в будущем.

Данный смысловой блок завершает выступления парламентария. Его отличительной особенностью является широкое применение клишированных фраз, придающих речи торжественный тон (*I am proud – я горжусь, I pledge – я обещаю, I will work as hard as I can – я буду работать как можно усерднее, I will fight– я буду бороться*) и цитат, повышающих убедительность речи оратора.

Fay Jones: ***I thank*** *every single one of my constituents – those who put their faith in me and those who did not.* ***It is the honour*** *of my life to serve them all and to serve in this one nation Conservative Government.*

(Фэй Джонс: *Я благодарю каждого из моих избирателей – тех, кто поверил в меня, и тех, кто этого не сделал. Для меня большая честь служить им всем и работать в этом консервативном правительстве «одной нации»*).

Greg Smith: *I cannot better conclude than by quoting Margaret Thatcher's closing words in her speech to the National Farmers Union in 1986: "There is an independence and a stability in farming upon which Britain depends and which Britain cannot afford to lose. ... Agriculture means so much, our farming future must be assured."*

(Грег Смит: *Лучшим завершением моего выступления будет обращение к заключительным словам Маргарет Тэтчер, которые она произнесла в своей речи перед Национальным союзом фермеров в 1986 году: «В сельском хозяйстве есть независимость и стабильность, от которых зависит Британия, и которые Британия не может позволить себе потерять. … Сельское хозяйство значит так много, что наше фермерское будущее должно быть обеспечено»*).

Итак, проведенное исследование показало, что жанр первой речи члена парламента занимает особое место в жанровом пространстве парламентского дискурса. Специфика данного жанра во многом определяется институциональным характером парламентской коммуникации, основанной на строгом регламенте, особых парламентских традициях и профессио-

нальном этикете. Основными жанровыми характеристиками первой речи члена парламента являются следующие: привязанность к определенному политическому событию циклического характера; фиксированность в пространстве и времени; статус нового, впервые избранного члена парламента как статусно-ролевая характеристика адресанта; ориентация на реализацию особой коммуникативной цели: саморекламы оратора; устная монологическая форма речи, имеющая заранее подготовленную письменную основу; «запрограммированное» содержание текста речи. Благодаря широкому использованию в тексте выступления клишированных выражений, оценочной лексики, выразительных средств языка и разнообразных стилистических приемов первая речь члена парламента отличается высокой степенью ритуальности, экспрессивности и убедительности.

Библиографический список

1. Ширяева Т.А., Триус Л.И., Багиян А.Ю. Парламентский дискурс: социокультурные практики и языковое воплощение. Казань: Бук, 2020. 147 с.

2. Vallée-Dubois F., Godbout J.-F., Cochrane Ch. Parliamentary Debates in Canada (1901–2015) // Canadian Journal of Political Science. 2021. № 54 (4). P. 1–22. URL: https://doi.org/10.1017/S0008423921000718 (дата обращения: 16.12.2023).

3. Лазуткина Е.М. Парламентские жанры // Культура парламентской речи. М.: Наука, 1994. С. 34–45.

4. Матвеева Г.Г., Зюбина И.А., Лесняк М.В. Особенности жанровой системы парламентского дискурса // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 133–140.

5. Ilie C. Evasive answers vs. aggressive questions. Parliamentary confrontational practices in Prime Minister's Questions // Questioning and Answering Practices across Contexts and Cultures. Amsterdam: John Benjamins, 2021. P. 35–70. URL: https://doi.org/10.1075/pbns.323.02ili (дата обращения: 16.12.2023).

6. Khan A. Imran Khan's Maiden Speech: A Critical Discourse Analysis // Global Political Review. 2021. № VI (II). P. 155–163. URL: https://doi.org/10.31703 /gpr.2021(VI-II).18 (дата обращения: 25.12.2023).

7. Савко Д.Д., Савко А.А. Языковое выражение маскулинных тактик в первой речи Терезы Мэй в качестве премьер-министра // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. Гомель: Гомельский гос. ун-т, 2021. С. 152–157.

8. Anuar N., Ngadiran N. Md. An Appeal to the People: Politeness Strategies in the Malaysian Prime Minister's Maiden Speech // International Journal of Modern Languages and Applied Linguistics. 2021. Vol. 5. Iss. 2. P.1-19. URL: https://doi.org/10.24191/ijmal.v5i2.13206 (дата обращения: 25.12.2023).

9. Antelmi D., Santulli F. The Presentation of a New Government to Parliament from Ritual to Personalisation: A Case Study from Italy // European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 111–134.

10. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. М.: Рус. слов., 1996. Т. 5. С. 159–206.

11. Разинкина Н. М. Некоторые общие проблемы функционально-речевого стиля // Особенности стиля научного изложения. М.: Наука, 1976. С. 83–103.

12. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

13. Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2000. 349 с.

14. Алефиренко Н.Ф. Проблема соотношения речевого жанра и дискурса // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 2. С. 56–59.

15. Scollon R., Wong Scollon S. Intercultural Communication: A Discourse Approach. Blackwell Publishing, 2001. 316 p.

16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.

17. Ilie C. Introduction // European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices. Amsterdam, John Benjamins, 2010. P. 1–25.

18. Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е. Парламентский дискурс: динамика жанрового пространства французского парламента // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2016. С. 13–15.

19. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 91–96.

20. Долинин К.А. Интерпретация текста: французский язык. М.: КомКнига, 2005.298 с.

21. Спиридовский О.В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.

22. Dijk Teun van A. Text and Context of Parliamentary Debates // Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 339–372.

23. Шамугия Л.Г. Особенности французского институционального дискурса: парламентские дебаты // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. № 3. С.183–186.

24. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. …д-ра филол. наук. Саратов, 2006. 325 с.

25. Maiden Speeches: Guidance for New Members.URL: https://www.parliament.uk/globalassets /documents/commons/executive/commons-briefing-note-2-maiden-speech.pdf (датаобращения: 10.05.2023).

References

1. Shiryaeva T.A., Trius L.I., Bagiyan A. Y. Parliamentary discourse: socio-cultural practices and linguistic embodiment. Kazan, 2020. 147 p.

2. Vallée-Dubois F., Godbout J.-F., Cochrane Ch. Parliamentary Debates in Canada (1901–2015) // Canadian Journal of Political Science. 2021. Vol. 54 (4). P. 1–22. URL: https://doi.org/10.1017/S0008423921000718 (date of application: 16.12.2023).

3. Lazutkina E.M. Parliament genres // Culture of Parliament Speech. Moscow, 1994. P. 34–45.

4. Matveeva G.G., Zyubina I.A., Lesnyak M.V. Peculiarities of parliamentary discourse genre system // Political Linguistics. 2016. Vol. 4 (58). P. 133–140.

5. Ilie C. Evasive answers vs. aggressive questions. Parliamentary confrontational practices in Prime Minister’s Questions //Questioning and Answering Practices across Contexts and Cultures. Amsterdam: John Benjamins, 2021. P. 35–70. URL: https://doi.org/10.1075/pbns.323.02ili (date of application: 16.12.2023).

6. Khan A. Imran Khan’s Maiden Speech: A Critical Discourse Analysis // Global Political Review. 2021. Vol. VI (II). P. 155–163. URL: https://doi.org/10.31703/gpr.2021(VI-II).18 (date of application: 25.12.2023).

7. Savko D.D., Savko A.A. Linguistic expression of masculine tactics in Theresa May's maiden speech as Prime Minister // Current issues in Romano-Germanic philology and methods of teaching foreign languages. Gomel: Gomel State University Publ., 2021. P. 152–157.

8. Anuar N., Ngadiran N. Md. An Appeal to the People: Politeness Strategies in the Malaysian Prime Minister’s Maiden Speech //International Journal of Modern Languages and Applied Lin-

guistics. 2021. Vol. 5. Iss. 2. P. 1-19. URL: https://doi.org/10.24191/ijmal.v5i2.13206 (date of application: 25.12.2023).

9. Antelmi D., Santulli F. The Presentation of a New Government to Parliament from Ritual to Personalisation: A Case Study from Italy // European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 111–134.

10. Bakhtin M.M. The problem of speech genres. Moscow, 1996. Vol. 5. P. 159–206.

11. Razinkina N.M. Some common problems of functional-speech style // Features of the style of scientific presentation. Moscow, 1976. P. 83–103.

12. Chudinov A.P. Political Linguistics. Moscow, 2006. 256 p.

13. Anisimova T.V. Typology of business speech genres: the rhetorical aspect: thesis … Doctor of Philology. Krasnodar, 2000. 349 p.

14. Alefirenko N.F. The problem of the correlation of speech genre and discourse // RUDN Journal of Russian and foreign languages research and teaching. 2009. Vol. 2. P. 53–61.

15. Scollon R., Wong Scollon S. Intercultural Communication: A Discourse Approach. Blackwell Publishing, 2001. 316 p.

16. Sheygal E.I. Semiotics of Political Discourse: thesis… Doctor of Philology. Volgograd, 2000. 431 p.

17. Ilie C. Introduction //European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 1–25.

18. Alferov A.V., Kustova E.Y., Popova G.E. Parliamentary discourse: the dynamics of genre space of the French Parliament // Political linguistics: problems, methodology, aspects and prospects for the development of the research area. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 2016. P.13–15.

19. Shmeleva T.V. Model of speech genre // Genres of speech. Saratov, 1997. P. 91–96.

20. Dolinin K.A. Text interpretation: French language. Moscow, 2005. 298 p.

21. Spiridovskiy O.V. Linguistic and cultural characteristics of American presidential rhetoric as a type of political discourse: abstract of the thesis … PhD in Philology. Voronezh, 2006. 23 p.

22. Dijk Teun van A. Text and Context of Parliamentary Debates // Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 339–372.

23. Shamugiya L.G. Specific features of the French institutional discourse: parliament's debates //Adyghe State University Herald. 2012. Vol. 3. P.183–186.

24. Parshina O.N. Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia:thesis… Doctor of Philology. Saratov, 2004. 325 p.

25. Maiden Speeches: Guidance for New Members. URL: https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons/executive/commons-briefing-note-2-maiden-speech.pdf (date of application: 10.05.2023).

УДК 81'42:551.5-047.37=111
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.002

Кубанский государственный университет
Старший преподаватель
кафедры прикладной лингвистки
и новых информационных технологий
Бычкова О. Н.
Россия, г. Краснодар
тел: +79183261089
e-mail: sky.05@bk.ru

Kuban State University
The chair of applied linguistics
and information technology
Senior lecturer
Bychkova O. N.
Krasnodar, Russia
tel. +79183261089
e-mail: sky.05@bk.ru

О. Н. Бычкова

ИНТЕГРАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается опыт использования интегрального подхода в дискурсивных исследованиях, уточняется понятие метеорологического дискурса, приводятся основные и наиболее наглядные результаты интегрального анализа англоязычного метеорологического дискурса, проведенного на материале нескольких публикаций, однако в рамках статьи дается анализ только одной из них. Цель работы заключается в выявлении и описании содержательных языковых средств и компонентов репрезентации метеорологической действительности в англоязычном дискурсе. Предметом исследования выступают языковые средства объективизации погодно-климатической реальности, изучаемые, согласно интегральной теории, на нескольких уровнях: языковом, когнитивном, социальном и культурном. В качестве источников материала выступают отобранные методом сплошной выборки публикации, описывающие метеорологическую обстановку в средствах массовой информации (интернет-сайты англоязычных изданий ‘The Times’, ‘The Economist’, ‘The Guardian’, ‘The Independent’, ‘The New York Times’). Актуальность исследования заключается в важности дальнейшего комплексного, многоаспектного изучения дискурса. Также немаловажна значимость самого объекта исследования – метеорологического дискурса как средства познания мировосприятия представителей англоязычного общества. Положенные в основу анализа лингвистические интерпретационные методы и приемы позволили выявить интегральный характер англоязычного метеорологического дискурса.

Ключевые слова: англоязычный метеорологический дискурс, интегральный подход, интегральный анализ, уровни интегрального анализа, универсальная модель.

O.N. Bychkova

AN INTEGRAL STUDY OF THE ENGLISH METEOROLOGICAL DISCOURSE

The article considers the attempts of using an integral approach in discursive research, specifies the concept of meteorological discourse, provides the main and most visible results of an integral analysis of English meteorological discourse with special reference to the contents of several newspaper publications, however, the article deals with only one of them. The purpose of this work is to identify and describe meaningful linguistic means and components of the representation of meteorological reality in English-language discourse. The subject of the research is the linguistic means of weather and climatic reality objectification, studied according to the integral theory, at several levels: linguistic, cognitive, social and cultural. The sources of the research material are selected by a continuous sampling method and constitute publications describing the meteorological situation in the media (the websites of the English-language publications ‘The Times’, ‘The Economist’, ‘The Guardian’, ‘The Independent’, ‘The New York Times’). The relevance of the research lies in the importance of further comprehensive, multidimensional discourse studies. Also, the significance of the research object itself is of no less importance – meteorological discourse being a means of understanding the worldview of the representatives of the English-speaking society. The linguistic, interpretative methods

© Бычкова О.Н., 2024

and techniques used as the basis of the analysis allowed us to identify the integral nature of the English meteorological discourse.

Keywords: meteorological discourse, integral approach, integral analysis, levels of integral analysis, universal model.

Стремление ученых к интегральному – комплексному, многоаспектному – исследованию дискурса свидетельствует о признании сложной природы данного понятия, требующей изучения не только его лингвистической структуры, но и соответствующих междисциплинарных составляющих, обнаруживающих культурную, социальную, психологическую и др. взаимосвязь с изучаемым объектом.

Попытки создать универсальную модель дискурс-анализа предпринимались на разных этапах развития лингвистики. О комплексном лингвистическом исследовании еще в XX веке высказывались В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Л.В. Щерба, Р. Якобсон и др.

Более детально разностороннему изучению на тот момент пока только текста стали уделять внимание в конце 20 – начале 21 вв. О.И. Ревуцкий разработал модель поуровневого анализа текста на шести этапах [1]. Н.С. Болотнова предложила интегративное описание системно-структурной организации текста, выделив два универсальных уровня (информационно-смысловой и прагматический), рассматриваемых с лингвистической и экстралингвистической точек зрения [2]. Четырехуровневую модель языка предложила М.В. Всеволодова, выделив содержательный, грамматический, коммуникативный уровни и уровень языковых механизмов [3].

Среди комплексных дискурсивных исследований можно выделить системно-деятельностную модель дискурса Е.В. Сидорова [4], когнитивно-дискурсивный подход Е.С. Кубряковой [5], модель функциональной стилистики М.Н. Кожиной [6]. Ю.В. Данюшина провела системное лингвистическое описание сетевого бизнес-дискурса, предложив комбинирование традиционных дескриптивных подходов к исследованию с интенциональным социально-ориентированным дискурс-анализом [7].

Однако наибольший интерес вызвала общая интегральная теория К. Уилбера, в которой он попытался совместить большое разнообразие теорий в единую структуру, назвав ее AQAL (all quadrants all levels) [8]. В основе его «всесекторной, всеуровневой» модели лежит всеобъемлющий синтез всех элементов, рассредоточенных по четырем квадрантам, являющимися неупрощаемыми основами интерпретации природы вещей в мире или картины мира. Выделенные квадранты воплощают внутренние и внешние стороны индивидуального и коллективного, а именно:

- внутренняя проекция «я» интерпретирует индивидуальное внутреннее, субъективное;
- внутренняя проекция «мы» интерпретирует коллективное внутреннее, межсубъективное;
- внешняя проекция «оно» рассматривает внутренний опыт как образец для изучения индивидуального внешнего, объективного;
- внешняя проекция «они» фокусируется на поведении множества людей как функциональных сущностей, видимых извне; коллективное внешнее, межобъективное [8].

Данный интегральный подход применяется во многих областях человеческого знания, в том числе в лингвистике. Расширяя рамки исследования, интегральная концепция претендует на целостность и всеохватность изучения языковых объектов. На сегодняшний день концепция интегрального подхода активно развивается во многих научных работах, например, Л.В. Фот (2014), Е.В. Кравцовой (2016), И.Ю. Парулиной (2020), М.Г. Денисенко (2021), О.М. Силкиной (2021), М.Е. Евстигнеевой (2023) и др.

В дискурсивных исследованиях наиболее полно теория К. Уилбера была адаптирована Т.Н. Хомутовой, предложившей в рамках интегрального подхода рассматривать язык как объект, рассредоточенный по четырем секторам: когнитивному, языковому, культурному и социальному. Объединяющим фактором выступает коммуникативная (речевая) деятель-

ность, в процессе которой происходит активация элементов всех четырех секторов, обусловленных взаимной связью [9].

Таким образом, в интегральной теории дискурса автор выделяет когнитивный сектор как фрагмент знания определенной предметной области, социальный сектор как отражение социального пространства, культурный сектор как фрагмент культуры, базирующийся на национальных культурных ценностях и языковой сектор как фрагмент языка, выражающий с помощью языковых средств социально и культурно значимую действительность. Коммуникативная деятельность активирует все четыре взаимосвязанных между собой сектора, образуя единое целое [10].

Несмотря на достаточно продолжительную историю дискурсивных исследований, до сих пор не сложилось единого согласованного определения, раскрывающего сущность, содержание и основные черты метеорологического дискурса. Насколько нам известно, комплексный анализ англоязычного метеорологического дискурса не проводился. Имеющиеся в этой области лингвистические изыскания носят исключительно аспектный характер, т.е. рассматривают отдельные явления и стороны изучаемого объекта.

Поэтому применение интегрального подхода к анализу дискурса позволит наиболее целостным и эффективным способом провести всестороннее изучение языковых объектов. Опираясь на предложенную Т.Н. Хомутовой интегральную модель дискурса (2015), мы считаем целесообразным и перспективным рассмотреть англоязычный метеорологический дискурс как интегральный объект, состоящий из фрагментов языка, культуры, знания и социального пространства в их полном единстве и взаимосвязи.

В рамках проводимого исследования под метеорологическим дискурсом понимается тематически обусловленная коммуникативная деятельность, результатом которой является совокупность высказываний, текстов, содержательно относящихся к (описанию) погодно-климатической действительности. Коммуникативная деятельность в англоязычном метеорологическом дискурсе представлена на четырех уровнях – языковом, когнитивном, социальном и культурном.

Языковой уровень как фрагмент специального подъязыка характеризуется языковыми средствами и категориями, выражающими знания о метеорологической действительности, её ценностно-смысловую (культурную) составляющую и социальное интерпретирование.

Социальный уровень отражает социальное пространство англоязычного метеодискурса, характеризующееся прагматической ориентированностью, с установкой на формирование определенного восприятия меняющейся погодно-климатической реальности с помощью соответствующих тактик, стратегий, используемых участниками коммуникации (метеорологами, климатологами, журналистами).

На культурном уровне англоязычный метеорологический дискурс представляет собой фрагмент англоязычной культуры с универсальными и культурно-специфическими ценностными ориентирами, выражающими иерархию целей и приоритетов носителей англоязычной культуры, важных для понимания национально-культурной специфики организации и содержания речевого общения.

Когнитивный уровень основывается на механизмах сознания, задействованных при освоении метеорологической действительности. Наиболее наглядно когнитивные процессы вербализации реализуются посредством метафоризации и неологизации.

Все четыре уровня вступают в согласованное взаимодействие в процессе коммуникации, образуя единое взаимообусловленное целое.

Для подтверждения гипотезы об интегральной природе англоязычного метеорологического дискурса был проведен анализ нескольких публикаций метеорологического содержания. В рамках данной статьи приводится краткий обзор одной из проанализированных статей, опубликованной на сайте британской ежедневной газеты ‘The Guardian’. В статье рассказывается о периоде аномальной жары (*heatwave*) во Франции и Испании в июле 2022 и

последствиях, вызванных этим погодным явлением. Ниже приводится полный текст публикации и результаты интегрального анализа.

'Heat apocalypse' warning in western France as thousands flee wildfire

Mon 18 Jul 2022

Jon Henley in Paris and Sam Jones in Madrid

Nearly 25,000 escape blaze sparked by southern European heatwave that has already killed hundreds of people

Meteorologists have warned of a "heat apocalypse" in western France as more than 8,500 further people fled their homes to escape a large wildfire sparked by a searing southern European heatwave that has already caused hundreds of deaths.

Nearly 25,000 people have been forced to abandon homes, holiday rentals and campsites for emergency shelters in the Gironde département west of Bordeaux, while blazes in Spain, Portugal and Greece have forced thousands more to flee.

Temperatures across southern Europe showed some sign of abating on Monday as the heatwave, during which temperatures have surpassed 40C (104F) across much of the region, moved north, including towards Britain, which was set for its hottest day on record.

"It never stops," said David Brunner, one of 1,500 firefighters battling to control the Gironde blaze, which since Tuesday has destroyed 14,000 hectares of pine forest near the Dune du Pilat, Europe's highest sand dune and a summer tourism hotspot. "In 30 years of firefighting I have never seen a fire like this."

An area 5.5 miles long (9km) and 5 miles wide was still burning near the dune on Monday, with temperatures in the area forecast to hit 44C.

"We're climate change refugees," Théo Dayan, 26, told Le Monde after fleeing his home near the village of La Teste-de-Buch. Jean-Luc Gleyze, the head of the local fire service, said: "We're not reaching out and touching global heating – it's hitting us full in the face."

France's interior ministry announced it would send an extra three firefighting planes, 200 firefighters and more trucks. "In some south-western areas it will be a heat apocalypse," the meteorologist François Gourand told Agence France-Presse.

Fifteen départements have been placed on the highest state of alert for extreme temperatures, including Brittany, where the coastal city of Brest was set to hit 40C on Monday, nearly twice its usual average for July.

The extreme temperatures of the past week have directly claimed at least four lives in ***Spain*** *and fanned dozens of wildfires – many still burning – that have seared almost 30,000 hectares (75,000 acres) across the country.*

As fires continued to burn in Zamora province, video footage shot on a train from Madrid to Galicia on Monday carriage. "Moments of panic on the Madrid-Ferrol train near Zamora-Sanabria, 9.30am," Francisco Seoane Pérez, a journalism lecturer, wrote on Twitter. "The train carried on after stopping for a few minutes." Spain's national rail company, Renfe, said no passengers had been in danger at any time.

Also on Monday, the regional government of Castilla y León said the body of a 69-year-old man, reported to have been a shepherd, had been found in a burnt-out area near the small town of Escober de Tábara in Zamora. The previous day, authorities in the region also confirmed the death of a firefighter, Daniel Gullón Vara, who died fighting the flames in the same province. A 50-year-old man died from heatstroke on Sunday in Torrejón de Ardoz, near Madrid.

A 60-year-old street sweeper died after developing heatstroke while working in Madrid on Friday afternoon, prompting the city council to announce flexible working hours to allow municipal employees to avoid the hottest periods of the day.

In the south of the country, more than 3,200 people fled fires in the Mijas hills, not far from Málaga, though some were able to return later. Spain's Carlos III public health institute said 510 deaths were attributable to the heat between Sunday 10 July and Saturday 16 July - 150 of whom died on Saturday alone.

During a visit to the south-western region of Extremadura on Monday morning, Spain's prime minister, Pedro Sánchez, paid tribute to Gullón Vara and said the events of the previous week were further evidence of the climate crisis. "I want to make something very clear," he said. "Climate change kills: it kills people, as we've seen; it also kills our ecosystem, our biodiversity, and it also destroys the things we as a society hold dear – our houses, our businesses, our livestock."

The heatwave in Spain, with highs of 45C and record-breaking temperatures across many parts of the country, is forecast to end on Monday.

In neighbouring Portugal – where temperatures hit 47C last week – the fires have been brought under control after destroying 12,000-15,000 hectares of land, killing two people and injuring 60 others.

Temperatures dropped over the weekend, but the risk of wildfires remained very high, according to the Portuguese Institute of Meteorology (IPMA). More than 1,000 firefighters, backed by 285 vehicles and 14 aircraft, were battling nine ongoing wildfires, mainly in the country's northern regions, authorities said.

As the hot air mass pushes north, Belgium and Germany are among the countries expecting the heatwave to hit them in coming days. Britain may also be on course for its hottest day on record.

The government issued a red extreme heat warning for the first time, while trains were cancelled, some schools closed early and ministers urged the public to stay at home.

"We hoped we wouldn't get to this situation, but for the first time ever we are forecasting greater than 40C in the UK," said Nikos Christidis at the Met Office. The country's previous high, 38.7C, was recorded in Cambridge in 2019.

After a report concluded that weather catastrophes triggered by the climate crisis had cost Germany at least €80bn (£68bn) since 2018, Germany's environment minister, Steffi Lemke, said the "horrifying" data showed the "enormous damage" of the climate crisis.

The report, published on Monday and commissioned by the economy and environment ministries, estimated that the financial impact of drought, floods and extreme heat in Germany between 2000 and 2021 was nearly €145bn, most of it in recent years.

"The numbers sound the alarm for more prevention when it comes to the climate," Lemke said. "We have got to and will invest more in climate protection and adaptation to protect our people."

Heatwaves are happening more often, are more severe, and are lasting longer because of human-induced climate change. The world has warmed by about 1.1C since the start of the industrial era and temperatures will keep rising unless carbon emissions fall sharply [12].

Предупреждение о «температурном апокалипсисе» на западе Франции: тысячи людей спасаются бегством от лесных пожаров

Понедельник, 18 июля 2022 г.

Джон Хенли в Париже и Сэм Джонс в Мадриде

Почти 25000 людей вынуждены спасаться от природного пожара, вызванного аномальной жарой, которая уже унесла жизни сотен людей на юге Европы

Метеорологи предупредили о «температурном апокалипсисе» на западе Франции, в то время как на юге Европы более 8500 человек покинули свои дома, спасаясь от крупного лесного пожара, вызванного изнуряющей жарой, которая уже привела к сотням смертей.

Почти 25000 человек были вынуждены покинуть свои дома, места отдыха и кемпинги в поисках временных убежищ в департаменте Жиронда к западу от Бордо, тогда как пожары в Испании, Португалии и Греции вынудили тысячи людей спасаться бегством.

В понедельник температура на юге Европы продемонстрировала некоторые признаки снижения, а волна жары, во время которой температура на большей части региона превысила 40 градусов по Цельсию (104F), переместилась на север, в том числе в сторону Великобритании, где был зафиксирован самый жаркий день за всю историю наблюдений.

«Этому нет ни конца, ни края», – сказал Дэвид Бруннер, один из 1500 пожарных, принимающих участие в тушении пожара в Жиронде, в результате которого уничтожено 14000 гектаров соснового леса вблизи Дюны Пилат, самой высокой песчаной дюны Европы и популярного места летнего туризма. «За 30 лет тушения пожаров я никогда не видел такого пожара».

В понедельник возле дюны все еще горела территория длиной 5,5 миль (9 км) и шириной 5 миль. Температура в этом районе, по прогнозам, достигнет 44 градусов по Цельсию.

«Мы климатические беженцы», – заявил 26-летний Тео Даян в интервью газете «Монд» после того, как ему пришлось бежать из своего дома недалеко от деревни Ла Тест-де-Буш. Жан-Люк Глейз, глава местной пожарной службы, сказал: «Мы не пытаемся повлиять на глобальное потепление – оно обрушивается прямо на нас».

Министерство внутренних дел Франции объявило, что направит дополнительно три пожарных самолета, 200 пожарных и больше грузовиков. «В некоторых юго-западных районах ожидается температурной апокалипсис», – сообщил агентству Франс Пресс метеоролог Франсуа Гуран.

Пятнадцать департаментов были приведены в режим повышенной готовности из-за экстремальных температур, включая Бретань, где в понедельник в прибрежном городе Брест температура достигла 40 градусов по Цельсию, что почти вдвое превышает привычный показатель для июля.

Экстремальные температуры прошлой недели стали причиной смерти, по меньшей мере, четырех человек в Испании и десятка лесных пожаров, охвативших почти 30000 гектаров (75000 акров) по всей стране; многие из них все еще горят.

По мере того как пожары продолжают бушевать в провинции Самора, в соцсетях появляются видео, снятые в понедельник из вагона поезда, следовавшего из Мадрида в Галисию. «Моменты паники в поезде Мадрид-Ферроль недалеко от Саморы-Санабрия, 9.30 утра», – написал в одной из социальных сетей преподаватель журналистики Франсиско Сеоане Перес. «Поезд продолжил движение после остановки на несколько минут». В Национальной железнодорожной компании Испании Renfe заявили, что никто из пассажиров не пострадал.

Также в понедельник региональное правительство Кастилии-и-Леон сообщило, что тело 69-летнего мужчины, предположительно пастуха, было найдено в сгоревшем районе недалеко от небольшого городка Эскобер-де-Табара в Саморе. Накануне власти региона также подтвердили гибель пожарного Даниэля Гуллона Вара, который погиб, борясь с пламенем в той же провинции. 50-летний мужчина скончался от теплового удара в воскресенье в Торрехон-де-Ардос, недалеко от Мадрида.

В Мадриде в пятницу днем во время работы в результате теплового удара скончался 60-летний дворник, что побудило городской совет ввести гибкий график работы, чтобы не подвергать опасности муниципальных служащих в течение самых жарких часов.

На юге страны более 3200 человек спасались от пожаров на холмах Михас, недалеко от Малаги, но позже некоторые смогли вернуться домой. Институт общественного здравоохранения Испании имени Карлоса III сообщил, что в период с воскресенья 10 июля по субботу 16 июля из-за жары погибло 510 человек, 150 из которых умерли только за одну субботу.

Во время визита в юго-западный регион Эстремадура в понедельник утром премьер-министр Испании Педро Санчес почтил память Гуллон Вара и сказал, что события предыдущей недели стали еще одним свидетельством климатического кризиса. «Я хочу кое-что прояснить», – сказал он. «Изменение климата убивает: оно убивает людей, как мы видели; оно также убивает нашу экосистему, наше биологическое разнообразие, а также разрушает то, что дорого нам как обществу – наши дома, наш бизнес, наш домашний скот».

По прогнозам, аномальная жара в Испании с максимумами в 45 градусов по Цельсию и рекордными температурами во многих частях страны закончится в понедельник.

В соседней Португалии, где температура на прошлой неделе достигла 47 градусов по Цельсию, удалось обуздать пожары, в результате которых были уничтожены 12000-15000 гектаров земли, погибли два человека и еще 60 получили ранения.

По данным Португальского института метеорологии (IPMA), в выходные температура понизилась, но риск лесных пожаров оставался очень высоким. Власти сообщили, что более 1000 пожарных при поддержке 285 единиц техники и 14 самолетов боролись с девятью бушующими лесными пожарами, главным образом в северных регионах страны.

Поскольку горячая воздушная масса движется на север, ожидается, что Бельгия и Германия станут следующими странами, на которые в ближайшие дни обрушится волна жары. Британию, возможно, также ожидает самый жаркий день за всю историю наблюдений.

Правительство впервые выпустило предупреждение о красном уровне опасности в связи с сильной жарой. Также были отменены поезда, в некоторых школах занятия закончились раньше, а министры призвали людей оставаться дома.

«Мы надеялись, что этого не произойдет, но впервые в истории мы прогнозируем температуру выше 40 градусов по Цельсию в Великобритании», – сказал Никос Кристидис из метеорологического управления. Предыдущий максимум температуры в стране, 38,7°C, был зафиксирован в Кембридже в 2019 году.

После того, как в отчете был сделан вывод о том, что погодные катаклизмы, вызванные климатическим кризисом, обошлись Германии по меньшей мере в 80 млрд евро (68 млрд фунтов стер-

лингов) с 2018 года, министр окружающей среды Германии Штеффи Лемке заявила, что эти «ужасающие» данные свидетельствуют об «огромном ущербе» климатического кризиса.

В отчете, опубликованном в понедельник по заказу министерств экономики и окружающей среды, подсчитано, что финансовые издержки от засухи, наводнений и экстремальной жары в Германии в период с 2000 по 2021 год составили почти 145 млрд евро, большая часть которых пришлась на последние годы.

«Цифры такие, что пора бить тревогу, когда речь заходит о климате», – сказала Лемке. «Мы должны и будем инвестировать больше в меры борьбы с изменением климата, чтобы защитить наших людей».

Периоды аномальной жары случаются все чаще, они отличаются большей интенсивностью и длятся дольше из-за антропогенного изменения климата. С начала индустриальной эры в мире потеплело примерно на 1,1 градуса по Цельсию, и температура будет продолжать расти, если выбросы углекислого газа резко не сократятся.

Как показал анализ языкового уровня, погодно-климатическая реальность выражается лексико-грамматическими средствами, образующими смысловую и грамматическую структуру англоязычного метеорологического дискурса.

Смысловая структура состоит из номинативных и образных лексических единиц, репрезентирующих «онтологию знания» [9] метеорологической действительности.

Номинативные языковые единицы – лексемы, обозначающие основные понятия метеорологии (*weather, climate, temperature, forecast, meteorologists*), а также погодные явления и их последствия (*heat, heatwave, wildfire, drought, floods*). Они выступают «акторами» англоязычного метеорологического дискурса, на них выстраивается коммуникативная ситуация.

Образные языковые единицы – лексемы, образно-экспрессивная нагрузка которых помогает наиболее выразительно передать погодно-климатическую реальность. В англоязычном метеодискурсе основным источником образности является метафорическая коннотация лексем, полученная путем расширения их семантических свойств.

В анализируемой статье обнаруживаются следующие образные языковые средства.

а) Метафоризированные атрибутивные словосочетания, значение которых имеет подчеркнуто негативную («трагическую») коннотацию (*global heating, heat apocalypse, climate crisis, weather catastrophes*):

Jean-Luc Gleyze, the head of the local fire service, said: "We're not reaching out and touching ***global heating*** *– it's hitting us full in the face."*

After a report concluded that ***weather catastrophes*** *triggered by the* ***climate crisis*** *had cost Germany at least €80bn (£68bn) since 2018, Germany's environment minister, Steffi Lemke, said the "horrifying" data showed the "enormous damage" of the climate crisis.*

б) Метафоризированные глаголы и глагольные конструкции, обозначающие процессы разрушения, уничтожения и т.д., вызванные непогодой:

Nearly 25,000 escape blaze sparked by southern European ***heatwave*** *that has already* ***killed hundreds of people.***

*"****Climate change kills****: it kills people, as we've seen; it also kills our ecosystem, our biodiversity, and it also destroys the things we as a society hold dear – our houses, our businesses, our livestock."*

The ***extreme temperatures*** *of the past week have directly* ***claimed*** *at least* ***four lives*** *in Spain and* ***fanned*** *dozens of* ***wildfires*** *– many still burning – that have* ***seared*** *almost 30,000 hectares (75,000 acres) across the country.*

в) Прилагательные-эпитеты, сообщающие признаковые свойства и качества метеорологических явлений (*extreme, searing*):

Meteorologists have warned of a "heat apocalypse" in western France as more than 8,500 further people fled their homes to escape a large wildfire sparked by a ***searing*** *southern European* ***heatwave*** *that has already caused hundreds of deaths.*

Грамматическая структура англоязычного метеорологического дискурса представлена грамматическими формами глаголов, сравнительными конструкциями, числительными, а также семантико-синтаксическими структурами. Эти средства обеспечивают композитное функционирование во взаимодействии с лексическими единицами, порождая определенный смысл высказывания.

Так, сравнительные конструкции сообщают усугубляющуюся или наивысшую стадию метеорологических проблем, явлений:

Temperatures across southern Europe showed some sign of abating on Monday as the heat-wave, during which temperatures have surpassed 40C (104F) across much of the region, moved north, including towards Britain, which was set for its ***hottest*** *day on record.*

Fifteen départements have been placed on the ***highest*** *state of alert for extreme temperatures, including Brittany, where the coastal city of Brest was set to hit 40C on Monday, nearly twice its usual average for July*

Грамматическое время Future Simple используется для выражения предположений, вероятных будущих событий или неизбежности погодно-климатических катаклизмов:

"In some south-western areas it ***will be*** *a heat apocalypse," the meteorologist François Gourand told Agence France-Presse.*

Lemke said. "We have got to and ***will invest*** *more in climate protection and adaptation to protect our people."*

Интегральный анализ смысловой и грамматической структуры (языкового уровня) англоязычного метеорологического дискурса показывает, что вербализирующие метеорологическую действительность лексико-грамматические средства могут характеризоваться и с других точек зрения, выводя исследование на другие уровни. Другими словами, они также одновременно принадлежат когнитивному, культурному и социальному уровням, что подтверждает интегральную сущность дискурса.

Как показал анализ когнитивного уровня англоязычного метеорологического дискурса, в качестве основных языковых средств освоения и отражения метеорологической действительности выступают процессы метафоризации и неологизации, причём зачастую они объединяются в одном слове или фразе (см. примеры ниже).

Человеку свойственно образное мышление, благодаря которому происходит познание природных и общественно-исторических явлений, объективных условий, в которых протекает его жизнь и деятельность [11]. Знания и представления человека об окружающем его мире основываются на языковом мышлении и неразрывно связаны с ним. Осмысление погодно-климатической реальности происходит с помощью когнитивно-метафорических механизмов (когнитивной метафоры), которые активизируют ассоциативно-образное мышление, используя уже существующие в языке средства, но в нестандартной косвенно-номинативной функции. Особенно наглядно данные механизмы прослеживаются при осмыслении процессов и результатов изменений, приводящих к появлению новых слов или словосочетаний на основе метафорического переосмысления в результате стремительно меняющейся метеодействительности.

Серьезность складывающейся метеорологической обстановки, передовые технологии, созданные для противодействия климатическим изменениям, способствуют активной словообразовательной деятельности в метеодискурсе. Происходящие в контексте изменения климата погодные катаклизмы приводят к появлению новых реалий. Например, людей, вынужденных из-за неблагоприятных погодных условий покидать свои жилища и переезжать в другие районы, называют '*climate change refugees'* – «климатическими беженцами»:

"We're ***climate change refugees****," Théo Dayan, 26, told Le Monde after fleeing his home near the village of La Teste-de-Buch.*

Усугубляющийся характер метеорологических явлений и их последствий заставляет переосмыслить отношение к происходящим процессам глобального потепления. В приведенном ниже примере общепринятое словосочетание 'global warming' заменяется более дра-

матично окрашенным ‘global heating’ (дословно «глобальное нагревание»), которое семантически красноречиво подчеркивает значительное повышение температур, знаменующих усиление процессов нагревания земли:

Jean-Luc Gleyze, the head of the local fire service, said: “We’re not reaching out and touching ***global heating*** *– it’s hitting us full in the face.”*

Изобразительно-выразительный потенциал когнитивной метафоры, используемый, в том числе, для номинации новых фактов действительности, связан с факторами когнитивно-коммуникативного и дискурсивно-прагматического характера. Процессы метафоризации и неологизации обусловливаются деятельностной природой человеческого сознания и могут иметь интенционально заданные смысловые мотивы, поскольку они обладают большим потенциалом преобразования языкового сознания и ценностно-смысловых ориентиров в зависимости от прагматических установок.

Прагматическая направленность англоязычного метеорологического дискурса проявляется на социальном уровне в виде коммуникативных стратегий и тактик, используемых участниками коммуникации для формирования в обществе определенного восприятия метеорологической действительности.

Анализ прагматического потенциала языковых средств, используемых для освещения погодно-климатической реальности на социальном уровне, указывает на то, что в средствах массовой информации погодно-климатическая реальность представляется как агрессивная, враждебная среда, создается ее негативное восприятие, что обусловлено не только неблагоприятным характером самих погодных явлений, но и различными практическими целями и задачами.

Участниками коммуникации в англоязычном метеодискурсе выступают не только специалисты, но и те, кому приходится иметь дело с обеспечением условий или принятием мер по борьбе с последствиями непогоды. Так, с помощью стратегии информирования в метеорологическом дискурсе лексико-грамматические средства, активируемые в синтаксических структурах, транслируют обеспокоенность государственных органов складывающейся неблагоприятной метеорологической обстановкой, меры, которые они принимают для защиты населения, создавая, таким образом, положительный образ власти:

A 60-year-old street sweeper died after developing heatstroke while working in Madrid on Friday afternoon, prompting the ***city council to announce flexible working hours to allow municipal employees to avoid the hottest periods of the day****.*

The government ***issued a red extreme heat warning*** *for the first time, while trains were cancelled, some schools closed early and* ***ministers urged the public to stay at home.***

Прагматическая стратегия нагнетания тревожности, используемая в следующем примере для создания определенного вектора восприятия причин изменения климата, выражается безоговорочным констатированием его губительной силы, а прагматический эффект, основанный на образности, достигается использованием прилагательных в сравнительной и превосходной степени, а также числительными, обозначающими температурные показатели и лексемой ‘record’, семантическая нагрузка которой показывает наивысшую степень развития погодного явления:

During a visit to the south-western region of Extremadura on Monday morning, Spain’s prime minister, Pedro Sánchez, paid tribute to Gullón Vara and said ***the events of the previous week were further evidence of the climate crisis****. “I want to make something very clear,” he said. “****Climate change kills: it kills people****, as we’ve seen;* ***it also kills our ecosystem, our biodiversity, and it also destroys the things we as a society hold dear – our houses, our businesses, our livestock.”***

Heatwaves are happening ***more often****, are* ***more severe****, and are* ***lasting longer*** *because of human-induced climate change.*

*Temperatures across southern Europe showed some sign of abating on Monday as the heatwave, during which temperatures have surpassed **40C (104F)** across much of the region, moved north, including towards Britain, which was set for its **hottest day on record**.*

*Fifteen départements have been placed on **the highest state of alert for extreme temperatures**, including Brittany, where the coastal city of Brest was set **to hit 40C** on Monday, nearly twice its usual average for July.*

Прагматическая связь метеорологического дискурса с экономической ситуацией прослеживается в анализируемой статье при описании ущерба, нанесенного погодными катаклизмами. Прагматический эффект усиливают числительные, обозначающие размеры убытков:

*After a report concluded that **weather catastrophes** triggered by the **climate crisis** had **cost** Germany at least **€80bn (£68bn)** since 2018, Germany's environment minister, Steffi Lemke, said the "horrifying" data showed the "**enormous damage" of the climate crisis**.*

*The report, published on Monday and commissioned by the economy and environment ministries, estimated that **the financial impact of drought, floods and extreme heat** in Germany between 2000 and 2021 was nearly **€145bn**, most of it in recent years.*

Определенная степень «алармизма», присутствующая в публикации, перекликается со стратегией перспективы будущего. С одной стороны, в статье указывается на причины бить тревогу в связи с изменением климата, с другой стороны, сообщается о готовности инвестировать в решение погодно-климатических проблем:

*"**The numbers sound the alarm** for more prevention when it comes to the climate," Lemke said. "We have got to and **will invest more in climate protection and adaptation** to **protect** our people."*

Таким образом, прагматическая содержательность англоязычного метеодискурса позволяет вынести на передний план погодно-климатические проблемы, повлиять на их решение, повысить или понизить интерес общественности к сложившейся погодной реальности**.**

Культурный уровень англоязычного метеорологического дискурса представлен образно-выразительными понятиями, образующими ценностно-смысловое пространство, демонстрирующее отношение представителей англоязычной культуры к метеорологической действительности. В исследуемой публикации данное пространство выражается образными языковыми единицами, например, с помощью метафоризированных библейских номинаций, объясняющих причины и характер погодных условий с отсылкой к религии:

*"In some south-western areas it will be a **heat apocalypse**," the meteorologist François Gourand told Agence France-Presse.*

Лексема *apocalypse*, являясь когнитивной метафорой – языковым средством вербализации «неминуемой катастрофы», предостережения о всеобщей гибели, с одной стороны, раскрывает важное в англоязычной картине мира архетипическое представление о грядущем «конце света», знаменуемом, согласно Библии, погодными катаклизмами; с другой стороны – выступает лингвопрагматическим средством воздействия на общественное мнение с целью формирования определенного представления о метеорологической действительности. Создается определенная метафорическая модель видения мира, базирующаяся на хранящихся в памяти и преобразованных в результате когнитивных процессов наглядно-чувственных образах, помогающих раскрыть заключенный в сообщении смысл в соответствии с прагматическим замыслом автора.

Также представление погодных явлений в образе живой, зачастую беспощадной силы через прием олицетворения указывает на свойственное англоязычной культуре восприятие проявлений непогоды как стихийных, разрушительных и губительных последствий изменения климата в результате глобального потепления. Такой образный перенос проявляется особенно ярко в сочетании с глаголами-действиями, выполняемыми этими силами:

*Nearly 25,000 escape blaze sparked by southern European **heatwave** that has already **killed** hundreds of people.*

*"**Climate change kills**: **it kills people**, as we've seen; **it also kills our ecosystem**, our biodiversity, and **it** also **destroys** the things we as a society hold dear – our houses, our businesses, our livestock."*

Подобное отношение к погоде и климату проявляется в особом мировидении представителей англоязычной культуры, обусловливающем дискурсивное поведение, характеризующееся оказываемым прагматическим эффектом.

Представленный анализ культурного уровня демонстрирует гносеологически информативный и эмоционально-экспрессивный потенциал англоязычного метеодискурса. Ассоциативно-образное отражение метеорологической действительности и её метафорическая интерпретация свидетельствуют о лингвокогнитивных и социокультурных механизмах организации и обработки получаемой в процессе дискурсивной деятельности информации.

Подводя итог проведенного исследования, с уверенностью можем утверждать, что применение интегрального подхода для выявления взаимообусловленности различных компонентов уровней англоязычного метеорологического дискурса дополняет изучение объекта исследования. На основе интегрального анализа, осуществленного в рамках представленной статьи, удалось установить интегральный характер англоязычного метеорологического дискурса, проявляющийся в вербализации фрагментов, отражающих знания о метеодействительности (когнитивный уровень), культурно-ценностные ориентиры англоязычного этноса (культурный уровень), социопрагматические установки (социальный уровень) и языковую специфику погодно-климатической коммуникации (языковой уровень). Рассмотренные на примере публикации языковые средства вербализации метеорологической действительности являются инвариантными, т.е. характеризуются набором таких речемыслительных и текстопорождающих средств.

Также в заключении следует отметить, что интегральный подход обладает высоким потенциалом применения в дискурсивных исследованиях и свидетельствует о продуктивности лежащих в его основе теоретических положений.

Библиографический список

1. Ревуцкий О.И. Анализ художественного текста как коммуникативно обусловленного связного целого. Мн.: НИО, 1998. 68с.

2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2007. 520с.

3. Всеволодова М.В. Текст как категориальная единица коммуникативного уровня языка (о некоторых проблемах прикладной лингвистики) // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 16 / Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. Донецьк: ДонНУ, 2008. С. 245-251.

4. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с.

5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Изд-во РГУ,1995. С. 144-238.

6. Кожина М.Н. Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2: Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. С. 3-15.

7. Данюшина Ю.В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса: автореф. дис. … док. фил. наук. М., 2011. 49 с.

8. Уилбер К. Введение в интегральную теорию и практику: основы ИОС и «всесекторной, всеуровневой» карты // Журнал «AQAL». 2006. Vol 1. No 1. URL: http://nlping.ru/78BBC7B9-F4645-87216A28 (дата обращения: 15.12.2023).

9. Хомутова Т.Н. Научный текст: интегральный подход: монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. С. 212-279.

10. Хомутова Т.Н. Типология дискурса: интегральный подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика, 2014. Т. 11. №2. С. 14-20.

11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387-415.

12. Henley Jon, Jones Sam ‘Heat apocalypse’ warning in western France as thousands flee wildfire. // ‘The Guardian’, 2022. URL: https://www.theguardian.com/world/2022/jul/18/heat-apocalypse-warning-western-france-thousands-flee-wildfire (дата обращения: 02.12.2023).

References

1. Revutsky O.I. Analytical technique as a means of communication. Moscow, 1998. 68 p.

2. Bolotnova N.S. Philological analysis of the text. Moscow, 2007. 520 p.

3. Vsevolodova M.V. Text as a categorical unit of the communicative level of language (on some problems of applied linguistics) // Linguistics studies. Iss. 16. Donetsk: DonNU, 2008. P. 245-251.

4. Sidorov E.B. Ontology of discourse. Moscow, 2008. 232 p.

5. Kubryakova E.S. Evolution of linguistic thinking in the second half of the XX century (experience of paradigmatic analysis) // Language and Science of the late XX century. Moscow: Publishing House of Russian State University, 1995. P. 144-238.

6. Kozhina M.N. General characteristics of textual categories in the functional and stylistic aspect // Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of the XVIII-XX centuries. Vol. 2. Stylistics of scientific text (general parameters). Part 2: Categories of scientific text: functional and stylistic aspect. Perm: Publishing House of Perm University, 1998. P. 3-15.

7. Danyushina Y.V. Multi-level analysis of the English-language network business discourse: abstract. dis. ... Doctor of Philology. Moscow, 2011. 49 p.

8. Wilbur K. Introduction to internal theory and practice: new SOURCES and an "all-encompassing, all-encompassing" map // Journal "AQAL", vol. 1, No. 1 2006. URL: http://nlping.ru/78BBC7B9-F4645-87216A28 (date of application: 12.15.2023).

9. Khomutova T.N. Scientific text: integral approach: monograph. Chelyabinsk, 2010. P. 212-279.

10. Khomutova T.N. Typology of discourse: an integral approach // Bulletin of the South Ural State University. Linguistics series, 2014. Vol. 11. Iss.2. P. 14-20.

11. Lakoff D., Johnson M. Metaphors we live by // Theory of metaphor. Moscow, 1990. P. 387-415.

12. Henley John, Jones Sam warn of a "thermal apocalypse" in the west of France, when thousands of people are fleeing forest fires. // ‘The Guardian’, 2022. URL: https://www.theguardian.com/world/2022/jul/18/heat-apocalypse-warning-western-france-thousands-flee-wildfire (date of application: 02.12.2023).

УДК 811.161.1’282.2 (470.324)
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.003

Воронежский государственный университет
аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета
Гальцова Д.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. +79623281967
e-mail: darij98@yandex.ru
Воронежский государственный университет
аспирант кафедры русского языка филологического факультета

Кубышкин И.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +79038510813
e-mail: ivan.kubyshkin696@gmail.com

Voronezh State University
Postgraduate student of the Department of Slavic Philology of the Faculty of Philology
Galtsova D.N.
Russia, Voronezh, tel. +79623281967
e-mail: darij98@yandex.ru
Voronezh State University
Postgraduate student of the Russian Language Department of the Faculty of Philology

Kubyshkin I.A.
Russia, Voronezh, tel. +79038510813
e-mail: ivan.kubyshkin696@gmail.com

Д.Н. Гальцова, И.А. Кубышкин

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС РУССКИХ ГОВОРОВ (НА ВОРОНЕЖСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

В статье рассматривается категория экспрессивности применительно к синтаксису воронежских говоров. Выделяются две трактовки данного понятия, оговаривается целесообразность широкого подхода к определению экспрессивности, указанный термин понимается как лингвистическая категория, реализующаяся в языке и речи и являющаяся совокупностью признаков языковой или речевой единицы, а также целого текста, благодаря которым говорящий или пишущий выражает субъективное отношение к содержанию или адресату речи. В работе описываются этапы исследования диалектного синтаксиса, отмечается широкое изучение синтаксической системы говоров в рамках структурного подхода, указывается недостаточность исследования экспрессивного потенциала синтаксической системы русских говоров в условиях качественно нового направления анализа диалектной речи – коммуникативного подхода. Делается акцент на специфике диалектного синтаксиса, являющегося спонтанным и отражающего картину мира диалектоносителей. Разграничивается анализ предложений и высказываний. Методами исследования являются метод сплошной выборки, полевой метод, предполагающий непосредственное общение с носителями говора, описательный метод, а также метод моделирования фрагментов макросистемы. Авторами подробно рассматриваются экспрессивные диалектные синтаксические конструкции и определяются их функции. В статье описываются как общерусские конструкции, например, парцелляция, вопросно-ответные формы, риторические вопросы, восклицательные предложения, композиционный стык, анафора, инверсия, так и собственно диалектные: употребление самостоятельного инфинитива, сопровождающегося глагольным сказуемым, повторяющим по значению действие инфинитива; указание на предмет речи с помощью имени существительного и дублирующего его местоимения. В заключение говорится об особенностях употребления экспрессивных диалектных синтаксических конструкций в воронежских говорах, делается вывод об увеличении числа компонентов высказывания, несущих в себе коммуникативно важную информацию.

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис, воронежские говоры, коммуникативный подход, предложение, высказывание.

D.N. Galtsova, I.A. Kubyshkin

EXPRESSIVE SYNTAX OF RUSSIAN DIALECTS (BASED ON VORONEZH MATERIAL)

The article considers the category of expressivity in relation to the syntax of Voronezh dialects. Two interpreta-

© Гальцова Д.Н., Кубышкин И.А., 2024

tions of this concept are distinguished, the expediency of a broad approach to the definition of expressivity is discussed, the term is understood as a linguistic category realized in language and speech and being a set of signs of a linguistic or speech unit, as well as an entire text, through which the speaker or writer expresses a subjective attitude to the content or addressee of speech. The work describes the stages of the study of dialect syntax, notes the extensive study of the syntactic system of dialects within the framework of a structural approach, indicates the insufficiency of research into the expressive potential of the syntactic system of Russian dialects in a qualitatively new direction of analysis of dialect speech – a communicative approach. The emphasis is placed on the specifics of dialect syntax, which is spontaneous and reflects the picture of the world of dialect speakers. The analysis of sentences and statements is differentiated. The research methods are the continuous sampling method, the field method involving direct communication with native speakers, the descriptive method, as well as the method of modeling fragments of a macrosystem. The authors consider in detail expressive dialect syntactic constructions and define their functions. The article describes both common Russian constructions, for example, parcel, question-and-answer forms, rhetorical questions, exclamation sentences, compositional junction, anaphora, inversion, and dialectal ones themselves: the use of an independent infinitive accompanied by a verb predicate repeating the action of the infinitive in meaning; indication of the subject of speech using the noun and its duplicate pronoun. In conclusion, the peculiarities of the use of expressive dialectal syntactic constructions in Voronezh dialects are discussed, and a conclusion is drawn about an increase in the number of components of an utterance that carry communicatively important information.

Keywords: expressive syntax, Voronezh dialects, communicative approach, sentence, utterance.

Экспрессивность как общеязыковая категория по-разному определяется лингвистами. Неоднозначность трактовки связана с многочисленными подходами к исследованию данного понятия. Интерес к проблеме экспрессивности, по мнению ученых, «объясняется вниманием к языковой личности, а точнее, к описанию языка как средства обнаружения и вместе с тем воздействия на языковую личность, её поведение и внутреннюю духовную деятельность» [1; с. 161].

При обобщении существующих теорий можно выделить два подхода к трактовке категории экспрессивности:

1)узкий подход, который сводится к рассмотрению экспрессивности как семантического признака слова (Л.М. Васильев, Е.Н. Сергеева, В.Н. Гридин);

2) широкий подход, предполагающий определение экспрессивности как средства усиления выразительности речи (Е.М. Галкина-Федорук, Н.А. Лукьянова, В.И. Шаховский, И.В. Арнольд).

В нашей статье берется за основу широкий подход к определению экспрессивности, данный термин понимается как лингвистическая категория, реализующаяся в языке и речи и являющаяся совокупностью признаков языковой/речевой единицы, а также целого текста, благодаря которым говорящий или пишущий выражает субъективное отношение к содержанию или адресату речи [2; с. 363].

Экспрессия может быть применима как к языку в целом, так и к различным его уровням в частности. На лексическом уровне рассмотрение понятия экспрессии приводит к выявлению разного рода схожих понятий: экспрессивное, эмоциональное, оценочное и т.д. Если обратиться к синтаксическому уровню, то из этих понятий актуальным остаётся только термин «экспрессивный» и так называемый экспрессивный синтаксис прежде всего понимается как стилистически отмеченный [3; с. 34].

При разработке данной проблематики интерес представляет обращение к синтаксической системе диалектного языка. Словосочетания и предложения в русских говорах изучены менее детально, чем другие единицы. Это отмечают выдающиеся диалектологи: например, П. С. Кузнецов утверждает, что «в синтаксическом отношении русские говоры изучены меньше, чем в отношении фонетическом и морфологическом» [4; с. 94]. Авторы учебного пособия «Русская диалектология» также указывают, что синтаксис говоров русского языка изучен неудовлетворительно [5; с. 147]. Вероятно, это связано с относительным единством синтаксической системы русского национального языка. А. Б. Шапиро подчеркивает, что «…явления синтаксиса более или менее общи либо у всех, либо у значительных групп говоров» [6; с. 10]. На это же позже обращает внимание В. И. Трубинский: «правила, по которым связываются между собой слова и строятся предложения, в большинстве своем по говорам

не различаются или различаются слабо» [7; с.213]. Однако нельзя считать, что диалектный синтаксис полностью остался за пределами внимания исследователей. Необходимо отметить фундаментальные работы, направленные на изучение различных синтаксических единиц:

1) синтаксис словосочетания (Е. М. Пантелеева, Р. Е. Мохова, И. Б. Кузьмина, Н. А. Волкова);

2) синтаксис простого предложения (В. И. Собинникова, В. И. Столбунова, О. Шулене, Л. В. Шатунова, О. И. Гордеева, З. И. Носова, Т. И. Стексова, Н. А. Волкова);

3) синтаксис сложного предложения (В. И. Собинникова, В. И. Трубинский, Л. В. Шатунова, О. И. Гордеева, Л. В. Маркина, И. В. Вяткина).

Кроме того, сравнительно недавно было положено начало изучению особенностей организации диалектного текста (С. П. Петрунина, Г. Г. Москальчук, Е. В. Иванцова), а также разработана теория диалектного высказывания (Т. А. Демешкина).

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о том, что проводится описание диалектного синтаксиса в рамках структурного подхода, однако практически не затрагивается изучение экспрессивного потенциала синтаксической системы русских говоров, что не совсем верно в условиях качественно нового направления анализа диалектной речи – коммуникативного подхода, который предполагает изучение диалекта как такового, потому что «в коммуникативной парадигме диалектологического знания рассматриваются, прежде всего, общие черты диалектов именно как диалектов» [8]. В рамках коммуникативной парадигмы диалектологического знания территориальное варьирование речи исследуется как вариативное воплощение общедиалектных явлений, что является актуальным для синтаксической системы. Среди выделенных В.Е. Гольдиным сторон традиционного речевого общения, обнаруживающих общедиалектные признаки, можно отметить информационную структуру общения на диалекте (характерный набор сложных речевых событий), особенности текстовой деятельности на диалекте, фактуру диалектной речи, характер общей апперцепционной базы и его влияние на организацию речевых единиц общения, а также социально-ролевую организацию традиционного деревенского общения и специфическое отношение структуры коллектива к системе коммуникативных ролей [8]. Данные признаки не могут не включать в себя обращение к экспрессивному характеру выражения смысла синтаксическими средствами, что становится центром нашего исследования.

Стоит отметить, что диалектный язык имеет устную форму бытования, в связи с чем возникает вопрос о разграничении синтаксических единиц – предложения и высказывания. На данном этапе развития науки большинством ученых признано, что предметом синтаксиса является предложение. Однако если речь идет о преимущественно устной форме, то центральной единицей коммуникативной лингвистики становится высказывание, обладающее комплексом характеристик и концентрирующее в себе «противоречия номинации и коммуникации как двух сторон единого речемыслительного процесса» [9; с. 41]. Именно коммуникативность, по мнению Т. А. Демешкиной, «задает границы высказывания, которые определяются полнотой реализации замысла говорящего и, следовательно, являются подвижными с точки зрения грамматического оформления» [10; с. 8]. А. М. Ломов подчеркивал, что «предложение и высказывание – феномены, безусловно, разные, но имеющие вместе с тем общее ядро» [11; с. 93]. Исследователь выделял важные признаки высказывания: 1) обязательная включенность высказывания в конкретную речевую ситуацию; 2) возможность кардинального формально-грамматического преобразования типовой структуры, обычно свойственной предложению, в процессе этого включения [11; с. 93]. Мы считаем, что данные признаки соответствуют тем синтаксическим единицам, с которыми работают диалектологи в процессе изучения диалектного синтаксиса, поэтому в нашей статье остановимся на термине *высказывание*, представляющем собой, как правило, речевую реализацию предложения, то есть моделей предложений, получивших определенное выражение и поставленных в прямую связь с целями и задачами соответствующего им речевого акта [11; с. 94].

Специфика диалектного языка заключается в спонтанности высказываний говорящих на нем людей, что отличает экспрессию диалектного синтаксиса от экспрессии в публицистике, где экспрессивные конструкции могут быть созданы намеренно с целью влияния на читателей и слушателей. Таким образом, диалектный экспрессивный синтаксис, помимо самой речевой системы, отражает также картину мира диалектоносителей, которые для выражения того или иного смысла непроизвольно прибегают к синтаксическим конструкциям, выражающим их субъективное отношение к лицу, предмету или явлению, что представляет несомненный интерес при анализе диалектного синтаксиса.

В нашем исследовании мы рассматриваем особенности синтаксической экспрессивности на материале воронежских говоров. Источниками материала послужили: 1) «Словарь воронежских говоров», вып. 1-3, 2004-2019 гг. [12]; 2) картотека «Словаря воронежских говоров» (с 1946 г. по настоящее время); 3) персональная картотека Д. Н. Гальцовой (с 2015 г. по настоящее время).

Научной базой исследования стали работы профессора В. И. Собинниковой, которая всесторонне изучала синтаксис говоров Воронежской области.

Подробно рассмотрим экспрессивные диалектные синтаксические конструкции.

1. ***Парцелляция***. Парцеллированные конструкции представляют собой разделение единой синтаксической структуры предложения, при котором она реализуется не в одной, а в нескольких фразах, в силу чего создаётся новый рематический центр. Парцелляция соотносится с динамическим аспектом предложения, а также подразумевает вычленение частей высказывания в самостоятельное предложение в целях создания экспрессии. Данная конструкция широко применяется как в литературном, так и в диалектном языке. Примером диалектного употребления могут служить следующие фиксации: *//И ста'л'и ан'и' жыт'. В даму'. Н'ь ф ха'т'ь. В даму'//* СТ.КРЛ.*; //Пъсад'и'л'и јаго' и с'ид'е'л он. Ф т'ур'м'е'//* ГРХ.*; //Вну'к'и-та пр'ије'хъл'и, я јим канхв'е'тк'и, а н'ал'з'а' сказа'л'и. Доч'//* АРТ.

2. Экспрессивный эффект в диалектной речи создают и ***вопросно-ответные конструкции***, сущность которых заключается в том, что субъект задаёт вопрос и сам же на него отвечает: *//Кака'јь у м'ин'е' п'е'н'с'ијь? Тр'и кап'е'јк'и. Хут' рабо'таj, хут' н'ь рабо'таj, фс'о равно' тр'и кап'е'јк'и бу'д'а//* СТ.КРЛ.*; //Зач'е'м ја зъ н'аго' за'муш вы'шлъ? С'ам'је' пъмагну'т'//* СДВ.*; //Каго'д'а т'ип'ер' до'ч'-та пр'ије'д'а? Мош, о'с'ин'ю, мош, в'исно'ј//* СЛБД.

3. Не менее важны в речи диалектоносителей ***риторические вопросы***: *//Куды' жы'з'н'а маја' прашла'?//* СТ.КРЛ.*; //Т'а'шкъ было'. За што' э'тъ нам?//* МДВЖ*; //И тада' т'ижало' бы'лъ, и ш͡ас. А када' ш л'ихко' бу'д'а?//* СДВ.

4. Отмечается обилие ***восклицательных предложений***, свидетельствующих об экспрессивности диалектной речи: *//П'и'с'н'и п'е'л'и, гул'а'л'и, в'ис'ало' бы'лъ!//* Н.КРЛ.*; //Ну Ма'н'к'а дајо'т'!//* СТ.КРЛ.*; //Как'и'ја мы ра'дъја бы'л'и!//* АРТ.*; //Ој, до'ч'к'а, как жа тагда' хърашо' бы'лъ!//* СТ.КРЛ.

5. В рамках исследования экспрессивных синтаксических конструкций заслуживает внимания ***композиционный стык***, при котором последнее слово в предложении становится первым в следующем предложении для акцентирования на нем внимания: *//Ана' са мно'ј н'ь разгава'р'выја. Н'ь разгава'р'выја, в'ит' ду'мъја, што ја јијо' аб'и'д'ълъ, а фс'о н'и так бы'лъ//* ХРНВ*; //Пашл'и' ф по'л'ь, и он, зна'ч'ит', пашо'л са мно'ј. Са мно'ј ув'аза'лс'и, акаја'нӹј//* ПЧЛ*; //И вы'шла ја зъ н'аво' за'муш. За'муш пашла', а сама' ду'мъју, што ш ты, ду'ра, д'е'лъјьш?//* СТ.КРЛ.

4. ***Анафора*** в говорах фиксируется нечасто, однако является ярким средством выражения экспрессивности: *//гъвар'у', што н'ил'з'а' так. гъвар'у' – дъ дабра' н'ь дъв'ид'о'т. гъвар'у', гъвар'у', гъвар'у'//* АННА*; //Нач'а'л'и кула'ч'ит'. Нач'а'л'и фс'ех выган'а'т'. Нач'а'л'и унаб'и'т', хто пъбагa'ч'и//* СТ.КРЛ.

5. Яркий экспрессивный эффект диалектной речи придают конструкции с ***инверсией***. Такой тип синтаксических конструкций представляет собой перестановку членов предложе-

ния в порядке, нарушающем их обычное расположение. Считается, что восприятие письменной речи ориентировано на высказывания типа «тема – рема», поэтому инверсия темы и ремы делает высказывание носителем экспрессивно значимым, например: *//Жы'л'и мы дал'о'къ, нъ атшы'б'и//* ГРХ*; //Была' пла'т'јицъ но'вја, как л'ист, з'ил'о'нъја//* АРТ*; //Па уо'ръду хад'и'л'и мы, н'ич'о' н'и зна'јьм//* СДВ.

6. Для исследуемых говоров характерно ***употребление самостоятельного инфинитива, сопровождающегося глагольным сказуемым, повторяющим по значению действие инфинитива***. В этом случае инфинитив называет действие, о котором далее пойдет речь, акцентируя внимание на действии, что создает экспрессию: *//атпуст'и'т'-та атпуст'и'л'и бы//* ПТН; *//јест'-та он ист' па-жу'ткъму//* ПТН; *//брат'-та н'ихто' за'муш н'ь б'ар'о'т'//* АРХ; *//руγа'цъ̄ н'икада' н'ь руγа'лъс'//* ОСКН. Как показывают примеры, инфинитив обычно стоит на первом месте и чаще всего выделяется частицей *то*. Однако наблюдается и непосредственное примыкание инфинитива к глаголу-сказуемому, в таком случае инфинитив теряет самостоятельность и осложняет сказуемое: *//Мој хаз'а'ин харо'шыј: н'а п'јо'т' и кур'и'т' н'а ку'р'а//* АРХ.

В.И. Собинникова считает, что в приведенных иллюстрациях инфинитив указывает на условное выделение из ряда действий одного, например, фраза *//ды по'мн'ит'-тъ ана' по'мн'а//* означает: если говорить о том, помнит ли она, то она помнит [13; с. 260]. При этом получается, что действие, выраженное инфинитивом, потенциально противопоставлено другим действиям, которые в данном случае исключаются, таким образом, весь оборот получает ограничительный оттенок. По значению предложения с инфинитивом близки к условным предложениям касания [6; с. 43]. Доказательством условного значения служат примеры, в которых инфинитив употребляется с условным союзом: *//јесл'и уташы̄'т', то он и тут ута'шы̄т'//* АЛСДР.

В научной литературе данный оборот получил широкое освещение. Одни ученые указывают на усилительную функцию инфинитива (А. А. Потебня, В. Вондрак, А. Б. Шапиро), другие подчеркивают его выделительную роль (А. М. Пешковский, Н. Ю. Шведова), третьи говорят об ограничительной роли (Н. Н. Дурново, А. Н. Гвоздев). Отмечается и совмещение этих функций. Так, П. Г. Стрелков утверждает, что «именно через ограничение создается и выделение действия» [14; с. 31]. Некоторые исследователи (В. Вондрак, А. Н. Гвоздев) связывают происхождение данной конструкции с диалогом. В. Вондрак указывает, что она возникла из вопроса и ответа: «Спасать? Мы спасем!» [15; с. 412]. В. И. Собинникова доказывает, что приведенная конструкция не только по значению, но и по происхождению восходит к условному предложению [13; с. 261]. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что конструкции с самостоятельным инфинитивом имеют условно-выделительный и ограничительный характер, а также являются ярким выражением экспрессивности диалектной речи.

7. Следует отметить не менее важную особенность синтаксиса воронежских говоров – ***указание на предмет речи с помощью имени существительного и дублирующего его местоимения***. Суть явления заключается в том, что в начале предложения употребляется существительное, называющее предмет, о котором в дальнейшем пойдет речь. Указанное существительное является самостоятельным по отношению к дальнейшей части предложения, где оно замещается местоимением, выступающим как необходимый грамматический элемент, включенный в предложение в качестве подлежащего или дополнения: *//хала'т-тъ – он дл'и'на̄j//* АРХ; *//во'јны – ан'и' фс'ауда' бы'л'и//* БРЩ; *//драва-та – ан'и с л'и'ст'јьм'и//* УСТ.; *//Дру'шко – он в'анч'а'ја//* УСТ.; *//А Шу'ра – ана' н'а ста'лъ лук ч'и'ст'и'т' с јеј//* ПТН.

В. И. Собинникова отмечает, что в данном случае «указание предмета речи в начале предложения способствует его выделению, сосредоточению на нем внимания» [13; с. 261]. Конструкция обозначает, что при условии выделения данного предмета как объекта речи о нем можно сказать все, что содержится в дальнейшей части фразы, следовательно, конструкция синонимична такому виду предложений: «Если говорить о данном предмете, то он…».

Отметим, что самостоятельное существительное, называющее предмет речи, отделяется паузой от основной части предложения, нередко оно выделяется частицей *то*. Однако пауза в рассматриваемой конструкции свойственна не всем говорам, в которых она фиксируется. Например, Н. М. Мешковская свидетельствует о том, что в тамбовских говорах такая пауза отсутствует, что подтверждает положение А. Б. Шапиро о ритмо-мелодическом делении таких предложений на две части [6; с. 199-202].

Исследуемая конструкция, отчасти благодаря выраженной экспрессивности, имеет широкое распространение в говорах, входит в просторечие, а также иногда проникает в ораторскую речь, однако литературной нормой не является [16; с. 22].

8. Свойственно диалектной речи также ***многосоюзие***. Однородные члены, связанные союзами, выражают соединительные, противительные и разделительные отношения. Многосоюзие обычно формируется с помощью союзов *и, да* в значении *и*, реже – *ни-ни*: *//там с'ем' хат падр'а'д бы'лъ, и бык'и', и ло'шъд'и, и харч'и'//* ОСКН.; *//Мата'jуцъ ан'и' фс'у'ду: и пъ мар'а'м, и пъ ак'иja'нъм, и пъ γара'м, праст'и γо'спъд'и. И туда', и с'уда', и куда' мо'жнъ, и н'ил'з'а'//; //а тут сыч'а'с в'а'жут', ды сп'аша'т', ды б'аγу'т'//* КСТН.; *//ста'ршаj з два'цъ̄т' вас'мо'въ, ды до'ч'ьр'и, ды jа, ды уну'к//* МЛШВ.; *//н'и пр'а'х'и, н'и до'нцъ, н'и γр'е'бн'ь н'е'ту//* ГРМЧ. При перечислении однородных членов указанные союзы создают высокую экспрессивность речи, что характерно также для разговорного литературного языка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что диалектному синтаксису свойственна экспрессивность, которая проявляется на уровне различных синтаксических конструкций. Анализ материала показал, что исследуемые конструкции позволяют увеличить число компонентов высказывания, несущих в себе коммуникативно важную информацию. Тема-рематическое членение определяет, что в той или иной ситуации является для диалектоносителя наиболее значимым. Способы отражения событий свидетельствуют о том, что экспрессивные особенности проявляются не только на уровне отбора фактов, но и на уровне их интерпретации. Изучение приведенных синтаксических конструкций, функционирующих в системе диалекта, может стать фрагментом монографического описания диалектной картины мира носителей воронежских говоров.

Список использованных сокращений:

АЛСДР – село Александровка Хохольского района.
АННА – поселок городского типа Анна.
АРТ – село Артюшкино Аннинского района.
АРХ – село Архангельское Хохольского района.
БРЩ – село Борщёво Хохольского района.
ГРМЧ – село Гремячье Хохольского района.
ГРХ – село Гороховка Верхнемамонского района.
КСТН – село Костёнки Хохольского района.
МЛШВ – село Малышево Хохольского района.
МДВЖ – село Медвежье Семилукского района.
Н.КРЛ – село Новый Курлак Аннинского района.
ОСКН – село Оськино Хохольского района.
ПТН – село Петино Хохольского района.
ПЧЛ – село Пчелиновка Бобровского района.
СДВ – село Садовое Аннинского района.
СЛБД – село Слобода Бобровского района.
СТ.КРЛ – село Старый Курлак Аннинского района.
ХРНВ – село Хреновое Бобровского района.

Библиографический список

1. Сайфулинова А.М., Привалова Ю.В. Особенности передачи экспрессивности при переводе текстов политического дискурса // Успехи современного естествознания. № 5. 2012. С. 161-164.

2. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. М. : ФЛИНТА, 2011. 480 с.

3. Кольцова Л.М., Кубышкин И.А. Виды и функции сегментированных синтаксических конструкций в русском политическом дискурсе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 4 (47). 2022. С. 33-37.

4. Кузнецов П.С. Русская диалектология : Учебник для учительских институтов. М. : Учпедгиз, 1954. 156 с.

5. Русская диалектология : Учебное пособие для филологических факультетов университетов / Под ред. В.В. Колесова. М. : Высшая школа, 1990. 207 с.

6. Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров : строение предложения. М. : Издательство Академии наук СССР, 1953. 317 с.

7. Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л. : Издательство ЛГУ, 1984. 214 с.

8. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореферат дис. ... доктора филологических наук. Саратов, 1997. 52 с.

9. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М. : Наука, 1984. 175 с.

10. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Издательство Томского университета, 2000. 190 с.

11. Ломов А.М. Избранные труды. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2023. 133 с.

12. Словарь воронежских говоров / Под ред. Г.Ф. Ковалева. Вып. 1-3. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2004-2019-.

13. Собинникова В.И. Простое предложение в русских народных говорах : По материалам говоров Воронежской обл. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1961. 297 с.

14. Стрелков П.Г. Синтаксис пермских сказок // Ученые записки пермского государственного университета. Вып. 11. 1931.

15. Vondrák W. Vergleichende slawische Grammatik. Bd. I, II. Göttingen, 1928.

16. Иванова В.А. О конструкциях с плеонастическим употреблением местоимения в современном русском языке // Материалы III межобластной конференции кафедр русского языка педвузов Поволжья. Куйбышев, 1959.

References

1. Saifulinova A.M., Privalova Yu.V. Features of the transfer of expressiveness in the translation of texts of political discourse // Successes of modern natural science. № 5. 2012. P. 161-164.

2. Encyclopedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings / edited by A. P. Skovorodnikov. M. : FLINTA, 2011. 480 p.

3. Koltsova L.M., Kubyshkin I.A. Types and functions of segmented syntactic constructions in Russian political discourse // Topical issues of modern philology and journalism. № 4 (47). 2022. P. 33-37.

4. Kuznetsov P.S. Russian dialectology : Textbook for teachers' institutes. M. : Uchpedgiz, 1954. 156 p.

5. Russian dialectology : A textbook for philological faculties of universities / Edited by V.V. Kolesov. M. : Higher School, 1990. 207 p.

6. Shapiro A.B. Essays on the syntax of Russian folk dialects : the structure of a sentence. M. : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1953. 317 p.

7. Trubinsky V.I. Essays on Russian dialect syntax. L.: LSU Publishing House, 1984. 214 p.

8. Goldin V.E. Theoretical problems of communicative dialectology : abstract of the dissertation... Doctor of Philological Sciences. Saratov, 1997. 52 p.

9. Kolshansky G.V. Communicative function and structure of language. M.: Nauka, 1984. 175 p.

10. Demeshkina T.A. Theory of dialect utterance. Aspects of semantics. Tomsk: Tomsk University Press, 2000. 190 p.

11. Lomov A.M. Selected works. Voronezh : VSU Publishing House, 2023. 133 p.

12. Dictionary of Voronezh dialects / Edited by G.F. Kovalev. Issues 1-3. Voronezh : VSU Publishing House, 2004-2019-.

13. Sobinnikova V.I. A simple sentence in Russian folk dialects : Based on the materials of the dialects of the Voronezh region. Voronezh : Voronezh University Press, 1961. 297 p.

14. Strelkov P.G. Syntax of Permian fairy tales // Scientific notes of Perm State University. Issue 11. 1931.

15. Vondrák W. Comparative Slavic grammar. Bd. I, II. Göttingen, 1928.

16. Ivanova V.A. Russian Russian on constructions with the pleonastic use of pronouns in modern Russian // Materials of the III inter-regional conference of the departments of the Russian language of pedagogical universities of the Volga region. Kuibyshev, 1959.

УДК 81’322.4
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.004

Тульский государственный университет
Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и методика образования»
Фатюшина Е.Ю.
Россия, г. Тула, тел. +7 906 530-56-81
email: fatyushina@yandex.ru

Tula State University
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Education
Fatyushina E. Yu.
Russia, Tula, tel. +7 906 530-56-81
email: fatyushina@yandex.ru

Тульский государственный университет
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и перевода
Семина О.Ю.
Россия, г. Тула,
тел. +7 910 947-20-96
e-mail: syomina1007@yandex.ru

Tula State University
The chair of linguistics and translation studies
PhD, associate professor
Syomina O. Y.
Russia, Tula,
tel. +7 910 947-20-96
e-mail: syomina1007@yandex.ru

Е.Ю. Фатюшина, О.Ю. Семина

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируются достижения и перспективы использования искусственного интеллекта в сфере машинного перевода (МП) технических текстов. Делая краткий обзор истории развития основных моделей МП, авторы подчеркивают, что внедрение технологии нейронных сетей стало несомненным прорывом, однако пока не позволило уравнять качество получаемого перевода с переводом, сделанным вручную. При этом сегодня сервисы полностью автоматизированного МП (Google Translate и под.), несмотря на ряд недостатков, используются широким кругом пользователей для самых разных целей, что обусловливает актуальность регулярного мониторинга их возможностей в переводе текстов различных функциональных стилей. В данной работе варианты перевода, предложенные сервисами Google Translate, Yandex Translate, DeepL, PROMT, анализируются в сопоставлении с решением, принятым человеком в ходе ручного перевода. Авторы исследования приходят к выводу, что привлечение самообучающихся нейронных сетей позволило практически исключить грамматические ошибки при переводе технических текстов и значительно уменьшить количество лексических. В то же время актуальной проблемой остается наличие фактических ошибок и несоответствующих широкому контексту формулировок, что обусловлено неспособностью нейронных сетей выявлять связи между текстом и экстралингвистической реальностью (сопоставлять графики и иллюстрации, осуществлять поиск стандартных терминологических эквивалентов, использующихся в текстах аналогичной тематики, и т.д.). Перспективным видится введение в процесс машинного перевода «интерредактирования» – диалога между переводчиком-человеком и искусственным интеллектом с возможностью ориентировать нейросеть на поиск ресурсов, имеющих решающее значение для корректной интерпретации исходного текста.

Ключевые слова: машинный перевод (МП), искусственный интеллект (ИИ), ручной перевод / перевод вручную, самообучающиеся нейронные сети, предредактирование, постредактирование, интерредактирование, технический перевод.

© Фатюшина Е.Ю., Семина О.Ю., 2024

E.Y. Fatyushina, O.Y. Syomina

MACHINE TRANSLATION OF TECHNICAL TEXTS: CURRENT STATE AND PROSPECTS

The article analyzes the achievements and prospects of using artificial intelligence in the field of machine translation (MT) of technical texts. Making a brief overview of the history of the development of major MT models, the authors emphasize that the introduction of neural network technology, though being an undoubted breakthrough, so far has not brought the quality of machine translation close enough to that of human translation. At the same time, fully automated translation systems (such as Google Translate), despite a number of disadvantages, are currently employed by a wide range of users for a variety of purposes, which predetermines the need for regular monitoring of their translation capabilities concerning texts of various functional styles. In this paper, the translations offered by Google Translate, Yandex Translate, DeepL, PROMT are analyzed in comparison with solutions taken by a human translator. The authors of the study conclude that introduction of self-learning neural networks has made it possible to practically eliminate grammatical errors in the translation of technical texts and significantly reduce the number of lexical ones. However, other problems, such as the presence of factual errors and the choice of translation equivalents that do not correspond to the broader context, still remain due to the inability of neural networks to identify links between text and extralinguistic reality (to compare graphs and illustrations, to search for standard terminological equivalents used in texts devoted to similar subjects, etc.). An idea that the authors find promising is introduction of "inter-editing" into the process of machine translation – an opportunity for a dialogue between the human translator and the artificial intelligence that could prompt the neural network to search for resources crucial for the correct interpretation of the source text.

Keywords: machine translation (MT), artificial intelligence (AI), manual translation / human translation, self-learning neural networks, pre-editing, post-editing, inter-editing, technical translation.

Сегодня можно без преувеличения сказать, что письменный перевод стал одной из тех многочисленных сфер человеческой деятельности, которые коренным образом изменились с появлением искусственного интеллекта. Путь, пройденный машинным переводом (МП), начиная с первых экспериментов по практической реализации идеи в 1954 году компанией IBM совместно с Джорджтаунским университетом, подробно описан в ряде публикаций (см., напр., [1; 2]). Здесь отметим лишь, что первым прорывом в этой сфере стала разработка в 1970-е гг. МП «на основе правил» (Ruled-Based Machine Translation, RBMT). В рамках этой модели на основе правил представления языковых единиц каждого уровня и ряда принципов (полноты, экономичности, непротиворечивости, удобства записи правила, оптимизации алгоритмической обработки текста), осуществлялся морфологический, синтаксический и семантический анализ исходного текста, трансфер (соотнесение слов и фраз исходного текста с их соответствием на языке перевода) и синтез перевода. В начале 1980-х гг. Макото Нагао из университета Киото подверг RBMT критике и предложил свой подход, который позднее сформировался в статистическую модель машинного перевода (Statistical Machine Translation, SMT). Теперь вместо словарей использовались большие корпусы параллельных текстов, позволяющие осуществлять более глубокий анализ контекста (а значит, например, и определять профессиональную сферу, к которой относится переводимый текст), а также вычислять статистическую вероятность того, что именно данная языковая единица будет адекватным переводческим соответствием для конкретного контекста. С развитием нейробиологии пришла идея осуществлять машинный перевод посредством самообучающихся нейросетей (Neural Machine Translation, NMT). Процесс обучения нейросети проходит с использованием большого объема параллельных текстов и является открытым, что позволяет сети постоянно совершенствоваться. На данный момент именно модель NMT признается наиболее прогрессивной. Тем не менее, как указывают исследователи, она, как и SMT, ставит во главу угла не целостный текст, а отдельные слова и фразы, что делает процесс перевода весьма далеким от перевода, выполняемого вручную [1, с. 73].

Современные системы машинного перевода делятся на предметно-ориентированные бинарные системы, работающие на основе использования накопленных примеров (example-based), и системы статистического машинного перевода. Однако, как отмечает Л.Г. Беляева, «по сути, все современные варианты систем МП являются гибридными, поскольку сочетают

использование архивов систем переводческой памяти с процедурами, реализующими МП для тех фрагментов текста, которые в этих архивах не найдены» [3, с. 13].

Нужно отметить, что машинный перевод (machine translation) – автоматический перевод при помощи таких программ, как Google Translate, DeepL, Yandex Translate, – не следует отождествлять с автоматизированным переводом (computer-aided translation), который осуществляется человеком-переводчиком с помощью компьютерных средств: приложений, онлайн-словарей и т.д. [2, с. 402]. В любом случае неоспоримым является тот факт, что разграничение ручного перевода и машинного перевода в классическом понимании (human translation vs. machine translation) перестало быть актуальным, поскольку сегодня человек в своей переводческой деятельности так или иначе задействует автоматизированные ресурсы, будь то электронные словари, программы переводческой памяти или сервисы полностью автоматизированного перевода. Как отмечают авторы публикации [4, с. 44], вместо этого все чаще противопоставляются понятия machine translation и translation from scratch – перевод, выполняемый человеком без использования каких бы то ни было компьютерных ресурсов.

На сегодняшний день наиболее эффективными из сервисов машинного перевода являются системы переводческой памяти (computer-aided translation programs, CAT-tools, или CAT-инструменты), без которых немыслима работа любого бюро переводов и любой серьезной компании, имеющей дело с документацией на двух и более языках. Такие программы (SmartCat, TRADOS, MemoQ и др.), представляя в распоряжение пользователя память переводов, управление глоссариями и функцию совместной работы переводчиков над одним документом, подразумевают совместную с человеком работу над текстом. Сервис, основываясь на уже переведенных материалах по данной тематике, производит сопоставление сегментов текста оригинала и текстов перевода внутри базы данных и предлагает человеку для перевода соответствующего отрезка текста готовый вариант, который может быть им принят или отклонен. Несмотря на видимые преимущества CAT-инструментов, у них есть и ряд недостатков – в частности, значительная стоимость версий с расширенным функционалом. Кроме того, исследователи замечают, что при всех достоинствах CAT-инструментов они все равно, уже своим интерфейсом, навязывают не свойственное для человека восприятие текста, приводящее к доминированию стратегии «снизу вверх» [5, с. 544]. Практика показывает, что переводчики-фрилансеры, которые не работают с большими объемами документации, но при этом имеют дело с текстами разных тематик и жанров, предпочитают обращаться именно к сервисам полностью автоматизированного перевода вроде Google Translate. Помимо них к услугам подобных сервисов прибегает широкий круг пользователей самых разных категорий – это не только школьники и студенты, но и ученые и специалисты, сталкивающиеся с задачей перевода результатов своих исследований для публикации.

Авторами статей о машинном переводе высказывается мнение, что задача добиться уровня перевода, «незначительно уступающего ручному переводу переводчика средней квалификации» [1, с. 69] так и не была достигнута. Отношение к МП на современном этапе варьируется от крайнего пессимизма (область его применения ограничена, а что касается специализированных текстов, переводить их ИИ «не способен в принципе – ни сегодня, ни через сто лет» [6]) до сдержанного оптимизма авторов, которые считают, что проблемы будут решены, когда доучатся нейросети, и не только нейросети, но и переводчики, которым тоже нужно приноравливаться к новым техническим средствам [5].

Поскольку исторически машинный перевод был нацелен именно на перевод специальных текстов, сегодня особенно остро встает вопрос о том, насколько эволюционировали средства МП в этом направлении.

Нами был проведен эксперимент, в рамках которого специально-технические тексты различных тематик, содержащие те или иные переводческие трудности, были переведены с помощью следующих широко используемых в настоящее время сервисов МП.

1) Google Translate. США, 2003 г. С 2006 г. сервис основывался на языковой модели SMT (статистический машинный перевод), используя данные поисковой системы для формирования базы параллельных корпусов, а позже перешел на модель NMT [1, с. 72], точнее, GNMT (Google's Neural Machine Translation), которую компания Google разработала к осени 2016 [7, с. 325].

2) Yandex Translate (Яндекс Переводчик). Россия, 2009 г. [7, с. 325]. Как и Google Translate, первоначально работал на основе SMT, используя данные крупнейшей поисковой системы. На сегодняшний день базируется на гибридной модели, совмещающей достоинства SMT и NMT [1, с. 72], причем нейросетевая модель была самостоятельно разработана компанией «Яндекс» уже в 2017 году, в кратчайшие сроки после Google [7, с. 325].

3) DeepL (от англ. deep learning — глубокое обучение). Германия, 2017 г. Данный онлайн-переводчик использует «свёрточные нейронные сети» (convolutional neural networks (CNNs)), обученные на основе базы Linguee. Они, по свидетельству разработчиков, «несколько лучше подходят для перевода длинных последовательных словосочетаний, но до сих пор не использовались конкурентами, которые предпочитали использовать рекуррентные нейронные сети либо статистический перевод» [8].

4) PROMT (от англ. «PROject of Machine Translation»). Россия, 1991 г. [7, с. 335]. В основу этого сервиса МП легли отечественные традиции: одним из фундаментальных исследований естественного языка, сделавшим возможным появление в 1990-е гг. передового по тем временам машинного переводчика, были работы И.А. Мельчука в русле RBMT [1, с. 67]. На данный момент сервис использует гибридную модель, сочетающую RBMT с PROMT Neural – вариантом NMT [9].

5) Chat GPT (от англ. Generative Pre-trained Transformer). США, 2022 г. Перевод является лишь одним из многочисленных возможных вариантов применения этого чат-бота на базе нейросетевой модели ИИ: он отвечает на вопросы, создает тексты, помогает писать программы и пр. Свободный доступ пользователей к системе был открыт 30 ноября 2022 года, однако на данный момент использование Chat GPT пользователям с российскими телефонными номерами недоступно. Впрочем, попытки других исследователей сравнить возможности Chat GPT как машинного переводчика с другими известными сервисами МП показали, что пока по качеству перевода он уступает таким системам, как Yandex Translate, Google Translate и DeepL [10]. Исследование [11] показало, что разрекламированный сервис не справляется, в частности, с такими переводческими трудностями, как разрешение многозначности, перевод терминологии, правильная передача грамматического рода, местоимений с контекстуальным значением, эллиптических конструкций и др. К тому же его использование оказалось сопряжено со множеством неудобств, таких, как «сложная регистрация, частные проблемы с авторизацией из-за перегруженности серверов, необходимость перевода больших текстов по частям (при том, что данная система не понимает, что только что переводила кусок этого же документа, и одинаковые слова и выражения может перевести по-разному)» [10]. Тем не менее, позволим себе предположить, при некотором усовершенствовании именно системы подобного рода могут приблизиться к выполнению амбициозной задачи сравнять качество машинного перевода с результатом работы среднестатистического переводчика-человека.

Далее приводится ряд наиболее показательных примеров из специально-технических текстов, предложенных нами для перевода перечисленным выше сервисам МП. На фоне сопоставительного анализа полученных в ходе эксперимента вариантов перевода аргументируется решение, принятое переводчиком-человеком.

(1) *Add 100μL of rabbit capture antibody to each well of the* ***microtitre plate*** *and store overnight at ~4°C … Do not touch the bottom of the* ***microtitre plate.***

Варианты систем МП:

Google Translate: «микротитрационный планшет»; Yandex Translate: «пластина для микротитрования»; DeepL: «микротитровальный планшет»; PROMT: «микротитровая пластина».

В исходном тексте речь идет о подготовке инструмента для лабораторного анализа в области микробиологии. Процесс называется «микротитрованием»; тем не менее, производное прилагательное, употребляемое со словом «планшет» (plate), имеет форму «микротитрационный» [12, п. 1.4.1], чем и объясняется принятое переводчиком решение выбрать в качестве эквивалента словосочетание «микротитрационный планшет».

В предложенных машинными переводчиками вариантах встречаются некорректные дериваты «микротитровальный» и «микротитровый», а также перевод «plate» с помощью лексемы «пластина». Тем не менее, следует признать, что Google Translate с задачей справился – по-видимому, за счет большого объема имеющейся в его распоряжении базы примеров.

(2) *Pinless Mixers Benchmarking* (название таблицы в презентации, посвященной преимуществам и недостаткам различных марок устройств для перемешивания гипса).

Варианты систем МП:

Google Translate: «бенчмаркинг бесштифтовых смесителей»; Yandex Translate: «сравнительный анализ бесконтактных смесителей»; DeepL: «бенчмаркинг бесштыревых смесителей»; PROMT: «бенчмаркинг миксеров без штифтов».

Прилагательное «pinless» в данном контексте означает отсутствие в обсуждаемых устройствах частей вытянутой формы; как показывает работа со словарями, в русском языке этому термину соответствует эквивалент «бесштифтовой», в то время как само существительное «pin» может переводиться с помощью целого ряда соответствий («штифт», «штырь», «ось», «палец» и др.), однако целиком словосочетание «pinless mixer» в словарях не зафиксировано. Обсуждение терминологии с представителями производства в соответствующей сфере позволило уточнить, что для обозначения описываемых устройств в русском языке используется терминологическое словосочетание «беспальцевый смеситель». Приведенный пример наглядно показывает, что в определенных случаях для точного перевода необходимо обращение к знаниям о традиции употребления того или иного термина в профессиональной сфере.

(3) ***Cruising phase*** *corresponds to the on-going sales.*

Варианты систем МП:

Google Translate: «крейсерская фаза»; Yandex Translate: «крейсерская фаза»; DeepL: «крейсерская фаза»; PROMT: «крейсерская фаза».

Текст оригинала относится к сфере маркетинга, и словосочетание «cruising phase» в нем соответствует одному из этапов жизненного цикла продукта. Это очевидно из имеющегося в переводимом тексте графика (рис. 1): фаза «Cruising Phase» на нем расположена над отрезком «Maturity» («Зрелость») на оси между фазами запуска и завершением жизненного цикла продукта (его уходом с рынка).

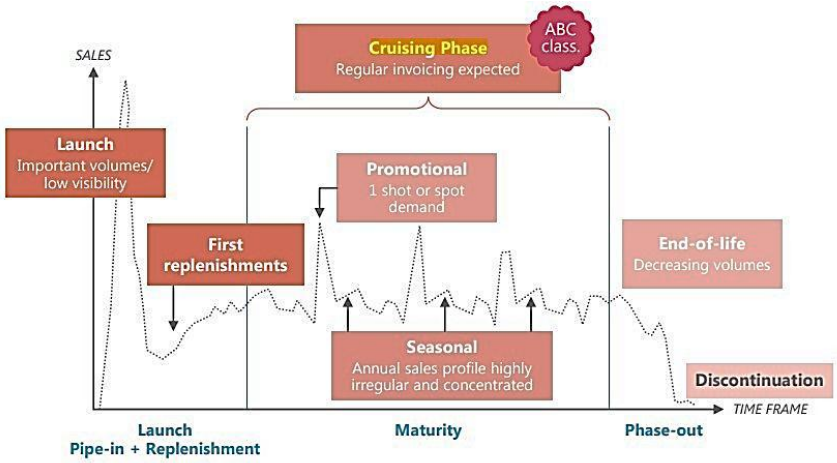

Рис. 1

Оксфордский словарь среди прочих значений слова «cruise» приводит следующие: «travel smoothly at a moderate speed» и «achieve an objective with ease» [13], что свидетельствует о наличии у этого слова таких сем, как «плавность движения» и «легкость в достижении целей». Обобщение приведенной выше информации позволяет перевести словосочетание как «фаза налаженного производства».

(4) *Ergonomics must be assessed and specified, this also applies to spray through* ***caps*** *(STCs) … tolerance of a* ***cap*** *shall prevent stress cracks / overtightening*. (Из спецификации аэрозольного баллончика)

Варианты систем МП:

Google Translate: «аэрозольный колпачок»; Yandex Translate: «аэрозольный колпачок»; DeepL: «аэрозольный колпачок»; PROMT: «колпачок аэрозольного баллона».

Все системы МП, задействованные в эксперименте, предложили для перевода слова «cap» вариант «колпачок». Тем не менее, анализ фотоматериалов из сети Интернет свидетельствует о том, что это разные детали аэрозольного баллончика (ср. рис. 2 и рис. 3). Целесообразным в данном случае представляется использование в переводе словосочетания «насадка распылителя аэрозоля». Переводческое соответствие русскому «колпачок аэрозоля» - «cover cap».

Рис. 2. **Cap**

Рис. 3. **Колпачок**

(5) **Dead legs** *are found in product pipe.*

Варианты систем МП:

Google Translate: «В продуктовой трубе обнаружены мертвые ноги»; Yandex Translate: «В трубе для продукта обнаружены мертвые ножки»; DeepL: «В продуктопроводе обнаружены мертвые ноги / ножки»; PROMT: «Мертвые ножки обнаружены в трубе продукта».

Текст оригинала представляет собой отчет об аудиторской проверке промышленного предприятия. Анализируя широкий контекст, важно отметить, что немного выше в тексте приводятся замечания по чистоте помещений (*"lots of dust, metal particles and lubricant"*). Этот факт действительно заставляет склоняться в сторону принятия варианта с «мертвыми ножками» (например, можно допустить, что это ножки насекомых), который так единодушно предлагают системы МП. Вместе с тем, работа со словарями (Multitran, Building Dictionary) позволяет обнаружить искомый эквивалент для «dead leg» – терминологическое словосочетание «тупиковый отросток трубопровода» – и перевести исходное предложение следующим образом: «В продуктопроводе обнаружены тупиковые ответвления».

Несмотря на то, что в большинстве приведенных примеров перевод, представленный системами МП, оказался отличным от переводческого решения, принятого человеком, не представляется возможным и назвать его совершенно неудовлетворительным. С привлечением нейросетей для решения задач МП качество перевода заметно повысилось, что наглядно

иллюстрируют статьи о типичных ошибках машинных переводчиков, написанных до 2017 года (именно тогда большая часть МП перешла на NMT или гибридную модель с использованием NMT). Так, в статье 2014 года «Машинные системы перевода: качество и возможности использования» [14] сравниваются переводы одного и того же отрывка текста, выполненного «ПРОМТ» (на тот момент сервис использовал модель RBMT) и Google Translate (в 2014 г. – SMT). Согласно выводам автора публикации, «“ПРОМТ” допускает меньше ошибок с определением частеречной принадлежности лексических единиц; обе системы не всегда справляются с выбором верного управления, подбором правильного лексического эквивалента и нормами употребления глагольного вида в русском языке». Опыт работы с этими переводчиками на данный момент (начало 2024 года) показывает, что подобных грамматических ошибок они уже не допускают. Единственная зафиксированная нами грамматическая ошибка была связана с переводом «microtitre» как «микротитровальный» и «микротитровый». Несовершенство нейросетевого машинного перевода, как мы увидели из приведенных примеров, сейчас главным образом проявляется в проблемах, которые лежат за пределами сферы грамматической правильности.

Выполняя ручной перевод, переводчик анализирует не только узкий, но и широкий контекст: статьи по теме, справочные издания, рисунки, фото- и даже видеоматериалы; при необходимости он также может проконсультироваться со специалистами в области, к которой относится текст оригинала. Переводческий потенциал ИИ пока ограничен анализом контекстов, обнаруженных в базе поисковой системы, хотя нельзя не признать, что уже на данный момент у него имеется возможность выйти за эти рамки. Нейросети Google и Яндекс способны по фотографии определить вид растения или автора картины; чат-боты и GPT-чаты во время интерактивного диалога с человеком ищут в базе необходимую информацию, распознают картинки, делают перевод коротких (пока) текстов.

В чем решение проблем машинного перевода на сегодняшнем этапе? Один из выходов видится в учете того, что исследователи называют «индикаторами переводимости» [15] / «маркерами переводимости» [16], то есть языковых особенностей, представляющих особую трудность для МП, таких, как вставные конструкции, эллипсис, падежная омонимия и пр. Очевидно, что для получения адекватных результатов работа с сервисами МП в обязательном порядке должна включать этап оптимизации и упрощения – предредактирования (так же, как за обработкой текста системой и выдачей результата должен следовать этап постредактирования). Однако на современном этапе все более остро стоит вопрос о том, кто должен такую оптимизацию осуществлять. Предредактирование, выполняемое человеком, – это немалый труд «вручную», занимающий время, сопоставимое с черновым переводом. Поэтому вполне логично ожидать от дальнейших этапов развития нейросетевых технологий МП появления и постепенного совершенствования функции предредактирования. На сегодняшний день, к сожалению, сервисы МП не справляются даже с задачей приведения текста к соответствию формальным требованиям (например, с идентификацией и устранением разбиения предложений и даже слов на части абзацным отступом в результате распознавания текста). Весьма привлекательной является идея об использовании для предпереводческого анализа текста потенциала генеративных языковых моделей (чат-ботов), однако на сегодняшний день исследования демонстрируют их непригодность для самостоятельного осуществления этой части рутинной работы переводчика – в первую очередь в связи с тем, что любые данные, полученные с помощью таких помощников, нуждаются в проверке на достоверность [17].

В настоящий момент разрабатываются и сервисы по постредактированию (PMET), однако для эффективного осуществления постредактирования с помощью этих сервисов переводчику все же приходится прорабатывать исходный текст, контролируя результаты работы нейросети. Выход из этой ситуации, особенно перспективный в отношении технических текстов, база которых обычно слишком мала для корректного обучения ИИ, заключается в применении «интерактивного фразеологического перевода. Он предоставляет переводчику воз-

можность не только вмешиваться в процесс перевода, но и обеспечивает обучение системы для последующего перевода аналогичных по лексическому составу и понятийной структуре научно-технических текстов» [1, с. 76]. По аналогии с предредактированием и постредактированием назовем этот процесс интерредактированием.

Прорыв в машинном переводе мог бы произойти, если бы подобные чат-боты научились в процессе перевода находить проблемные места, требующие вмешательства человека, и задавать адекватные вопросы (Действительно ли текст, в котором употреблена фраза «cruising phase», относится к сфере маркетинга? Действительно ли изображения, обнаруженные в сети Интернет по запросам «сар» и «колпачок», соотносятся с разными элементами аэрозольного баллончика? Можно ли допустить, что фраза «мертвые ноги/ножки в продуктовой трубе» описывает ситуацию, обычную для производства?). Именно такое редактирование в процессе, интерредактирование, помогло бы улучшить качество машинного перевода.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что современные системы МП, несмотря на колоссальные успехи, достигнутые в связи с привлечением к процессу перевода самообучающихся нейросетей, пока неспособны обеспечить адекватный перевод технического текста. Актуальными на сегодняшний день остаются такие проблемы, как правильная интерпретация многозначных слов; выбор адекватных соответствий для терминов, в первую очередь полилексемных; подбор эквивалентов для редких и новых терминологических единиц, не встречающихся в базах данных системы МП, и т. д. Одним из решений в данной ситуации представляется работа в направлении использования потенциала современных нейросетевых технологий для интерредактирования – идентификации проблемных мест текста оригинала, требующих «точечного» вмешательства человека в процесс перевода и привлечения экстралингвистических данных.

Библиографический список

1. Колин К.К., Хорошилов А.А., Никитин Ю.В., Пшеничный С.И., Хорошилов А.А. Искусственный интеллект в технологиях машинного перевода // Социальные новации и социальные науки. Москва: ИНИОН РАН, 2021. № 2. С. 64–80.

2. Утробина А.А. Компьютерная лингвистика и машинный перевод: об истории становления // Вестник Башкирск. ун-та. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-lingvistika-i-mashinnyy-perevod-ob-istorii-stanovleniya (дата обращения: 26.01.2024).

3. Беляева Л.Н. Машинный перевод в работе переводчика: практический аспект // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-v-rabote-perevodchika-prakticheskiy-aspekt (дата обращения: 26.01.2024).

4. Камшилова О.Н., Беляева Л.Н. Машинный перевод в эпоху цифровизации: новые практики, процедуры и ресурсы // Terra Linguistica. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-v-epohu-tsifrovizatsii-novye-praktiki-protsedury-i-resursy (дата обращения: 27.01.2024).

5. Овчинникова И.Г. Использование компьютерных переводческих инструментов: новые возможности, новые ошибки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 2. С. 544-561.

6. Блеск и нищета машинного перевода // TOPTR. (11.02.2020). URL: https://www.toptr.ru/library/translation-as-service/blesk-i-nishheta-mashinnogo-perevoda.html (дата обращения: 20.01.2024).

7. Ситдикова Ф.Б., Хисамова В.Н., Усманов Т.Р. «Передняя часть правого теленка», или ошибки машинного перевода (на основе анализа автоматических субтитров) // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, №2 (27). С. 324-327.

8. Devin Coldewey, Frederic Lardinois. DeepL schools other online translators with clever machine learning // TechCrunch. 29.08.2017.

9. Нейросетевой машинный перевод: революция на наших глазах // PROMT. URL: https://www.promt.ru/technology/neural-machine-translation/ (дата обращения: 21.01.2024).

10. Автоматический перевод с иностранного языка – сравнение Chat GPT, Яндекс- и Google-переводчиков // Блог компании «Петролекс». (09.03.2023). URL: https://petroleks.ru/blog/2023/03/09/avtoperevod/ (дата обращения: 19.01.2024).

11. Castilho Sh., Mallon Cl. Q., Meister R., Yue Sh. Do online Machine Translation Systems Care for Context? What About a GPT Model?. In Proceedings of the 24th Annual Conference of the European Association for Machine Translation, pages 393–417, Tampere, Finland. European Association for Machine Translation. URL: https://aclanthology.org/2023.eamt-1.39.pdf (дата обращения: 26.01.2024).

12. Практическое руководство по иммуноферментному анализу [Электронный ресурс] https://neo-test.ru/wp-content/uploads/2021/10/prakticheskoe-rukovodstvo-ifa-rus.pdf (дата обращения: 19.01.2024).

13. Oxford Dictionary of English. 3rd Edition. Oxford University Press, 2010.

14. Новожилова А.А. Машинные системы перевода: качество и возможности использования // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2014. №3 (22). С. 67-73.

15. Шереметьева С.О., Калинникова И.О. Экспериментальный анализ индикаторов переводимости экономических текстов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2019. Т. 16, № 2. С. 44–50.

16. Бабина О.И. Машинная переводимость русскоязычных научно-технических текстов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2014. Т. 11. №3. С. 5-14.

17. Артамонова М.В., Мамбетов А.А., Тулина Е.В. Чат-бот как инструмент в работе переводчика // Litera. 2023. № 8. С. 235-253. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43875 (дата обращения: 26.01.2024).

References

1. Kolin K.K., Khoroshilov A.A., Nikitin Y.V., Pshenichny S.I., Khoroshilov A.A. Artificial intelligence in machine translation technologies // Social innovations and social sciences. Moscow:, 2021. Vol. 2. P. 64–80.

2. Utrobina A.A. Computer linguistics and machine translation: about the history of its formation // The Bulletin of Bashkiria University. 2022. Vol. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-lingvistika-i-mashinnyy-perevod-ob-istorii-stanovleniya (date of application: 26.01.2024).

3. Belyaeva L.N. Machine translation in the work of a translator: a practical aspect // Bulletin of PNRPU. Problems of linguistics and pedagogy. 2019. Vol. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-v-rabote-perevodchika-prakticheskiy-aspekt (date of application: 26.01.2024).

4. Kamshilova O.N., Belyaeva L.N. Machine translation in the era of digitalization: new practices, procedures and resources // Terra Linguistica. 2023. Vol. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-v-epohu-tsifrovizatsii-novye-praktiki-protsedury-i-resursy (date of application: 27.01.2024).

5. Ovchinnikova I.G. Using computer translation tools: new opportunities, new mistakes // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Linguistics = Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23. Iss. 2. P. 544-561.

6. Splendour and misery of machine translation // TOPTR. (11.02.2020). URL: https://www.toptr.ru/library/translation-as-service/blesk-i-nishheta-mashinnogo-perevoda.html/ (date of application: 20.01.2024).

7. Sitdikova F.B., Khisamova V.N., Usmanov T.R. “The front part of the right calf”, or machine translation errors (based on the analysis of automatic subtitles) // Baltic Humanitarian Journal. 2019. Vol. 8. Iss. 2 (27). P. 324-327.

8. Devin Coldewey, Frederic Lardinois. DeepL schools other online translators with clever machine learning // TechCrunch. 29.08.2017.

9. Neural network machine translation: a revolution before our eyes // PROMT. URL: https://www.promt.ru/technology/neural-machine-translation/ (date of application: 21.01.2024).

10. Automatic translation from a foreign language – comparison of Chat GPT, Yandex and Google translators // Petrolex company blog. (09.03.2023.) URL: https://petroleks.ru/blog/2023/03/09/avtoperevod/ (date of application: 19.01.2024).

11. Castilho Sh., Mallon Cl. Q., Meister R., Yue Sh. Do online Machine Translation Systems Care for Context? What About a GPT Model?. In Proceedings of the 24th Annual Conference of the European Association for Machine Translation, pages 393–417, Tampere, Finland. European Association for Machine Translation. URL: https://aclanthology.org/2023.eamt-1.39.pdf (date of application: 26.01.2024).

12. Practical guide to enzyme immunoassay [Electronic resource] https://neo-test.ru/wp-content/uploads/2021/10/prakticheskoe-rukovodstvo-ifa-rus.pdf (date of application: 19.01.2024.)

13. Oxford Dictionary of English. 3rd Edition. Oxford University Press, 2010.

14. Novozhilova A.A. Machine translation systems: quality and possibilities of use //The Bulletin of Volgograd State University. Ser. 2. Linguistics. 2014. Vol. 3 (22). P. 67-73.

15. Sheremetyeva S.O., Kalinnikova I.O. Experimental analysis of indicators of translatability of economic texts // The Bulletin of SUSU. Series “Linguistics”. 2019. Vol. 16. Iss. 2. P. 44–50.

16. Babina O.I. Machine translatability of Russian-language scientific and technical texts // The Bulletin of SUSU. Series “Linguistics”. 2014. Vol. 11. Iss. 3. P. 5-14.

17. Artamonova M.V., Mambetov A.A., Tulina E.V. Chatbot as a tool in the work of a translator // Litera. 2023. Vol. 8. P. 235-253. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43875 (date of application: 26.01.2024).

УДК 81’42
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.005

Воронежский государственный университет
Доктор филологических наук
Доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Меркулова И.А.
Россия, г. Воронеж, тел. + 79204102569
E-mail: igel1@yandex.ru

Voronezh State University
Doctor of Philology
Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department
Merkulova I.A.
Russia, Voronezh, tel. + 79204102569
E-mail: igel1@yandex.ru

И.А. Меркулова

КАКИЕ ОНИ, СЛОВА НАШЕГО ВРЕМЕНИ?

В статье исследуются динамические явления в лексике современного русского языка. Выявление актуальных на современном этапе слов и значений проводится с учетом таких источников инноваций, как проект “Слово года” Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, информационно-поисковый лексикографический ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы» Института лингвистических исследований РАН и онлайнового словаря современной лексики, жаргона и сленга «Словоново» как примера любительской лексикографии пользователей интернета. Временной интервал выборки составляет шесть лет для слов года (2018-2023 гг.) и три года для словарных материалов НРЛ – новое в русской лексике (2021-2023 гг.). Проанализированы слова, обладающие признаками ключевых слов нашего времени, а также новые слова, появившиеся в это время. Показано, что в качестве способов образования новых слов используются лексическое заимствование, семантическое переосмысление и традиционное словообразование. Анализ популярных слов последних лет позволяет нарисовать в общих чертах концептуальную картину современности, выявить зоны и сферы неологизации и языкового творчества, тенденции речевого употребления. Наиболее важными концептами для носителя русского языка являются политика (внутренняя и внешняя), здоровье, поведение человека и информационные технологии. Единичные примеры связаны с новыми предметами, появившимися в жизни людей. Среди тенденций современного употребления отмечается жаргонизация речи, усиление оценочности и экспрессивности номинаций, распространение терминов за пределами узко специальных сфер, появление новых устойчивых оборотов, выходящих за пределы нормативного литературного языка.

Ключевые слова: неологизм, неологизация, русская лексика, слово года, жаргон.

I.A. Merkulova

WHAT ARE THE WORDS OF OUR TIMES?

The article studies dynamic phenomena in the vocabulary of the modern Russian language. Identification of words and meanings that are relevant at the present stage is carried out taking into account such sources of innovation as the project “Word of the Year” of the State Institute of Russian Language named A.S. Pushkin, information and retrieval lexicographic resource “New in Russian vocabulary. Dictionary materials" of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences and the online dictionary of modern vocabulary, jargon and slang "Slovonovo" as an example of amateur lexicography of Internet users. The time interval is six years for words of the year (2018-2023) and three years for vocabulary materials - new in Russian vocabulary (2021-2023). We analyzed words that have the characteristics of keywords of our time, as well as new words that appeared at this time. It is shown that lexical borrowing, semantic rethinking and traditional word formation are used as ways to form new words. Analysis of popular words of recent years allows us to draw a general conceptual picture of modernity, identify zones and spheres of neologization and linguistic creativity, and trends in speech use. The most important concepts for Russian are politics (domestic and foreign), health, human behavior and information technology. Isolated examples are associated with new objects that have appeared in people's lives. Among the trends in modern usage, there is the jargonization of speech, increased evaluativeness and expressiveness of nominations, the expansion of terms beyond the boundaries of narrowly special-

© Меркулова И.А., 2024

ized areas, the spread of new stable expressions that go beyond the normative literary language.

Key words: neologism, neologization, Russian vocabulary, word of the year, jargon.

Свои слова, у времени любого,
Нелепые, смешные иногда,
Мне с детства, например, известно слово
«Буза», что означает «ерунда».
Мы говорили в юности: «Железно!»
Махнув рукой, бросали: «А, ништяк!»
И упрекать нас было бесполезно,
Что классики не изъяснялись так.
Да, наш язык звучал тогда не книжно,
Был грубоват,
по правде говоря;
Зато словцо лакейское
«престижно»
Дремало где-то в толщах словаря!

Данное стихотворение поэта Ильи Фонякова, написанное еще в 1980 году, хорошо иллюстрирует две особенности современной русской лексики: повсеместное распространение жаргона, его быструю изменяемость и появление его новых разновидностей, а также изменение сочетаемости, и как следствие, семантики привычных слов.

Так какие же слова у нашего времени?

Существует несколько способов оценить распространенность, востребованность и популярность того или иного слова. Например, названия общественных явлений и важных тенденций, вербализованные через яркие неологизмы или давно существующие слова, которые приобрели новое значение, свидетельствует о востребованности словесного знака.

Еще в конце 90-х годов Е.А. Земская предлагала делить ключевые слова на две группы. Слова, имеющие высокую частотность относительно короткий период (не более месяца), и слова, характеризующие эпоху более глубоко, а потому высокочастотные более длительный период (более года) [1].

В 2009 г. в одной из своих статей Т.В. Шмелева предложила термин «ключевые слова текущего момента» и параметры, по которым их следует оценивать:

- резкий рост частотности употребления. Иногда это достигается с помощью аналитики поисковых запросов;
- использование слова в заголовках газетного текста и хештегах в социальных сетях;
- активное использование в разных конструкциях и сочетаниях с другими словами;
- языковая рефлексия со словом (то есть о нем говорят, его пытаются объяснить, понять);
- формирование новых синонимических и антонимических отношений.
- расширение сферы употребления и семантики слова (например, слово активно участвует в языковой игре – анекдотах, шутках, мемах) [2, с. 18].

Современный способ выявления ключевых слов – определение «слова года». Этот статус присваивается словам, повысившим свою функциональную значимость вследствие актуализации обозначаемых ими явлений. С 2018 года «слово года» выявляет Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. По словам специалистов института, слово года определяется по комплексной методике, сочетая компьютерные и экспертные методы. На основе компьютерного анализа текстов массовой коммуникации и социальных сетей выявляются десять наиболее резонансных тем года, вызвавших бурное обсуждение в обществе и связанных с важными событиями. В каждой из тем экспертным путем определяется ключевое слово или несколько ключевых слов, обладающих наибольшей смысловой емкостью и

значимостью для общества. Таким образом, алгоритм выглядит так: резонансная тема →ключевые слова→экспертный анализ.

Представим результаты этих экспериментов в виде таблицы.

Таблица 1. Слова года 2018-2023

Год	Слово 1	Слово 2
2018	шпиль	пенсионный
2019	пожар	протест
2020	самоизоляция	обнуление
2021	спутник	Афганистан
2022	наследие	релокация
2023	нейросеть	джипити/GPT

Почему именно эти слова? Обратимся к фактам.

Оказалось, что в 2018 году внимание носителей русского языка было обращено к резонансному событию – отравлению Сергея и Юлии Скрипалей в городе Солсбери. Правительство Великобритании обвинило Россию в причастности к покушению на убийство, разразился дипломатический конфликт. Основная достопримечательность этого города – готический собор Девы Марии, знаменитый своим 123 метровым *шпилем*. На втором месте оказалось слово «пенсионный» по вполне понятным причинам. Повышение возраста выхода на пенсию до сих пор периодически становится предметом обсуждения на разных уровнях.

Слова-лидеры 2019 года имеют отрицательную коннотацию. Слово «пожар» связано с многочисленными лесными пожарами в Сибири и потрясшем мировую общественность пожаром в Соборе Парижской Богоматери. Частотность слова «протест» обусловлена протестным движениям в Париже, Гонконге и Москве (митинги за допуск независимых кандидатов на выборы в Московскую городскую Думу в 2019 г). Слово «протест» является и юридическим термином. Так, в Большом юридическом словаре находим следующую его дефиницию: «ПРОТЕСТ – (от лат. protestor – публично заявляю, свидетельствую) – возражение. В праве РФ одна из форм осуществления надзора за соблюдением законности; заключается в мотивировке возражения прокурора против судебного или управленческого акта...» [3, с. 614]. В основе определения специального термина лежит общеязыковое его значение: «Протест – 1. Решительное возражение против чего-либо. Заявить протест. Демонстрация протеста. 2. Заявление о несогласии с каким-н. решением (офиц.)» [4, с. 623]. «Протест», совмещая функции юридического термина с общеязыковым употреблением этого слова, стало словом-символом современной эпохи, чему в большой степени способствовали СМИ, как традиционные, так и новые медиа. Несомненно, активизацию этого слова следует рассматривать в контексте такого явления, как медиатизация общественной жизни, под которой понимают «распространение влияния медиа на важнейшие области социальной жизни и обратный процесс вовлечения в информационную сферу различных сторон общественной деятельности» [5, с. 68–69]. Текстовый аспект существования ключевого слова проявляется не только в частотности его употребления. «Протест» обнаруживает способность к порождению новых текстов, то есть способность к тому, что Т. В. Шмелевой названо свойством текстогенности, а также к использованию в заголовках как одному из проявлений этого свойства. По словам Т. В. Шмелевой, это «максимально сильная позиция массовой коммуникации...» [2, с. 63]. Приведем примеры: *Избирательная слепота. Каким увидели воскресный протест блогеры и*

СМИ (https://fedpress.ru/article/1762991). *Они чувствуют наступление власти на права и свободы»: о цеховом протесте* (https://www.infox.ru/news/282/231060). *Социальный протест "скверного типа": как строительство храма в Екатеринбурге раскололо общество* (Комсомольская правда. 18.05.2019).

Начиная с 2020 года, все мысли носителей русского языка связаны с распространением новой коронавирусной инфекции, поэтому *коронавирус, ковид и самоизоляция* обнаруживаются среди ключевых слов этого года. Такое усиление (эмфазема) понятия вполне объяснимы. На втором месте оказалось внутриполитическое событие, охарактеризованное окказиональным образованием *обнуление* Обнуление президентских сроков как практика пересмотра конституционных ограничений, позволяющая действующему главе государства продлить максимальный срок своих полномочий встало для носителя русского языка в один ряд с пандемией, глубоко изменившей ход цивилизации. «Синтагматика обсуждаемой лексемы представлена не только традиционными моделями, прежде всего, новое заключается в том, применительно к какому объекту используется это слово и его производные: *обнуление империи; обнуление общества, обнуление политической конструкции; обнуление политического капитала Путина; обнуление нравов и самой этики; обнуление глобального мира*», – замечает Г.П. Байгарина [6, с. 103]. Налицо расширение сочетаемости данного слова: привести к нулю можно сегодня всё что угодно.

2021 год остается под властью сложной эпидемиологической ситуации, поэтому слова связаны исключительно с вакцинацией, поделившей наше общество на сторонников и антиваксеров. Лидером оказалось слово, называющее вакцину для профилактики коронавируса – Спутник V (Гам-КОВИД-Вак). Второе место в этот год заняло слово "Афганистан", частотность употребления которого связана с обсуждением событий в этой стране – выводом войск зарубежных миротворцев. Так как подобная ситуация является прецедентной для нашей страны, тема Афганистана вновь оказалась востребованной.

А вот выбор слов 2022 года вызывает серьезные вопросы. По версии института русского языка имени А. С. Пушкина, словом 2022 года стало «наследие», но анализ этого года нельзя назвать объективным. Специалисты проекта сообщили, что намеренно исключили из выборки слова, связанные с политической и военной тематикой, иначе победу одержало бы «специальная военная операция» или СВО. А так как среди самых частотных запросов, были: «культурное наследие», «объект наследия», «наследие России», «всемирное наследие», «год наследия», словом года выбрали именно *наследие*. Возможно, это объективно необъективное решение все-таки оправдано, в семантике этого слова заложена идея преемственности, единения, что очень необходимо сегодня всем жителям нашей страны. Буквально наследовать – идти следом.

Вице-доминантой оказалось слово релокация. Примечательно, что в известных толковых словарях это слово не фиксируется, информационный портал «Грамота.ру» также обходит его вниманием, а вот употребление в СМИ, по данным Национального корпуса русского языка, неуклонно растет, начиная с 2005 года, правда, 2022 год в корпусных данных пока не отражен.

Анализируя примеры употребления, можно предложить словарное описание этой лексемы.

Перевод осуществляется с целью обезопасить правительство от возможного американского вторжения. После оккупации Ирака, военное правительство страны опасается, что Мьянма станет одной из возможных целей военного удара США.Официально об этом объявлено не было, но источники в правительстве на условиях анонимности сообщили, что заместители министров и половина штата каждого из министерств уже выехали из Рангуна. Релокация учреждений началась утром в воскресенье 6 ноября.Как пишет Gulf Daily News, правительство намерено полностью осуществить перевод к апрелю 2006 года.Напомним, что военная хунта пришла к власти в Мьянме в 1988 году. До этого страной

правил военный диктатор генерал Не Вин, скончавшийся в 2002 году [Правительство Мьянмы эвакуирует министерства из-за боязни вторжения США // Lenta.ru, 07.11.2005].

Предприимчивые работники, уезжая трудиться в регионы, сдают свою квартиру и получают таким образом дополнительный доход. Для людей, не вовлеченных в сугубо столичную жизнь (походы по театрам, отдых в ночных клубах и так далее), переезд в провинцию – способ сэкономить. Часть товаров и услуг в провинции значительно дешевле, чем в столице. Некоторые рассматривают релокацию в регионы как возможность отдохнуть от столичной суеты: добираться до работы за 20 минут, дышать чистым воздухом [Екатерина Бритцова, Яна Прямилова, Антон Зайниев. Сидите в своей Москве // Труд-7, 23.11.2010].

В числе самых желанных мест релокации в России оказалась Москва, куда готовы отправиться 30 % иногородних директоров; на втором месте – Краснодарский край (25,5 % опрошенных), на третьем – Нижегородская область (17,6 %), Санкт-Петербург – на четвертом (15,6 %). «Российский и иностранный бизнес активно развивается за пределами столицы, продолжается вывод производства из крупных городов. А это значит, что все больше интересных позиций для менеджеров среднего и высшего звеньев открывается в регионах России [Свалить готовы // Ведомости, 2013.09.17].

Таким образом, релокация – это перемещение, возможно, временное, бизнеса или сотрудника в другое место, переезд внутри страны или за границу.

Интересно, что в 2022 году в орфографический словарь Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН было добавлено 151 слово. Это значит, что считавшиеся ранее сленгом слова получили статус общеупотребимых. Среди них *антиваксер, бумеры, телеграм-канал, стендап, допандемийный, БПЛА* (*беспилотный летательный аппарат*).

Наконец, слова-лидеры прошлого года связаны с цифровизацией: *нейросеть* и *джипити*. Можно сказать, что мы живем в эпоху цифровизации.

Слово «нейросеть» имеет стабильный рост частоты употребления по данным основного и газетного подкорпусов НКРЯ. Оно до сих пор не вошло в основные нормативные словари и лишь совсем недавно, в сентябре 2023 года, было добавлено в орфографический академический электронный ресурс «Академос». Оно активно живет в языке, обрастая производными: нейросетка, нейросеточка; нейросетевой.

Анализ контекстов (НКРЯ выдает 136 примеров) показывает, что употребления слова нейросеть соотносятся с той стороной искусственного интеллекта, которая обращена к людям и взаимодействует с ними, решая их задачи. Приведем примеры из НКРЯ:

Например, при обработке рентгенограмм и МРТ многослойные нейросети способны по изображениям составить представление об анатомии человека и его органах [А. В. Гусев, С. Л. Добриднюк. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // «Информационное общество», 2017].

Студентка Калифорнийского университета в Сан-Диего научила нейросеть писать фанфики про Гарри Поттера, скормив ей несколько сотен тысяч произведений народного творчества [Егор Михайлов. Гарри Поттер в нейросетях, а Толкин в казино. Лучшее в литературном интернете: 8 самых интересных ссылок недели (09.07.2017)].

С помощью нейросетей сегодня, например, решаются задачи распознавания изображений, такие как определение по видео возраста и пола человека, или наличие каски на рабочем [AI для людей: простыми словами о технологиях (21.10.2019) // 2019].

Нейросеть в бытовом, нетерминологическом смысле воспринимается говорящими как своего рода живое существо, которое можно учить, тренировать, с которым можно вступать в коммуникацию. Этим она отличается от искусственного интеллекта как такового, который остается в массовом сознании сложной, непостижимой, непредсказуемой, а иногда и опасной технологией. Как установила А.М. Плотникова, к связанным наиболее частотным словам, которые включаются в так называемое «облако слов» с нейросетью, относятся: человек, быть, писать, обучение, нейросетка, мочь, текст, картинка, генерировать [7, с. 48].

Второе место в 2023 году получило слово джипити. По определению словарных материалов «Новое в русской лексике», это чат-бот с функцией искусственного интеллекта, способный создавать тексты, а также поддерживать диалог с человеком; такой алгоритм обработки естественного языка. От англ. chatGPT (Generative Pre-trained Transformer ‘генеративный предварительно обученный трансформер’) – имя собств., название компьютерной программы, использующей алгоритм GPT – языковую модель искусственного интеллекта, обученную на больших текстовых данных и способную генерировать тексты, в значительной степени приближенные к создаваемым человеком. Ни значение, ни орфография слова пока не устоялись.

Таким образом, слово года позволяет взглянуть на те проблемы, которыми занималось общество в уходящем году, через призму языка. При этом побеждают и привычные, всем известные слова, которые именно в этом году оказались особенно востребованными, и неологизмы, появившиеся в ответ на потребности общественной жизни. Это не только отражение жизни общества в конкретном году, но и рефлексия этого общества над собственной жизнью.

Другим источником фиксации современных слов остаются выпуски серии «Новое в русской лексике» (https://neolex.iling.spb.ru/), которые регулярно выходят в печатном виде и являются результатом ежегодного профессионального обследования широкого круга изданий периодической печати, интернета, а также результатом тщательного лексикографического отбора. В словарь включается как лексика русского языка широкого употребления, так и окказиональные, индивидуально-авторские, единичные новообразования. С недавнего времени словарные материалы были оформлены как информационно-поисковый ресурс, который содержит: глоссарий (алфавитный указатель с элементами латинского алфавита и числовой последовательности для отражения слов-гибридов) и поисковый модуль, который позволяет фильтровать материал по следующим параметрам:

- тип неологической единицы – слово, устойчивое словосочетание, фразеологизм;
- хронологический статус единицы – примерный год появления единицы в русскоязычных текстах;
- грамматические характеристики единицы;
- семантические характеристики (многозначность единицы, зафиксированная в пределах одного года (количество значений в одной словарной статье) и/или в определенный период),
- также тематические пометы.

Проанализируем новые слова, зафиксированные этим ресурсом за три последних года. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2. Лексическая база «Новое в русской лексике. Словарные материалы» за 2021-2023 годы

Год	Количество неологизмов	Количество слов	Количество сочетаний	Количество фразеологизмов	Новое значение
2021	1662	1580	77	5	186
2022	790	744	40	6	86
2023	121	107	14	-	40

Если обратиться к количественному распределению неологизмов по темам, то за три года вырисовывается следующая картина (рис. 1).

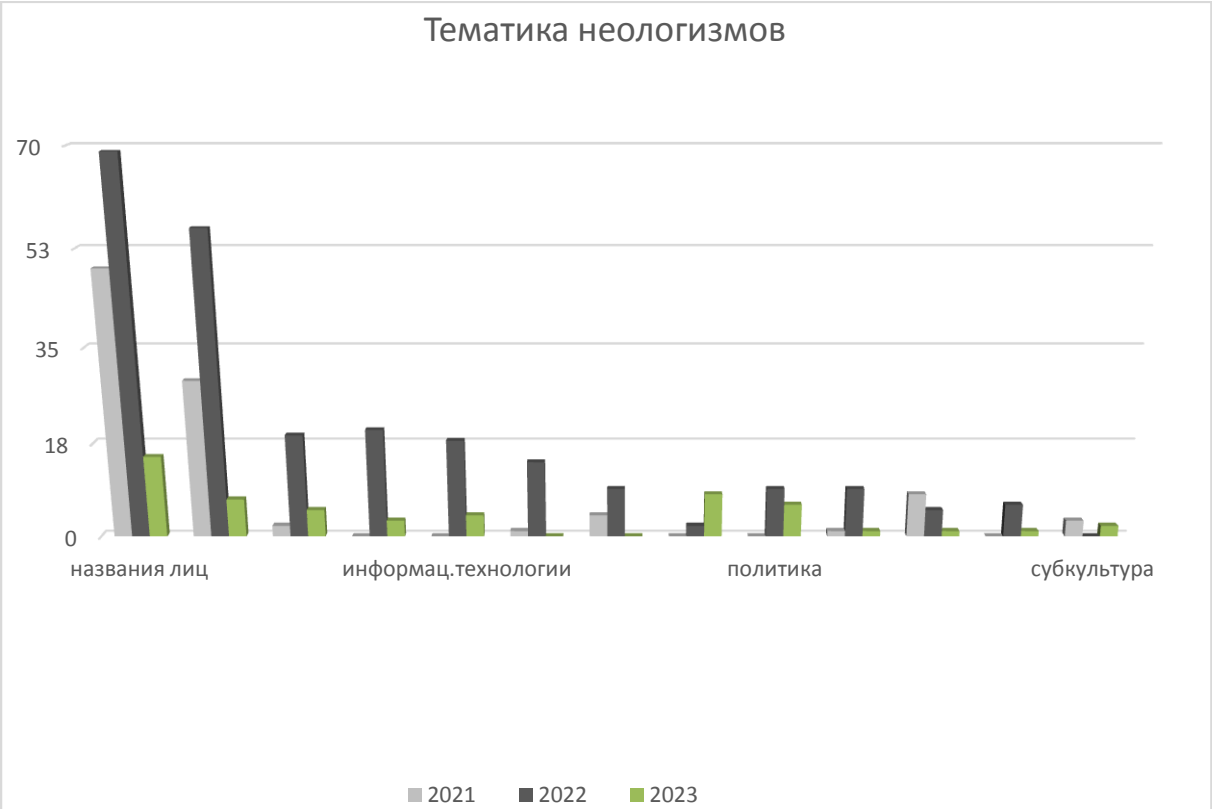

Рис. 1. Тематика неологизмов в ресурсе «Новое в русской лексике. Словарные материалы» за 2021-2023 годы

Безусловно, тематических групп выделяется гораздо больше, но мы учитывали наполняемость группы, измеряемую более, чем 1 единицей для каждого года. Мы видим, что самым активным из этого трехлетия является 2022 год, который, за исключением группы “субкультура” имеет неологизмы во всех сферах. Абсолютным лидером можно считать группу “названия лиц” (133 неологизма). Она пополнилась такими неологизмами, как *головечеринщик* – участник голой вечеринки со звездами российского шоу-бизнеса и популярными блогерами, вызвавшей широкий общественный резонанс; *девушка-помидор* – типаж женщины, которая выглядит как девушка с загородного морского курорта: свежо, естественно, но ярко, выбирает для своего образа ретростиль (плетеные, вязаные вещи, натуральные ткани, растительные принты и т.п.); *деловой русич* – о российском предпринимателе, бизнесмене; *рёдан* – участник молодежного сообщества «ЧВК Рёдан», представитель такой субкультуры; *флифонер* – тот, кто пользуется мобильным телефоном с минимальным количеством функций, осознанно выбирая подобную модель как альтернативу смартфону; представитель такого сообщества; *антизетчик* – противник проведения СВО; о том, кто против размещения символа Z на чем-л. в знак поддержки СВО; *древелир* – мастер, изготовляющий украшения из смолы деревьев и древесины; *инфоворотила* – о том, кто зарабатывает большие деньги на продаже информационных продуктов, преимущественно не имеющих реальной ценности: курсов, марафонов, тренингов; *милблогер* – военный блогер; *мобик* – недавно мобилизованный, только прошедший или еще не прошедший необходимую подготовку военнослужащий и другие.

Вторую позицию занимает плотная группа ковидных и компьютерно-технологических номинаций. Кстати, распространение ковидной лексики получило лексикографическую поддержку. Лингвисты быстро отреагировали на ситуацию и вышел «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [8]. В Словаре представлено около 3500 слов, появившихся или актуализированных в русском языке в 2020-2021 гг. Для 1000 наиболее актуальных и значимых

для текущей языковой ситуации слов дано лексикографическое описание, около 2500 слов приводятся без словарной обработки.

Развитие информационных технологий отражается в словах *джипити* (о нем шла речь выше) и производных с формантом *нейро-* и *фиджитал- – нейроскрайб, арт-нейросеть, фиджитал-гонки, фиджитал-дисциплина, фиджитал-спорт*. Не ясны основания, по которым авторы ресурса разделяют компьютерные и информационные технологии, так как приводимы примеры неологизмов пересекаются.

Также активно в эти годы пополнялась группа “еда”, причем не новыми названиями блюд, а тем, что связано с продуктами и технологиями приготовления. Например, *заготовкошеринг, кабачкошеринг* – сложные слова, имеющие общий элемент шеринг (от англ. share – делиться), *фудфээшн-коллааб* – совместная деятельность компаний, связанных с индустрией моды и сферой питания, едой; такой проект; объединение таких компаний, *роу-закуска* – закуска из термически не обработанных продуктов, *эскимобус* – киоск, по форме напоминающий эскимо, для продажи мороженого.

Кроме того, новые слова ежегодно пополняют словарную базу орфографического академического ресурса «Академос». В 2023 году в ней появились, в частности, *коптер, почтомат, тайм-код, фотовидеофиксация, желировать, плазмаферез*. Хотя правописание новых слов – это отдельная сложная лингвистическая проблема.

И наконец, проанализируем еще один ресурс, дающий информацию о словах нашего времени. Это онлайновый словарь современной лексики, жаргона и сленга «Словоново» [https://web.archive.org/web/20110811024416/http://www.slovonovo.ru/].

Тематические разделы словаря отражают все многообразие современного русского жаргона: молодежный, уголовный, армейский, геймерский и многое другое (более 40 разновидностей жаргонов), что подтверждает мнение об усилении жаргонизации современной речи. Поскольку этот ресурс не является профессиональным, доверять ему можно лишь в плане фиксации той или иной единицы, а вот стилистические характеристики, наименования тематических разделов и другие содержательные параметры могут быть оспорены. Так, например, лексика, равным образом известная всем социальным группам, осознается как принадлежащая неформальному общению и относится к разделам разговорное, разговорная речь, разговорная лексика, разговорный сленг. Поскольку такие слова невозможно отнести к какому-либо типу жаргона, они общеупотребимы, общеизвестны, уместно их называть, на наш взгляд «общим жаргоном» [9]. Микроструктура словаря включает: лемму, дату включения словарной статьи в словник, указание автора словарной статьи (если автор не анонимный), толкование, пример использования, наименование вида жаргона, строку социального признания или непризнания слова в данном значении (она отображается в виде изображения руки с поднятым вверх или вниз пальцем).

Это живой ресурс, и каждый раздел открыт для ежедневного пополнения, и, во-вторых, одна и та же лексическая единица может быть занесена одновременно в несколько разделов. Например, глагол *забить* используется в шести словарных статьях, относящихся к пяти разным видам жаргонов (молодежный, студенческий, школьный, бандитский, наркоманский).

Помимо жаргонизации можно отметить активную терминологизацию нашей речи и замену общеупотребительной лексики узкопрофильной терминологией. Так, например, любой материал, представленный в любом виде и на любом носителе, все чаще называют *контентом*. Примеры из НКРЯ:

Портал, доступный с любого персонального устройства, включает широкий развлекательный контент: фильмы, сериалы, телешоу, спортивные программы, а также аудиокниги [Пассажиры авиакомпании «Россия» выбирают «Парламентскую газету» // Парламентская газета, 2021.12.29].

Надеюсь, что решение Таганского суда наконец заставит Google обратить внимание на тот деструктивный контент, который мы уже несколько лет просим удалить [Горел-

кин допустил более жёсткие меры к Google в случае неудаления запрещённых материалов // Парламентская газета, 2021.12.24].

Тот контент, который потенциально может нанести вред детскому развитию, кинотеатры должны прятать под маркировку 18 +, напомнил глава ассоциации «Интернет-видео» Алексей Бырдин [В реестр СМИ-иностранных агентов предложили включить The Bell // Ведомости, 2021.11.17].

Все чаще в печати, на радио и телевидении появляются малопонятные слова, известные лишь специалистам, но благодаря настойчивой рекламе и пропаганде быстро распространяющиеся в узусе. Приведем фрагмент текста, позаимствованного из новостной подборки на сайте ВГУ: «Развитие *MICE-индустрии* имеет большое значение для региональной экономики. В первую очередь оно дает увеличение доли *несырьевого экспорта.* Уникальный туристский продукт, реализуемый в синергии с отраслевыми *локальными брендами* Воронежа способствует увеличению числа первичных и повторных *туристских прибытий.* Воронежский государственный университет активно участвует в развитии *сегмента* MICE туризма Воронежского региона и ЦФО, ежегодно проводит множество деловых и *конгрессных мероприятий,* многие из которых обладают межрегиональным и международным статусом, что привлекает в область деловых туристов и *нишевый* научно-образовательный *сегмент*». В тексте выделены слова и словосочетания, вероятно, хорошо известные представителям данной индустрии, но вряд ли они являются таковыми для всех других. Очевидно, что кроме как модой на чрезмерную и ненужную интеллектуализацию высказывания, такую терминологическую атаку в приведенном примере объяснить нечем.

Не только новые слова характеризуют современную речевую ситуацию. Можно назвать и новые устойчивые сочетания, которые, как правило, используются ненормативно.

Ну такое (себе). Имеет значение сходное с так себе – посредственно, средне, не очень хорошо. Используется для характеристики не действий, а объектов, причем грамматически по-разному оформленных. – Как тебе фильм (м.р.)? – (Ну) такое (себе). – Тебе нравится моя новая машина (ж.р.)? – Ну такое себе. Использование среднего рода как бы лишает объект значимости, важности, высокой оценки.

От слова совсем используется в значении «совсем, полностью». *Я не люблю мыть посуду от слова совсем. Она не подходит на эту роль от слова совсем. И вообще меня не понимала, когда я пыталась объяснить, что ребёнок (4, 5 года между прочим) вообще с ней один на один не останется без меня и разговаривать тем более не будет, как говорится, от слова совсем.* Как видно из примеров, в первой части конструкции должен быть глагол с отрицанием. Подробнее об этом выражении [10].

Чтобы что (= зачем). Выражение нового века. НКРЯ фиксирует его постоянную и равномерную частоту, начиная с 2000 года. *Я решил не обращать внимание на некачественную картинку, чтобы что? Я не вычитал текст, чтобы что? Вчитаемся в эту новость: едва ли не самый популярный телеведущий самых рейтинговых шоу, пять раз в неделю выходящий в эфир на главном телеканале страны, завел и свой канал в интернете! Чтобы что? Чтобы в свободное от основной работы время еще немножко вышивать?* [Ирина Петровская. Сами себе режиссеры. Если событие не показали по ТВ, это уже не значит, что его не было // Новая газета, 16.06.2017].

Да ладно! (с интонацией удивления = неужели). Частица ладно употребляется при подтверждении чего-либо, согласии с чем-либо. *Ну, ладно, пусть будет так. Ладно, удивить не получилось. Ну и ладно, пусть остается.* В современном употреблении *да ладно* – это, напротив, выражение несогласия, отрицания, удивления. *Только тормозить страшновато: педаль уходит словно в масло – забытое ощущение от барабанных тормозов. Да ладно! Правда, что ли, сзади они барабанные?* [Renault Arkana: Антикаршеринг // Ведомости, 2019.08.22]. *Глава государства был приятно удивлен. "Да ладно! А что это, тигренок?*

[Мальчик, рассказавший об утонувшем детсаде, сделал для Путина тигренка // РИА Новости, 06.08.2019].

Таким образом, анализ популярных слов (слов года) последних лет позволяет нарисовать в общих чертах концептуальную картину современности, выявить зоны и сферы неологизации и языкового творчества, тенденции речевого употребления. Как видим, наиболее важными концептами для носителя русского языка являются политика (внутренняя и внешняя), здоровье, поведение человека и информационные технологии. Единичные примеры связаны с новыми предметами, появившимися в жизни людей. В качестве способов образования новых слов используются лексическое заимствование, семантическое переосмысление и традиционное словообразование.

Все проанализированные нами источники показывают усиление оценочности и экспрессивности в неологической лексике. Номинация человека является лидирующей группой среди неологизмов. Номинации людей по социальному признаку приводят к формированию отдельной группы социофолизмов – обычно неодобрительных наименований людей по социальному признаку [11]. Среди тенденций современного употребления отмечается также жаргонизация речи, выход терминов за пределы узко специальных сфер, распространение новых устойчивых оборотов, нормативность которых вызывает большие сомнения.

Библиографический список

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства. Русский язык конца XX века (1985–1995). Москва, 1996.
2. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 63–67.
3. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2007. 858 с.
4. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4. изд., доп. - Москва: ЛД ИНВЕСТ : Азбуковник, 2003. 939 с.
5. Клушина Н.И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. №1. 2014. С. 66 –73.
6. Байгарина Г.П. «Обнуление» как лексический маркер современной эпохи: «Слово года» – 2020 // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей V Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 22–23 апреля 2021 г. : в 2 т. / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. Москва : РУДН, 2021. С. 98-108.
7. Плотникова А.М. Нейросеть как ключевое слово текущего момента // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 2. С. 45–54.
8. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников и др. / Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
9. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999. 273 с.
10. Белоусов С.С. От слова совсем как грамматическая конструкция // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7-1 (160). С. 72–77.
11. Меркулова И.А. Активизация социофолизмов в современной русской речи // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. Сб. науч. статей. М.: Флинта, 2021. С. 434-445.

References

1.Zemskaya E.A. Active processes of modern word production. Russian language of the late twentieth century (1985–1995). Moscow, 1996.

2.Shmeleva T.V. Crisis as a key word of the current moment // Political linguistics. 2009. No. 2 (28). pp. 63–67.

3.Large legal dictionary. 3rd ed., add. and processed / Ed. prof. A. Ya. Sukhareva. M.: IN-FRA-M, 2007. 858 p.

4.Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phrases. expressions / S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova; Ross. acad. Sci. Institute of Russian language them. V.V. Vinogradova. 4th ed., add. Moscow: LD INVEST: Azbukovnik, 2003. 939 p.

5.Klushina N.I. Mediatization of modern culture and Russian national style // Russian speech. No. 1. 2014. pp. 66–73.

6.Baygarina G.P. "Zeroing" as a lexical marker of the modern era: "Word of the Year" - 2020 // Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference. Moscow, RUDN University, April 22–23, 2021: in 2 volumes / under general. ed. A. V. Dolzhikova, V. V. Barabash. – Moscow: RUDN, 2021. P. 98-108.

7.Plotnikova A. M. Neural network as a key word of the current moment // Philological class. 2023. T. 28. No. 2. Pp. 45–54.

8.Dictionary of the Russian language of the coronavirus era. Comp. X. Walter, E.S. Gromenko, A.Yu. Kozhevnikov et al. / St. Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, 2021. 550 p.

9.Ermakova O. P., Zemskaya E. A., Rozina R. I. Words that we have all met: an explanatory dictionary of Russian general jargon. M.: Azbukovnik, 1999. 273 p.

10. Belousov S.S. From the word just like a grammatical construction // Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2016. No. 7-1 (160). Pp. 72–77.

11. Merkulova I.A. Activation of sociopholisms in modern Russian speech // Active processes in modern Russian language: national and international. Sat. sci. articles. Moscow: Flinta, 2021. pp. 434-445.

УДК: 811.161.1'322.2
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.006

РО – ДОО ВО «Барнаульская духовная семинария Барнаульской Епархии Русской Православной Церкви»
кандидат социологических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин
Прокопьева Н. В.
Россия, г. Барнаул
тел. 8-3852-63-63-29
e-mail: cans.bds@mail.ru

Barnaul Spiritual Seminary of the Barnaul Diocese of Russian Orthodox Church
The chair of humanities
PhD in Sociology, associate professor
Prokopieva N. V.
Russia, Barnaul
tel. 8-3852-63-63-29
e-mail: cans.bds@mail.ru

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
Магистрант Высшей школы бизнес-инжиниринга
Прокопьев Д. М.
Россия, г. Санкт-Петербург,
тел. 8-800-707-18-99
e-mail: office@spbstu.ru

St.Petersburg Polytechnic University of Peter the Great
The school of business Engineering
Master's student
Prokopiev D. M.
Russia, St. Petersburg
tel. 8-800-707-18-99
e-mail: office@spbstu.ru

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Студент Уральского гуманитарного института
Черкашина М. В.
Россия, г. Екатеринбург
тел. 8-800-100-50-44
e-mail: contact@urfu.ru

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Ural Humanities Institute
Student
M. V. Cherkashina
Russia, Yekaterinburg
Tel. 8-800-100-50-44
E-mail: contact@urfu.ru

Н.В. Прокопьева, Д.М. Прокопьев, М.В. Черкашина

ФЛЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАБОТКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ РЕШЕНИЯ

Статья представляет собой комплексное исследование, направленное на рассмотрение проблем морфологического анализа текстов на русском языке в технологиях обработки естественного языка (natural language processing, или NLP). Авторы подчеркивают сложности обработки флективных языков и необходимость учета множества грамматических форм и контекстуальных особенностей. В работе описаны исторические и современные методы морфологического анализа, начиная с автоматизированной информационно-поисковой системы Белоноговых и Родионовой в конце 1960-х годов, продолжая разработками Мальковского, Андреева, Демьянкова, Шуклина, Ножова, Коскенниеми и Портера, заканчивая современными алгоритмами Голдсмита и системы Яндекс. Освещены преимущества и ограничения каж-

© Прокопьева Н.В., Прокопьев Д.М., Черкашина М.В., 2024

дого метода, включая точные и приближенные процедуры, использование словарей, нейронных сетей, алгоритмических подходов и двухуровневых моделей. Специальное внимание уделено проблемам флективности русского языка, приведшим к необходимости интеграции грамматического анализатора в алгоритм бота Telegram для повышения эффективности обработки запросов. Описаны внесенные изменения, такие как рекурсивная функция разбора запросов, лемматизация, поиск главных слов и согласование зависимых слов с использованием библиотек spaCy и pymorphy2. Рассмотрены особенности этих библиотек, их основные функции и преимущества. Результаты тестирования подтверждают улучшение качества ответов бота, особенно в учете грамматических особенностей русского языка. Однако выявлены ограничения алгоритма, такие как требование точного согласования слов с предлогами в запросе. Авторы отмечают потенциал дальнейшего развития алгоритма в полноценный анализатор, способный учитывать сложные грамматические конструкции и зависимости в запросах. В заключение отмечается, что разработанные решения могут значительно повысить функциональность ботов и других приложений, работающих с русским языком, улучшая их способность точно понимать пользовательские запросы и обеспечивать эффективный поиск релевантной информации.

Ключевые слова: флективность, грамматический анализатор, обработка естественного языка, лемматизация, обработка флективности.

N.V. Prokopyeva, D.M. Prokopyev, M.V. Cherkashina

FLEXIVE ASPECTS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF NATURAL LANGUAGE PROCESSING TECHNOLOGIES: THEORETICAL AND APPLIED SOLUTIONS

The article presents a comprehensive study aimed at addressing the challenges of morphological analysis of Russian texts in natural language processing (NLP) technologies. The authors highlight the complexities of processing inflectional languages and the need to account for numerous grammatical forms and contextual nuances. The paper describes both historical and modern methods of morphological analysis, starting with the automated information retrieval system by Belonogov and Rodionova in the late 1960s, continuing with the developments by Malkovsky, Andreev, Demyankov, Shuklin, Nozhov, Koskenniemi, and Porter, up to contemporary algorithms by Goldsmith and the Yandex system. The advantages and limitations of each method are discussed, including precise and approximate procedures, the use of dictionaries, neural networks, algorithmic approaches, and two-level models. Special attention is given to the issues of Russian language inflection, which led to the necessity of integrating a grammatical analyzer into the Telegram bot algorithm to enhance query processing efficiency. The implemented changes are detailed, such as the recursive function for query parsing, lemmatization, main word identification, and dependent word agreement using the spaCy and pymorphy2 libraries. The features, main functions, and benefits of these libraries are examined. Testing results confirm the improvement in the bot's response quality, especially in accounting for the grammatical specifics of the Russian language. However, algorithm limitations were identified, such as the requirement for precise word-preposition agreement in queries. The authors note the potential for further development of the algorithm into a full-fledged analyzer capable of handling complex grammatical structures and dependencies in queries. In conclusion, it is noted that the developed solutions can significantly enhance the functionality of bots and other applications working with the Russian language, improving their ability to accurately understand user queries and provide effective retrieval of relevant information.

Keywords: flexivity, grammatical analyzer, natural language processing, lemmatization, flexive processing.

Представленное исследование посвящено рассмотрению флективных аспектов русского языка в контексте технологий обработки естественного языка (natural language processing, или NLP) в цифровых проектах. Важно отметить, что ключевую аббревиатуру NLP не следует путать с НЛП (нейролингвистическое программирование). Нейролингвистическое программирование (НЛП) – это псевдонаучная методология коммуникации, личностного развития и психотерапии, которая предполагает наличие связи между нейропроцессами, языком и поведенческими шаблонами, приобретёнными через опыт, и утверждает, что эти связи могут

быть изменены для достижения конкретных целей в жизни. Обработка естественного языка (Natural Language Processing) – это область исследований в информационных технологиях, которая занимается взаимодействием между компьютерами и человеческим языком. Рассматриваемая область исследования представляет собой важный аспект в разработке интеллектуальных систем, так как русский язык обладает морфологической сложностью, включающей в себя флективные особенности, такие как склонение, спряжение и изменение слов в зависимости от контекста. Эти особенности являются актуальной задачей развития современных NLP-технологий, так как именно ее решение позволит повысить точность анализа текстов и качество генерации ответов в различных приложениях, таких, например, как чат-боты и автоматизированные ассистенты. В данной работе предпринята попытка провести анализ этой проблемы, предложены некоторые теоретические и прикладные ответы на вопросы этой области, а также продемонстрирована эффективность разработок через их практическую реализацию в NLP-модели для бота Telegram, что может внести значительный вклад в область исследования технологий обработки естественного языка.

Проблема флективных аспектов русского языка в технологиях обработки естественного языка обретает особую актуальность в свете современных тенденций в развитии информационных технологий. Роль NLP получает все большую значимость в повседневной жизни: автоматизированные ассистенты, чат-боты и системы машинного перевода становятся неотъемлемыми помощниками человека во всех сферах его жизни. В этих условиях эффективная обработка естественного языка становится ключевым фактором для успешного взаимодействия между человеком и компьютером.

Флективность русского языка, выраженная в его грамматической структуре, представляет собой сложность, которая часто приводит к неточностям и ошибкам в анализе текстов. Существующие подходы исследований в области флективности часто недостаточно охватывают технологические аспекты этой проблемы, оставляя пространство для улучшений и инноваций.

Цель данного исследования заключается в разработке и реализации практических решений для оптимизации обработки флективных аспектов русского языка в технологиях обработки естественного языка (NLP). Это позволит улучшить качество и точность анализа текстовых данных. Одним из путей решения рассматриваемой проблемы является создание эффективного грамматического анализатора, способного адаптироваться к грамматическим особенностям русского языка и обеспечивать более точный морфологический анализ в различных контекстах.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи исследования:

1) раскрыть определение флективности в русском языке с акцентом на рассмотрении грамматических особенностей русского языка, влияющих на NLP-технологии;

2) провести обзор существующих методов обработки флективных аспектов в русском языке в рамках NLP-технологий;

3) разработать грамматический анализатор, способный учитывать контекст и адаптироваться к гибкой грамматической структуре русского языка;

4) интегрировать разработанный грамматический анализатор в NLP-модель для бота Telegram с целью улучшения ответов;

5) проанализировать результаты экспериментального исследования: выявить улучшения в аспектах обработки флективности, а также практическую значимость улучшений и обсудить потенциальные области применения обновленной NLP-модели в других проектах и сферах использования технологий обработки естественного языка.

Методология исследования включает комплексный лингвистический анализ: структурный анализ предложений, с которыми работает языковая модель; выделение грамматических особенностей, а также морфологический и семантический анализ. Это позволило выделить флективные особенности, влияющие на обработку естественного языка в технологиях NLP.

Флективность в русском языке представляет собой одну из важных морфологических особенностей, которая определяется изменением форм слов в зависимости от их грамматиче-

ских характеристик и контекста использования. Эта характеристика языка проявляется в изменении окончаний существительных, прилагательных, глаголов и других частей речи, в соответствии с их ролью в предложении, временем, числом и падежом.

Славянские языки, особенно восточнославянские, проявляют высокий уровень флективности, сохраняя его на протяжении большей части своей истории. Эта выраженная характерность вырабатывалась в сложных синтетических грамматиках, где звуковой облик корневых и аффиксальных морфем подвергался значимым морфологическим изменениям. Это было необходимо для сохранения четкости коммуникации в однородных коллективах, где передача сообщений между членами могла быть затруднена [1, с. 420]. Базовая системная функция флективных языков заключается в обеспечении эффективности коммуникации в условиях, когда есть препятствия для обмена общественно полезным опытом. Например, земледельческие общности, распределенные на большой территории, сталкиваются с необходимостью передавать информацию всем членам коллектива, чтобы сохранить единство макроколлектива. Также флективные языки характеризуются следующей типологической особенностью: говорящие стремятся предсказать характеристики последующих элементов высказывания. В отличие от агглютинативных языков, где акцент делается на напоминании характеристик предшествующих элементов, флективные языки ориентированы на предсказание.

Эти задачи формируют внутреннюю детерминанту флективных языков, которая определяет их субстанцию и структуру. Такая детерминанта способствует развитию «предсказательной» техники передачи информации и требует введения собеседника в тему беседы с актуализацией общих для участников родовидовых образов. Флективные языки также экономно выражают комбинации служебных значений, что проявляется в обилии служебных морфем и наличии нескольких значений в каждой из них. Внутренняя детерминанта флективных языков также выражается в стремлении представлять сообщение через внешнюю форму предложения, образующую образ развивающегося события [2, с. 238–240, 242–243].

Однако в современных текстах русского языка и других славянских языков наблюдается разрушение флективности. Это проявляется в нарушениях падежного согласования, использовании конструкций с неоднозначными родительными падежами, появлении множественного числа у абстрактных существительных и других явлениях. Такие изменения указывают на эволюцию языковых структур и снижение степени флективности, что может влиять на ясность и точность передачи информации в текстах различных функциональных стилей [1, с. 420]. Поэтому сохранение богатства, точности и ясности русского языка является одной из главных причин обязательной разработки и интеграции модулей по обработке флективности в современных информационных системах, связанных с обработкой текстов.

Основной целью NLP является разработка методов и технологий, позволяющих компьютерам понимать, интерпретировать и генерировать человеческий язык. Иногда в научных исследованиях можно встретить следующее определение NLP: автоматическая обработка текстов (АОТ) представляет собой выполнение действий при помощи вычислительной техники и программного обеспечения. Эта область применяется в различных контекстах, таких как машинный перевод, грамматическая проверка текста, диалоги с компьютером на естественном языке, анализ текстов (например, патентной информации), а также в сферах анализа и синтеза речи. Эффективная реализация обработки текстов способствует улучшению качества взаимодействия между человеком и машиной в системах и процессах, в том числе в реальном времени.

Одним из ключевых элементов NLP является морфологический анализ, который фокусируется на изучении структуры слов и их форм. В контексте русского языка, где присутствует флективность, морфологический анализ является особой задачей из-за изменяемой формы слов в различных грамматических контекстах. На морфологическом уровне осуществляются такие задачи, как деление текста на слова при анализе и сбор текста из слов при

синтезе. Две основные задачи на морфологическом уровне включают в себя генерацию формы слова (при синтезе) и определение формы слова (при анализе). Генерация формы слова представляет собой процесс получения формы с использованием начальных параметров, таких как основа и грамматическое значение. В свою очередь, определение формы слова – это обратный процесс, который заключается в нахождении нормальной формы (основы) и грамматического значения по заданной словоформе [3, с. 120].

В морфологическом анализе текстов в области обработки естественного языка (NLP) широко применяется метод стемминга. Стемминг представляет собой эвристический процесс, при котором от слов отсекаются окончания с целью достижения приближенной общности форм слов. Этот метод базируется на правилах морфологии языка и не требует хранения словаря всех возможных слов. Отсекая окончания и суффиксы, стемминг сводит слово к его базовой части, которая остается одинаковой для различных грамматических форм. Важно отметить, что основа, получаемая при стемминге, не обязательно совпадает с морфологическим корнем слова.

Лемматизация представляет собой более сложный подход к решению задачи определения основы слова по сравнению со стеммингом. Основная цель и стемминга, и лемматизации состоит в приведении различных словоформ и их производных к общей основной форме. В случае лемматизации, это заключается в преобразовании слова в словарную или лексическую форму, называемую леммой. Данный метод широко используется в алгоритмах поисковых систем при индексации интернет-страниц, что позволяет ускорить индексацию и предоставить более точные результаты поиска. Лемма представляет собой первоначальную, основную форму слова. Для существительных и прилагательных это может быть форма единственного числа именительного падежа, а для глаголов – инфинитив. Процесс лемматизации включает в себя морфологический анализ, определение лексической категории и применение правил нормализации для каждой части речи. Лемматизатор, как программа для обработки естественного языка, использует правила лемматизации для возвращения начальной формы слова [4, с. 131; 5, с. 109].

Многообразие методов морфологической обработки текстов на русском языке объясняется сложностью его морфологии, которая обладает рядом особенностей, характерных для большинства естественных языков с разветвленной морфологической структурой [3, с. 121]:

1) присутствует явление супплетивизма, при котором формы одного слова образуются от разных основ, например: «иду» – «шел», «хороший» – «лучше»;

2) существуют различные способы слово- и формообразования, такие как префиксальный (например, «читать» – «прочитать»), суффиксальный (как в «бросать» – «бросить») и чередование букв в основе (как в «собирать» – «собрать»);

3) присуща синонимия, при которой словоформа может образовываться несколькими способами, например, в сравнительной степени прилагательных и наречий («сильнее» – «сильней») или в творительном падеже единственного числа некоторых существительных («водой» – «водою»);

4) важной особенностью является омонимия, где у одной грамматической формы может быть несколько грамматических значений, например, словоформа «стекло» может быть существительным среднего рода в именительном или винительном падеже, а также формой глагола «стекать» в изъявительном наклонении прошедшего времени совершенного вида; разрешение этой морфологической неоднозначности, то есть выбор правильных морфологических характеристик словоформы из возможных вариантов, становится одной из важнейших задач NLP-технологий [6, с. 118];

5) русский язык содержит и синтетические (простые) формы слов, такие как «делать», «говорил», и аналитические (сложные) формы, как «буду делать», «говорил бы».

Все эти особенности морфологии требуют учета при разработке методов генерации и определения форм слов.

Анализ трудностей морфологического анализа текстов на русском языке в контексте

NLP-технологий выявляет ряд грамматических особенностей, оказывающих влияние на эффективность обработки естественного языка. В условиях флективности русского языка становится ясно, что морфологический анализ представляет собой сложную задачу, требующую учета множества грамматических форм и контекстуальных особенностей.

В области морфологического анализа текста существует разнообразие методов, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения.

В конце 1960-х годов Г.Г. Белоногов, Т.С. Белоногова и А.К. Родионова представили автоматизированную информационно-поисковую систему, объединяющую точные и приближенные методы морфологического анализа и синтеза словоформ. Точные процедуры работают с формами слов, содержащимися в словарях системы, в то время как приближенные используются для слов, не представленных в словарях. Система использует словарь основ слов (СОС) и соответствующие таблицы для точных процедур, а также словари окончаний, чередований и исключений для приближенных процедур. Преимущества метода включают простоту структуры СОС и алгоритма, но есть и недостатки, такие как неуниверсальность структуры таблиц и сложности при обработке аналитических форм слов.

В начале 1980-х годов М.Г. Мальковский разработал морфологический компонент для системы TULIPS-2, включающий словарь основ слов (СОС), словарь окончаний, таблицу чередований и таблицу исключений. СОС содержит статьи с морфосинтаксическими показателями и лексико-семантическими значениями, включая постоянные и переменные морфологические признаки. Метод способен описывать изменения в синтетических формах слов, но имеет недостатки, такие как сложный формат словарных статей и отсутствие обработки аналитических форм.

В конце 1990-х годов А.М. Андреев и его коллектив создали блок морфологического анализа для лингвистического процессора информационно-поисковой системы. Метод начинается с сопоставления словоформы и основы в СОС, после чего аффиксы извлекаются из словаря аффиксов и присоединяются к основе для сравнения с анализируемой словоформой. Метод прост в реализации и позволяет обрабатывать особые формообразования и слова, отсутствующие в словарях, но имеет ограничения, такие как неспособность обработки аналитических форм.

В.З. Демьянков в начале 1990-х годов создал экспертную систему для анализа и синтеза словоформ на основе экспертных знаний. Экспертная система включает словари морфем, окончаний и постфиксов, а также словарь основ слов (СОС). Метод подходит для нескольких языков, но страдает от сложности алгоритма, структуры словарей и ограничений в обработке аналитических форм слов.

Д.Е. Шуклин в начале 2000-х годов предложил использование семантической нейронной сети для решения задач морфологического анализа текста и анализа словоизменения. Его метод включает синхронизированное линейное дерево в качестве структуры сети для морфологического анализа, где каждый подслой нейронов соответствует определенной букве слова. Нейроны в подслое являются синхронизированными конъюнкторами, связанными с предыдущими и последующими буквами слова. Метод Шуклина использует математический аппарат нейронных сетей для анализа изменений при формообразовании и применим не только для русского языка. Однако у метода есть недостатки, такие как необходимость сложной структуры для простых преобразований, увеличение сложности с увеличением числа обрабатываемых слов и отсутствие возможности синтеза форм слов и обработки аналитических форм.

М. Ножов в конце 1990-х годов предложил морфологический анализ без словаря для автоматизированной индексации документов. Его метод основан на самообучении программы на массивах текстов и объединяет в себе лингвистический и математический подходы. Метод применяется для индексирования текстовых баз данных, на основании чего строится грамматический словарь основ и индекс документов. Результаты морфологического анализа

соотносятся с лексемами, объединяются в классы, определяют грамматические значения и индексируют тексты. Преимущества метода включают в себя простоту словарей, определение словоформ, отсутствующих в словарях, и реализацию методов, независимых от языка. Однако метод имеет недостатки, такие как возможность только анализа, но не синтеза, низкая вероятность правильных результатов, отсутствие семантического анализа после морфологического, трудоемкость построения «леса» и отсутствие возможности обработки аналитических форм слов.

Киммо Коскенниеми из Университета Хельсинки предложил двухуровневую модель для определения и генерации форм слов в начале 1980-х годов. Модель включает лексический и поверхностный уровни, связанные правилами. Лексический уровень формируется с применением правил естественного языка, а поверхностный уровень учитывает контекст, в котором эти правила используются. Эта двухуровневая модель послужила основой для системы морфологического анализа и синтеза форм слов PC-KIMM0. Метод Коскенниеми описывает изменения в форме слова для различных языков, но требует разработки и описания автоматов для каждого типа изменений. Этот метод также не поддерживает обработку аналитических форм слов.

Мартин Портер разработал алгоритм стемминга в конце 1970-х годов, направленный на отделение от словоформы суффиксов и окончаний для получения основы. Согласно Портеру, основу составляют корень и приставка. Этот метод рассматривается как чисто алгоритмический и отличается от словарных методов. Преимущества метода включают простоту реализации алгоритма морфологического анализа, простую структуру словарей и поддержку основных европейских языков. Однако у метода есть недостатки, такие как возможность только анализа, не синтеза, необходимость определения порядка отделения суффиксов и окончаний, требование перекомпиляции программного кода при добавлении или модификации отделяемых элементов и отсутствие возможности обработки аналитических форм слов.

В середине 1990-х годов Джон Голдсмит из Чикагского университета предложил алгоритм морфологического анализа без словаря, основанный на выделении сигнатур, то есть наиболее часто встречающихся последовательностей букв в словах. Этот метод включает этапы считывания слов текста, записи возможных основ и суффиксов, подсчета их вхождений, оценки функции V для выбора оптимальных разбиений, отбрасывания нерелевантных основ и суффиксов, выделения префиксов, группировки основ по категориям и формирования списка сигнатур. Сигнатуры позволяют эффективно разбивать слова на основы и суффиксы, обеспечивая быстрый доступ к их грамматическим значениям. Метод Голдсмита представляет собой элементно-комбинаторную модель морфологии с простотой реализации и отсутствием словарей. Однако у него есть ограничения, такие как возможность только анализа, не синтеза, и требование ручной корректировки результатов разбиения, а также невозможность обработки аналитических форм слов.

Информационно-поисковая система Яндекс также использует метод словарного анализа в своем морфологическом анализаторе, разработанном в конце 1990-х годов И. Сегаловичем и М. Масловым. Этот алгоритм взаимодействует с декларативной частью, включающей списки основ и окончаний, объем словаря которого составляет около 90 тыс. лексем. Система работает с лексемой, основой и флексией (окончанием) анализируемой формы, возвращая количество вариантов разбора и грамматические значения для каждого. Метод отличается простотой реализации, позволяет определять словоформы вне словаря, но ограничен русским языком, ориентирован на флективный анализ по окончаниям и не поддерживает обработку аналитических форм слов [3, с. 121–129].

Модель морфологического анализа А.С. Сапина применяет сверточные нейронные сети для обработки текста по предложениям, то есть последовательностям слов фиксированного размера. Каждая словоформа предложения подвергается анализу с использованием возможных морфологических характеристик, определенных морфологическим процессором. В случае морфологической омонимии модель уточняет характеристики и применяет уточненную

информацию для морфемного разбора. Эта модель показывает высокую точность разрешения омонимии и морфемного разбора. Однако, она не учитывает слова короче трех букв и ориентирована на обработку форм слов [6, с. 125–126].

Архитектура Transformer, успешно примененная в моделях BERT и GPT, позволяет анализировать семантическую значимость слов в предложении, предсказывать слова на основе их контекста и выявлять логические связи между предложениями. Модель BERT, разработанная Google, обучается на задаче предсказания слов и демонстрирует высокую точность в определении смысла фраз. Модель GPT, созданная OpenAI, отличается тем, что не требует предварительной обработки данных. GPT-модели представляют собой одни из самых сложных в области языкового моделирования и находят широкое применение в обработке естественного языка [7, с. 104–105].

Разнообразие методов обработки текстов отражает постоянное стремление исследователей улучшить эффективность морфологического анализа текста. Комбинация традиционных методов и современных подходов с использованием нейронных сетей и новых архитектур позволяет создавать более точные и универсальные системы морфологического анализа.

Бот Telegram, который рассматривается в работе, предназначен для формирования ответов на запросы пользователя, и его алгоритм осуществляет задачу обработки естественного языка. Необходимость реализации собственного бота состояла в том, что для компании-заказчика важно обеспечивать быстрый и удобный доступ пользователей к информации из внутренней базы достоверных сведений. Также было принято решение исключить использование в боте современных обученных моделей чат-ботов, из-за наличия у них следующих проблем:

– повторение одной и той же мысли несколько раз за ответ;

– дробление ответа на структуру, нарушающую законы литературного связного текста;

– недостоверность предоставляемых данных;

– нелитературный, обедненный язык повествования.

Бот написан на Python и использует сообщения пользователя для составления комбинаций поиска по базе данных MySQL и совершения поисковых запросов средствами фреймворков Django и Wagtail. В частности, использовались инструменты подсистемы Wagtail Search.

Wagtail Search использует Django QuerySet API для поиска. Можно осуществлять поиск любого Django QuerySet, предоставив модель и добавив соответствующие поля в поисковый индекс. Существует удобный метод search для поиска страниц. Этот метод можно вызвать на любом PageQuerySet, и с ним можно использовать все остальные методы PageQuerySet. По умолчанию метод search возвращает только полные совпадения слов; например, поиск «hel» не вернет результаты, содержащие слово «hello». Для частичного сопоставления Wagtail предоставляет отдельный метод autocomplete, который полезен в основном для предложения результатов поиска пользователю в режиме реального времени по мере ввода запроса.

Оператор поиска в Wagtail Search определяет, как должен производиться поиск, когда пользователь вводит несколько поисковых терминов. Существует два возможных значения: «или» – результаты должны соответствовать хотя бы одному термину; «и» – результаты должны соответствовать всем терминам. Оба оператора имеют свои плюсы и минусы. «Или» вернет больше результатов, но, вероятно, среди них будут те, которые не являются релевантными. «И» вернет только те результаты, которые содержат все поисковые термины, но требует от пользователя большей точности в запросе.

Поиск фраз при помощи объекта Phrase используется для поиска целых предложений или фраз вместо отдельных терминов. Термины при таком поиске в искомых объектах должны встречаться вместе и в том же порядке, в котором идут в поисковом запросе [8]. Именно последний вариант поиска используется в боте для нахождения материалов по запросу пользователя, поскольку позволяет находить наиболее релевантные результаты.

Изначально реализованный бот не включал в себя детального морфологического анализа. Такой подход актуализировал проблему флективности, поскольку алгоритм сталкивался с трудностями в учете возможных форм слов. Из-за этой особенности бот корректно формировал ответы только на запросы в именительном падеже (см. рис. 1), а на запросы в виде словосочетаний с подчинительной связью не находил результатов (см. рис. 2).

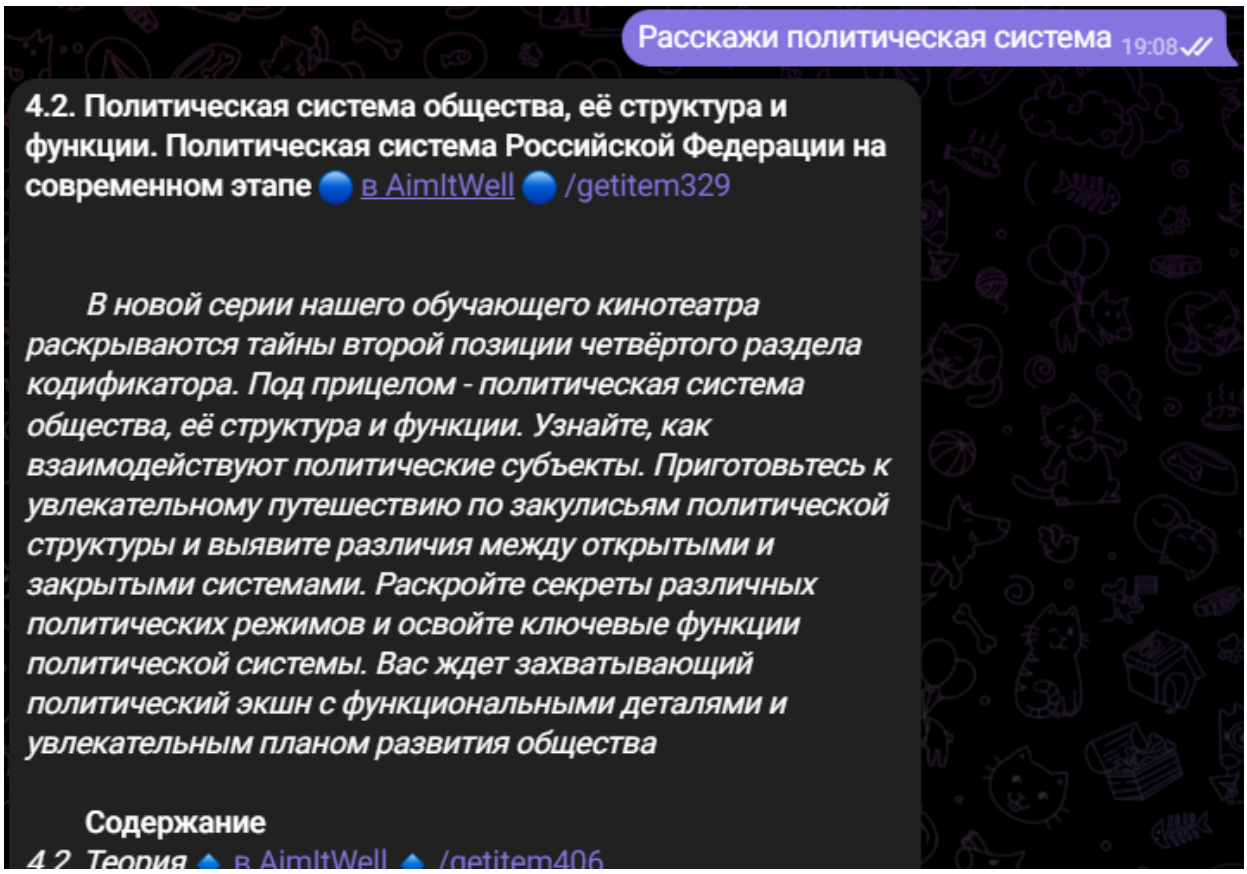

Рис. 1. Успешный результат поиска по изначальному алгоритму по запросу «Расскажи политическая система»

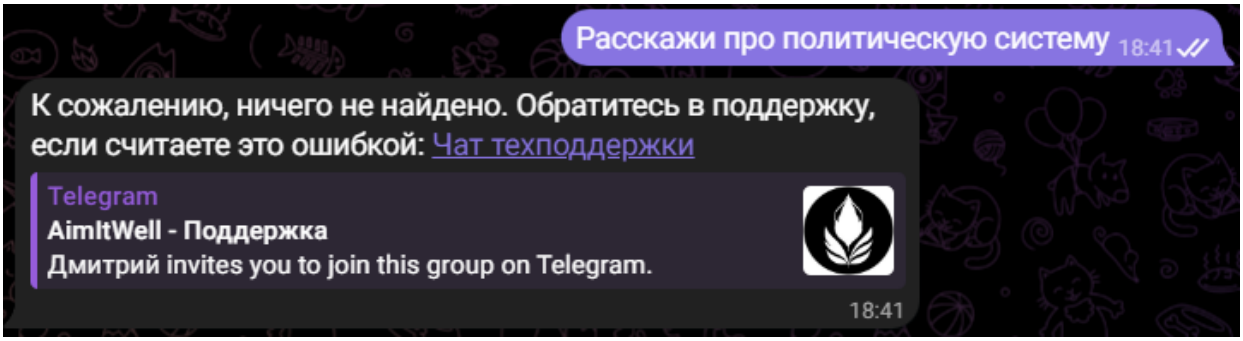

Рис. 2. Неуспешный результат поиска по изначальному алгоритму по запросу «Расскажи про политическую систему»

Таким образом, применение бота без грамматического анализатора выявило ограничения в обработке словоформ для русского языка с его разветвленной системой грамматических форм. Стала явной необходимость разработки алгоритма, способного более эффективно справляться с флективными особенностями русского языка в контексте NLP-технологий.

Для учета флективности русского языка внесены изменения в алгоритм бота Telegram. В модифицированный алгоритм интегрированы следующие механизмы, позволяющие боту

корректно подбирать поисковые фразы из запроса пользователя:

1) рекурсивная функция разбора запроса пользователя на поисковые фразы;

2) алгоритм приведения всех слов во фразах к их нормальным формам, при помощи лемматизации из библиотеки spaCy;

3) поиск во фразах главных слов, при помощи поиска зависимостей spaCy;

4) согласование с главным словом всех зависимых слов во фразах при помощи склонения слов библиотеки pymorphy2.

SpaCy – это библиотека с открытым исходным кодом для обработки естественного языка, написанная на языках программирования Python и Cython. Ее основными разработчиками являются Мэтью Хоннибал и Инес Монтани, основатели компании по разработке программного обеспечения Explosion. В отличие от NLTK, которая широко используется в образовательных и исследовательских целях, spaCy фокусируется на предоставлении программного обеспечения для промышленного использования. Библиотека также поддерживает процессы глубокого обучения, позволяя подключать статистические модели, обученные популярными библиотеками машинного обучения, такими как TensorFlow, PyTorch или MXNet, через свою библиотеку машинного обучения Thinc. Используя Thinc в качестве своего бэкэнда, spaCy предоставляет модели сверточных нейронных сетей для определения частей речи, синтаксического анализа зависимостей, категоризации текста и распознавания именованных сущностей (NER). Доступны заранее обученные статистические модели для выполнения этих задач на 23 языках, включая английский, португальский, испанский, русский и китайский, а также многозадачная модель для NER. Поддержка токенизации для более чем 65 языков позволяет пользователям обучать собственные модели на своих наборах данных. Основные функции spaCy включают в себя также определение частей речи, синтаксический анализ зависимостей, классификацию текста, связи между словами во фразе, многозадачное обучение с предварительно обученными трансформаторами, такими как BERT, визуализацию синтаксиса, связей между словами и именованных сущностей [9].

Для извлечения из фразы набора существительных с их зависимыми словами в виде словосочетаний spaCy предоставляет метод noun_chunks [10]. Но на момент последнего обновления (декабрь 2023 года) spaCy не поддерживает noun_chunks для русского языка в своей базовой модели. Поэтому для решения задачи потребовалось создать собственный разбор запроса на поисковые фразы (1).

Для четвертой части доработок (4) была использована библиотека pymorphy2, так как spaCy не предоставляет средств для склонения слов на русском языке. Pymorphy2 – это морфологический анализатор и генератор для русского и украинского языков, написанный на языке программирования Python. Он использует крупные эффективно закодированные лексиконы, созданные на основе данных OpenCorpora и LanguageTool. Благодаря набору лингвистических правил, pymorphy2 обеспечивает морфологический анализ для слов, не входящих в словарь с применением гипотез. Для русского языка pymorphy2 обеспечивает высокое качество морфологического анализа. pymorphy2 выполняет такие задачи, как приведение слова к нормальной форме, изменение формы слова, получение грамматической информации о слове. Библиотека обладает высокой производительностью и поддерживает букву «ё» [11, с. 320–324].

Данные изменения позволили значительно повысить качество ответов. Так, немодифицированный алгоритм по запросу «про политическую систему» предпринимал попытки поиска по фразам «про политическую систему», «политическую систему», «про политическую», «политическую», «систему». Алгоритм, учитывающий флективность русского языка, производит поиск по следующим фразам для этого примера «про политическую систему», «политическая система», «про политическую», «политический», «система». Проведенное тестирование обновленного алгоритма указывает на успешность модификации (рис. 3–4).

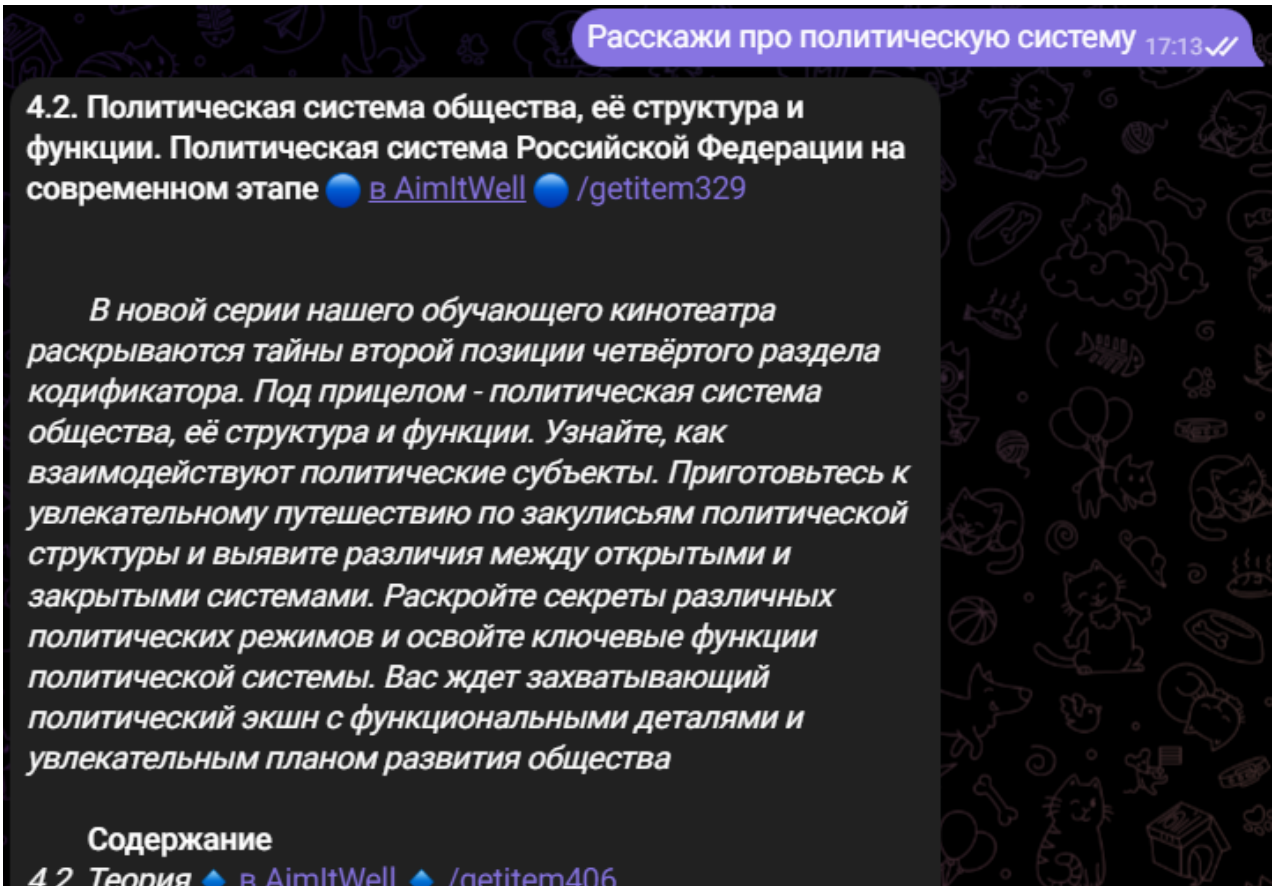

Рис. 3. Успешный результат поиска по модифицированному алгоритму по запросу «Расскажи про политическую систему»

Недостатком данного алгоритма является требование точного согласования слов с предлогами для успешного поиска. Это подразумевает, что пользователь должен правильно выстраивать соответствие между словами и предлогами, как показано на правильном примере на рисунке 6. В случае неправильного согласования, как показано на рисунке 7, поиск может оказаться неэффективным. Для преодоления этого ограничения, алгоритм имеет потенциал развития в полноценный анализатор, который будет способен разбивать запрос на смысловые фрагменты, учитывая в нем имеющиеся зависимости и использованные предлоги.

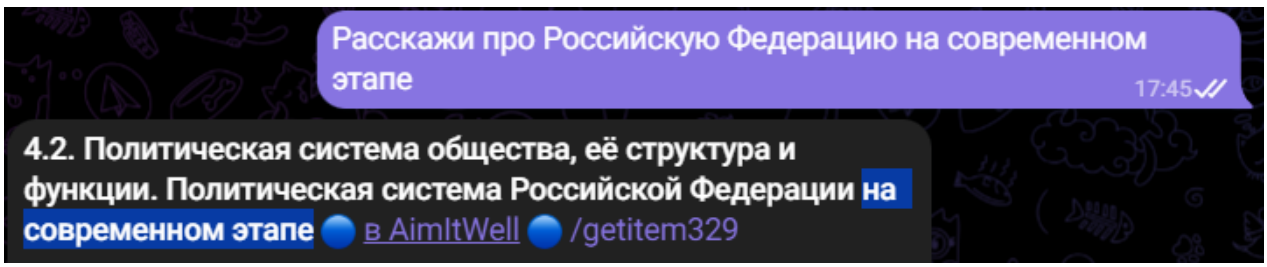

Рис. 4. Правильное согласование слов с предлогами пользователем

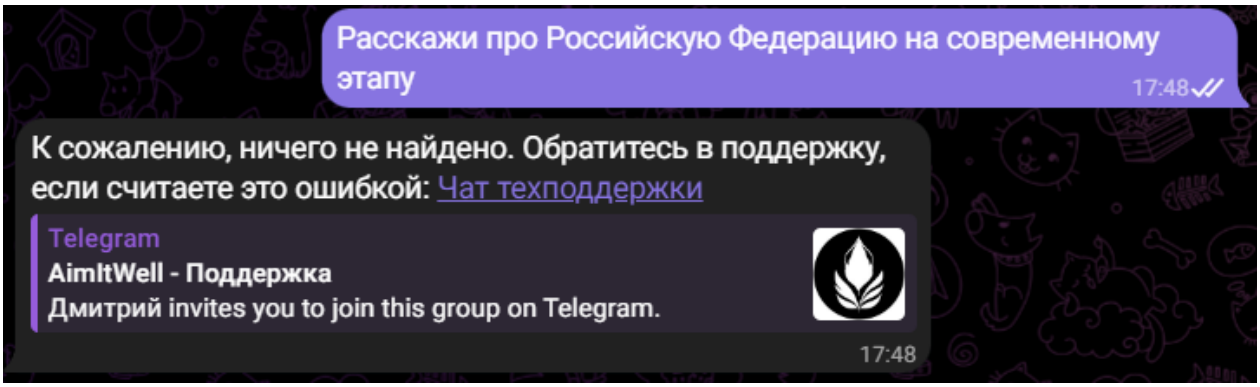

Рис. 5. Неправильное согласование слов с предлогами пользователем

В ходе проведенного исследования была рассмотрена проблема обработки флективных аспектов русского языка в технологиях обработки естественного языка (NLP). Основная цель заключалась в разработке и реализации практических решений для оптимизации этого процесса с использованием грамматического анализатора в NLP-модели для бота Telegram.

В ходе исследования были решены определенные задачи, такие как обзор существующих методов обработки флективных аспектов в русском языке, разработка грамматического анализатора, его интеграция в NLP-модель для бота Telegram, а также анализ результатов экспериментального исследования.

Интеграция грамматического анализатора в NLP-модель позволила улучшить обработку флективности русского языка. Модификации в алгоритме, такие как рекурсивная функция разбора запроса, лемматизация слов, определение главных слов и их согласование, способствовали более точному подбору поисковых фраз из запросов пользователей.

Результаты тестирования подтвердили успешность модификации алгоритма, указывая на повышение качества ответов бота Telegram. Особенно это проявилось в случаях, где требовалось учесть грамматические особенности русского языка, такие, как склонение слов.

Несмотря на достигнутые улучшения, следует отметить некоторые ограничения алгоритма, такие как требование точного согласования слов с предлогами для успешного поиска. Это ограничение открывает перспективы для дальнейшего развития алгоритма в полноценный анализатор, способный учитывать более сложные грамматические конструкции и зависимости в запросах. Качество ответов можно также улучшить за счет написания собственной системы индексации материалов в приложении, которая будет использовать методы лемматизации и стемминга, согласно современным принципам индексации страниц в поисковых системах.

Разработанные решения могут быть полезными для расширения функциональности ботов и других приложений, работающих с русским языком, повышая их эффективность и точность в понимании пользовательских запросов.

Библиографический список

1. Валентинова О.И., Рыбаков М.А., Пстыга А. Типологическая сохранность русского языка как необходимое условие культурной и интеллектуальной самоидентификации российского общества // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 3. С. 418–428.

2. Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть вторая) // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 234–244.

3. Пруцков А.В., Розанов А.К. Методы морфологической обработки текстов // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2014. № 3 (27). С. 119–133.

4. Жердева М.В., Артюшенко В.М. Стемминг и лемматизация в Lucene.NET // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2016. № 3. С 131–134.

5. Осипова Ю.А., Лавров Д Н. Применение кластерного анализа методом k-средних для классификации текстов научной направленности // МСиМ. 2017. № 3 (43). С 108–120. DOI: 10.25513/2222-8772.2017.3.108-121.

6. Сапин А.С. Построение нейросетевых моделей морфологического и морфемного анализа текста // Труды ИСП РАН. 2021. Т. 33. № 4. С. 117–130. DOI: 10.15514/ISPRAS–2021–33(4)–9.

7. Частикова В.А., Козачёк К.В., Гуляй В.Г. Методы обработки естественного языка в решении задач обнаружения атак социальной инженерии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2021. № 4 (291). С. 95–108.

8. Searching. Wagtail Documentation. URL: https://docs.wagtail.org/en/stable/topics/search/searching.html (дата обращения: 10.12.2023).

9. spaCy: Industrial-strength Natural Language Processing in Python. URL: https://spacy.io/ (дата обращения: 10.12.2023).

10. Linguistic Features. spaCy Usage Documentation. URL: https://spacy.io/usage/linguistic-features#noun-chunks (дата обращения: 10.12.2023).

11. Korobov M. Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages // Analysis of Images, Social Networks and Texts. March, 2015. P. 320–332.

References

1. Valentinova O.I., Rybakov M.A., Pstiga A. Typological preservation of the Russian language as a necessary condition for the cultural and intellectual self-identification of Russian society. // Issues of Theory and Practice of Journalism. 2018. Vol. 7. Iss. 3. P. 418–428.

2. Valentinova O.I., Rybakov M.A. Logic of determinant analysis of agglutinative and inflectional languages (part two) // Polilingualism and Transcultural Practices. 2021. Vol. 18. Iss. 3. P. 234–244.

3. Prutskov A.V., Rozanov A.K. Methods of morphological text processing // Caspian Journal: Management and High Technologies. 2014. Vol. 3 (27). P. 119–133.

4. Zherdeva M.V., Artyushenko V.M. Stemming and lemmatization in Lucene.NET // Bulletin of MGUL – Forestry Bulletin. 2016. Vol. 3. P. 131–134.

5. Osipova Y.A., Lavrov D.N. Application of k-means clustering for the classification of scientific texts // MSiM. 2017. Vol. 3 (43). P. 108–120.

6. Sapin A.S. Construction of neural network models for morphological and morphemic text analysis // Works of ISPRAN. 2021. Vol. 33. Iss. 4. P. 117–130.

7. Chastikova V.A., Kozachyok K.V., Gulyay V.G. Natural language processing methods in solving social engineering attack detection tasks // Bulletin of Adyghe State University. Series 4: Natural, Mathematical and Technical Sciences. 2021. Vol. 4 (291). P. 95–108.

8. Searching. Wagtail Documentation. URL: https://docs.wagtail.org/en/stable/topics/search/searching.html (date of application: 10.12.2023).

9. spaCy: Industrial-strength Natural Language Processing in Python. URL: https://spacy.io/ (date of application: 10.12.2023).

10. spaCy Usage Documentation. Linguistic Features. URL: https://spacy.io/usage/linguistic-features#noun-chunks (date of application: 10.12.2023).

11. Korobov, M. Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages // Analysis of Images, Social Networks and Texts. March, 2015. P. 320–332.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 82.1
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.007

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва
Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета
Сергеева (Барсукова-Сергеева) О.М.
Россия, г. Москва, тел.+7 916 293 86 28
e-mail: barsom@bk.ru

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow
Candidate of philology, associate professor of the Russian for foreigners department of the philological faculty
Sergeeva (Barsoukova-Sergeeva) O.M.
Russia, Moscow, tel. +7 916 293 86 28
e-mail: barsom@bk.ru

О.М. Барсукова-Сергеева

АВТОРСКАЯ ИРОНИЯ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РАССКАЗЕ В. ТОКАРЕВОЙ «РАРАКА»

В статье обозначены общие особенности авторской позиции в рассказе В. Токаревой «Рарака»; главное внимание уделяется иронии, которая представляет собой основной инструмент создания художественного мира произведения.

Рассмотрено многообразие языковых средств, служащих для достижения иронического эффекта в рассказе: смешение стилей; использование речевых штампов и прецедентных выражений; расширение сочетаемости языковых единиц путем погружения слова или словосочетания в непривычный контекст; экспрессия; оригинальные метафоры; сниженные сравнения.

Показано, что ирония в рассказе получает не только языковое выражение, но проявляется на разных уровнях организации текста и может выступать как игра со смыслами; ирония определяет развитие главной темы, раскрывает значение финала рассказа и является ключом к общей интерпретации произведения. Ирония в рассказе В. Токаревой представляет собой системное явление, в котором находит отражение своеобразие мировосприятия автора.

Ключевые слова: иронический эффект, языковые и неязыковые средства выражения иронии, авторская позиция, авторское мировосприятие.

O.M. Barsoukova-Sergeeva

AUTHOR`S IRONY AND THE MEANS OF ITS EXPRESSION IN THE SHORT STORY «RARAKA» BY V. TOKAREVA

In the article general features of the author's position in the short story «Raraka» by V. Tokareva are marked; the main focus is on irony, which is the universal creation instrument for the artistic world of the short story.

The variety of language means to achieve the ironic effect in the short story, such as mixing of styles, using speech stamps and precedent expressions; expanding the compatibility of language units by using them in an unusual context; expression; original metaphors; reduced comparisons, is considered.

There was shown in the article that the irony in the short story has not only linguistic expression, but it takes place at all levels of the text organization, it can act as a game with meanings. The irony defines the development of the main theme, reveals the meaning of the ending and becomes the key to general interpretation of the text. The irony in the short story is a systemic phenomenon in which the author`s peculiarity of the worldview is reflected.

Keywords: ironic effect, linguistic and non-linguistic means of expressing irony, author's position, author's

© Барсукова-Сергеева О.М., 2024

worldview.

Для творчества В. Токаревой характерно глубокое проникновение в сферу частного бытия, заинтересованное внимание к ее подробностям и мелочам, из которых, по сути, и складывается человеческая жизнь. Она, как истинная женщина, умеет видеть поэзию повседневности, находить в обыденном черты вечности и выстраивать на этой основе свой художественный мир.

Известный исследователь русской культуры Ю.М. Лотман писал: "Между "мужским" и "женским" взглядами существует отличие отнюдь не элементарно биологического свойства. Историк, кладущий в основу источники, написанные "с мужской позиции", видит перед собой мир "взрослых" людей. Исторические характеры он видит в их результатах, а не в процессе становления, и люди перед его глазами – это цепь итогов, как бы музей, в котором неподвижные фигуры расставлены в хронологической последовательности. "Женский взгляд" при упоминании имени человека прежде всего видит ребенка, а затем уже – процесс его формирования» [1; с. 73].

Понимание нераздельности житейского и вечного было характерно для многих русских писателей, начиная с А.С. Пушкина. Такую мысль последовательно проводил, например, Л.Н. Толстой в своих великих романах. Такое видение жизни определило творческую позицию А.П. Чехова, создателя новой художественной реальности, выявляющей скрытый драматизм обыденного человеческого существования.

В творчестве В. Токаревой, при всей его самобытности, прослеживаются общие традиции русской литературы, всегда отличавшейся богатством многоголосия.

В рассказах писательницы отражаются особенности ее мировосприятия, в котором преобладает диалектическое начало. Она не делит мир на черное и белое, не осуждает своих героев и не расставляет строгие акценты. Своеобразие ее художественного мира определяется особенным складом ума, склонностью к игре, партнером в которой выступает читатель. Токарева проявляет себя настоящим мастером прозы, умело балансируя между комическим и драматическим, а порой и трагическим. Она не учит читателя, а приоткрывает для него скрытые от обыденного сознания стороны событий и явлений, погружая его взгляд в глубину жизненного потока.

Один из наиболее эффективных художественных приемов в произведениях писательницы – мягкая и добрая ирония.

В.М. Пивоев определяет иронию как «эстетическую и нравственную категорию, служащую для обозначения эмоционально-ценностного отношения, которое, будучи видом комического, характеризуется трехплановой структурой при относительной равноценности этих планов, амбивалентностью, возможностью двунаправленности и особым характером выражения» [2; с. 98]. Ирония у Токаревой представляет собой сложное и многослойное явление, отмеченное яркой национально-культурной спецификой, и глубоко связана с внутренним миром автора.

«Рарака» – один из ранних рассказов В. Токаревой, маленький шедевр, в котором уже отчетливо проявились индивидуальные черты ее дарования.

Рассмотрим особенности авторской иронии в рассказе «Рарака».

Говоря об иронии, исследователи понимают ее как «иронический смысл, создаваемый при участии разноуровневых языковых средств, взаимодействие которых обеспечивает единство текста» [3; с. 169].

Такое многообразие языковых средств, создающих общую ироническую тональность художественного текста, в полной мере характеризует прозу В. Токаревой.

Обращение к разным стилистическим пластам для достижения иронического эффекта впервые было использовано А.С. Пушкиным в «Евгении Онегине» и широко применяется в современной прозе. К этому приему обращается и Токарева.

В рассказе встречаются элементы книжных стилей, в том числе лексика высокого стиля, или устаревшие слова, которые выделяются в контексте как инородные: «восемнадцать *дев* и трое юношей» [6; с. 213]; «на каждую из нас *причитается* двадцать две с половиной минуты» [6; с. 214]; «Лариска *возвела* на меня свои глаза» [6; с.220]; «принципы, *во имя* которых холостой человек должен скрывать свои истинные чувства» [Там же]; *истово* глядя перед собой [6; с. 221]; «на ударниках … *восседал* Игнатий» [6; с. 227]; «если меня когда-нибудь *постигнет* такая талия, я просто буду срезать с нее куски» [6; с. 228] и т.п. Иронический эффект создается путем введения указанных элементов в нарочито сниженный контекст.

Подобным образом функционирует в тексте ряд речевых штампов и прецедентных сочетаний возвышенного характера: «*бросать ему под ноги свое хрупкое существование*» [6; с. 222]; «*мой образ будет со временем высветляться в его памяти, и он влюбится в свою потерю*» [Там же]; «*я не могу лишить его своей любви*» [6; с. 220]; *гений чистой красоты* [6; с. 227] и др.

Стилистическое разнообразие в известной степени реализуется в рассказе включением в текст разговорной лексики и фразеологии: «что ты *вцепилась* в этого Игнатия» [6; с. 220]; «и *охота* тебе» [6; с. 214]; «*а что мне с него*» [6; с. 218]; «встретила *на свою голову* Германна» [6; с. 218]; «чтобы мой *прогул* не выглядел нарочитым» [6; с. 219]; «*твои* скоро вернутся» [6; с. 220]; «хочешь, *спляшем*» [6; с. 228]; «*ни с того ни с сего* оделась…и поехала» [6; с. 229]; «ну, *ты даёшь*» [Там же]; «сколько вокруг настоящих мужчин, которые только и мечтают, чтобы их *прибрала к рукам* такая девчонка, как ты» [6; с. 220].

Встречаются в рассказе просторечные и грубо-просторечные лексические единицы: «у него и *рожа*-то желтая» [6; с. 220]; «интересно в *рожу* заглянуть» [6; с. 230]; «*шпарил* как бог» [6; с. 227].

Смешение стилей, резкий контраст книжной лексики, разговорных и просторечных элементов поддерживают общую ироническую тональность текста.

Действие рассказа происходит в обстановке музыкального училища, тема музыки связывает всех персонажей. Музыкальные способности и отношение к искусству становятся определяющим критерием в оценке персонажей, которые делятся на две группы: одаренные (Кира, Игнатий) и бездарные (Лариска, Гонорская). В рассказе неоднократно подчеркивается несостоятельность Лариски как исполнителя. В сцене занятия по чтению партитур авторская ирония усиливается:

«Лариска приспустилась на стул, как бабочка на неустойчивый цветок, и грациозно разложила на клавишах свои легкие пальцы. Каждый палец – произведение искусства.

Игнатий сел рядом, ссутулившись. Лицо у него было свирепое.

Ночевала ту-у-у-у-чка… – обреченно завыла Лариска и задвигала пальцами» [6; с. 215].

В данном фрагменте обращает на себя внимание глагол *задв**и**гать*, воспринимаемый здесь как окказионализм. Если учесть, что речь идет об игре на фортепиано, то авторская насмешка бьет прямо в цель: движения Ларискиных пальцев представляются неосмысленными и не имеют никакого отношения к музыке.

Весьма продуктивным в плане выражения авторской иронии в произведении В. Токаревой представляется **погружение слова или словосочетания в непривычный контекст**. Известно, что русский язык богат лексическими синонимами. Лексическое богатство достигается прежде всего большим количеством заимствований, и, чтобы избежать избыточности, мы стараемся разграничить синонимы по сочетаемости, распределить их по разным контекстам (например, в разных контекстах встречаются существительные «волонтер» и «доброволец», «внедорожник» и «вездеход» и т.п.). Такие закрепленные контексты становятся привычными для носителей языка, и мы легко обнаруживаем изменение сочетаемости, которое

обновляет для нас значение хорошо знакомого слова, обеспечивая свежесть читательского восприятия.

Приведем примеры расширения привычной сочетаемости слов рассказе: «у меня есть *какие-то мальчики*, три или четыре, а может пять» [6; с. 213]; они (*ресницы*) «*клацают* друг о друга» [6; с. 214]; «*оккупировал половину клавиатуры*» [6; с. 216]; «*баловался на клавесине*» [6; с. 219]; «*припала* лицом *к обоям*» [Там же]; «на *унылых* бронзовых *волосах*» [6; с. 221]; «*честно вспоминать*» [6; с. 217]; «с *куцыми ногтями* пианистки» [6; с. 228]; «*самоотверженным движением* стянула оба платка на воротник» [6; с. 223]; «*сильные глаза веселого самоубийцы*» [6; с. 225] «замолчали *трагически надолго*» [Там же]; «Лариска *поставила* на меня свои *глаза*» [6; с. 231] и т.п.

В богатой палитре художественных средств и приемов, характерных для В. Токаревой, свое место занимает и **экспрессия**: «*омерзительный* рот» [6; с. 217]; «если закричу, *земной шар с оси сорвется*» [6; с. 226] и др. Во многих случаях экспрессия приобретает иронический оттенок: «*обреченно завыла*» [6; с. 215]; «*лицо* у него было *свирепое*» [Там же]; «глаза *без ресниц вообще*» [6; с. 221]; «*яростно плещется* вода» [Там же]; «стояли обе *парализованные*, с *вытаращенными* глазами» [6; с. 229] и др.

Ирония, реализуемая через нарушение привычной сочетаемости, в единстве с экспрессией придает тексту волнующую напряженность.

При расширении сочетаемости слов возникают авторски**е эпитеты** (*унылые* волосы [6; с. 221], *самоотверженное* движение [6; с. 223] *сильные* глаза [6; с. 225]), а также оксюморон *веселый* самоубийца [Там же].

Художественное мастерство В. Токаревой проявляется и в создании **оригинальных метафор** («*стихийное бедствие его глаз*» [6; с. 223]; «готовясь к *пиру своего самоутверждения*» [6; с. 224]; «великая *война полов*» [6; с. 214]; «*оторвалась от поручней и полетела под все колеса*» [6; с. 226]; «*костер любви*» [6; с. 230]; «*нимб* его *непостижимости*» [6; с. 229]), в которых нередко проскальзывает ирония: «перестань *грызть стену*» [6; с. 219]; «*вросла глазами* в профиль Игнатия» [6; с. 216]; «сойти с *узкоколейки своей трезвости*» [6; с. 222] «стояли на месте и *цепляли ногами*» [6; с. 228] и т.п.

В рассказе иногда встречаются **олицетворения**, и они также носят иронический характер: «неприкаянная Ларискина *любовь плавает* над крышами» [6; с. 225]; «*рояль удивился*, как человек, и *вздрогнул* так, что даже *подпрыгнул* на всех трех ногах» [6; с. 212].

В тексте немало **иронически сниженных сравнений**, построенных на сближении очень далеких друг от друга предметов и явлений: «*магнитофон* ревет, как *водопроводная труба*» [6; с. 213]; «я стою рядом с Лариской в глухом свитере, как *репей* рядом с *хризантемой*» [6; с. 215]; Игнатий «похож на обросшего, выгоревшего за лето *беспризорника*» [Там же]; «эти *дети*, должно быть, шуршали за стеной, как *мухи в кулаке*» [6; с. 219]; «*она* стояла, раскинув руки, как *Христос*, если бы его прислонили к кресту не затылком, а лицом» [Там же]; «у него и *рожа*-то желтая, как *лимон* за двадцать пять копеек» [6; с. 220]; «это было равносильно тому, как если бы я обратилась к падающему самолету, вошедшему в штопор» [6; с. 221]; «*Гонорская* – округлая и широкая в талии, как *рыба камбала*» [6; с. 228]; «прорезая толпу, как ледокол «Ермак»» [Там же]; «*я* была неповоротлива, как *баржа*» [64 с. 229]; «мне до него, как до Турции» [6; с. 218]; «выражение ее лица было таким, будто у нее полные карманы динамита» [6; с. 227].

В перечисленных сравнениях можно отметить одну общую черту: они, по большей части, носят подчеркнуто прозаический характер и этим значительно снижают статус основного объекта сравнения.

В образном строе произведения находит отражение женский мир, связанный с хозяйственно-бытовой деятельностью: «В небе шло неясное брожение, как в кастрюле с закипающим супом. Мы стояли с Лариской, как две бесполезные косточки на дне кастрюли мироздания. Какой от нас навар…» [6; с. 222-223] – или: «Меня будто вычерпали половником, осталась одна оболочка» [6; с. 227]. Это придает авторской иронии особенный характер.

С женским миром непосредственно связан и мир детства, детских игр и увлечений. Героини рассказа очень молоды, они органично сочетают в себе и детское, и женское начало. Это обстоятельство помогает понять смысл кульминационного эпизода – похода Киры и Лариски к Игнатию Петровичу, где всплывает одна очень значимая культурно-историческая тема. Чтобы уловить ее, нужно знать, какое значение в воспитании послевоенного поколения имели события недавней войны, в какой атмосфере росли сверстники Виктории Токаревой.

Большой культурно-исторический пласт, приоткрытый в данном эпизоде, несет для читателя совершенно определенные ассоциации. Вспомним у В. Высоцкого: «Про войну будут детские игры с названьями старыми, и людей будут долго делить на своих и врагов…» Послевоенное поколение детей долго еще играло в военные игры.

В рассказе воспроизводится атмосфера подобной игры: «Мы шли *как в разведку*: не было ни прошлого, ни будущего, только настоящее, только *ощущение опасности*» [6; с. 221]; «Дом был кирпичный, красный. *Стена* в наступающих сумерках *казалась какой-то зловещей*. Возле таких стен *расстреливают заложников*» [Там же]; - «Игнатий Петрович! – вскрикнула Лариска, *будто в нее выстрелили*» [6; с. 223]; «Наш *поход в разведку окончился расстрелом* возле каменной стены» [6; с. 224]. Такой художественный прием выводит происходящее за рамки обыденности и переводит повествование в авантюрно-героическую тональность. И здесь работает ирония – ведь кульминация Ларискиной драмы для Киры, комментирующей развитие событий, выглядит как детская игра, полная воображаемых опасностей. Такой взгляд на ситуацию предлагается и читателю. Указанный эпизод подтверждает мнение исследователей, что «основным механизмом существования иронии в художественном дискурсе является игра со смыслами… Ирония содержится не в самом высказывании или отдельном слове, а становится понятной читателю из контекста или сконструированной автором ситуации» [4; с. 84].

Авторская ирония, с одной стороны, обновляет и очищает изображаемое от налета повседневности и привычности, а с другой – снижает градус драматизма событий и переживаний героини, как бы приземляет ее порывы:

«-И-г-н-а-т-и-й! – выговорила Лариска. – Послушай: только гласные и мягкие согласные. Какое нежное и мужественное сочетание. Простое и породистое. По-испански это звучит Игнасьо.

- А по-русски Игнат – дополнила я» [6; с. 217].

Объектом иронии в рассказе выбрана Лариска, а субъектом – Кира, ее полная противоположность. Кажется, что читателю не остается ничего другого, как только соглашаться с Кирой в оценках поведения ее подруги, которое далеко выходит за рамки обыденных норм. Однако Кира – не критик, а всего лишь комментатор, вполне осознающий свою ограниченность (« …я не в состоянии сойти с узкоколейки своей трезвости»).

Следует отметить, что ирония в рассказе не единственный, хотя и очень продуктивный инструмент художественного творчества. Строго соблюдая закон меры и равновесия, В. Токарева ведет в рассказе главную тему – тему творчества. Кира и Лариска во многом противоположны – как по психологическому складу, так и по музыкальным способностям, однако их объединяет одна черта – причастность к творчеству.

Все персонажи живут в мире музыки, и даже сюжет рассказа в чем-то подобен двухголосному музыкальному произведению, в котором один голос ведет Лариска, а другой – Кира. Среди персонажей рассказа есть два настоящих музыканта – Кира и Игнатий. Однако можно заметить, что музыкальная тема отодвинута на периферию и развивается как побочная. Основную партию ведет не Кира, а Лариска. Собственно говоря, весь рассказ – это история Ларискиной попытки создать (или воссоздать) своего Игнатия и связать с ним судьбу. Лариска знает о нем то, чего не знает он сам, видит, каким он мог бы быть: "Мужской взгляд" подчеркивает в человеке его поступки, то, что он совершил; женский – то, что он мог бы совершить, но утратил или совершил не полностью. Мужской взгляд прославляет сделанное, женский –

скорбит о несделанном" [1; с. 73]. Перед нами не первое и, вероятно, не последнее литературное воплощение мифа о Пигмалионе и Галатее – в его женском варианте.

Ларискин Игнатий не выдуман ею, а вытащен из забвения, из-под завалов прожитой им жизни. Не случайно Гонорская сказала, что Игнатий – выжженное поле, на котором ничего не взрастет. Лариска пытается реанимировать убитого жизнью человека – по сути, создать его заново. Она проявляет при этом поистине невероятную творческую силу и творческое воображение.

Ирония Киры нисколько не отменяет творческие открытия Лариски, в этой иронии нет элемента критики – напротив, именно ирония раскрашивает Ларискины переживания в яркие тона и открывает глубокие слои содержания рассказа.

В глазах Киры Игнатий Петрович только хороший музыкант, других достоинств она в нем не замечает: «Лет Игнатию тридцать – сорок. Он высок, светловолос, не стрижен, похож на обросшего, выгоревшего за лето беспризорника. Кожа на лице бледная, вялая, вымороченная не то усталостью, не то отвращением к необязательности своего предмета» [6; с. 215]. Кира не может понять, что в нем нашла подруга. Лариска открывает Кире то, что та не замечала и не понимала: «Я никогда прежде не присматривалась к нему, но Ларискина влюбленность как-то возвысила его в моих глазах. Я вдруг отметила идеальную конструкцию его плеч и умение красиво носить красивые вещи» [Там же]. И далее: «Его лицо было близко, и я вдруг увидела, что оно действительно переделено на три части. Купол лба, щедрый размах бровей и сильные глаза веселого самоубийцы – это его духовность. Нос – мужественность. Рот – жестокость. Все это ему действительно принадлежало, но было открыто не мной. Мне стало казаться, что Лариска стоит за дверью, прижавшись спиной к стене. У меня появилось ощущение, будто я надела краденую вещь и встретила хозяина» [Там же].

В иронии по отношению к потерпевшей крушение всех надежд Лариске отсутствуют критические нотки, напротив, пробивается искреннее сочувствие: «Игнатий не просил Лариску любить его, она сама его любила, и его вины здесь не было никакой. Но она любила его так красиво, так талантливо. И это не пригодилось. И теперь неприкаянная Ларискина любовь плавает над крышами. А Игнатий сидит, как сидел, и его лицо по-прежнему переделено на три части» [6; с. 225].

Исследователи указывали, что ирония в произведениях В. Токаревой многофункциональна, проявляется на всех уровнях текста, в том числе в организации сюжета, где она реализует основную идею произведения [5]. Мы, в свою очередь, отметим, что в финале рассказа «Рарака» объектом иронии выступает уже сама жизнь, строящая свои сюжеты. В таком завершении истории Ларискиной любви за авторской улыбкой открывается глубокая мировоззренческая позиция: красота не есть принадлежность этого мира, ее творит сам человек вопреки логике жизни, которая прозаична и скучна. Человек-творец зажигает свой костер для всех. С этой мыслью связан центральный символический образ морского светлячка – рараки, который источает свет во мраке ночи.

Таким образом, авторская ирония в рассказе «Рарака» действует на различных уровнях организации текста, она определяет развитие магистральной темы и смысл финала рассказа, является ключом к общей интерпретации произведения. Произрастая из мироощущения автора, ирония становится в рассказе универсальным художественным инструментом, который позволяет Токаревой представить в тексте разностороннюю картину событий и чувств, переживаемых героями. Ирония раскрывает в обыденных вещах их прекрасную и неповторимую сущность, в ней нет разрушительного начала, она конструктивна. Автор не противопоставляет себя своим героям, не возвышается над ними, но, напротив, сопереживает им, проявляет сочувствие.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). С.-Петербург: Искусство, 1994.- 399 с.
2. Пивоев В.М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 104 с.
3. Ермакова О.П. Типы вербализованной иронии в разных сферах русского языка // Язык. Культура. Гуманитарное образование. М., 1999. С. 139-148.
4.Заболотнева О.Л. Лингвокогнитивные средства выражения иронии в художественном дискурсе (на примере произведений С. Ахерн) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 82. 2013. № 24 (315). С. 84-88.
5. Тертычная Н.Н. Ирония и самоирония как способ раскрытия личности персонажа в повестях и рассказах В. Токаревой // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2016. №3 (27). С.148-158.
6. Токарева В. День без вранья: повести и рассказы. М.: Квадрат, 1994.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1975. 846 с.

References

1. Lotman Y.M. Conversations about Russian Culture: the Life and Traditions of the Russian Nobility (XVIII – beginning XIX century). S-Petersburg, 1994.
2. Pivoev V.M. Irony as a Cultural Phenomenon. Petrozavodsk, 2000. 104pp.
3. Ermakova O.P. Types of Verbalized Irony in Different Areas of the Russian Language // Language. Culture. Humanitarian Education. Moscow, 1999. P. 139-148.
4. Zabolotneva O.L. Linguocognitive Means of Expressing Irony in Artistic Discourse (on the example of the works by S. Akhern) // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history. Issue 82. 2013. № 24 (315). P.84-88.
5. Tertychnaya N.N. Irony and Self-irony as a Way to Reveal a Character's Personality in Novels and Short Stories by V. Tokareva // East Slavic philology. Literary criticism. 2016. №3 (27). P. 148-158.
6. Tokareva V. A day without lies: novels and short stories. Moscow: Kvadrat, 1994.
7. Ozhegov S. I. Dictionary of Russian Language. Moscow, 1975. 846 pp.

УДК 821.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.008

Воронежский государственный педагогический университет
аспирант кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы
Голубева Я.Е.
Россия, г. Воронеж, тел.: 8-900-307-31-20, e-mail: golubevayana1998@gmail.com

Voronezh State Pedagogical University Postgraduate
student of the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature
Golubeva Ya.E.
Russia, Voronezh, tel.: 8-900-307-31-20, e-mail: golubevayana1998@gmail.com

Я. Е. Голубева

ТИПОЛОГИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Статья посвящена анализу особенностей функционирования эмоционально-оценочной лексики в художественных текстах патриотической направленности (на примере стихотворений, включенных в сборник «ПоэZия русского лета»). Актуальность исследования обусловлена недостаточностью изученности современных поэтических текстов, освещающих тематику специальной военной операции, и присутствующей в них лексики, наделенной определенной степенью экспрессии. Рассмотрены вопросы, касающиеся теории эмотивности и оценочности и их соотношения, определено понятие эмоционально-оценочной лексемы. Было отмечено, что эмоционально-оценочная лексика в исследуемых текстах может быть представлена тремя разновидностями: стилистически маркированными словами, лексемами, содержащими контекстуальную оценочность, и лексическими единицами, эмоциональная оценка которых заключена в аффиксах. Особое внимание уделяется оценочным фразеологическим единицам, которые используются современными российскими авторами в готовом виде или подвергаются в исследуемых текстах разного рода трансформациям. Был сделан вывод о том, что в ткани анализируемых лирических произведений в качестве способа передачи отношения автора и/ или лирического героя к изображаемому явлению активно используются тропеические средства (прежде всего эпитеты и метафоры).

Ключевые слова: эмоционально-окрашенная лексика, фразеология, семантика, Z-поэзия, специальная военная операция, патриотизм.

Ya.E. Golubeva

FUNCTIONING OF EMOTIONAL-EVALUATIVE VOCABULARY IN THE SPACE OF POETIC TEXT OF PATRIOTIC ORIENTATION

The article is devoted to the analysis of the functioning of emotional-evaluative vocabulary in literary texts of a patriotic orientation using the example of poems by D. Artis included in the collection “Poetry of the Russian Summer”. The relevance of the study is due to the lack of knowledge of modern poetic texts covering the topic of a special military operation, and the vocabulary present in them, endowed with a certain degree of expression. The analysis of the functioning of emotionally charged words was carried out on the basis of the classification of S.V. Bromley, L.N. Bulatova, I.V. Golub, according to which they are divided into three groups. Stylistically marked words, lexemes containing in their semantics an assessment acquired in the context, and lexemes whose emotional assessment is contained in affixes were observed and described. A separate group consisted of phraseological units.

Keywords: emotionally charged vocabulary, metaphor, phraseology, semantics, connotation, meliorativeness, pejorativeness, linguistic picture of the world, Z-poetry, special military operation, patriotism.

Вопросы эмоциональности и оценочности интересовали многих исследователей (ср., напр., труды таких выдающихся ученых, как Н.Д. Арутюнова [2], Е.М. Вольф [4], Л.А. Киселева [9], В.Н. Телия [17] и др.), однако в научных кругах вопрос о соотношении данных кате-

© Голубева Я.Е., 2024

горий до сих пор решается весьма неоднозначно. Некоторые исследователи, невзирая на то, что эмоциональность и оценочность могут рассматриваться во взаимосвязи, призывают не считать их тождественными. В настоящее время большая часть лингвистов придерживается мнения о том, что вопрос о тесных отношениях названных элементов спорным не является: сейчас они рассматриваются в качестве единого эмоционально-оценочного комплекса [6, 8, 10]. Так, О.В. Загоровская говорит об основании оценки предмета человеком на эмоциональных переживаниях, в связи с чем эти компоненты трудно разделять. Подтверждением близости этих элементов также служит наличие эмоциональных помет, отражающих оценочные характеристики в толковых словарях русского языка [7, 12, 18]. Среди положительных помет отмечаются «ласкательное», «шутливое» и проч., среди отрицательных – «неодобрительное», «презрительное», «пренебрежительное», «бранное» и т.д. Мы также придерживаемся подобной теории существования эмоционального и оценочного компонентов значения внутри коннотации, поскольку эмоциональное отношение говорящего или пишущего подразумевает положительную или отрицательную оценку события или явления.

Понимая категорию оценки как «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию» [Кожина, с. 139], можно отметить, что оценка состоит из четырех элементов, к которым относятся *субъект* оценки – лицо/группа лиц, способных выразить отношение к *объекту* оценки, *характер* оценки и ее *основание*. В большинстве случаев категория оценки определяется по шкале «хорошо – плохо», характер оценки может быть постоянным или контекстуальным. Ср.: «Оценка – это «положительная или отрицательная характеристика предмета, обусловленная признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия/несоответствия его качеств каким-либо ценностным критериям» [5, с. 18]. Причем в современном русском языке отрицательно окрашенные лексемы встречаются гораздо чаще положительно окрашенных и представлены более разнообразно.

Наиболее часто оценка актуализируется путем использования эмоционально-оценочной лексики, которая «ориентирована на выражение субъективных аспектов восприятия человеком реального мира» [11, с.45]. Э.В. Кузнецова отмечает, что в объективную информацию подобных слов «врывается субъективный человеческий фактор» [10, с. 182]. В.И. Шаховской, Н.А. Лукьянова, Л.Г. Бабенко утверждают, что в структуре эмоционально-оценочной лексики на лексическое (денотативное) значение накладывается эмоциональная окраска (коннотативное). При этом важно уметь отграничивать лексемы, обладающие эмоционально-оценочным значением, от лексем, обозначающих виды эмоций, которые выполняют номинативную функцию (*грусть, радость, гнев, печаль, восторг* и проч.). Д.Н. Шмелев настаивает на делении эмоционально-оценочной лексики на «слова, в собственно лексическом значении которых заключена определенная оценка обозначаемых ими явлений, и слова, эмоциональная значимость которых создается при помощи словообразовательных средств» [19, с. 76]. Другие ученые выделяют две группы эмоционально-оценочной лексики, основываясь на другом критерии: это слова, обладающие только одним значением – оценочным, и многозначные слова, приобретающие яркую эмоциональную окраску при их употреблении в качестве метафоры [3, с. 76; [14].

Материалом для настоящего анализа послужила эмоционально-оценочная лексика, функционирующая в поэтических текстах сборника «ПоэZия русского лета», вышедшего осенью 2022 года и положившего начало отечественной Z-поэзии.

Актуальность исследования обусловлена неизученностью современной патриотической поэзии, которая в настоящее время служит важным средством сплочения людей, укрепления национальных идей. С помощью поэтического творчества мастера художественного слова освещают боевой подвиг русского человека, откликнувшегося на призыв Родины, отстаивающего ее безопасность и интересы, осознающего свою роль в построении истории, которая происходит сейчас, способного даже отдать жизнь за свое государство [16].

Как показало исследование, эмоционально-оценочная лексика в современных поэтических произведениях патриотической направленности представлена разновидностями, среди которых можно выделить:

1. Стилистически маркированные словесные знаки [напр., *проканать (крим., жарг.), устаток (прост.), выпучить (прост.), хохол (прост.), русня (уничиж., пренебр.), мокша (пренебр.), плести (разг.), расквасить (разг.), верещать (разг.), малец (разг.), протиснуться (разг.), видать (разг.), благодать (разг.), прочить (разг.), ковылять (разг.), сердобольный (разг.), портки (прост., разг., сниж.), взмокши (разг.), светлоликий (устар., высок.), самозабвенный (высок.), чужбина (высок.), доброхот (устар., шутлив.), безвременье (устар.), откушать (устар.), благой (устар.), змий (стар.), ведать (книжн.), беспечальный (книжн.), отреченный (книжн.), нагота (книжн.), аннексия (книжн.)* и др.), которые содержат в своей семантике характеристику объекта, оценку фактов, явлений, признаков и имеют в лексикографических источниках соответствующие стилистические пометы. Данные слова составляют треть от общего числа эмоционально-окрашенных слов в пространстве исследуемых текстов. Их абсолютное большинство составляют лексемы низкого языкового регистра, актуализирующие ту или иную степень негативной стилистической окраски (ср.: слова с пометами «бранный», «жаргонный», «просторечный», «разговорный», «сниженный» – 55%, что объясняется желанием авторов передать негативные эмоции, испытываемые при описании врага). Ср.: «О том, как чужбина *достала* / как недруги *выгрызли* бок…» [13, с.21], «Бегут без оглядки, кто лесом, кто садом / теряют *портки* и порянки» [13, с.9] и др. Ср. также использование слова *хохол* киевским персонажем с целью собственного уничижения и вызова жалости у русского человека, что усиливается употреблением адъектива *дорогой*: «Насыпьте немного борща *дорогому хохлу*». При передаче речи украинских солдат, презрительно относящихся к русскому человеку, в тексте функционируют лексемы *русня* и *мокша*: «…подсядет к *русне* или *мокше* / и плюнет в тарелку с борщом». Заключительная строфа раскрывает сущность этого персонажа: утолив голод и отдохнув, пренебрежительно именует русских людей, не оставивших его в беде, а потом, уже сытый, *плюет* в еду, которая его спасла.

Слова, имеющие в словарях пометы «высокое», «устаревшее», «книжное», используются для описания российского солдата, отстаивающего интересы своей семьи и всей Отчизны: «Ничто так не будет смущать, / как песня, горящая свечкой, / о том, что жива *благодать*» [13, с.12], «*Блажен* погибающий в первом бою» [13, с.19]. В строках «*Такие люди не знают жизни / им непосильна любовь к Отчизне*. / И пусть святые, подобно змию, / *плохие парни спасут Россию*» [13, с.14], где адъектив *плохой*, используемый при характеристике русского защитника, традиционно заключающий в своей семантике негативно оценочный компонент, противопоставлен *неплохим* людям, оставшимся дома, именуемым *святыми,* умеющим травить ненужные в это сложное время байки, проводящим свой досуг в просмотре футбольных матчей, употреблении пива и повидла.

2. Лексемы, содержащие в своей семантике оценку, приобретенную в контексте: *морда, эльф, саранча, орк, зад, пищать, отсвечивать, вырезать, копошиться, порыв, украинский град, шлифовать, обугленный, лицо, изнанка, штурмовать, бесчестие, по-детски, озираться, безобидный, культя, святой, пекло, мессия, сладкоголосый, байка, обвиснуть, растяжки, жало, коронованный, разграбленный, изломанный, щенок, зачистить, метла, клыкастый, архангел, протрубить, верста, расчертить, топтать, сердитый, блажен, маковка, встревоженный, пестрый, плести, выгрызть, изогнуться плющом, реветь, пасть, обезумевший, набить, выцветающий, перебить, сиять, бесстрашный.* Они получают качественно-эмоциональный оттенок при метафорическом окружении.

С помощью эпитетов и метафор поэты освещают беды и горести, испытываемые от современного агрессора людьми на протяжении более чем 10 лет, выражают эмоциональное состояние фронтовиков, тыловиков и свое отношение к происходящему. Ср.: «*Безобидные* люди, хоть пальцем крути, / но торчат вместо рук *роковые* культи» [13, с.13], «*шлифуем* равнину *победным парадом* / на русском обугленном танке.» [13, с.9], «саранчой *налетели* на

Мордор» [13, с.8], «*присосались* к земле озорным хоботком / не стесняясь *отсвечивать* задом, / и *пищат*…» [13, с.8], «Пока *ревет* / столетним кедром / войны / разинутая пасть» [13, с. 22] и др.

3. Лексемы с аффиксами субъективной оценки, транслирующие оттенки чувств говорящего: *хоботок, драчка, мамка, свечка, печка, печенька, мишка, рядок, пчелки, бантик, картонка, сандалики, подружка, большой-пребольшой, землица, иноземка, девчонка.*

Входя в состав словообразовательной семантики именования, аффиксы способствуют усилению общего оценочного значения. Морфологическая оценочность, с помощью которой актуализируется положительная или отрицательная модальность посредством оценочных суффиксов (в большинстве случаев) ярко проявляется в исследуемых нами художественных текстах: «Присосались к земле озорным *хоботком*» [13, с.8], «Выходите на *драчку* бегом» [13, с.8], «как песня, горящая *свечкой*» [13, с.12], «Отец мой вроде плотничал \ и *пчелок* разводил» [13, с.15], «Дети хоронят кота, / *бантик* стянув на *картонке*» [13, с.18], «…верных *подружек* покинуть» [13, с.18] и проч.

Следует отметить, что наиболее активным словообразовательным потенциалом обладают следующие суффиксы эмоциональной оценки: *-к-, -ок-, -еньк-, -ик-, -иц-, -онк-* и префикс *пре-*. Так, например, *с*уффикс *-еньк-*, как правило, используется для передачи положительного отношения к обозначаемому, однако в анализируемых текстах он приобретает новые коннотации – награждает лексемы отрицательной семантикой осуждения при описании людей, ведущих праздный образ жизни в то время, как другие отдают долг Родине, всеми силами ее защищая: «Пока святые – не то что парни, / а так – *печеньки* от мишки Барни» [13, с.14]. Здесь семантика осуждения и презрения усложняется ироническим контекстом: лирический герой считает таких людей не парнями, а продуктом питания.

4. Фразеологически связанные словосочетания (напр., *пустить по кругу, вздыхать на ладан, наступать на пятки, бежать без оглядки, скрутить в баранку, нас много и мы в тельняшках, как три копейки прост, сжаться в комок),* которые обладают высокой степенью экспрессивности, выражая авторскую оценку происходящих событий или отношение лирического героя к сослуживцам, способным *скрутить в баранку* неприятеля (намеренное нарушение фразеологического оборота *скрутить в бараний рог*), *наступающим на пятки* снарядам и врагам, которые *вздыхают на ладан* и *убегают без оглядки* при встрече с русским солдатом, а также описывая поведение врага: «Как детей ваших вырежем, мамок и жен / с удовольствием *пустим по кругу*» [13, с.8].

Таким образом, в современных текстах патриотической направленности, подвергшихся нашему анализу, преобладают слова, приобретающие эмоциональную окраску в контексте конкретного произведения, составляя 48,7% от общего количества исследуемой лексики; стилистически маркированные слова – 27%, слова с аффиксами субъективной оценки – 14,8%, фразеологически связанные словосочетания – 0,8%.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В художественных текстах поэтического сборника «ПоэZия русского лета» авторы стремятся передать действия и эмоциональное состояние человека, принимающего участие в специальной военной операции, используя положительно оценочные лексемы. Образ врага (его отношение к военному конфликту, людям и окружающему миру) репрезентируется посредством лексем, обладающих отрицательной семантикой. В ткани анализируемых лирических произведений в качестве способа передачи отношения автора и/ или лирического героя к изображаемому явлению также используются тропеические средства (прежде всего эпитеты и метафоры).

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. Волгоград: Перемена, 1999. 273 с.

2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва, 1988.
3. Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. Москва, 1972. 448 с.
4. Вольф Е.М. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва, 1986.
5. Гибатова Г.Ф. Семантическая категория и средства ее выражения в современном русском языке. Автореферат диссертации …кандидата филологических наук, 1996.
6. Гречишникова А.А., Заварзина Г.А. Экспрессивность и способы ее выражения в художественных произведениях И.С. Тургенева // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России. Материалы Всероссийского научно-практического форума. Воронеж, 2021. С. 121-124.
7. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. 25 000 слов. М.: Издательство АСТ, 2024. 735 с.
8. Загоровская О.В. О семантических различиях образных и экспрессивных единиц языка. Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1984. С. 74–81.
9. Кисилева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1978.
10. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. Москва: Высш. шк., 1989. 215 с.
11. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. 227с.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: А ТЕМП, 2013. 874 с.
13. ПоэZия русского лета. Москва: Эксмо, 2023. 498 с.
14. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 721 с.
15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М.Н. Кожиной. 2-е изд., стереотип. М., 2011. 696 с.
16. Сухова К.И. Вербализация образа малой родины в лирике В.А. Солоухина. Дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Елец, 2022.
17. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва, 1986.
18. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д.Н. Ушаков. М., 2017. 960 с.
19. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.

References

1. Alefirenko N.F. Controversial problems of semantics: monograph. Volgograd: Peremena, 1999. 273 p.
2. Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings. Grade. Event. Fact. Moscow, 1988.
3. Bromley S.V., Bulatova L.N. Essays on the morphology of Russian dialects. M., 1972. 448 p.
4. Wolf E.M. Connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow, 1986.
5. Gibatova G.F. Semantic category and means of its expression in modern Russian language. Abstract of the dissertation ... candidate of philological sciences, 1996.
6. Grechishnikova A.A., Zavarzina G.A. Expressiveness and methods of its expression in the works of art by I.S. Turgeneva // Problems of humanities and education in modern Russia. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Forum. Voronezh, 2021. pp. 121-124.
7. Dal V.I. Explanatory dictionary of the Russian language. 25,000 words. M.: AST Publishing House, 2024. 735 p.
8. Zagorovskaya O.V. On the semantic differences between figurative and expressive units of language. Expressiveness at different levels of language. Novosibirsk, 1984. pp. 74–81.

9. Kisileva L.A. Questions of the theory of speech influence. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1978.

10. Kuznetsova E.V. Lexicology of the Russian language. Moscow: Higher. school, 1989. 215 p.

11. Lukyanova N.A. Expressive vocabulary of colloquial use: Problems of semantics. Novosibirsk: Science: Sibirsk. department, 1986. 227 p.

12. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. M.: A TEMP, 2013. 874 p.

13. Poetry of Russian summer. Moscow: Eksmo, 2023. 498 p.

14. Russian language. Encyclopedia / Ch. ed. Yu.N. Karaulov. M.: Great Russian Encyclopedia; Bustard, 1997. 721 p.

15. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language, ed. M.N. Kozhina. 2nd ed., stereotype. M., 2011. 696 p.

16. Sukhova K.I. Verbalization of the image of a small homeland in the lyrics of V.A. Soloukhina. Diss. ... Candidate of Philological Sciences: 02/10/01. Elets, 2022.

17. Telia V.N. Connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow, 1986.

18. Ushakov D.N. Large explanatory dictionary of the Russian language: modern edition / D.N. Ushakov. M., 2017. 960 p.

19. Shmelev D. N. Modern Russian language. Vocabulary. M.: Education, 1977. 335 p.

УДК 821.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.009

Казанский (Приволжский) федеральный университет
подготовительный факультет для иностранных учащихся
ст. преподаватель кафедры русского языка предбакалаврской подготовки
Спиридонова Л.Н.
Россия, г. Казань, тел. +7(9178) 55-*04-96;*
e-mail: sln69@mail.ru

Kazan (Volga Region) Federal University
Preparatory faculty for foreign students seniorteacherof the Department of the Russian language at the undergraduate programs
Spiridonova L.N.
Russia, Kazan, tel.+7(9178) 55-*04-96;*
e-mail: sln69@mail.ru

Л.Н. Спиридонова

СВОЕОБРАЗИЕ И ТРАДИЦИОННОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РОМАНА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. ГЕССЕ И Б. ПИЛЬНЯКА)

В статье рассматриваются наиболее общие, традиционные и специфические жанровые черты интеллектуального романа через сравнительный анализ произведений немецкого писателя Германа Гессе и русского писателя Бориса Пильняка. Глубина и основательность самого объекта исследования и различные авторские подходы к пониманию интеллекта наглядно представляют сложные лабиринты внутритекстовой структуры романов. А жанр интеллектуального дискурса с функциональными элементами выступает во всей его содержательной и художественно-образной инвариантности. Анализ касается в первую очередь ключевых и знаковых произведений указанных авторов, поскольку они характеризуют многогранность внешней романной формы и разноаспектность внутреннего интеллектуального содержания. Одновременно рассматриваются приёмы игры и импровизации на лексическом и образном уровнях, а также искусные по построению ассоциативные ряды, создаваемые путём стилистико-смысловых отсылок к иным историческим эпохам, персонажам, произведениям культуры. В статье приводится сравнение, что подобно шахматной игре, отрывки и куски интеллектуального романа переплетаются в интересные комбинации и решения, освобождаясь от временных и сюжетных коллизий. В процессе анализа проясняются и метафоры заглавий романов Г. Гессе «Степной волк», «Игра в бисер» и Б. Пильняка «Созревание плодов» как символического знака глубинной авторской идеи. Итоги сравнительного анализа даны не только в обобщающих выводах, но и в форме таблицы, где наглядно представлены характерные черты интеллектуальных произведений вкупе с биографическим контекстом и авторскими установками. В основе проведённой текстовой работы лежат два методологических принципа исследования: сравнительно-исторический и системно-структурный, что обусловливает выход не только в теорию и историю литературы, но и в некоторые смежные с литературоведением формы научного познания (культурологию и психологию).

Ключевые слова: интеллектуальный роман, интеллектуализм, философский дискурс, романная форма, своеобразие жанра, инвариантные черты.

L.N. Spiridonova

PECULIARITY AND TRADITIONALISM OF INTELLECTUAL NOVEL ON THE EXAMPLE OF WORKS OF H. HESSE AND B. PILNYAK

Present article discusses the most common, traditional and peculiar characteristics of the intellectual novel genre via the comparative analysis of the works of German writer Hermann Hesse and Russian writer Boris Pilnyak. The profundity and thoroughness directly of the object of the research and the varieties of the writers approaches to the intelligence comprehension illustrates complex labyrinths of the novels text structure. Genre of the intellectual narrative with the functional characteristics is considered to besubstantial and artistic and imaginative invariant. Firstly, key and symbolic works of specified writers are explored by the author because that compositions demonstrate a diversity of the novel genre outer form and inner intellectual component. At the same time, rhetorical methods at the lexical, imaginative and associative levels seem to be reviewed using semantic allusions to another historical era, heroes, and culture works. In the article is presented a parallel between chessboard and parts of the intellectual narratives that interweave

© Спиридонова Л.Н., 2024

into smart combinations and decisions without time and story-based collisions. The metaphors of the novel titles «Steppenwolf» and «The Glass Bead Game» by H. Hesse and «The Ripening of Fruit» by B. Pilnyak are explained as symbolic signs of the writers' idea profundity. The results of the comparison are provided not only in generalizing conclusion, but also in tables that distinctly illustrates structure of the intellectual works, biography and authors notes. The base of the conducted text work is consisted of two methodological principles of the research: historical comparison and systematically structuring. These principles enable connecting not only with theory and history of Literature, but also with the related forms of scientific knowledge (e.g. Cultural Science and Psychology).

Key words: intellectual novel, intellectualism, philosophical discourse, novel genre form, genre peculiarity, invariant characteristics.

На фоне бурных политических и социально-экономических коллизий период 1920-1930-х годов в мире стал началом интенсивного осмысления и исследования интеллекта с позиции учёных и писателей, теоретиков и практиков. В это время происходит значительный рывок научно-технического прогресса, когда объём знаний в мире увеличивается с рекордной скоростью, а троецарствие науки – философии – литературы создаёт широкое движение интеллектуализма. Учёные определяли интеллект как продукт умственной деятельности. В литературоведении область интеллекта рассматривалась с двух позиций: как центральный предмет научных исследований и параллельно как главное средство изучения современного человека и его способностей. В целом, интеллект трактовали как умственное начало, формирующее атмосферу насыщенности мыслью, способной синтезировать науку, поэзию и другие сферы духовной жизни.

Мощное развитие интеллектуального направления было обусловлено возникновением романов-концепций, оказывающих влияние на проблему исследования интеллекта и испытывающих влияние интеллекта на себе. Данный тип романа в большей мере, чем другие, был продуктом размышлений писателя о противоречиях времени, а его успех зависел от способности автора мысленно охватить сложный промежуток духовной жизни, определённую область умственного труда. Именно с помощью этого концептуального начала, которое подводит к знанию о мире и человеке, размышляющем о нём, можно было «осветить прошлое, ощутить будущее, а настоящее более или менее понять» [1; с.22].

Согласно словарю, научное понятие интеллектуализма в литературоведении окончательно сформировалось к середине XX века для обозначения особой жанровой формы. Сам же признак интеллектуальности издавна был присущ художественной и общественной жизни и составлял основу мировой культуры [2; с.157]. В течение нескольких десятилетий были написаны крупные интеллектуальные произведения, в которых были поставлены философские и концептуальные вопросы. Это произведения Томаса Манна, Альбера Камю, Германа Гессе, Бориса Пильняка, Анатоля Франса, Карела Чапека, Бертольта Брехта, Бернарда Шоу, Леонида Леонова и др. Раскрывая философию рефлексирующего начала о поиске истины и смысла жизни, надо отметить, что в романе-концепции или драме-концепции происходит столкновение идей, теоретический спор с явлениями кризиса интеллекта и, одновременно, формулируется модель сближения человеческого мира через принципы целостности и равенства всех перед духовным знанием.

Интеллектуальный роман – это иносказательный роман. Особая картина мира, выраженная посредством образов и символов, создаётся через искусство писателя говорить аллегориями и в то же время говорить ясно и просто о самых сложных вещах. Следуя мнению, что язык скрывает мысль, автор оставляет для читателя возможность самому трактовать совокупность внутритекстовых связей и компонентов. Именно в многогранности толкований смыслов заключена традиционность интеллектуального произведения, что определяет более глубокое значение такой литературы. Как говорил Ж.-П. Сартр, «мы живём в эпоху перемен, и роман тоже начинает размышлять, в том числе и о самом себе» [3; с.25]. С помощью приёма аналогии из мирового предшествующего опыта составляется причудливый рисунок фантазии, включающий оригинальные мотивы, причём культура обращается за материалом к

опыту искусства, а не непосредственно к опыту жизни. Каждая культура имеет сложную систему ценностей, и раскрытию аксиологических доминант жанра, характеризующих смысловую организацию текста, способствует то, что создатель романа интеллектуального жанра обращается к явлениям и сопоставлениям не повседневного рода, а особым и даже исключительным.

Показательны исследования литературоведов о происхождении концептуального начала в романах интеллектуалистов. Как отмечает Ю. Давыдов, интеллектуальный роман, возникший в пункте исторической встречи искусства и философии, дает нам возможность пристальнее всмотреться в вышеупомянутую «констелляцию», какие структурные изменения должны были произойти в сфере культурного сознания вообще и художественного в частности [4; с. 137]. Герои указанных романов приподняты над временем, нормами и ограничениями. В подобных решающих обстоятельствах проявляется метаязык, когда используются понятия, которые не имеют пространственной природы, а выражают концепты: жизнь и смерть, гармония и бренность бытия и др. Примером его реализации может служить описание умственного сеанса, дискуссии старого учителя и молодого человека через использование таких выражений, как жизнь деятельная и созерцательная, праязык истории, странствие по жизни и приют странников, анекдоты той эпохи. По мысли Д. Затонского, происходит переосмысление функций персонажа-личности, отторжение его, то есть осуществляется парение мысли в облике или обликах, философия внутреннего умственного состязания [5; с.98].

Следует отметить, что для исследуемого периода изменения внутри романной формы касались новой текстовой парадигмы, которая могла включать в себя разные стили, идеи, взгляды и указывала на множественные связи с мировым искусством. Такой культурный пласт в литературе было непривычным явлением, всё это воспринималось как слишком сложный и умозрительный жанр произведения. Даже по отношению к миру и обществу писатель-интеллектуалист пользовался глобальными, волнующими, бытийно-фантастическими формулировками, которые выступали в атрибутивных категориях: созидательный и разрушительный мир, дисгармоничный хаос истории, смех бессмертных, позднефельетонная эпоха войн, гуманистические и антигуманные идеалы.

Рассмотрение интеллектуальных романов немецкого писателя Г. Гессе и русского писателя (по происхождению поволжского немца) Б. Пильняка-Вогау выявило общие и специфические черты их произведений. Говоря о 1930-х годах, надо упомянуть о внешних и внутренних предпосылках создания такой прозы как в России, так и в Германии [6; с. 783]. С внешней стороны совпадает исторический период написания романов Германа Гессе «Степной волк» (1927 г.), «Игра в бисер» (1930-1942 гг.) и романа Бориса Пильняка «Созревание плодов» (1935-1936 гг.). Это был период ломки, борьбы и обнажения сложных противоречий. Если у Г. Гессе конкретной причиной было неприятие событий в Германии, внутренняя эмиграция после прихода к власти нацистов, сильное влияние философии Востока, то у Б. Пильняка причиной для написания послужила оценка послереволюционных событий, впечатления от поездок по России, внутреннее несогласие с чертами эпохи, влияние творческого объединения под названием ЛЕФ (Левый фронт искусства).

С другой стороны, философский дискурс помогал писателям высказывать свою позицию, поскольку важнейшим средством преодоления сомнений и отчаяния являлась медитация, требующая отрешённости от происходящего во внешнем мире и концентрации своих мыслей. Ключ к пониманию идей, изображающих существующую реальность, был спрятан в постановке многослойной проблемы интеллекта, в изображении духовных и психологических усилий человека по исполнению своей миссии. Как замечено о романе Г. Гессе, «это произведение подобно большой фуге с её основными и контрастными темами, главными и побочными голосами» – в нём скрыто множество намёков и насыщенных связей, что создаёт борьбу и трансформацию идей, проясняет этапы духовного роста личности.

В работах исследователей под разным углом зрения отражены особенности романного жанра и многослойность определяющих его компонентов. Так, Н. Тамарченко подчёркивает,

что столкновение разных голосов и связанных с ними точек зрения на происходящие события или персонажи – это совершенно особая структура, основанная на субъект-субъектных, диалогических отношениях, которая у М. Бахтина охарактеризована с помощью понятия «полифония» [7; с. 204]. В свою очередь, А. Эсалнек глубже трактует исторический аспект, подмечая, что отражённое в романе «абсолютное прошлое – это специфическая (иерархическая) категория», которая предопределяет жанр произведения и специфическое мировоззрение, для которого слова «начала», «вершины», «первые», «лучшие», «предки» – это прежде всего ценностные категории [8; с. 174].

Среди характерных черт романов выделяется погружение в сущность ментальных знаний, включающих подсистемы интеллекта – истории – культуры – природы. Если представить данное взаимодействие в виде цепочки ключевых слов, то явления культуры, истории, религии, природы, искусства, науки – с помощью методологии, философии, логики, эстетики – через призму социальности – ведут к интеллекту и зависят от интеллекта.

Основу этой структуры составляет процесс совершенствования как центральное ядро содержания произведений Г. Гессе и Б. Пильняка. Главный герой «Степного волка» Гарри Галлер только ещё преодолевает кризисную стадию, приближаясь к пониманию жизни и её игры. Герой другого романа «Игра в бисер» Иозеф Кнехт, начинающий свой жизненный путь, строго следует духовным началам, как бы воплощая последние слова Гарри Галлера и принимая эстафету совершенствования из рук предшественников. Главный герой «Созревания плодов» Сергей Арбеков переживает внутренний кризис, чтобы суметь на следующем этапе земного бытия достигнуть гармонии с самим с собой и окружающим миром. По мнению авторов, в этих опытах игры, преобразованиях колеса сансары и цикличности переходов таится оптимистический выход из тёмного мира разрушений и идея служения царству человеческого разума.

Отсюда возникает философская категория учительства, затронутая в романах. Пределы школы раздвигаются до масштабов Вселенной. Сознательный и подсознательный контакт учителя и ученика осуществляется где угодно: в пещерах, на вершинах гор, в стенах монастырей, при личном общении и на больших расстояниях. Образ духовного наставника имеет широкое понимание: он конкретен и в то же время не имеет временных границ, хотя слово учителя оказывает влияние не одно тысячелетие. Литеры букв в старых пергаментах представляют собой живые, нетленные, окрылённые существа, дарующие истину. Памятники китайской литературы I и XI-VI века до н.э. «Ицзин» и «Шицзин» доносят в слове мудрость жизни. «Книга перемен» и «Книга песен», приведённые в романе «Игра в бисер», передают в будущее смысл бытия. Каждая из отсылок к истории и прошлому опыту, потенциальные и скрытые эпиграфы в романе «Степной волк», тайный язык Ордена и единение братства игры в бисер, замысел и недописанные наброски рассказа молодого писателя в романе «Созревание плодов» служат своеобразным мостиком, объединяющим писательские позиции. К творчеству обоих писателей можно отнести слова о том, что «нет формы без веры, и нет веры без отчаяния, без предшествующего и последующего знания о «хаосе» [9; с.207].

Точками сближения концептуальных авторских взглядов можно назвать пространства дома и родины. Существует глубокая убеждённость разных героев, что это самая прозаичная и самая поэтическая вещь на свете: дом как очаг, образ обжитого и упорядоченного мира, ограждённого стенами от безбрежных просторов хаоса. Порядок дома значит духовный и душевный лад. Повсюду – в малой Вселенной человеческого дома и в большом доме мировой Вселенной – сохраняется тайная тоска по родине, хотя бы по какому-то её подобию. Символично, что в одноимённом романе одинокий и затравленный степной волк находит в стройном деревце араукарии отдохновение от беспорядка и внутренней боли. «Я люблю вдыхать на лестнице запах тишины, чистоты и благопристойности … запах, в котором всегда нахожу что-то трогательное» – звучит рефреном исход любой серьёзной попытки вытерпеть перипетии жизни [9; с.168].

Образ дома создаётся в романе Б. Пильняка через рассказы о большой истории страны и маленькой истории Палеха. Всё происходящее совершается на фоне жизни природы. А человек должен быть рядом с ней, поддерживать существующие природные начала, познавать себя и углублять то, что значимо и важно. Путь к другим закономерно обязывает человека пройти путь открытия самого себя. Такая философско-эстетическая канва интеллектуальной прозы продолжает традиции просветительской литературы. А в основу содержания произведений положено обращение к разуму человека и его самосовершенствование. Идея импровизации в жизни воплощается в романах как коллаж факта – рефлексии – фантазии. Рассказчик отыскивает посреди окружающей его действительности единство множества миров, заключённое в духовном знании: в отсылках к названиям книг, в пересказе правдоподобных историй, в литературных и межкультурных ассоциациях. По мнению авторов, космичность понятия учительства заключается ещё и в том, что история – это педагогический процесс, а природа – своеобразные дидактические пособия наглядного обучения.

У немецкого писателя духовное знание принимает абстрактные формы, а у русского – имеет конкретную связь со временем. Необычность хронотопа в романе «Игра в бисер» проявляется в описании позднефельетонной эпохи – времени великих перемен. Через соединение различных форм повествования, трёх жизнеописаний и смену поколений создаётся ощущение ёмкости бытия, мига жизни, уподобленного бессмертию, совершается попытка внеисторического подхода к миру. Жизнеописание, созданное самим И. Кнехтом, отражает эпоху матриархата, существовавшую тысячу лет назад. Образ кудесника, возвращающегося из посмертного путешествия, оказывается функционально связан с образом магистра Игры, переплывающего на другой берег озера. Значимые символы озера и берега содержат выход, во-первых, на трагический конфликт ухода от ныне живущих и, во-вторых, на идею воскрешения в другом облике, на продолжение себя в ином человеке. Подобно шахматной игре, отрывки и куски интеллектуального романа переплетаются в интересные комбинации и решения, освобождаясь от временных и сюжетных коллизий.

Так называемое перепластование времени есть нарушение действительных его границ. Уже в первом жизнеописании магистра Игры ошеломлённый повествователь рассматривает череду посмертных судеб гениальных людей. Соединение во времени жизни творца и жизни произведений подчас невыполнимая задача. Рассказчик замечает, что творения Баха после его смерти были забыты, даже после возрождения его творчество столкнулось с недоразумениями и варварством. Но на этом всё не останавливается, а великие Моцарт и Бах продолжают жить в неповторимых звуках своей музыки, которая всегда выражает «какое-то презрение к смерти, какое-то наперекор, какой-то отзвук сверхчеловеческого смеха» [9; с. 283].

Интеллектуальный роман подразумевает под собой особого рода исследование, ключевой темой которого служит разнообразнейшее содержание интересов и ценностей высокообразованного человека, писателя, мыслителя или магистра игры в бисер, то есть слуги духа. Способом создания знаковости героя, пространственно-временных отношений, сюжетных узлов, стилистической разнородности является игровой принцип. Его функции заключены в детерминации мотивировки всего происходящего в романе, в стремлении смело и легко переплести реальный и умозрительно-фантастический планы. Отталкиваясь от идеи, что предмет отображения у Г. Гессе и Б. Пильняка – это два разных подхода к пониманию истории, рассмотрим их во взаимосвязи с автобиографическими моментами, писательским мировоззрением и установкой на создание хронотопа. Чтобы глубже понять реализацию замысла авторов необходимо обратиться к смысловой фокусировке произведений. С помощью системно-структурного анализа ключевых романов схематично представим базовые особенности в подходах писателей.

Герман Гессе (1877 – 1962 гг.)		**Борис Пильняк-Вогау (1894 – 1938 гг.)**	
Предмет отображения (объектные темы)	**Конкретный биографический повод**	**Предмет отображения (объектные темы)**	**Конкретный биографический повод**
Тема непрерывности жизни. Концепция игры с содержанием и всеми ценностями нашей культуры. Теория саморазвития: смысл жизни – это служение, дорога к истине – это путь человека.	Неприятие событий в Германии, внутренняя эмиграция после прихода к власти нацистов, влияние философии Востока.	Концепция человека: природные истоки жизни, народные традиции. Теория исцеляющей силы духовного знания. Создание идеалов и их разрушение. Взаимопроникновение труда и творчества.	Оценка событий после революции, впечатления от поездок по России, внутреннее несогласие с чертами эпохи, влияние творческого объединения ЛЕФ.
Установка на создание хронотопа:	**Доминанта мировоззрения:**	**Установка на создание хронотопа:**	**Доминанта мировоззрения:**
Абстрагирование от действительности, масштаб космоса и парабола единства духа, понятие исторического и вневременного.	Мысль должна быть изображена как реальность. Защита личности и интеллекта. Идея «у всех пропастей на краю».	Вскрытие пластов истории. Ощущение «сквозняка веков». Цельность мира и относительность времени.	Идея полноты жизни и её многообразия. Поиск истины и подчинения историческому процессу. Свобода и любовь – основа мироздания.

Центральным проблемным вопросом произведений Г. Гессе оказывается взаимовлияние сфер Истории как мирового процесса и Культуры как интеллектуального достояния. В беседе со своим оппонентом Иозеф Кнехт защищает три жизненных начала: науку, почитание прекрасного и медитацию. Поскольку герой входит в узкий круг элитарного братства, то ему удаётся выстроить сложные обобщения. Во-первых, мотивы поступков через соотношение конкретно-исторического и общечеловеческого предназначения. Во-вторых, обретение свободы через понимание и принятие мира Востока и Запада (один из них символизирует извечные истины единства жизни и смерти, служения человека, дань традиции, а другой мир – рациональное начало, разрушение старого и созидание нового, необходимый путь и обращение к самому человеку).
В-третьих, обретение смысла жизни через идею бессмертия и призрачности смерти в рамках творчества и искусства.

Авторская позиция Б. Пильняка в рассмотрении истории выглядит иначе. Он определяет Природу как код Истории, описывая события через естественные истоки жизни и внутреннюю гармонию мира и человека. Круговорот природного цикла связан с историческим круговоротом, подобно спору вечного с быстротечным. По мнению писателя, отход исторической стихии от природной вызывает катаклизмы в общественной и культурной жизни общества. История не может быть отделима от главенствующего начала, иначе это ведёт к трагедии, к «раскорчёвыванию мозгов» [10; с. 490]. Такое единство подпитывают свойственная человеку способность к возрождению, народные традиции и вселенская память, а ещё принцип проникновения труда и творчества друг в друга.

Кроме того, интересным представляется сопоставление авторских доминант, положенных в основу романов. Если у Г. Гессе это идея «у всех пропастей на краю», подразумевающая сложное состояние современного мира, переплетение свободы человека и опасностей, космической гармонии и разрушительной силы интеллекта, то у Б. Пильняка это ретроспектива истории, ощущение «сквозняка веков», когда основу мироздания составляют свобода, вечное материнство и любовь, которые вскрывают глубинные пласты и должны сосуществовать в многообразии жизни. В символичном названии романа «Созревание плодов» отражается мир, который создаётся, но его практически не существует, это своеобразная перспектива времени, квинтэссенция будущего. А в

романе «Игра в бисер» преемственность высшего знания скрывается под символами игроков: мальчика, входящего в мир, и старика-мастера, перебирающего бусины. Иносказательный контекст смысла игры не открывается до конца, но заключает важную мысль о тайне бытия человека, о формах развития интеллекта, где жизненным проводником служит духовность. Если говорить о моральных, социальных и культурных процессах, то одним из важнейших достоинств произведений Г. Гессе и Б. Пильняка является многоуровневый характер обобщений.

Таким образом в повествовании романов создаётся культурологические единство, обусловленное увлечённостью познанием мира: мифы и легенды соседствуют с реальными историями, только что написанные одним из героев стихи и размышления древних веков позволяют сделать идею объектом истории, а одинокого чудака – представителем человечества. Герой романа «Игра в бисер», говоря об идее универсальности, поясняет символическое значение времени: «В иносказаньях, знаках, песнях мы обязаны хранить порыв священный» [9; с.194]. Хронотоп в романе «Степной волк» имеет так называемые знаки места и времени: магический театр – сон – зеркала – светящиеся вывески «Только для сумасшедших», «Превращения в любых животных и любые растения» и др. Искусство построения личности включает в себя новые группы «я» с новыми играми и противоречиями, с вечно новыми ситуациями.

Следует отметить, что влияние индийской и китайской философии на Г. Гессе находит отражение в раскрытии характеров героев и происходящих событий. На ассоциативном уровне в форме игры с названиями кафе и ресторанов закодирована своеобразная система мира людей. Например, «Стальной шлем» – символ земного человека, незнакомца-филистёра, «Чёрный орёл» – символ парящей мысли, думающего и сомневающегося человека, «Баланс» – символ устойчивости приходящих усталых людей, «Глобус» – символ объединения жизненных судеб, примирения и понимания друг друга. Благодаря расширению хронотопа в романе Б. Пильняка можно почувствовать и увидеть панораму русских старинных городов и ассоциаций, вызванных ими. К примеру, эскизно проступают картины былого: старое Владимирское шоссе – дорога каторжников и преданий, дорога разбойничьих истин и монастырей, кандального звона и смерти. И в то же время смешанные чувства героя, который говорит о картинах реального времени, где «Покров на Нерли есть предельный символ запустения» [10; с.289].

В качестве мостика между сферой созерцания и сферой действия служит самоирония и юмор, то есть терпимое, более мягкое, снисходительное отношение к жизни. Именно поэтому смех – это проявление жизнеутверждающего начала в произведениях обоих авторов, начиная от знакового уровня до ритмико-интонационного. Как замечает Б. Целлер, «весёлость – это примета классичности, которая нашла выражение в музыке от Пёрселла до Шуберта» [11; с.195]. Музыка как преобразующая сила находится в основе содержательной стороны романов, заданный лейтмотив при раскрытии сюжетных линий определяет равновесие мира, соответствие мягкости и твёрдости, светлого и тёмного, вечного и бренного. Многие из анализируемых особенностей обнаруживают сходство построения интеллектуальной романистики с полифоническим произведением, на чём основана не только внутренняя, но и внешняя форма романов. Здесь уместно выражение М. Бахтина о вертикальном времени полифонических романов, что позволяет выделить эту категорию в качестве жанрообразующей [12; с.307].

Проведённый анализ произведений немецкого и русского писателей показал многогранность и традиционность жанровой формы интеллектуального романа, подчёркивая в то же время своеобразие каждого из них. Это ещё раз доказывает, что сходные явления систематически возникают в разных литературах, а взаимосвязь философского и словесного творчества только усиливает глубину содержания при его интерпретации и создаёт особое семантическое поле. Ведь писатели предвидели, что глобальные общественные и культурные изменения начинаются с конкретного человека и преобразования его личности, что духовный фундамент может повлиять на миропорядок всего человечества. Специфика интеллектуальной романистики раскрывается глубже, если её исследовать как с позиции диахронии, так и с позиции синхронии, что требует всестороннего рассмотрения произведений и их жанровых черт в исторической перспективе. При этом обязателен учёт особенностей написания романов в конкретной литературной среде и обществен-

ных условиях, в которых находились писатели. Каждый из рассматриваемых авторов придавал особое значение соединению идеи интеллектуализма с психологией восприятия произведения. И в этом смысле важными для дальнейшего изучения могут быть не только вопросы понимания и интерпретации текстов, но и психологического воздействия.

Библиографический список

1. Белади М. Есть ли у романа будущее? // Вопросы литературы. 1971. №8. С. 17-26.

2. Краткий словарь литературоведческих терминов / Под ред. Тураева С.В., Тимофеева Л.И., Вишневского К.Д. и др. М.: Просвещение, 1989. 335 с.

3. Агеносов В. Генезис философского романа. М.: МГПИ, 1996.69 с.

4. Давыдов Ю. Интеллектуальный роман и философское мифотворчество // Вопросы литературы. 1977. № 9. С. 18-25.

5. Затонский Д. Парадоксы Г. Гессе // В наше время. Книга о зарубежных литературах XX века. М.: Художественная литература, 1987. 424 с.

6. Спиридонова Л. Интеллектуальный роман 1930-ых гг.: герменевтическое прочтение текста // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 782-787.

7. Тамарченко Н. Эстетика словесного творчества М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М.: Изд-во Кулагиной, 2011. 400 с.

8. Эсалнек А. Типология романа: теоретический и историко-литературный аспекты. М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. 256 с.

9. Гессе Г. Степной волк // Иностранная литература. 1977. №4. С. 146-332.

10. Пильняк Б. Созревание плодов // Расплёснутое время: романы, повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1990. 608 с.

11.Целлер Б. Герман Гессе. Сам свидетельствующий о себе и своей жизни. Челябинск: Урал LTD, 1998. 311 с.

12.Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1985. С. 234-407.

References

1. Beladi M. Does the novel have a future? // Issues on literature, 1971. P.17-26.

2. A short dictionary of literary terms / Edited by Turaev S., Timofeev L., Vishnevsky K. et al. M., 1989. 335 p.

3. Agenosov V. Genesis of philosophical novel. M.,1996. 69 p.

4. Davydov Yu. Intellectual novel and philosophic myth-making // Issues on literature, 1977. P.18-25.

5. Zatonsky D. Paradoxes by H. Hesse. In our time // Book about foreign literature at XX century. M., 1987. 424 p.

6. Spiridonova L. Intellectual novel of 1930's: hermeneutic interpretation of text // Dynamics of language and cultural processes in the modern Russia. 2022. P.782-787.

7. Tamarchenko N. Aesthetics of verbal creativity by M.M. Bakhtin and Russian philosophical and philological tradition. M., 2011. 400 p.

8. Esalnek A. The typology of the novel: theoretical, historical and literary. M., 2001. 256 p.

9. Hesse H. Steppenwolf // Foreign literature, 1977. P.146-332.

10. Pilnyak B. Fruit ripening // Spilled time: novels, stories, tales. M., 1990. 608 p.

11. Zeller B. Hermann Hesse. Attesting about himself and his life. Chelyabinsk, 1998. 311 p.

12. Bakhtin M. Forms of time and chronotope in the novel // Issues on literature and aesthetics, M., 1985. P. 234-407.

УДК 81.373.47
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.010

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
доктор филол. наук,
профессор кафедры философии
Губанов С.А.
Россия, Самара, 89608289699
e-mail: gubanov5@rambler.ru

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics
Doctor of Philology
Professor at the Department of Philosophy
Gubanov S.A.
Russia, Samara, 89608289699
e-mail: gubanov5@rambler.ru

С.А. Губанов

ПРИЗНАКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматриваются особенности эпитетной вербализации эмоциональных концептов в текстах М. Цветаевой. Целью научной статьи является характеристика особенностей признаковой репрезентации эмоций радости и грусти в текстах М. Цветаевой. Анализируемый материал предполагает применение концептуального анализа концептов «радость (веселье)» и «печаль (грусть, тоска)» и характеристику средств их признаковой репрезентации. При определении значимости эпитетной лексики для выражения специфики анализируемых концептов в текстах М. Цветаевой использованы когнитивно-семантический, компонентный, лексикографический, лексико-семантический, а также статистический методы. Исследование признаковых средств репрезентации эмоциональных концептов «радость (веселье)» и «печаль (грусть, тоска)» в текстах М. Цветаевой подтвердило их значимость для поэтического мышления и идиостиля в целом. Описываются основные структурно-семантические типы эпитетных комплексов, вербализующие рассматриваемые концепты; эпитетная парадигма представлена идиолектными субстантивными и фразовыми эпитетами. Обоснована актуальность применения когнитивно-семантического подхода при анализе системы эпитетов и эпитетных комплексов в рамках идиостиля, а также эпитетной парадигмы как структурно-семантической категории. Теоретическая значимость работы связана с необходимостью исследования идиостилей писателей с позиции когнитивно-семантического анализа различных типов образных средств, в частности, эпитета. В качестве идиостилевой черты впервые описана специфика признаковой репрезентации концептов «радость (веселье)» и «печаль (грусть, тоска)» в текстах М. Цветаевой, что позволяет уточнить их значимость для рассматриваемого идиолекта и русской концептосферы. Делается вывод о признаковой ориентированности идиостиля М. Цветаевой, что находит выражение в модификациях семантики и формы эпитетных комплексов, их антропоцентричности и неузуальности.

Ключевые слова: эпитет, идиостиль, Марина Цветаева, эмоциональный концепт, эпитетная парадигма, эпитетный комплекс.

S. A. Gubanov

ATTRIBUTIVE CONCEPTUALIZATION OF EMOTIONS IN M. TSVETAEVA'S TEXTS

The article discusses the features of epithet verbalization of emotional concepts in M. Tsvetaeva's texts. The aim of the scientific essay is to characterize the features of the attribute representation of the emotions of joy and sadness in M. Tsvetaeva's texts. The analyzed text assumes the application of a conceptual analysis of the concepts "gladness (fun)" and "sorrow (sadness, anguish)" and the characterization of the means of their attribute representation. In determining the significance of the epithet vocabulary, cognitive-semantic, component, lexicographic, lexical-semantic, statistical methods were used to display the the uniqueness of the analyzed concepts in M. Tsvetaeva's texts. The study of representation attribute means of the emotional concepts "gladness (fun)" and "sorrow (sadness, anguish)" in M. Tsvetaeva's texts confirmed their significance for poetic thinking and idiostyle in general. The main structural and semantic types of epithet complexes that verbalize the concepts under consideration are described; the epithet paradigm is represented by idiolectal substantive and phrase epithets. The relevance of using the cognitive-semantic approach in analyzing the system of epithets and epithet complexes within the framework of idiostyle, as well as the epithet para-

© Губанов С.А., 2024

digm as a structural-semantic category, is substantiated. The theoretical significance of the work relates to the need to study the idiosyncrasies of authors from the perspective of cognitive-semantic analysis of various types of figurative means, in particular, the epithet. As an idiosyncratic feature, the specifics of the attribute representation of the concepts “gladness (fun)” and “sorrow (sadness, anguish)” in M. Tsvetaeva’s texts are described for the first time, which allows us to clarify their significance for the M. Tsvetaeva’s idiolect and the Russian conceptual sphere. The conclusion is made about the characteristic orientation of M. Tsvetaeva’s idiostyle, which is expressed in modifications of the semantics and form of epithet complexes, their anthropocentricity and non-usuality.

Key words: epithet, idiostyle, Marina Tsvetaeva, emotional concept, epithet paradigm, epithet complex.

Актуальность вопросов изучения идиостилевой специфики языковых единиц доказывает возрастающий интерес ученых к анализу образного слоя концептов и уяснения механизмов конструирования идиолектных выражений.

Концептуализация писателем определенных понятий связана с их ролью в индивидуальной языковой картине мира; частотность обращения к типу вербальной репрезентации смыслов обусловлена архитектурой идиостиля. Идиостиль представляет собой индивидуально устанавливаемую языковой личностью систему выражения себя, совокупность способов автопрезентации [1]. Будучи составляющей языковой картины мира, идиостиль отражает как общеязыковые тенденции словоупотребления, так и общепоэтические и, безусловно, индивидуальные, окказиональные.

Когнитивная лингвистика рассматривает концепты в качестве ментально-вербальных единиц, способных картировать окружающий мир, иерархически выстраивать матрицу смыслов. «Концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [2; с. 24]. В авторской картине мира многие фрагменты реальности претерпевают изменения под воздействием субъективной оценочной концептуализации многих понятий.

Эмоциональные концепты относятся к той категории понятий, которые несут важную информацию о ценности психики человека, структурируют «внутреннего» человека [2]. В рамках субъективной идиолектной системы они наиболее ярко заявляют о своей специфике.

Целью настоящей работы выступает характеристика специфики признаковой репрезентации двух базовых эмоций радости и грусти в текстах М. Цветаевой. Для ее достижения использованы когнитивно-семантический, компонентный, лексикографический, лексико-семантический, а также статистический методы.

Признаковая вербализация концепта осуществляется средствами лексикой атрибутивной семантики, получившей в стилистике и поэтике наименование эпитетной. Эпитет долгое время изучался с позиции стилистического подхода в качестве тропа, универсального языкового средства, способного описать, изобразить любой признак объекта, выразить отношение автора к описываемому (выделяются эпитеты изобразительные, оценочные, переносные и др.) [см. обзор теории эпитета: 3]. Подчеркивается роль прилагательного как основного вербализатора признакового смысла, пластичность его семантики и дистрибутивные свойства [4]; расширяется представление об эпитете как о любом слове, способном передать атрибутивную семантику, что породило понятие эпитетойда [3].

С когнитивных позиций эпитет только начинает изучаться: усматриваются отличия узуального эпитета от окказионального, устанавливается роль эпитетных конструкций в структурировании идиостиля, в образовании переносных значений в составе атрибутивных конструкций [5; 6; 7]. С этой точки зрения эпитет трактуется как часть эпитетного комплекса, единства эпитета и объекта эпитетации, которое представляет собой ментально-вербальную единицу. Признаковый элемент эпитетного комплекса репрезентирует «ситуативно необходимый» признак за счет гибкости семантики эпитета, согласуясь с определяемым словом. Степень близости или противопоставленности их семантики порождает образные эпитетные комплексы: когнитивную эпитетологию интересуют механизмы образования нестандартного сочетания эпитета и определяемого слова и их роль для идиостилевой системы.

Идиостиль представляет собой сложившуюся когнитивно-семантическую структуру, поэтому система эпитетных комплексов как ее неотъемлемая часть выражается в эпитетной парадигматике, под которой понимается совокупность структурно-семантических и морфологических разновидностей эпитетных слов, функционирующих в идиостиле в качестве конкретных словоформ.

Следует признать, что далеко не любой идиостиль актуализирует признаковую составляющую при описании объектов; несмотря на универсальность характеризации как процесса выделения значимых для говорящего свойств и качеств предмета, доля эпитетных комплексов в идиостилях различна.

Идиостиль М. Цветаевой изучен с различных позиций: выделены лейтмотивы творчества [8; 9; 10], описан язык ее поэзии [11; 12]. Однако вопрос изучения признаковой номинации специально не ставился, хотя творчество М. Цветаевой представляет собой материал для анализа эпитетных конструкций не только в силу развитого языкового чутья поэта и тенденции к созданию окказиональных признаковых словосочетаний, но и потому, что эпитет предстает в качестве *когнитивной доминанты творчества*.

В прозе поэта мысли о роли эпитетных слов звучат наиболее отчетливо. Эпитет наделяет объект качеством, индивидуальным признаком:

Le Grand Principe в книге Волконского налицо. Имя ему – справедливость. Не справедливость бесстрастия, страсть справедливости. (Не справедливость бесстрастна, а мы к ней!) ***Свое отношение к предмету мы делаем его качеством*** [13; т. 5, с. 248].

Непредсказуемость эпитета постоянно интересует поэта:

И вдруг Гончарова со своим очарованием. Еще одно соответствие. В чем гениальность пушкинского четверостишия? В непредвиденности словоряда третьей строки. Могучей страстью, да еще очарован. Зачарованность мощью. ***Непредвиденность эпитета*** *могучей и страсти и непредвиденность понятия очарованности мощью. (****Непредвиден не только словоряд, но и смыслоряд.) Страсть: жаркая, неистовая, роковая*** *и пр., и пр.,* ***ни у кого: могучая,*** *очарованность – и красотой, грацией, слабостью, никогда: мощью* [13; т. 4, с. 97].

Материалом для анализа признаковой вербализации концептов «радость» и «грусть» в русской концептосфере и в текстах М. Цветаевой являются: собрание сочинений М. Цветаевой, «Словарь эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло [14], а также «Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь» В. И. Убийко [15].

Обратимся к узуальной эпитетации концепта *радость (веселье).* Радость относится к базовым эмоциям и означает чувство большого удовольствия, удовлетворения; может быть проявлением счастья, веселого настроения, но данные понятия не синонимичны. Радость имеет определение в словаре эпитетов, в отличие от других эмоций и имеет 138 эпитетов [14; с. 357-358]. В отличие от радости, которое является постоянным, глубоким переживанием удовлетворения, веселье представляет собой временное чувство расслабления, как правило, имеет причину, ситуативно, поверхностно, имеет яркие внешние проявления (смех). Радость естественна, за весельем может скрываться грусть, фальшь, это иногда своего рода маска человека. Отмечается интенсивность (*безграничная, буйная*) радости, ее временность (*мимолетная*), проявления (*болтливая, сладкая*). В словаре эпитетов статья о *веселье* отсутствует, возможно, по причине того, что оно воспринимается как синоним радости, о которой довольно подробно написано. В словаре В. И. Убийко *веселье* и *радость* отнесены к базовым концептам сферы внутреннего мира человека наряду с *волнением, страхом, удовлетворением, счастьем, грустью, терпением и удивлением* [15, с. 231]. Состав общеязыковых эпитетов в обоих источниках схож; если к грусти, печали, тоске В. И. Убийко приводит конкретные определения (см. ниже), то концепт *веселье* содержит характеристику самому эпитету *веселый* и его сочетаемостным свойствам: веселым может быть *человек, его лицо, глаза, настроение*, а также артефакты / время *фильм, рассказ, игра, праздник* и др.

В поэзии М. Цветаевой *радость* в сочетании с эпитетами употребляется 32 раза; эпитет

радостный представлен 101 эпитетным комплексом. Лексема *веселье* же с эпитетами употреблено 41 раз; эпитет *веселый* представлен 143 эпитетными комплексами. Подсчет эпитетных комплексов производился по всему творчеству, по материалам 7 томов собрания сочинений, для большей верификации.

Веселье в силу семантики, временности проявления осмысляется поэтом традиционно: веселыми могут быть *день, час; мир, буря; глаза, мальчик, шутник; разговор.*

Радость осмысляется М. Цветаевой окказионально, что находит свое выражение в окказиональных же признаках данного концепта, выделяемых поэтом. Чаще всего это вербализуется нестандартными эпитетными парадигмами, в частности, эпитетами-субстантивами:

*Радость – **что сахар, // Нету – и охаешь*** [13; т. 1, с. 441]; ***Жизнь: распахнутая** радость // Поздороваться с утра!* [13; т. 2, с. 129];

или нестандартными формами компоративных наречных эпитетов:

***Как топором** – // Радость!* […] ***Шпагою в грудь** –// Радость!* [13; т. 2, с. 45].

Радостный у поэта не только взгляд как проявление этой эмоции, но радостной может быть абстракция, тоже антропоморфная:

– ***Радостна, невинна и тепла** // Благодать твоя в меня текла* [13; т. 1, с. 330].

Антропоморфизация радости достигает предела в том случае, когда она ассоциируется с самой лирической героиней, ее внешностью:

*Всю меня в **простоволосой** // Радости моей прими!* [13; т. 2, с. 129].

Довольно часто эмоционально-психологические эпитеты входят в состав цепочек эпитетов, поэтому количество слов-эпитетов примерно в два раза больше, чем эпитетных комплексов:

*Мало **радостных слов** нам оставило прошлое наше / Отдадимте ж уста / настоящего **радостным гудам*** [13; т. 2, с. 413].

Признаковую концептуализацию радости, веселья М. Цветаевой отличает антропоморфность их определений, расширение эпитетного ряда за счет повтора эпитетов с целью передать интенсивность эмоции.

Обратимся к узуальной эпитетации концепта *печаль (грусть, тоска)*. Данные понятия во многом синонимичны, хотя отмечается их базовый эмоциональный статус: грусть возникает как реакция на утрату чего-то, печаль – среднее по интенсивности отрицательное эмоциональное состояние, схожее с грустью. Печаль способна переходить в *тоску*, которая воспринимается как более продолжительно переживаемое человеком состояние, чувство не проходящее, вечное, характерное для русского человека, т.е. данный концепт входит в ядерную часть русской концептосферы (ср. такие национально специфичные концепты, как *доля, судьба, авось* и др.).

В словаре эпитетов русского литературного языка не дается определения грусти, печали и тоске: сразу перечисляются устойчивые эпитеты с ними, а также некоторые редкие определения. Среди узуальных эпитетов грусти в словаре приводятся 80 определений [14; с. 103], печали – 77 эпитетов [14; с. 318], тоски – 142 [14; с. 456]. Словарь В. И. Убийко фиксирует концептосферу внутреннего мира человека, поэтому эпитеты отражают эмоциональное состояние человека, переживающего грусть, печаль, тоску и выражение этих состояний. Фиксация данных эмоций достаточно разнообразна: в словаре эпитеты подаются синонимическими рядами (*безграничная, бесконечная*) и антонимически (*искренняя, лицемерная*); грусть насчитывает 30 определений, печаль представлена 28 эпитетами, тоска – 36 характеристиками [15; с. 68-69].

Обратим внимание на тот факт, что в языке достаточно детализированно описано выражение эмоции, ее проявление: В. И. Убийко выделяет концепт «Выражение» в качестве базового в рамках концептосферы человека. Выражение эмоций грусти и тоски в основе своей метонимическое: *слезная печаль* (проявляется в том, что человек плачет и его слезы – показатель печали, печаль выступает причиной слез), *молчаливая грусть* (грусть проявляется в поведении человека),

жгучая тоска (человек физически ощущает тоску, она доставляет ему мучения). Кроме того, язык концептуализирует выражение эмоций посредством обозначения при помощи эпитетов локализацию этих эмоций в теле человека: *сердечная грусть* (находится в сердце, связывается с сердцем), душевная тоска, горькая грусть (многозначное слово *горькая* – апелляция к вкусу и чувству горечи на душе) и т.д. Эпитеты межличностной семантики нечасты в языке, но также обращают на себя внимание своей образностью, пусть и стертой: *неотвязная тоска* (тоска мыслится в качестве субъекта, с которым человек вступает в отношения). Эпитеты артефактно-темпоральной семантики обращены к фиксации времени протекания переживания (*дорожная тоска*).

Состав эпитетов в обоих словарях совпадает (исключение составляет наличие эпитета *неумолимый* в сочетании с тоской). В значении всех концептов отмечаются их типичные признаки (*горькая печаль*), а также интенсивность проявления (*неизбывная тоска*), длительность (*вечная тоска*).

Вышеупомянутые источники эксплицируют языковую признаковую картину мира применительно к обозначению эмоций грусти и тоски; выборка опиралась на узуальное словоупотребление и тексты русской классической литературы без учета поэтов Серебряного века (словарь эпитетов). Обратимся к идиостилевой признаковой вербализации данных концептов.

В работах А. А. Козаковой показано, что *печаль, грусть, тоска* как художественные концепты в творчестве М. Цветаевой чрезвычайно востребованы: печаль воспринимается как неизбывная тоска «от выброшенности из жизни, абсолютной отвергнутости поэта всеми» [16; с. 127]. Субстантив *тоска* меняет свою семантику по сравнению с общеязыковой: она становится положительным чувством, «созидающим, а не разрушающим», это необходимое душевное свойство поэта [17; с. 129].

Имя концепта *печаль* употреблено в поэзии М. Цветаевой 62 раза (22 с эпитетами). Основным значением выступает «испытывающий чувство печали, грустный», поэтому выражение печали реализуется средствами признаковых лексем. Печаль у поэта, как правило, сильная, интенсивная, что доказывается наличием таких эпитетов при ней, как *безбрежная, бесконечная, двойная, звериная, тоска-печаль-кручина*; использованием ряда эпитетов: *печально, печален, всех печальней*.

Печаль пусть и проходит, но ее длительность все равно бесконечна:

За ***миг бесконечной*** *печали // Да будет ему прощено!* [13; т. 1, с. 125].

Антропоморфный образ печали выражается зооморфным эпитетом:

Я чувствую ***у рта и в веках*** *// Почти* ***звериную*** *печаль* [13; т. 1, с. 366].

Эпитет *печальный* представлен 59 эпитетными комплексами. Печаль безмерна:

Печально *– им,* ***печален*** *– сам, // Непозванная –* ***всех печальней.*** [13; т. 2, с. 369].

Грусть употребляется в поэзии М. Цветаевой 27 раз, в сочетании с определениями грусть используется нечасто, однако образно: обращает на себя внимание фразовый эпитет (эпитет-словосочетание дефисного написания, эпитет-ситуация): грусть-схватила-жаль, горечь-грусть.

Эпитет *грустный* представлен 184 эпитетными комплексами. Распространение признака довольно широкое от времени (*день, минута, ночь*), мира в целом (*мир*) до человека (*глаза, душа, счастье, углы губ*). Внутреннее состояние человека выражается через его глаза и душу, те части человека или его ипостаси, которые чаще подвергаются эпитетации. Антонимичность мышления поэта проявляется в эпитетном комплексе *грустное счастье*; все же грусть, печаль – неотъемлемые черты личности поэта.

Тоска употребляется в поэтическом идиолекте М. Цветаевой около 100 раз, однако с эпитетами наблюдаются наиболее нестандартные словосочетания (24 эпитетных комплекса). Тоска – неотъемлемое чувство лирической героини, поэтому она неутолимая, связана с безответной любовью; это экзистенциальное переживание одиночества (*смертная, страшная, темная*).

Но тоска во мне – ***слишком вечная*** [13; т. 1, с. 222].

Вновь обновляется эпитетная парадигматика: антропоморфная тоска уподобляется человеку за счет использования эпитета голодный:

*Это – **голодной** тоски **обглодки*** [13; т. 3, с. 111].

Эпитет *тоскующий* употребляется редко, имеется окказионализм *тоскомер*.

Использование цепочек эпитетов в поэзии нечасто, в отличие от прозы, однако вновь, как и для эпитета радостный, отмечается ее конструирование с целью дать разностороннюю характеристику объекту:

*Ангел, **настоящий, германский, грустный*** [13; т. 3, с. 415].

Значимость рассмотренных концептов для поэтического идиолекта и мировоззрения поэта в целом несомненна; их признаковое осмысление делает возможным выделить основные смыслы, актуальные для поэта, отметить центральный вектор осмысления абстрактных понятий внутреннего мира человека с позиций конкретных черт (*голодная тоска, простоволосая радость*).

Когнитивно-семантическая концепция эпитетации, представленная в настоящей работе, является одним из инструментов изучения идиостиля. Исследование признаковых средств репрезентации эмоциональных концептов «радость (веселье)» и «печаль (грусть, тоска)» в текстах М. Цветаевой подтвердило их значимость для поэтического мышления и идиостиля в целом. Эпитетные комплексы с данными определяемыми концептами развивают новые, окказиональные смыслы, демонстрируют сочетаемостную специфику их компонентов. Эмоциональность как доминанта творчества М. Цветаевой находит свое выражение в настоящем материале. Эпитетная парадигматика свидетельствует об активном вовлечении в эпитетацию не только адъективной лексики, но и наречной, субстантивной, фразовых конструкций.

Библиографический список

1.Леденёва В. В. Идиостиль как система отношений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3-5 (23). С. 12.

2. Карасик В. И. Языковые ключи. М: Гнозис, 2009. 406 с.

3. Булахова Н. П., Сковородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.

4. Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. 2018. № 4. С. 9–25.

5. Губанов С. А. Особенности образования эпитетов (на материале текстов М. Цветаевой) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 195–201. DOI: 10.52454/19931778_2022_6_195.

6. Губанов С. А. Эпитетный комплекс в текстах Марины Цветаевой // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8. № 4. С. 32–40,

7. Киров Е. Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. № 3. С. 93–95.

8. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 262 с.

9. Ревзина О. Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. Т. 2. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. С. 5–40.

10. Ляпон М.В. Проза Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.

11. Кабанина О. Л. Эволюция тематической зоны «Возраст» в поэтической картине мира М.И. Цветаевой // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 29–34. DOI: 10.17223/15617793/475/4.

12. Пушкарева И. А., Ломакова А. В. Слово-образ «память» в лирике М. И. Цветаевой 1920 года // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (209). С. 124–131. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-3-124-131.

13. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994–1995. Т. 1–7.

14. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. 567 с.

15. Убийко В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь. Уфа: Изд-во Башкирского университета, 1998. 232 с.

16. Козакова А. А. Концепт «печаль» в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 5. С. 123–128.

17. Козакова А. А. Концепт «тоска» в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (90). С. 125–131.

References

1.Ledenyova V.V. Idiostyle as a system of Relations // Bulletin of Tambov University. Series: Humanitaties. 2001. No. 3-5 (23). P. 12.

2. Karasik V.V. Language Keys. Moscow: Gnozis, 2009. 406 p.

3. Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. [Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic) // Ecology of Language and Communicative Practice. 2017. No. 2 (9). P. 122–143.

4. Grashchenkov P.V., Lyutikova E.A. Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation // Rhema. 2018. No. 4. P. 9–25, DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33.

5. Gubanov S.A. Peculiarities of the formation of epithets (on the material of texts by M. Tsvetaeva // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky. 2022. No. 6. P. 195–201. DOI: 10.52454/19931778_2022_6_195

6. Gubanov S.A. Epithet complex in Marina Tsvetaeva's texts // Theoretical and Applied Linguistics, 2022, no. 8 (4), P. 32–40. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_4_32

7. Kirov E.F Discourseme and megaepithet in discourseology // Kazan Science. 2019, No. 3, P. 93–95.

8. Zubova L.V. Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect. Leningrad: Leningrad University Publ., 1989, 262 p.

9. Revzina O. G. Occasional word in poetic language // Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva. Moscow: House-Museum of Marina Tsvetaeva, 1998. Vol. 2. P. 5–40.

10. Lyapon M.V. Prose of Tsvetaeva. Experience of reconstruction of the author's speech portrait. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2010, 528 p.

11. Kabanina O.L. The evolution of the thematic zone «Age» in Marina Tsvetaeva's poetic worldview // Tomsk State University Journal. 2022. No. 475. P. 29–34

12. Pushkareva I. A., Lomakova A. V. The word-image Memory in M.I. Tsvetaeva's lyric poetry of 1920 // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2020. No. 209. P. 124-131. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-3-124-131

13. Tsvetaeva M. I. Collected Works in 7 vol. Moscow: Ehllis-Lak, 1994–1995, vol. 1–7.

14. Gorbachevich K. S., Hablo E.P. Dictionary of epithets of the Russian literary language. Leningrad: Nauka, 1979, 567 p.

15. Ubiiko V. I. Conceptosphere of the inner world of man in the Russian language: Functional-cognitive dictionary. Ufa, 1998, 232 p.

16. Kozakova A.A. The concept of pechal' in the poetic idiolect of Marina Tsvetaeva // University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series. 2009. No. 5. P. 123-128.

17. Kozakova A.A. Concept anguish in the poetic idiolect by M. Tsvetaeva // Proceedings of Volgograd Pedagogical State University. 2014. No. 5 (90). P. 125-131.

УДК 811.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.011

Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
филологического факультета
Подшивалова Н. И.,
Воронеж, тел. 89065872644,
e-mail: novinatil@yandex.ru

Voronezh State University
PhD in Philology,
Associate Professor of the Russian Language
Department of the Faculty of Philology
Podshivalova N. I.,
Voronezh, tel. 89065872644,
e-mail: novinatil@yandex.ru

Н. И. Подшивалова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РОМАНЕ «АВИАТОР» Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА

В статье анализируются особенности употребления вставных конструкций как одного из основных принципов организации текстового пространства романа «Авиатор» Е. Г. Водолазкина. Рассматриваются вопросы изучения вставных конструкций в современной лингвистике (статус вставных конструкций, идентификация вставки как особого явления синтаксиса, отличного от вводных конструкций, пунктуационное, интонационное оформление, степень связанности с базовым предложением, типы значений, передаваемых вставкой). В работе анализируются системные связи между вставным и включающим компонентами, исследуется включение вставного компонента в состав базового предложения в контексте идейно-художественного своеобразия художественного произведения, связанного с необходимостью автора передать особенности сознания героя, постепенно восстанавливающего память. Вычленяется структуры, в которых обнаруживается последовательное и параллельное взаимодействие вставного и включающего компонентов. Подробно исследуются предложения, в которых вставной и включающий компоненты взаимодействуют, указывая на слияние текста. Выявляются вставные конструкции, которые с точки зрения структуры представляют собой графему, слово, словосочетание, предложение, абзац. Выделены главные функции, которые выполняют вставные конструкции в романе «Авиатор»: пояснительно-уточнительная (вставки уточняют содержание как части, так и всего базового предложения), модально-оценочная (вставные конструкции помогают автору выразить отношение героя к происходящим событиям, себе и другим персонажам художественного произведения). Проанализировано пунктуационное оформление вставных конструкций в романе. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что использование вставных конструкций помогает Е. Г. Водолазкину, с одной стороны, представить повествование в кадрированном, фрагментарном виде, с другой, - раскрыть психологию героя, его мировидение.

Ключевые слова: вставные конструкции, экспрессивный синтаксис, базовое предложение, графема, эмоциональная окраска, индивидуально-авторский стиль.

N. I. Podshivalova

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES PLUG-IN STRUCTURES IN THE NOVEL "AVIATOR" BY E. G. VODOLAZKIN

The article analyzes the features of the use of plug-in structures as one of the basic principles of the organization of the text space of the novel "Aviator" by E. G. Vodolazkin. The issues of the study of insertion constructions in modern linguistics are considered (the status of insertion constructions, the identification of insertion as a special phenomenon of syntax other than introductory constructions, punctuation, intonation, the degree of connectedness with the basic sentence, the types of meanings transmitted by insertion). The paper analyzes the systemic connections between the plug-in and the inclusive components, examines the inclusion of the plug-in component in the basic sentence in the context of the ideological and artistic originality of the work of art associated with the author's need to convey the features of the hero's consciousness, gradually restoring memory. The structures in which the sequential and parallel interaction of the plug-in and the plug-in components is detected are isolated. The proposals in which the insertion and inclusion

© Подшивалова Н.И., 2024

components interact, indicating the merging of the text, are examined in detail. Insertion constructions are identified, which, from the point of view of structure, represent a grapheme, a word, a phrase, a sentence, a paragraph. The main functions performed by plug-in constructions in the novel "Aviator" are highlighted: explanatory and clarifying (inserts clarify the content of both part and the entire basic sentence), modal-evaluative (plug-in constructions help the author express the hero's attitude to the events taking place, himself and other characters of the work of art). The punctuation design of the inserted constructions in the novel is analyzed. The analysis allows us to conclude that the use of plug-in structures helps E. G. Vodolazkin, on the one hand, to present the narrative in a framed, fragmentary form, on the other hand, to reveal the psychology of the hero, his worldview.

Keywords: insertion constructions, expressive syntax, basic sentence, grapheme, emotional coloring, individual author's style.

В художественном произведении «все стремится стать мотивированным со стороны значения. Здесь все полно внутреннего значения и язык означает сам себя независимо от того, знаком каких вещей он служит…» [1; с. 248]. Синтаксические средства языка и их организация в художественном тексте наряду с лексическими позволяют художнику слова эксплицировать индивидуальное видение мира, а читателю приблизиться к пониманию языковой картины мира писателя.

Элементами особого авторского стиля становятся вставные конструкции, которые органично вплетаются в синтаксическую ткань произведения. Являясь одним из наиболее продуктивных синтаксических приемов, вставные конструкции вместе с тем реализуют и ряд функций в романе «Авиатор» Е. Г. Водолазкина.

Малоизученность вставных конструкций как особого явления синтаксиса во многом обусловлена и тем, что в учебных пособиях до 70-х гг. XX в. вставочность рассматривалась в комплексе с вводными предложениями. Так, профессор А. Г. Руднев в учебнике «Синтаксис русского языка» утверждает, что вставные конструкции не могут быть вычленены в отдельную категорию, поскольку не имеют отличных от вводных конструкций «смысловых функций и особого оформления» [2; с. 184]. Основоположники Воронежской синтаксической школы И. П. Распопов и А. М. Ломов включали вставочность наряду с вводными элементами в понятие парентезы, подразумевая под этим «вставку каких-то элементов, соотносимых с содержанием основного состава предложения или его конструктивных частей, но выходящих за границы обычных синтаксических связей, которые устанавливаются между компонентами этого состава» [3; с. 265]. В. В. Бабайцева в своих трудах отметила ряд особенностей, которые характерны для вставных конструкций: «…вставные конструкции способны выражать самый разнообразный круг дополнительных сведений». Кроме того, лингвист обозначила непреднамеренность, случайность появления их в тексте, что нарушает «…стройность синтаксических построений, резко размывая непрерывность синтаксических связей предложения» [4; с. 69]. Тем не менее, вставные конструкции, как утверждают Н. В. Патроева, Е. А. Мухина, обнаруживают не только стремление художника слова передать значительный объем информации и тем самым добиться информативной емкости высказывания, но и намерение автора помочь читателю интерпретировать сообщения [5; с. 46].

Руководитель научной синтаксической школы на Дальнем Востоке А. Ф. Прияткина рассуждает о самостоятельности вставной конструкции как синтаксической единицы, поскольку, по мнению ученого, такая конструкция не только отделена от основного, «матричного» предложения интонационно, семантически, пунктуационно, но и имеет особое построение, которое нарушает естественную линейную последовательность предложения [6; с. 38]. С А. Ф. Прияткиной солидарен профессор А. П. Сковородников, полагающий, что вставная конструкция, обладающая особой интонацией включения, тем не менее не нарушает интонационной целостности базового предложения и появляется в предложении как дополнение, уточнение, пояснение, необходимые в тексте для разъяснения как части, так и всего предложения [7; с. 79].

Мы вслед за Прияткиной А.Ф., Сковородниковым А. П., а также Гавриловой Е. В., Поспеловой Е. Г. рассматриваем вставную конструкцию как особую синтаксическую конструкцию, по своим семантико-синтаксическим свойствам отличающуюся от вводных предложе-

ний. Главной особенностью вставной конструкции при этом оказывается ее содержательная удаленность от основного состава предложения: «Общим признаком всех вставных компонентов является не их несвязанность с другими компонентами, а изоляция от остальной части» [8; с. 160].

По-прежнему остается актуальным вопрос о пунктуационном оформлении вставных конструкций. Преимущественным знаком, участвующим в оформлении вставных конструкций, оказывается знак скобок как функционально однозначный и являющийся «более сильным» в сравнении с двойным тире или двойной запятой, как отмечает Б. С. Шварцкопф [9; с. 15]. В своем диссертационном исследовании «Вставные конструкции как инструмент реализации субъективно-авторской модели повествования» О. В. Меркушева выдвигает идею о том, что преобладание вставных конструкции, оформленных с помощью скобок, во многом обусловлено тенденцией, характерной для синтаксиса современных художественных произведений и заключающейся в преобладании таких вставных конструкций, которые синтагматически не связаны с матричным предложением [10; с. 35]. В таком случае скобки оказываются единственным пунктуационным знаком, который способен «удержать» в составе одного предложения разную по объему оторванную с грамматической точки зрения часть. Важно, что двойным тире или запятыми подобные вставные конструкции выделены быть не могут, так как тогда необходима закономерная, последовательная связь между основной частью и последующей.

Тем не менее, тире как пунктуационный знак, оформляющий вставку, появляется, как утверждает Д. Э. Розенталь, в тех случаях, когда вставная конструкция содержит информацию о чувствах автора [11; с. 705].

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выявить смысловое взаимодействие вставных конструкций с базовыми предложениями, определить особенности функционирования вставок и их место в художественном пространстве романа «Авиатор» Е. Г. Водолазкина.

Евгений Германович выстраивает роман «Авиатор» в виде записок самого героя – Иннокентия Петровича Платонова, а во второй части – и доктора Гейгера [12]. Эти дневниковые записи становятся для Платонова способом восстановить не только события детства и молодости, но и упущенную жизнь, когда он был заморожен. Фрагментарность, обрывочность воспоминаний воссоздается писателем прежде всего на синтаксическом уровне, который характеризуется обилием средств экспрессивного синтаксиса: парцеллированных конструкций, синтаксического параллелизма, инверсии, вставных конструкций. Последние позволяют словно кадрировать воспоминания, которые постепенно наполняют жизнь Иннокентия.

В романе Е. Г. Водолазкина выявлено 198 вставных конструкций. В 8 из этих конструкций используется пунктуационный знак двойного тире. С помощью тире оформляется вставная вопросительная конструкция, которая свидетельствует о рефлексии Иннокентия Платонова, остро воспринимающего и последовательно описывающего события наблюдаемого мира: *В комнате уже полумрак, а он всё не включает света – экономит, что ли? Врач и медсестра – а кто еще, собственно, нужен? Там, на фотографии, заметен кто-то — уж не мы ли?* Кроме того, тире используется автором и в тех случаях, когда вставная конструкция содержит информацию о чувствах героя: *Появляется — да-да! — что-то вроде солидарности; Набирая разбег, авиатор объезжал выбоины, подпрыгивал на кочках и внезапно — о, радость! — оказался в воздухе.* В первом из представленных контекстов писатель употребляет междометную форму *да-да*, которая выражает согласие героя с удачно подобранным словом для описания ситуации. Во втором случае использовано междометие «*о, радость*», что позволяет убедиться в положительных эмоциях, испытываемых героем при рассказе об опыте авиатора.

Знаком скобок в романе «Авиатор» выделяется подавляющее большинство вставных конструкций – 190. Важно отметить также и тот факт, что в первой части романа, где повествуется о том, что Иннокентий Платонов выходит из замороженного состояния и к нему неравномерно возвращается память, вставных конструкций используется значительно больше, чем во второй части романа, где читатель посредством дневниковых записей знакомится с мировосприятием и Гейгера, и Насти, и самого Иннокентия, к которому полностью возвращается память и который обретает способность к самоидентификации.

С точки зрения структурной организации вставные конструкции, которые использует Е. Г. Водолазкин, отличаются разнообразием. В романе выявлены конструкции, которые представляют собой графему (*Когда выяснилось, что лето 1911 (?) года семья Гиацинтовых проведет в Ницце, старик предложил пожить на его крымской даче бывшему ученику*); слово (*В сравнении с которым (небом) все мы на аэродроме такие маленькие…*); словосочетание (*Большим пальцем (жест неуверенности) завела прядь волос за ухо*); простое предложение (*Ей только что сообщили из больницы (на мгновение у меня упало сердце*)**,** *что Анастасия пришла в сознание*); абзац (*Остапчук, Иван Михайлович. 1880 г. р. С 1899-го по 1927-й работал сторожем Пулковской обсерватории.*

(В 1921 г., добавлю от себя, сколачивал со мной агитационные щиты на Ждановской набережной. Пили мутный самогон, присланный ему родственниками жены из деревни, лежали на досках.)

Обнаруживаются вставные конструкции, которые по эмоциональной окраске отличаются от базового предложения: *Место действия — Юсуповский дворец, при входе и на лестницах (вау!) — негры в ливреях, повсюду живые цветы.* Фиксируются и вставки, в составе которых есть элементы, указывающие на связь вставного и включающего компонентов: *Мои дела его не радуют (меня, правду сказать, тоже), и оттого мы здесь, в консультационном центре; Открываю его на странице 77 (помню страницу-то!) и вижу фотографию человека с точно такой же фамилией — Воронин***.** В последних контекстах элементами, обеспечивающими связь вставной и базовой конструкции, являются союз *тоже*, грамматические формы слова «*страница*». Кроме того, вычленяем структуры, вставной элемент которых представляет собой ремарку: *Если уйдете, зайдите ко мне сюда в нишу (показывает) и предупредите; Какой же (улыбнулся) русский не любит...; Платонов (взгляд поверх пенсне), когда в корнях слов пишется ять.* Подобные ремарки появляются в тексте не столько как попутные замечания, сколько как та дополнительная и вместе с тем необходимая информация, которая позволяет всесторонне раскрыть представленную ситуацию. Данные вставные конструкции, в которых вставной и включающий компоненты взаимодействуют, указывают на слияние текста.

В «Авиаторе» предложения с указанным типом взаимодействия компонентов превалируют над теми, где взаимодействие вставного и включающего компонентов продуцирует расчленение текста. Подобная закономерность обусловлена тем обстоятельством, что с точки зрения синтагматики соположение вставной конструкции и базового предложения, при котором наблюдается минимальная семантическая связь между компонентами, обеспечивает стройность и естественность речи.

Взаимодействие компонентов вставки, а именно, вставного и включающего, по мнению профессора О. В. Марьиной, может быть последовательным и параллельным [13; с. 65]. В романе «Авиатор» вычленяем структуры, в которых наблюдаем последовательное взаимодействие компонентов. Таких вставных конструкций обнаружено 160. С параллельным взаимодействием компонентов – 38.

Последовательное соотношение компонентов вставки представлено в следующих контекстах: *Прижимая к своему переднику (тошнотворный запах кухни), торжественно вносит меня в залу; Я делаю один глоток (гораздо меньше рекомендованного), и мне обжигает горло; Отец выходил на перрон и целовал нас — сначала меня (подняв на руки), затем маму, — и появление его было несказанным моим счастьем.* При последовательном взаимодейст-

вии компонентов вставной компонент оказывается в семантической плоскости включающего компонента: вставной компонент содержит информацию, которая как бы вспыхивает в сознании говорящего в связи с наблюдаемым. Благодаря такого рода соотношению компонентов автору удается достичь эффект «припоминания»: Иннокентий Платонов тщательно и внимательно изучает неведомый ему мир, который начинает складываться в единую картину благодаря вначале резким, торопливым, единичным, а затем все более насыщенным, подробным обрывкам воспоминаний. Именно вставные конструкции с последовательным взаимодействием компонентов позволяют Е. Г. Водолазкину выстроить психологически выверенный монолог героя, отличающийся самоперебивами, отклонениями в частную сторону, уточнениями.

Параллельное взаимодействие компонентов вставки, как было отмечено ранее, в романе «Авиатор» встречается немного. При таком соотношении вставного и включающего компонентов актуализируется внимание читателя, поскольку не отмечается прямой смысловой связи между компонентами: *Кто-то говорит, что из присутствующих я самый маленький (это мы уже сидим на стульях вокруг елки); Я обходил свои владения, которые (стук дятла по сосне) прекрасно знали, что никто ими больше не владеет, что власть моя весьма условна; Она (дождь, игрушки) сверкала в неярком декабрьском солнце.* Как можно увидеть, в представленных примерах вставной компонент включает такую информацию, семантика которой выходит за рамки не только данного компонента, но и за границы всего предложения. По замечанию О. В. Марьиной, при таком соседстве компонентов вставки «происходит вертикальное расширение контекста, рассчитанное на подготовленного читателя, появляется двуплановость повествования» [там же, с. 65].

Вставные конструкции, по мнению профессора А.Ф. Прияткиной, выполняют следующие функции: 1) пояснительно-уточнительную, 2) причинно-мотивировочную, 3) справочно-отсылочную, 4) комментирующую, модально-оценочная [8; с. 159].

Проанализированный языковой материал позволил нам сделать вывод о том, что наиболее употребительными являются пояснительно-уточнительные (115 вставка) и модально-оценочные вставки (44 вставки), менее употребительными – справочно-отсылочные (24 вставки), причинно-мотивировочные (15 вставок).

Пояснительно-уточнительные вставные конструкции содержат пояснение как отдельного слова базовой части, так и всей части: *Человек, всем (кроме Иннокентия) известный; Похожа на статуэтку, что я (как художник) в женщинах очень ценю; Муромцев много чего еще рассказывал (позже он не раз приглашал меня на прогулку), но с каждым днем я слушал его всё с меньшим вниманием.* Вставная конструкция, выполняющая функцию пояснения, оказывается необходимой в тексте, потому что позволяет герою комментировать происходящее со значимых в данный момент сторон, давать описание отдельных событий, попадающих иногда случайно в фокус внимания Иннокентия Платонова. Кроме того, такого рода вставки помогают читателю воспринимать описываемые события как наглядные и образные [14; с. 60]. Модально-оценочные вставки помогают автору выразить отношение героя к происходящим событиям, себе и другим персонажам романа. Экспрессивный характер модально-оценочных вставок передается восклицательным, вопросительным знаками: *Несмотря на разрешение Гейгера (или вопреки ему?); После разморозки мозг кролика (а есть ли у кролика мозг?) сохранял биологическую активность; Усталость ее (замучил-таки, подлец!) явно усилилась.* Примечательно, что модально-оценочные вставки фиксируются только в тех дневниковых записях, которые принадлежат Платонову. В записях Насти и Гейгера вставок подобной функции не отмечено. Конечно, герой, открывающий мир, не знакомый, другой, испытывает гамму эмоциональных переживаний, что закономерным образом отражается в речи персонажа.

Таким образом, в романе «Авиатор» вставные конструкции играют значительную роль в раскрытии психологии героя, его мировосприятия. Вставки для писателя оказываются

удобным способом представления дискретного сознания человека, к которому постепенно, обрывками возвращается память. Являясь особой синтаксической конструкцией, одной из особенностей которой оказывается ее содержательная удаленность от основного состава предложения, вставные конструкции, представленные в романе «Авиатор» Е. Г. Водолазкина, содержат формальные показатели, которые становятся показателем слияния текста. Сам текст при этом представляет собой плавное, но многомерное, разностороннее изображений событий.

Библиографический список

1. Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 248 - 249.

2. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. М., 1968. 395 с.

3. Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология. Синтаксис. Воронеж, 1984. 351 с.

4. Бабайцева В. В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1979. 269 с.

5. Патроева Н. В, Мухина Е. А. Функционирование вставных конструкций в поэзии И. А. Крылова // Актуальны вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 45 – 54.

6. Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток, 2007. 388 с.

7. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981. 225 с.

8. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М., 1990. 176 с.

9. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988. 192 с.

10. Меркушева О. В. Вставные конструкции как инструмент реализации субъективно-авторской модели повествования. Дисс. ... кандидата филологических наук:10.02.01. Воронеж, 2002.

11. Розенталь Д. Э. Большой справочник по русскому языку. орфография, пунктуация, орфографический словарь, прописная или строчная? М., 2009. 1006, [1] с.

12. Водолазкин Е. Г. Авиатор. М., 2022. 410 с.

13. Марьина О. В. Вставка как синтаксический процесс // Педагогическое образование на Алтае. 2017. № 2. С. 64 – 69.

14. Арзямова О. В. Парантетические конструкции как средство актуализации коммуникативных регистров текста (на материале романа Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд») // Актуальны вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 1 (48). С. 57 – 63.

References

1. Vinokur G. O. On learning the language of literary works // Russian Russian language selected works. M., 1959. pp. 248-249.

2. Rudnev A. G. Syntax of the modern Russian language. M., 1968. 395 p.

3. Raspopov I. P., Lomov A.M. Fundamentals of Russian grammar. Morphology. The syntax. Voronezh, 1984. 351 p.

4. Babaytseva V. V. Russian language. Syntax and punctuation. M., 1979. 269 p.

5. Patroneva N. V., Mukhina E. A. The functioning of plug-in constructions in the poetry of I. A. Krylov // The issues of modern philology and journalism are relevant. 2021. No. 1 (40). pp. 45-54.

6. Paladkina A. F. Russian syntax in the grammatical aspect (syntactic connections and constructions). Selected works. Vladivostok, 2007. 388 p.

7. Skovorodnikov A. P. Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language. Tomsk, 1981. 225 p.

8. Paladkina A. F. Russian language: The syntax of a complicated sentence: textbook. a manual for philology. spec. universities. M., 1990. 176 p.

9. Schwarzkopf B. S. Modern Russian punctuation: the system and its functioning. M., 1988. 192 p.

10. Merkusheva O. V. Plug-in constructions as a tool for the implementation of the subjective author's narrative model. Dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Voronezh, 2002.

11. Rosenthal D. E. A large handbook of the Russian language. spelling, punctuation, spelling dictionary, uppercase or lowercase? M., 2009. 1006, [1] p.

12. Vodolazkin E. G. Aviator. M., 2022. 410 p.

13. Maryina O. V. Insertion as a syntactic process // Pedagogical education in Altai. 2017. No. 2. pp. 64-69.

14. Arzyamova O. V. Paranthetic constructions as a means of updating the communicative registers of the text (based on the novel by G. Sh. Yakhina "Echelon to Samarkand") // Topical issues of modern philology and journalism. 2023. N. 1 (48). pp. 57-63.

УДК 81.366
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.012

Оренбургский государственный педагогический университет
канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и методики преподавания русского языка
Твердохлеб О.Г.
Россия, г. Оренбург,
тел. (906) 846-87-11
e-mail: ogtwrd@gmail.com

Orenburg State Teacher Training University
The department of Russian language and methodology of teaching Russian language,
PhD, assistant Professor
Tverdokhleb O.G.
Russia, Orenburg,
Tel. (906) 846-87-11
e-mail: ogtwrd@gmail.com

О.Г. Твердохлеб

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОДНООСНОВНЫХ СЛОВ С КОРНЕМ РЫЖ- В ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В статье предпринята попытка описать и проиллюстрировать функционирование одноосновных имен прилагательных с корнем *рыж-* в поэзии Серебряного века. Установлено, что в первой трети XX века поэты творчески реализовывали словообразовательный потенциал имени прилагательного *рыжий.* Автор подробно останавливается на исследовании односоставных номинаций рыжего, выделенных среди нескольких структурно-морфологические типы при изображении «рыжего». Проведенный в работе анализ лексики с корнем *рыж-*, извлеченной из Национального корпуса русского языка, установил употребление в поэзии Серебряного века односоставных номинаций рыжего, выраженных разными частями речи. Доказано, что непроизводная односоставная адъективная лексема *рыжий* является доминантой при изображении сферы рыжего. На иллюстративном материале показано активное использование грамматической принадлежности к классу качественных прилагательных непроизводного имени прилагательного *рыжий* и его трех производных прилагательных: *рыженький*, *рыжеватый*, *порыжелый*, а также разных категориально-грамматических компонентов их семантики. Выявлена особенность синтагматического окружения одноосновных адъективных цветообозначений «рыжего», проявляющаяся в дублировании (эксплицитно или имплицитно) сем, входящих в семантическую структуру разных лексических толкований непроизводных и производных адъективных цветообозначений рыжего. Автор приходит к выводу, что семантическое дублирование в ближайшем контексте при помощи других лексем может способствовать не только акцентированию значения описанных адъективов, но и устранению неоднозначности в понимании их разных значений. Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество поэтов Серебряного века. Полученные результаты могут найти применение и в практике составления словаря поэзии.

Ключевые слова: цветообозначение рыжий, доминанта, сема, лексическое значение, производные прилагательные.

O.G. Tverdokhleb

FUNCTION OF ONE-BASE WORDS WITH THE ROOT RED- IN THE POETRY OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY: ADJECTIVE

The article makes an attempt to describe and illustrate the functioning of monobasic adjectives with the root ryzh- in the poetry of the Silver Age. It has been established that in the first third of the twentieth century, poets creatively realized the word-formation potential of the adjective red. The authors dwell in detail on the study of single-component nominations of redhead, identified among several structural and morphological types when depicting “redhead”. The analysis of vocabulary with the root red-, extracted from the National Corpus of the Russian Language, carried out in the work, established the use of single-component nominations of red, expressed by different parts of speech, in the poetry of the Silver Age. It has been proven that the non-derivative single-component adjective lexeme red is dominant when depicting the sphere of the red. The illustrative material shows the active use of grammatical belonging to the class of qualitative adjectives of the non-derivative adjective red and its three derived adjectives: redhead, reddish, red-haired, as well as various categorical-grammatical components of their semantics. A peculiarity of the syn-

© Твердохлеб О.Г., 2024

tagmatic environment of monobasic adjective color terms for “red” has been identified, which is manifested in the duplication (explicitly or implicitly) of semes included in the semantic structure of different lexical interpretations of non-derivative and derived adjective color terms for “red”. The author comes to the conclusion that semantic duplication in the immediate context with the help of other lexemes can help not only to emphasize the meaning of the described adjectives, but also to eliminate ambiguity in the understanding of their different meanings. The results obtained in the work may be of interest to literary scholars studying the work of Silver Age poets. The results obtained can also be used in the practice of compiling a poetry dictionary.

Key words: color designation red, dominant, seme, lexical meaning, derived adjectives.

Гуманитарные науки за сто лет уже накопили большой запас знаний о цветообозначениях ([1]; [2]; [3]; [4]; [5]). В языкознании последнего десятилетия также не ослабевает интерес к анализу названий цветов: обращается внимание на историю их возникновения и развитие (в: [6]; [7]; [8]; [9]); на символику и мифологию цветообозначений (в: [10]; [11]; [12]); анализируется семантика и функции обозначений цвета в прозе и в поэзии (в: [13]; [14]); проводятся исследования нескольких цветов (в: [15] или одного конкретного цвета, напр., зеленого (в: [16]) или черного цвета (в: [17]). Исследуются и номинации рыжего цвета (напр., в: [18]; [19]). Однако работ с лексико-грамматическим анализом одноосновных лексем с корнем *рыж*-, функционирующих в русской поэзии Серебряного века, характеризующейся множеством направлений и течений, до сих пор сделано не было. А потому данное исследование языковых особенностей в единстве с поэтикой носит особо значимый в современной науке междисциплинарный характер, и это делает проведенный в работе анализ поэтического языка указанного периода актуальным.

Языковым материалом для данного исследования послужили поэтические конструкции, включающие лексемы с корнем *рыж*- в русской поэзии первой трети XX века. Для получения материала в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ [20]) было закреплено ограничение в «Основных параметрах текста»: дата создания: 1900–1930. На запрос: рыж* (где символ * обозначает любую последовательность символов в начале или конце лексемы или словоформы) в НКРЯ было выдано 726 вхождений (553 документов) с корневой морфемой *рыж*-, что составило 0,018 % от всего количества слов в закрепленном подкорпусе.

1. Структурно-морфологические типы. Поэты Серебряного века, стремясь к максимальной реализации разнообразных средств русского языка, творчески применяли богатейший словообразовательный потенциал, в том числе имени прилагательного *рыжий*. Используя уже имеющиеся в лингвистической литературе (в: [21; с. 19], [22], [23; с. 28] [24; с. 158] и др.) разные классификации цветообозначений, мы сгруппировали выявленные нами обозначения «рыжего» в следующие **структурно-морфологические** типы:

● одноосновные, типа: *парус* ***рыжий*** (С. М. Городецкий. Стрибог. 1907) (здесь и далее все примеры по: [20]); *гнезда* ***рыжиков*** (К.Д. Бальмонт. Образ. 1892-1935);

● сложные адъективы, построенные с помощью сложения основ, находящихся между собой либо в сочинительных отношениях, типа: ***Ярко-рыжие*** *хвосты* (Б.К. Семенов. Купальская ночь: «За нами город вдалеке...»; 1925-1935), либо в подчинительных отношениях: ***рыжеволосое*** *солнце* (К.К. Вагинов. «Рыжеволосое солнце руки к тебе я подъемлю...». 1919-1922);

● синтаксические конструкции, построенные, в частности, по модели типа: «*рыжий* + видовое имя *цвет*»: ***рыжий цвет*** *волос поддельных* (Д.С. Мережковский. Конец века: «О, что бы в будущем, предчувствием грозя...». 1891);

● сравнительные конструкции, типа: *он,* ***как заря каракольская, рыж*** (С.Н. Марков. Семиреченский тигр: «Он, как заря каракольская, рыж…». 1927);

● конструкции, в которых соединено несколько языковых элементов разных уровней.

Предметом дальнейшего анализа будут только поэтические контексты, извлеченные из НКРЯ [Там же] и включающие в свой состав одноосновное простое название рыжего цвета.

2. Одноосновные простые названия рыжего цвета, по данным нашей картотеки, представлены абсолютным большинством (541 единиц, или 74 % от общего количества обнаруженных словоупотреблений).

Семантика рыжего репрезентируется с неодинаковой степенью частотности односоставными цветонаименованиями рыжего, принадлежащими к разным частям речи:

– имена прилагательные**,** непроизводные и производные (459 единиц, или 63 % от общего количества обнаруженных словоупотреблений);

– имена существительные, безаффиксные адъективного склонения и суффиксальные (47 единиц);

– глаголы и глагольные формы (причастие, деепричастие) (29 единиц);

– наречия и слово категории состояния (5 единиц).

Опишем далее, как в поэтических творениях первой трети XX века эти цветонаименования используются для организации цветового художественного пространства и эстетической актуализации авторских интенций. Учитывая ограничительные рамки публикации, в этой статье мы остановимся на описании непроизводных и производных имен прилагательных, а односоставным цветонаименованиям, принадлежащим к именам существительным, глаголам, наречиям и также входящим в сферу рыжего, мы планируем посвятить следующую нашу статью.

3. Непроизводный адъектив *рыжий*, Поскольку в языке понятие цвета ассоциируется прежде всего с именем прилагательным, среди одноосновных названий «рыжего» самым распространенным и наиболее естественным выразителем цвета является слово с общим категориально-лексическим значением признака – **непроизводный адъектив *рыжий***, относящийся к устойчивому фонду русского языка, включающему 26 наименований [24; с. 111]), и имеющий «семантическую константу ‘красно-жёлтый’» [Там же; с. 145].

1. Наш языковой материал показывает, что в поэтических творениях указанного временного периода активно используются грамматическая принадлежность слова *рыжий* к классу качественных прилагательных, а также его довольно разнородные категориально-грамматические компоненты семантики – полная / краткая формы, наличие сравнительной степени, возможность изменения по родам и числам, способность занимать позиции согласованного определения и предиката.

1) Для обозначения рыжего цвета у поэтического объекта употребляются два ряда форм – полные и краткие.

В большинстве контекстов использованы полные формы:

а) как единственного числа, всех трех родов, в разных падежах, ср.: примеры:

○ с формой мужского рода: ***рыжий*** *кот* (Т.Л. Щепкина-Куперник. Во время болезни. 1927); *с* ***рыжим*** *котенком* (Саша Черный. У Сены. 1930);

○ с формой женского рода: *...рябины* ***рыжая*** *лоза* (Г.Н. Оболдуев. «Не контрапунктическим вальсом Дуная...». 1924); *под* ***рыжей*** *радугой* (В.А. Монина. Весна-река. 1925); *Значит, недаром бились костры В /* ***рыжей*** */ падучей у переправ* (П.Н. Васильев. Песня о Гибели казачьего войска. 1929-1930);

○ с формой среднего рода: ***рыжее*** *солнце берешь в пятерню* (А.А. Прокофьев. Дядя. 1929); *Пятилетняя девчонка / В* ***рыжем*** *клетчатом пальто* (Саша Черный. Прогулки по Парижу. 1928);

б) так и формы множественного числа, разных падежей, ср.: ***рыжие*** *дьяволы* (С.М. Третьяков. Фруктовщик. 1924); *в их* ***рыжих*** *волосах* (Д.И. Кленовский. Тритон. 1922).

Для обозначения у одного художественного объекта (*кружево снега*) более сильного проявления рыжего цвета, чем у другого (*вино*), в единичном контексте обнаруживаем простую форму сравнительной степени (образованную при помощи суффикса *-ей*). Ср. очень выразительную и сложную по форме поэтическую конструкцию, включающую тройной повтор формы полного прилагательного *рыжий*: *...снег дымится кружевом* ***рыжим, рыжим, рыжим, рыжей*** *вина* (З.Н. Гиппиус. Лазарь. 1918-1938).

Краткое (предикативное, по: [25; с. 539]) прилагательное *рыж* репрезентировано также:

а) формами единственного числа, но только двух родов, ср. примеры:

○ с формами мужского рода: *Размотанный шарф романтичен и* ***рыж*** (П.Г. Антокольский. Песня дождя. 1928);

○ женского рода: *Была ль* ***рыжа*** *борода Барбароссы?* (В.В. Маяковский. Люблю. 1922);

б) формами множественного числа, ср.: *Спины песков* ***рыжи*** (С.П. Бобров. Азовское море. 1915); *Были* ***рыжи*** / *Ее глаза от солнца и песка* (А.А. Блок. «Я не люблю пустого словаря...» 1907).

2) Атрибутивные (по: [Там же]), полные прилагательные со значением рыжего цвета, употребляемые в поэтических строках в функции определения, становятся цветовыми эпитетами для номинаций самых разнообразных поэтических объектов. Для обозначения характерного цвета, для подчеркивания красочности описываемых образов такие прилагательные находятся по отношению к атрибутируемым словам:

а) обычно в препозиции (прямой порядок слов), контактно, ср.: *...чаши /* ***Рыжи****м пивом налиты* (Э.Г. Багрицкий. «Замедлено движение земли...». 1922); *над* ***рыжей*** *степью / Осени снежный кукиш!* (В. В. Хлебников. Шествие осеней Пятигорска. 1921);

б) реже в постпозиции, дистантно, ср.: *Будут жечь тамариск мой* ***рыжий*** (Н.С. Тихонов. О стихах. 1914-1921); *Из-за кос этих* ***рыжих*** (Н. Н. Асеев. «Жизнь отходит, как скорый...» | Королева экрана. 1924).

Краткие адъективы, будучи в предикативной позиции, дают цветовую характеристику называемому в позиции подлежащего субъекту и располагаются по отношению к атрибутированным именам в пре- и постпозиции; контактно и дистантно. Ср. предельно контактное положение: *Рыси* ***рыжи****, лоси молоды* (Н.С. Тихонов. Сваты. 1921), а также достаточно сильное отдаление друг от друга: *как барышник, звонок,* ***рыж****, / поет по кошелям барыш. / На пьяной ярмарке, / на пышной – / хвастун, / бахвал, / кудрями* ***рыж*** *– / за всё, / за барышню барышник, / конечно, отдает барыш* (Б.П. Корнилов. Коновой. 1928). В единственном случае краткое прилагательное употреблено в позиции согласованного определения для создания высокого стиля: *Человеческая мысль — остров Патмос, и каков / Конь* ***рыж*** *видят многого Иоаннов* (И. В. Соколов. Апокалиптическое чудовище. 1920);

2. Контекстуальное синтагматическое окружение адъектива *рыжий* в поэтическом языке 1900-1930 гг. имеет особенности.

Достаточно часто для акцентирования значения слова ‘рыжий’ наблюдается в ближайшем контексте дублирование сем, входящих в семантическую структуру ЛЗ *рыжий*. Кроме этого, поскольку экспрессивное адъективное цветообозначение *рыжий* употребляется с разными (что характерно и для современного русского языка) значениями, то семантическое дублирование часто используется и для устранения неоднозначности. Приведем далее поэтические контексты, где лексические элементы, синтагматически расположенные вблизи лексемы *рыжий*, дублируют разные семы, входящие в структуру разных лексических значений слова *рыжий*.

1) Согласно толковым словарям, одним из ЛЗ слова *рыжий* является значение ‘цвета меди, красно-желтый’ [26]. В нашей картотеке представлены строки с дублированием в ближайшем окружении семы ‘медь’, выраженной эксплицитно: *Он надвигался, плечистый,* ***рыжий****, / Весь обдаваемый медной жижей. / И, обдаваемый красной жижей, / Прямо под солнцем убийца* ***рыжий*** (Э.Г. Багрицкий. Трясина. 1927). Ср. также метафорическое описание: *Листопадную* ***рыжую*** *медь* (Н.А. Клюев. «Братья, мы забыли подснежник...». 1919).

Может дублироваться и сема ‘красный’, ср.: *Жирен и* ***рыж****. / Красным копытом грохнув о площадь* (В.В. Маяковский. Я и Наполеон. 1915); *Качает кругом* ***рыжим****, в красном масле* (Т.В. Чурилин. Духи | «На Пасху пир – сбирается старик...» | Гелиотроп. 1916); ***Рыжий*** *шелк для отделки лисы, / Том Есенина «Красный монокль»* (Саша Черный. Диана. 1922), в том числе в составе одного из корней сложного имени: *Красн**о**бородый,* ***рыжий*** *Тор*

(А. Белый. Гроза в горах. 1905.); ***Рыжий,*** *краснoносый* (Ф.К. Сологуб. «Только забелели поутру окошки...». 1913). Добавим сюда и использование текста русской прибаутки ([27]): ***Рыжий*** *и красный / Как по речке, по реке / Ехал* ***рыжий*** *на быке. /* ***Рыжий*** *красного спросил: – / Чем ты бороду красил?* (К.И. Чуковский. Рыжий и красный. 1924).

В приведенных примерах сема ‘красный’ выражена эксплицитно (лексемой *красный*), но в поэтических строках описываемого временного периода в ближнем окружении лексемы *рыжий* активно используются и лексемы, выражающие значение красного цвета имплицитно (не обнаруживаясь при поверхностном наблюдении). Для этого используются номинации предметов, чьи цветовые характеристики вызывают устойчивый, закрепленный в культуре и быту образ красного цвета. Ср., напр., неоднократное дублирование разными поэтами семы ‘красный’ путем ввода лексемы *кровь*, не являющейся цветообозначением, но характеризующейся присущей ей красным цветом, ср.: *...по* ***рыжим*** *от крови полям* (В.В. Маяковский. Потрясающие факты. 1919); *Захлюпанный кровью, скуластый,* ***рыжий*** (В.И. Нарбут. Казак из киргизов. 1914); *Кровью пролиться на* ***рыжий*** *кончик пера* (И.Л. Сельвинский. Записки поэта. 1925); *Перенесли поочередно / Машины через* ***рыжий*** *брод / И с лихорадкою в крови / Рулят* (Н.И. Дементьев. Пастух. 1930); *И кровь, / Выбегая из губ, / Обуглила* ***рыжие*** *баки* (Дж. Алтаузен. Романтика. 1927).

2) Другим ЛЗ слова *рыжий* является значение ‘тот, кто имеет волосы, шерсть, оперение красно-желтого цвета’; ‘с волосами такого цвета, рыжеволосый’ ([26], [28], [29]).

В ближайшем окружении может дублироваться сема ‘волосы’, выраженные имплицитно: *…в* ***рыжих*** *волосах всегда костер ярится* (К.Д. Бальмонт. Я. 1929); *Вождь их с* ***рыжею*** *шапкой косматых волос* (Н.С. Гумилев. Сомалийский полуостров | «Помню ночь, и песчаную помню страну...»; 1921). Ср. также подчеркнутые лексемы, где сема ‘волосы’ обозначена метонимически лексемами *усики* (= ‘маленькие короткие волосы над верхней губой’) и *борода* (= ‘волосяной покров на нижней части лица и передней части шеи’) в следующих строках: ***Рыжие*** *усики* (В.В. Хлебников. Настоящее. 1921); *Козла огромного и с бородою* ***рыжей*** (Д.И. Кленовский. Тени прошлого. 1922).

Дублируется также сема ‘шерсть’, выраженные имплицитно, ср.: *липкая влага,* ***рыжую*** *шерсть обагряя, / Льется…* (В.В. Набоков. Подражание древним. 1923); *дракона / Шестиногого, с* ***рыжей*** *шерстью* (Н.С. Гумилев. Сказка. 1916).

Есть строки с дублированием семы ‘красный’, выраженной эксплицитно: *«Я советский наглый «****рыжий****» / С красной пробкой в голове* (Саша Черный. Автобиография т. Есенина | Эпиграммы. 1924).

Используется и более сложное семантическое дублирование. Ср., напр., повтор сразу двух сем в строках: *А еще другие – с гривой красной, / С гривой* ***рыжей****…* (К.Д. Бальмонт. Верховные кони. 1918), где сема ‘волосы’ обозначена метонимически лексемой *грива* (= ‘длинные волосы, покрывающие шею и спину лошади’), а сема ‘красный’ выражена имплицитно.

3) Лексема *рыжий* с ЛЗ ‘традиционный персонаж цирковой клоунады в ярко-рыжем парике’ [26]; ‘то же, что клоун’; ‘первоначально всегда выступавший в парике рыжего цвета’ [28]’ также включается творцами в поэтические контексты, где дублируемые семы ‘клоун’ и ‘парик’ выражаются имплицитно, ср.: *Вот стою я, как клоун* ***рыжий****, / Изнемогающий от битья* (Р. Ивнев. «С каждым часом всё ниже и ниже...»; 1912); *Даже* ***рыжий*** *парик* (И.В. Юрков. На слободке. 1926).

4) Такие семы, как ‘износившийся’, ‘красный’ и ‘бурый’ , входящие в состав ЛЗ ‘об износившемся, выцветшем: красновато-бурый’; ‘смесь цветов: красного, желтого и бурого’ ([26], [28], [29]), дублируются в таких строках: *Зардели красны, буры / Клоки косматых трав, / как пряди* ***рыжей*** *шкуры* (М.А. Волошин. «Старинным золотом и жёлчью напитал...» | Киммерийские сумерки: Звезда Полынь. 1907); *И, в стоптанных* ***рыж****их своих башмаках* (О.Э. Мандельштам. Карл Либкнехт: «И был среди них молодой паладин ...». 1925). Приведем

более сложное высказывание, включающее в свой состав фразеологизм: *У тебя ботинок* ***рыжий****, / Не годится никуда* (О.Э. Мандельштам. Чистильщик. 1921-1929).

Отметим и стихотворение, где при помощи лексем в заглавии и в начальных строках имплицитно вводится сразу несколько сем ‘износившийся’, ‘красный’ и ‘выцветший’, входящих в ЛЗ слова: ‘об износившемся, выцветшем: красновато-бурый’ ([26], [28], [29]), *рыжий*, а в заключительных строках употребляется лексема *рыжий*: *В поношенной жакетке, / В потертых башмаках – / А солнце красным метки / Нажгло мне на щеках. / <…> / Что это солнце – точно / Такое же, как я, / И прячется нарочно / Под* ***рыжих*** *туч края* (В.А. Меркурьева. Выцветшее синее. 1918).

5) Дублирование сем ‘конь’, ‘мерин’, выраженных имплицитно, обнаруживаем в ближайшем поэтическом окружении со словом *рыжий*, имеющем ЛЗ ‘конь рыжей масти’, ‘рыжий мерин’ ([26], [28], [29], [30]), ср.: *И* ***рыжего*** *коня* (В.Ф. Ходасевич. В снегах. 1906-1907); *Тяжелый всадник на коне* ***рыжем*** (З.Н. Гиппиус. Непоправимо. 1916); *На сытом* ***рыжем*** *меринке* (А.И. Тиняков. Землевладелец. 1912). Используются также и лексемы, номинирующие женские особи этого домашнего животного, напр., в следующих строках: *А* ***рыжая*** *лошадь под ней гарцевал* (И. Северянин. Амазонка. 1910); *Кучер в синем кафтане стегал* ***рыжую*** *лошадку* (Э.Г. Багрицкий. Суворов. 1915); *Чтоб наша тощая / И* ***рыжая*** *кобыла / Выдергивала плугом корнеплод* (С.А. Есенин. Письмо к сестре. 1925).

4. Прилагательные, производные от основного цветонаименования *рыжий*, достаточно активно используются со словообразовательным значением «стилистической модификации» [25; с. 330] при живописании цветовых оттенков портрета лирического героя, предмета или поэтического события в поэзии 1900–1930 годов (29 случаев).

1. Оттеночные односоставные прилагательные в текстах представлены (обычно) суффиксальными и (единично) префиксально-суффиксальными модификациями.

1) Суффиксальные односоставные прилагательные, мотивированные прилагательным *рыжий,* представлены двумя модификационными подгруппами коннотативно окрашенных слов.

а) Суффиксальное (с суффиксом мягкого варианта *-еват-*) прилагательное подобия *рыжеватый* передает отношение поэта к изображаемому и обычно описывают неполноту, смягченную уменьшенную степень цветовой характеристики волос, меха, шерсти, природных веществ: *Под бородою* ***рыжеватой*** (В.Ф. Ходасевич. Соррентинские фотографии. 1925); *Из* ***рыжеватой*** *глины* (Д.И. Кленовский. «Я жил с утра на тихом берегу...». 1916).

б) Суффиксальный (с суффиксом мягкого варианта *-еньк-*) диминутив *рыженький* обычно вводится для обозначения усиленной / ослабленной меры цветовой характеристики части тела человека или животного и для выражения авторской положительной или негативной оценки изображаемого, напр.: *…коса –* ***рыженькая*** *медь* (М.А. Кузмин. Выздоравливающей. 1917).

Отметим использование суффиксального повтора в ближнем контексте. Ср. трижды повторенный эмоционально-окрашенный суффикс *-еньк-* в морфемных составах трех лексем: диминутива *рыженький*; окказионального главного слова, с которым согласуется цветовой описываемый производный адъектив; и еще одного цветообозначения, стоящего в ряду однородных: *Побегут тпрусеньки, /* ***Рыженькие****, гнедые, темно-серенькие* (Г.Н. Оболдуев. Впроголод. 1930).

2) Префиксально-суффиксальное прилагательное, мотивированное глаголом *порыжеть*, представлено лексемой *порыжелый*. Она используется для обозначения ‘выцветшего’, ‘полинялого’, ‘износившегося’ предмета одежды, ср.: *В* ***порыжелой*** *гимнастерке* (Г.В. Адамович. «Жил когда-то в Петербурге...». 1923).

2. Полные формы таких производных прилагательных (также, как и непроизводного прилагательного *рыжий*) употребляются в разных формах рода, числа, падежа. В качестве цветовых эпитетов добавляют выразительности разным поэтическим предметам и образам. Располагаются по отношению к их номинациям в пре- и постпозиции; контактно и дистантно (примеры выше).

Краткие (единичные случаи) формы, находясь в предикатной позиции, дают оценку, меру цветовой характеристики субъекта, репрезентированного в позиции подлежащего, ср.: *Наша го-*

лова в дыме ***рыжевата*** (С.М. Третьяков. Финал из поэмы «17-19-21». 1923); *Ведь я лисонька, / Ведь я* ***рыженька*** (К.И. Чуковский. Козел. 1924).

2. Контекстуальное синтагматическое окружение описываемых производных прилагательных, сохраняющих в своем ЛЗ семы мотивирующего цветообозначения *рыжий*, также активно используется в поэтическом языке Серебряного века для семантического акцентирования. В ближайшем контексте целого ряда поэтических конструкций наблюдается дублирование сем, входящих в семантические структуры ЛЗ указанных адъективов и ЛЗ других лексических элементов.

1) Сема ‘медь’, входящая в состав ЛЗ ‘цвета меди’ оттеночного односоставного прилагательного (с суффиксом *-еньк-*), дублируется в ближайшем окружении, выражаясь эксплицитно в строках: *…коса –* ***рыженькая*** *медь* (М.А. Кузмин. Выздоравливающей. 1917).

2) Сема ‘волосы’, входящая в состав ЛЗ ‘тот, кто имеет волосы красно-желтого цвета’ оттеночного односоставного прилагательного (с суффиксом *-еват-*), дублируется в ближайшем окружении, выражаясь либо эксплицитно в строках: *Волос* ***рыжеватый*** *мех* (М.И. Цветаева. Подруга. 1914); *По* ***рыжеватым*** *власам, по прекрасному младостью телу* (В.Я. Брюсов. Энеида. 1914-1920); либо метонимически лексемой *борода* в следующих строках: *…играет зайчик солнца / В* ***рыжеватой*** *бороде* (С.А. Есенин. Дед: «Сухлым войлоком по стёжкам...». 1915).

3) Выше мы отмечали стихотворение, где употреблены и лексема *рыжий*, и лексемы, при помощи которых вводится сразу несколько сем ‘износившийся’, ‘красный’ и ‘выцветший’, входящих в ЛЗ слова *рыжий*. Добавим к этому еще и употребленное в этом же произведении производное прилагательное *порыжелый* с тем же ЛЗ ‘об износившемся, выцветшем’, ср.: *Что я корону прячу / Под* ***порыжелый*** *фетр!* (В.А. Меркурьева. Выцветшее синее. 1918).

4) Сема ‘конь’, входящая в состав ЛЗ ‘конь рыжей масти’ слова *рыженький,* дублируется в ближайшем окружении в поэтических строках лексемами, номинирующими женскую особь домашнего животного. Ср. подчеркнутую лексему в заголовке и в дважды повторенных рефреном строках: *И во сне я* ***рыженькую*** *лошадь* / *В губы мягкие расцеловал* / *<…>* / *И во сне я* ***рыженькую*** *лошадь* / *В губы мягкие расцеловал* (Б.П. Корнилов. Лошадь. 1925).

Отметим, что описанные адъективы, производные от *рыжий* и имеющие ЛЗ ‘клоун в ярко-рыжем парике’, в нашей картотеке отсутствуют.

Таким образом, в русской поэзии первой трети XX века активно используются конструкции, включающие лексемы с корнем *рыж-*. Поэты Серебряного века творчески реализовывали словообразовательный потенциал имени прилагательного *рыжий*. В поэтических текстах используются несколько структурно-морфологических типов обозначения «рыжего»: 1) одноосновные; 2) сложные адъективы, построенные с помощью сложения основ, находящихся между собой либо в сочинительных, либо в подчинительных отношениях; 3) синтаксические конструкции, построенные по модели типа: «*рыжий* + видовое имя *цвет*»; 4) сравнительные конструкции и 5) конструкции, в которых соединено несколько элементов разных языковых уровней. Семантика рыжего репрезентируется: а) (в абсолютном большинстве — 63 % от общего количества обнаруженных словоупотреблений) одноосновными простыми названиями рыжего цвета, представленными (с неодинаковой степенью частотности) разными частями речи. В поэзии активно используются грамматическая принадлежность к классу качественных прилагательных и довольно разнородные категориально-грамматические компоненты семантики непроизводного имени прилагательного *рыжий* и производных *рыженький, рыжеватый, порыжелый*. Особенностью синтагматического окружения таких одноосновных адъективных цветообозначений «рыжего» является дублирование (эксплицитно или имплицитно) сем, входящих в семантическую структуру разных лексических толкований непроизводных и производных адъективных цветообозначений рыжего. Такое семантическое дублирование в ближайшем контексте с помощью других лексем способствует не только акцентированию значения описанных адъективов, но и устранению неоднозначности в понимании их разных значений.

Библиографический список

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.

2. Панченко А.М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 23. Л.: Наука, 1968. С. 3-15.

3. Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2003. 672 с.

4. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 176 с.

5. Шерцль В.И. Названия цветов и символическое значение ихъ. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1884. 60-70 с.

6. Искандарова Г.Р. Славянские прилагательные с семантикой цветообозначения // Глобальный научный потенциал. 2022. № 2 (131). С. 189-191.

7. Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер: монография. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.

8. Масевич А.Ц., Захаров В.П. Диахронические изменения частотности цветообозначений в русских поэтических текстах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 4. С. 5-35.

9. Супрун В.И. Рдяный, русый и рыжий: этимологическое родство колоронимов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 233-238.

10. Манасеев Д.Д. Политическая мифология цвета и функционирование цветообозначений в культуре // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13. № 1А-2А. С. 252-258. DOI: 10.34670/AR.2023.89.59.038

11. Карнаухова А.А. Пути и механизмы символического развития слова в языке (на примере цветообозначений в испанской и русской поэзии XX в.) // Филология: научные исследования. 2020. № 1. С. 31-38.

12. Ким А.А., Шаповалова Ю.Ю., Минеев-Ли В.Е. Лингвокультурологические особенности символики некоторых цветообозначений у британцев и славян // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (221). С. 34-45.

13. Масолова Е.А. Семантика и функции колоративов в поздней художественной прозе Толстого // Культура и текст. 2019. № 2 (37). С. 26-41.

14. Павлова Л.В., Романова И.В. Неканонические обозначения цвета в «Словаре цветообозначений в лирике Владимира Набокова» // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. 2020. № 20. С. 105-123.

15. Марголис Я.М. Цвета радуги в языке русской поэзии // Libri Magistri. 2022. № 1 (19). С. 40-72.

16. Таныгина Е.А. Исследование образа цветообозначения зеленый в сознании носителей русской культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11. № 3. С. 79-94.

17. Мартынов М.Ю. Радикальный черный. К вопросу о семантике черного цвета в анархическом дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8. № 4. С. 41-55. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-4

18. Иванова Д.А., Насипова А.И. Как живется рыжим: образ и статус рыжеволосого человека в средневековье и в современности // Вестник педагогического опыта. 2022. № 52. С. 91-98.

19. Цыганова Н.Д., Аникин Д.С. Литературный типаж «рыжий» в русской и зарубежной литературе // Современное педагогическое образование: теоретический и прикладной аспекты. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 117-121.

20. Национальный корпус русского языка. URL: http://search.ruscorpora.ru/ (дата обращения – 07.12.2023).

21. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.

22. Косых Е.А. Система цветообозначений в русском языке: к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета» // Вестник Барнаул. гос. пед. ун-та. Сер.: Психолого-педагогические науки. 2002. № 2. URL: http://www.uni-altai.ru/Journal/vest bspu/2002/gumanit/PDF/kosihea.pdf (дата обращения – 25.01.2024).

23. Макеенко И.В. Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 258 с.

24. Перфилова М.Н. Динамика лексики цвета в русском языке: Дис. … канд. филол. наук. Пенза, 2022. 251 с.

25. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). В двух томах. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 789 с.

26. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981-1984. URL: http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vmas&wi=68111 (дата обращения – 6.02.2024).

27. Русский фольклор: песни, сказки, былины, прибаутки, загадки, игры, гадания, сценки, причитания, пословицы, присловья / сост. В.П. Аникин. М.: Художественная литература, 2010. 367 с.

28. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.

29. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. 1935-1940. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov (дата обращения – 02.02.2024).

30. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.: 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. Р-V. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1866. 625 с.

References

1. Bakhilina N.B. History of color terms in Russian. M., 1975. 288 p.

2. Panchenko A.M. About color in the ancient literature of the Eastern and Southern Slavs/ Proceedings of the Department of Old Russian Literature. V. 23. L., 1968. pp. 3-15.

3. Serov N.V. The color of culture: psychology, cultural studies, physiology. St. Petersburg, 2003. 672 p.

4. Frumkina R.M. Color, meaning, similarity. Aspects of psycholinguistic analysis. M., 1984. 176 p.

5. Shertsl V.I. Names of flowers and their symbolic meaning. Voronezh, 1884. 60-70 p.

6. Iskandarova G.R. Slavic adjectives with semantics of color designation // Global scientific potential. 2022. No. 2 (131). pp. 189-191.

7. Kulpina V.G. Linguistic colorology: from history to modernity of color concept spheres: monograph. M., 2019. 288 p.

8. Masevich A.Ts., Zakharov V.P. Diachronic changes in the frequency of color terms in Russian poetic texts // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2021. V. 19. No. 4. pp. 5-35.

9. Suprun V.I. Red, blond and red: etymological relationship of coloronyms // Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Ekaterinburg, 2022. pp. 233-238.

10. Manaseev D.D. Political mythology of color and the functioning of color terms in culture // Culture and Civilization. 2023. V. 13. No. 1A-2A. pp. 252-258. DOI: 10.34670/AR.2023.89.59.038

11. Karnaukhova A.A. Paths and mechanisms of symbolic development of words in language (using the example of color terms in Spanish and Russian poetry of the twentieth century) // Philology: scientific research. 2020. No. 1. pp. 31-38.

12. Kim A.A., Shapovalova Yu.Yu., Mineev-Li V.E. Linguistic and cultural features of the symbolism of some color terms among the British and Slavs // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2022. No. 3 (221). pp. 34-45.

13. Masolova E.A. Semantics and functions of coloratives in Tolstoy's late artistic prose // Culture and text. 2019. No. 2 (37). pp. 26-41.

14. Pavlova L.V., Romanova I.V. Non-canonical designations of color in the "Dictionary of color designations in the lyrics of Vladimir Nabokov" // Russian philology: scientific notes of Smolensk State University. 2020. No. 20. pp. 105-123.

15. Margolis Ya.M. Colors of the rainbow in the language of Russian poetry // Libri Magistri. 2022. No. 1 (19). pp. 40-72.

16. Tanygina E.A. Study of the image of the color designation green in the minds of bearers of Russian culture // News of the South-Western State University. Series: Linguistics and pedagogy. 2021. V. 11. No. 3. pp. 79-94.

17. Martynov M.Yu. Radical black. On the question of the semantics of black in anarchic discourse // Slovo.ru: Baltic accent. 2017. V. 8. No. 4. pp. 41-55. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-4

18. Ivanova D.A., Nasipova A.I. How to live as a redhead: the image and status of a redhaired person in the Middle Ages and in modern times // Bulletin of pedagogical experience. 2022. No. 52. pp. 91-98.

19. Tsyganova N.D., Anikin D.S. Literary type "red-haired" in Russian and foreign literature // Modern pedagogical education: theoretical and applied aspects: collection. scientific Art. All-Russian youth scientific forum. Krasnoyarsk, 2022. pp. 117-121.

20. National Corpus of the Russian Language. URL: http://search.ruscorpora.ru/ (accessed – 07.12.2023).

21. Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S. Color and color names in Russian. M., 2005. 216 p.

22. Kosykh E.A. System of color terms in the Russian language: towards the creation and publication of the "Russian Encyclopedia of Color" // Vestnik Barnaul. state ped. un-ta. Ser.: Psychological and pedagogical sciences. 2002. No. 2. URL: http://www.uni-altai.ru/Journal/vest bspu/2002/gumanit/PDF/kosihea.pdf (accessed – 25.01.2024).

23. Makeenko I.V. Semantics of color in languages of different structures (universal and national): Dis. ...cand. Philol. Sci. Saratov, 1999. 258 p.

24. Perfilova M.N. Dynamics of color vocabulary in the Russian language: Dis. …cand. Philol. Sci. Penza, 2022. 251 p.

25. Russian grammar / ed. N.Yu. Shvedova. In two volumes. V. 1: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology. M., 1980. 789 p.

26. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / ed. A.P. Evgenieva. M., 1981-1984. URL: http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vmas&wi=68111 (accessed – 06.02.2024);

27. Russian folklore: songs, fairy tales, epics, jokes, riddles, games, fortune telling, skits, lamentations, proverbs, sayings / comp. V.P. Anikin. M., 2010. 367 p.

28. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M., 2004. 944 p.

29. Ushakov D.N. Dictionary. 1935-1940. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov (accessed – 02.02.2024).

30. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vol. V. 4. R-V. M., 1866. 625 p.

УДК 811.161.1 (470.324)
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.013

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor,
department chairman,
the chair of Russian language and cross-cultural communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh,
+7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

С.А. Скуридина

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ДЕТАЛЬ В ПОВЕСТИ «ДЯДЮШКИН СОН» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются такие элементы гастрономического кода в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон», как обед и чаепитие, которому противопоставлено приглашение на кофе. Выбор данного произведения для анализа обусловлен тем, что события, в нем описываемые, происходят в провинциальном городе, где медленнее происходит изменений традиций и обычаев, связанных с приемом пищи. Принятие пищи является необходимым условием существования человека. На протяжении многих тысячелетий менялись вкусовые предпочтения людей, формировалось меню национальной кухни разных народов. Гастрономические традиции не только представляют интересный материал для изучения устройства быта человека, но и рассматриваются как элементы культурного кода, проливающие свет на мифологию, религию, общественное устройство и духовно-нравственные ценности определенной эпохи. Автор работы указывает на любовь Ф.М. Достоевского к чаю и отмечает, что Марья Александровна Москалева изображается не только вне чайной церемонии, но и выражает недовольство по поводу его употребления, что является деталью, выражающей авторское отношение к героине повести, стремящейся соответствовать столичной моде на употребление кофе и шоколада.

Ключевые слова**:** гастрономический код, обед, чай, чаепитие, кофе, «Дядюшкин сон», Ф.М. Достоевский.

S.A. Skuridina

A HASTRONOMIC DETAIL IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELLA "UNCLE'S DREAM"

The article examines such elements of the gastronomic code in F.M. Dostoevsky's novella "Uncle's Dream" as lunch and tea drinking, which is contrasted with an invitation to coffee. The choice of this work for analysis is due to the fact that the events described in it take place in a provincial city, where changes in traditions and customs related to eating are slower. Eating is a necessary condition for human existence. Over the millennia, people's taste preferences have changed, and the menu of national cuisine of different peoples has been formed. Gastronomic traditions not only provide interesting material for studying the structure of human life, but are also considered as elements of a cultural code that shed light on mythology, religion, social structure and spiritual and moral values of a certain era. The author of the work points to the love of F.M. Dostoevsky goes to tea and notes that Maria Alexandrovna Moskaleva is depicted not only outside the tea ceremony, but also expresses dissatisfaction with its use, which is a detail expressing the author's attitude to the heroine of the story, striving to match the metropolitan fashion for drinking coffee and chocolate.

Keywords: gastronomic code, lunch, tea, tea drinking, coffee, "Uncle's dream", F.M. Dostoevsky.

Принятие пищи является необходимым условием существования человека. На протяжении многих тысячелетий менялись вкусовые предпочтения людей, формировалось меню национальной кухни разных народов. Гастрономические традиции не только представляют интересный материал для изучения устройства быта человека, но и рассматриваются как

© Скуридина С.А., 2024

элементы культурного кода, проливающие свет на мифологию, религию, общественное устройство и духовно-нравственные ценности определенной эпохи: «Прием пищи всегда находился в основе общественных и межличностных отношений, с ним связаны все важнейшие культы и ритуалы в жизни человека: рождение свадьба, похороны» [1; с. 10].

О гастрономических предпочтениях Ф.М. Достоевского сохранились воспоминания его жены и современников, которые можно интерпретировать по-разному (в зависимости от отношении к еде самих интерпретаторов): на основе одних документальных свидетельств можно сделать вывод, что писатель был очень разборчив в еде («Что касается Достоевского, то он не только великолепно разбирался в гастрономических нюансах, он был гурманом» [2; с. 36]), на основе других, наоборот, можно отметить его непритязательность: например, в письме Анне Григорьевне от 12 (24) июня 1874 года Ф.М. Достоевский рассказывает: «Спросил такой обед: подали кушаний 10, хорошо приготовленных, из которых 5 мясных, так что я устал есть и половину обеда отослал назад» [3; т. 29 (1); с. 328], а в письме от 9 ноября 1878 года дает следующую оценку обеду: «И вот не знаю, так ли они всегда обедают или был у них праздничный день (обедали кроме меня еще две дамы гостьи и один профессор Архипов): закуски, вина, 5 блюд, из которых живая разварная стерлядь по-московски. Если это каждый день у них, то, должно быть, хорошо им жить» [3; т. 30 (1); с. 49].

Изображая повседневную жизнь своих персонажей, писатель упоминает в своих произведениях различные блюда, многие события происходят в романах и повестях во время приема пищи. С одной стороны, художественные тексты Ф.М. Достоевского можно рассматривать как историко-культурный источник, с другой стороны, – знание традиций питания прошлых лет позволяет глубже понимать произведения, поскольку гастрономическая деталь является средством характеристики литературных героев.

В повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» неоднократно упоминается обед. Следует сказать, что обеденное время в середине-конце XIX века наступало (по современным меркам) достаточно поздно и было ближе к нынешнему ужину. Отдельной разновидностью были парадные (званые) обеды, являвшие важной частью жизни русского дворянства. Рассказчик отмечает, что, «провожая своего гостя, наши дамы дали ему великолепный обед, по подписке» [3; т. 2; с. 301]. Безусловно, что, устраивая парадный обед, заботились не только о меню, которое должно было соответствовать сезону, но и «стремились воздействовать на все органы восприятия человека: зрение услаждалось декором обеденного зала и его сервировкой; слух – живой музыкой; обоняние – запахом фруктов и цветов; вкус – яствами и вином» [4; с. 80], а также необходимо было обеспечить возможность общения гостей друг с другом, поэтому автор повести отмечает: «Помнят, что князь был очаровательно весел на этом последнем обеде, каламбурил, смешил, рассказывал самые необыкновенные анекдоты» [3; т. 2; с. 338].

Как видим, обед – это ритуальный прием пищи – «фрагмент реальной действительности, включающий участников, пищевые объекты, процессы, а также темпоральные и локальные параметры» [5]. Неслучайно Москалева эмоционально зовет князя: «Обедать, обедать, князь! Не забудьте возвратиться скорее!» [3; т. 2; с. 319], впоследствии именно обед становится причиной усугубления конфликта между Марьей Александровной Москалевой и Анной Николаевной Антиповой: «Он губернатора дома не застал, потом к Анне Николаевне поехал, дал слово обедать у ней, а Наташка, которая теперь от нее не выходит, затащила его к себе до обеда завтракать. Вот вам и князь!» [3; т. 2; с. 329]. Согласиться столичному князю отобедать у кого-либо из жителей Мордасова – это оказать большую честь провинциальному высшему обществу, чем и обусловлено противостояние Москалевой и Антиповой, при этом важным в соответсвии с дворянским этикетом является то, кому первому обещан визит, на что и указывается в одном из диалогов: «Спешите, спешите и перехватите его на дороге, когда он к ней поедет. Ведь он к вам первой обещался обедать!» [3; т. 2; с. 330]

Несмотря на то что в повести многие события выстраиваются вокруг обеда, Ф.М. Достоевский не описывает подробно, какие блюда были на нем представлены, однако Москалева выражает опасения по поводу возможности испортить обед, поскольку в маленьком городе об этом очень быстро разнесутся сплетни: «Вы бы, Настасья Петровна, взглянули на кухне, – говорит она, проводив князя. – У меня есть предчувствие, что этот изверг Никитка непременно испортит обед! Я уверена, что он уже пьян…» [3; т. 2; с. 319]. Но опасения Москалевой не сбылись: «Обед был очень порядочный. Изверг Никитка не подгадил» [3; т. 2; с. 319].

Поскольку обед является в русской культуре ритуалом, совершаемым в определенное время, лексема *обед* в повести «Дядюшкин сон» используется не только для обозначения одного из приемов пищи, но и в качестве темпоронима: «Выехал вчера после обеда» [3; т. 2; с. 306].

Особое место в картине мира русского народа отводится еще одному гастрономическому ритуалу – чаепитию. Ф.М. Достоевский, по воспоминаниям современников, «чай пить любил помногу» и «самовар наставлял и за молоком к чаю нередко ходил сам» [6; с. 97, 120 и т.д.]. Чай, появившийся в России при царе Михаиле Фёдоровиче Романове, использовался как лекарство, а затем превратился в традиционный русский напиток, хотя поначалу позволить его могли себе только богатые люди, что отражено в пословице, записанной В.И. Далем: «Кяхтинский чай, да Муромский калач, – полдничает богач» [7; т. 2; с. 76]. Тем не менее, к середине XVIII века чай в России употребляли больше, чем в Европе, а в Москве больше, чем в Петербурге, а к концу XIX века лишь немного уступая по популярности водке [8; с. 70–76].

Чай пили иногда за обеденным столом, но обычно для этого использовался отдельный столик, на который ставился самовар. В повести «Дядюшкин сон» описана эта чайная традиция: «На другом конце комнаты другой стол, накрытый скатертью ослепительной белизны; на нем кипит серебряный самовар и собран хорошенький чайный прибор. Самоваром и чаем заведует одна дама, проживающая у Марьи Александровны в качестве дальней родственницы, Настасья Петровна Зяблова» [3; т. 2; с. 303]. Антропоним *Настасья Петровна Зяблова* полисемантичен [см.: Скуридина 2019], однако отметим, что производящей основой фамилии персонажа является адъектив *зяблый* – «о человеке или животном: озябший, прозябший, кому холодно» [9; т. 1; с. 722] – чем и обусловлено ее место за чайным столиком у самовара, правда, как и подобает дальней родственнице, в дальнем углу комнаты.

Интересно, что в повести «Дядюшкин сон» чай пьют далеко не все герои, что, на наш взгляд, связано с отношением к ним автора. Например, Марья Александровна выступает на правах хозяйки дома распорядительницей чайной церемонии и велит заварить и подать нового чаю князю: «Но – чаю, чаю! Ах, боже мой! Настасья Петровна, чаю!» [3; т. 2; с. 311], но ни разу не упоминается, что сама она пьет чай или угощает им гостей. Создается впечатление, что Ф.М. Достоевский считает ее недостойной касаться любимого им напитка, который, по воспоминаниям дочери, «любил сам разливать чай и всегда пил очень крепкий чай» [10; с. 146], а по воспоминаниям второй жены, сам «заваривал чай, сначала споласкивал чайник горячею водой, клал 3 ложечки чаю (причем непременно требовал «свою» ложку, она так и называлась «папиной ложечкой») и наливал лишь ⅓ чайника и закрывал салфеточкой; затем минуты через три дополнял чайник и тоже накрывал» [11; с. 279].

Москалева изображается не только вне чайной церемонии, но и выступает явной противницей чая в эпизоде с мужем, в котором она, используя оценочную лексему, выражает свое недовольство: «И вечно-то хлещет свой чай!» [3; т. 2; с. 358]. Чай является индикатором семейного благополучия, поскольку обычно за чайным столом собиралась семья для дружеской беседы. В повести в доме Москалевой чайным столиком заведует приживалка, а не сама хозяйка дома, поскольку Москалева не является хранительницей домашнего очага, так как его нет: «на держала Афанасия Матвеича при себе единственно за то, что он служил и получал жалованье и... другие доходы» [3; т. 2; с. 298] и сослала его «в подгородную деревню» [3; т. 2; с. 298]. Однако не отличающийся умом муж Москалевой в деревни зажил «припеваю-

чи», о чем свидетельствует гастрономическая деталь, указывающая на комфортную жизнь: «три раза в день пьет чай» [3; т. 2; с. 298]. Именно за самоваром застает его Москалева: «Марья Александровна, входя в комнаты, собиралась поздороваться с Афанасием Матвеичем гораздо мягче, но, увидев, что он из бани и с наслаждением попивает чай, она не могла удержаться от самого горького негодования» [3; т. 2; с. 358]. Чай как атрибут размеренной семейной жизни выступает у Москалевой средством манипуляции: «Вот только назови еще раз меня матушкой, особенно там, куда теперь едем! Целый месяц просидишь без чаю» [3; т. 2; с. 360]. Регулярно употребляющий чай Афанасий Матвеевич после приезда в Мордасов с чаем не справляется: «он хлебнул было чаю; но чай был слишком горячий. Не соразмерив глотка, он ужасно обжегся, выронил чашку, поперхнулся и так закашлялся, что на время принужден был выйти из комнаты, возбудив недоумение во всех присутствовавших» [3; т. 2; с. 371]

На чай приглашает Мозглякова его крестный – купец Бородухин, который «чай пьет по-старинному, как проснется пятом часу» [3; т. 2; с. 339]. Купеческое чаепитие отличалось от дворянского, поскольку предполагало большое количество еды: «К чаю по-купечески готовился отдельный стол со всевозможными закусками и «заедками». Перед чаем необходима была соленая пища – икра, рыба, чтобы потом выпивать по нескольку самоваров, заедая всевозможными печеньями и сластями» [12; с. 166]. Вероятно, подобная церемония ждала Мозглякова.

Чаю традиционно противопоставляется кофе. Ю.М. Лотман отмечает: «в начале XIX века в Петербурге пили и кофе, и чай, но усадебное застолье было предпочтительно чайным» [13; с. 304-305]. Полагаем, что ко времени, изображенному в повести «Дядюшкин сон», произошли некоторые изменения традиций, но не столь глобальные, поэтому чай – любимый напиток писателя – олицетворяет семейный уют провинциального дома, а кофе – напиток, являющийся элементом столичного культурного кода и предпочитаемый Москалевой, обнажает отрицание ею русских традиций.

Кофе возникает в повести в связи с обвинением в краже сахара у Москалевой: «Две недели назад приезжает ко мне эта Наталья Дмитриевна. Подали кофе, а я за чем-то вышла. Я очень хорошо помню, сколько у меня осталось сахару в серебряной сахарнице: она была совершенно полна. Возвращаюсь, смотрю: лежат на донышке только три кусочка. Кроме Натальи Дмитриевны в комнате никого не оставалось. Какова! У ней свой каменный дом и денег бессчетно! Этот случай смешной, комический, но судите после этого о благородстве здешнего общества!» [3; т. 2; с. 341]. Данный эпизод демонстрирует исторический факт: сахар в изображаемую Ф.М. Достоевским эпоху был большой редкостью в связи с его дороговизной, обусловленной тем, что большая часть производимого сахара шла на экспорт, так как русские сахарозаводчики получали так называемые «выгодные премии», а внутри страны искусственно поддерживались высокие цены: «оптовая цена русского сахара на рынках Лондона в 1901 г. – 1 руб. 14 коп. за пуд, а внутри России пуд сахара продавался по 4 руб. 20 коп.» [14; с. 181], поэтому неслучайно выдачей сахара к столу ведала обычно хозяйка дома.

Упоминается в повести «Дядюшкин сон» шоколад, который используется как напиток: «Не надо мне вашего шоколаду à la santé, по гривеннику палка. Я почаще вашего пью у себя дома!» [3; т. 2, с. 373]. Шоколад, появившийся в России в середине XIX века и продававшийся в виде плиток или палок, был довольно дорог и подавался не во всех домах, в связи с чем, поэтому одна из героинь повести воспринимает как обиду то, что ее не угощают шоколадом: «Представьте себе: всем шоколад подают, а мне нет» [3; т. 2, с. 374]. Шоколад «Sante» выпускался в России т-вом Эйнемъ.

Прибегает Ф.М. Достоевский в повести к гастрономическим фразеологизмам и паремиям, некоторые из которых превращаются в каламбуры: «кажется, седьмая вода, может быть, даже и не на киселе, а на чем-нибудь другом» [3; т. 2, с. 306]; «Да его бы здесь расхватали,

разобрали по косточкам, съели!» [т. 2, с. 307]; «Мозгляков был видимо не в своей тарелке и мало ел» [3; т. 2, с. 338]; «Маменька немного пересаливала» [3; т. 2, с. 346].

Как видим, текст повести Ф.М. Достоевского является своеобразным историко-культурным источником, содержащим информацию об особенностях приема пищи в XIX веке, о традициях обеда и чаепития, однако гастрономические детали используются не только для создания исторического колорита, но и вводятся писателем для создания образов персонажей, а также для выражения авторского отношения.

Библиографический список

1. Павловская А.В. Нужна ли нам наука о еде? // Еда и культура (сборник статей). М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. С. 7-44.

2. Деханова О.А. Комментарии к «гастрономическому языку» Достоевского как необходимый инструмент «медленного чтения» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. №3. С. 32-68.

3. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. / Ф.М. Достоевский. Л.: Наука, 1972–1988.

4. Бородина С. О прихотях и вкусах: история гастрономической культуры русской усадьбы // Мир искусств. Вестник международного института антиквариата. 2015. №2 (10). С. 80-92.

5. Гаджибалаева Д.Л. Поведение персонажей в ритуале приема пищи в произведениях А.П. Чехова как отражение национальной картины мира // Научная мысль Кавказа. 2018. №2. С. 78-83.

6. Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 335 с.

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995.

8. Соколов И.А. Чай и водка в русском быту второй половины XIX – начала XX века / И.А. Соколов, А.А. Назукина. М.: Спутник+, 2008. 89 с.

9. Скуридина С.А. Антропонимикон повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 76-81.

10. Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 245 с.

11. Достоевская А.Г. Записная книжка 1881 года // Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 335 с.

12. Османова Ф. Русское рококо // The new times. М., 2009. № 3. С. 60–63.

13. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). СПб : Искусство-СПБ, 2008. 412 с.

14. Калиничева Е.Ю. Из истории развития сахарной промышленности // ЭКО. 2010. 8(434). С. 176-184.

References

1. Pavlovskaya A.V. Do we need the science of food? // Food and Culture (collection of articles). Moscow: Center for the Study of Cultural Interaction, 2015. pp. 7-44.

2. Dekhanova O.A. Comments on Dostoevsky's "gastronomic language" as a necessary tool for "slow reading" // Dostoevsky and world culture. Philological journal. 2018. No.3. pp. 32-68.

3. Dostoevsky, F.M. Complete works in 30 volumes / F.M. Dostoevsky. L.: Nauka, 1972-1988.

4. Borodina S. On whims and tastes: the history of the gastronomic culture of the Russian estate // Mir iskusstva. Bulletin of the International Institute of Antiques. 2015. No.2 (10). pp. 80-92.

5. Hajibalayeva D.L. The behavior of characters in the ritual of eating in the works of A.P. Chekhov as a reflection of the national picture of the world // Scientific thought of the Caucasus. 2018. No.2. pp. 78-83.

6. F.M. Dostoevsky in forgotten and unknown memoirs of contemporaries. St. Petersburg: Andreev and Sons, 1993. 335 p.

7. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. M.: Terra, 1995.

8. Sokolov I.A. Tea and vodka in Russian everyday life of the second half of the XIX – early XX century / I.A. Sokolov, A.A. Nazukina. M.: Sputnik+, 2008. 89 p.

9. Skuridina S.A. Anthroponymicon of F.M. Dostoevsky's novella "Uncle's Dream" // Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2019. No. 5 (182). pp. 76-81.

10. Dostoevskaya L.F. Dostoevsky in the image of his daughter. St. Petersburg: Andreev and sons, 1992. 245 p.

11. Dostoevskaya A.G. Notebook of 1881 // F.M. Dostoevsky in forgotten and unknown memoirs of contemporaries. St. Petersburg: Andreev and sons, 1993. 335 p.

12. Osmanova F. Russian Rococo // The new times. Moscow, 2009. No. 3. pp. 60-63.

13. Lotman Yu.M. Russian Russian Culture Conversations: the way of life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX century). St. Petersburg : Iskusstvo-SPB, 2008. 412 p.

14. Kalinicheva E.Yu. From the history of the sugar industry development // ECO. 2010. 8(434). pp. 176-184.

К ЮБИЛЕЮ А. С. ПУШКИНА
ON A. S. PUSHKIN'S ANNIVERSARY

УДК 821.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.014

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
Doctor of Philology,
The chair of Russian language and cross-cultural communication
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова

СТРУКТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АНТРОПОНИМИКОНА ПЬЕСЫ А. ПЛАТОНОВА «УЧЕНИК ЛИЦЕЯ»

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению особенностей формирования ономастикона пьесы А. Платонова «Ученик Лицея» и направлено на выявление структурных особенностей антропонимов, используемых писателем в пьесе. Кроме того, в работе определяется специфика употребления онимных единиц и функционально определяющих апеллятивов, участвующих в формировании образов персонажей. Отбор материала для исследования обусловлен отношением А. Платонова к своему именитому предшественнику, которого он считал поэтом мирового значения и говорил о влиянии его поэзии на ход развития исторического процесса мышления. Отметим, что творческие взаимосвязи А.С. Пушкина и А. Платонова исследовались А.А. Дырдиным, В.А. Свительским, В.П. Скобелевым, К.С. Когутом, Н.П. Хрящевой, И.А. Спиридоновой, Н.В. Корниенко, Ч.А. Замостик, А.А. Олейниковым, Е.Н. Проскуриной и др., однако ономастикон пьесы не становился объектом исследований ученых. В ходе работы мы пришли к выводу, что писатель использует следующие приемы номинации персонажей: в качестве мужских антропонимов используются номинации, формируемые по двучастной модели *фамилия+имя,* по трехчастной модели *фамилия+имя+отчество,* по моделям *функционально определяющий апеллятив, функционально определяющий апеллятив+имя* и *функционально определяющий апеллятив+фамилия+имя+отчество.* Женские персонажи пьесы обозначаются антропонимами, образованными по одночастной модели *имя,* по двучастной модели *имя+отчество* и по модели *функционально определяющий апеллятив.* Избираемые писателем способы номинации персонажей находятся в соответствии с моделью ономастического творчества А. Платонова: выбор способа номинации для писателя чрезвычайно важен, большое внимание он уделяет обозначению профессии или социального статуса персонажа, поскольку для него важно, чтобы герой был реализован в социуме. Кроме того, в рассматриваемом произведении имя, отражая действительность, выступает способом воссоздания исторического хронотопа.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, А. Платонов, литературная ономастика, ономастикон, антропонимикон

N.B. Bugakova

THE STRUCTURAL PECULIARITY OF THE ANTROPONYMICON OF A.PLATONOV'S PLAY «THE LYCEUM STUDENT»

The proposed study is devoted to the consideration of the peculiarities of the formation of the onomasticon of A. Platonov's play "The Lyceum Student" and is aimed at identifying the structural features of the anthroponyms used by the writer in the play. In addition, the work defines the specifics of the use of synonymous units and functionally defining appellatives involved in the formation of characters' images. The selection of material for research is conditioned by the attitude of A. Platonov addressed his eminent predecessor, whom he considered a poet of world importance and spoke about the influence of his poetry on the development of the historical process of thinking. It should be noted that

© Бугакова Н.Б., 2024

the creative interrelations of A.S. Pushkin and A. Platonov were studied by A.A. Dyrdin, V.A. Svitelsky, V.P. Skobelev, K.S. Kogut, N.P. Khryashcheva, I.A. Spiridonova, N.V. Kornienko, Ch.A. Zamostik, A.A. Oleinikov, E.N. Proskurina, etc., however The onomasticon of the play did not become the object of research by scientists. In the course of the work, we came to the conclusion that the writer uses the following methods of nominating characters: as male anthroponyms, nominations are used, formed according to the two-part model surname + first name, according to the three-part model surname + first name + patronymic, according to the models functionally defining appellative, functionally defining appellative + first name and functionally defining appellative + last name + first name+Patronymic. The female characters of the play are designated by anthroponyms formed according to the one-part name model, the two-part name + patronymic model and the functionally defining appellative model. The methods of character nomination chosen by the writer are in accordance with the model of onomastic creativity of A. Platonov: the choice of the nomination method is extremely important for the writer, he pays great attention to the designation of the profession or social status of the character, since it is important for him that the hero be realized in society. In addition, in the work under consideration, the name, reflecting reality, acts as a way of recreating the historical chronotope.

Keywords: A.S. Pushkin, A. Platonov, literary onomastics, onomasticon, anthroponymicon

Пьеса А. Платонова «Ученик лицея», первоначально имевшая название «Юный Пушкин» [1], условно датируется 1947-1948 гг. Как и многие произведения писателя, пьеса претерпела смену заглавия и не имеет точной даты создания.

Об А.С. Пушкине, который был старше ровно на сто лет, А. Платонов писал: «…за его сочинениями … остается нечто еще большее, что еще не сказано» [2]. Эта недосказанность привлекала внимание писателя, очевидно, поэтому он посвятил творчеству А.С. Пушкина работы «Пушкин – наш товарищ» и «Пушкин и Горький», в которых рассуждал о «роли А.С. Пушкина в русской литературе, о его пророческом даре» [3] и умении выразить душу народа, акцентировал внимание на способности великого русского поэта проникнуть «в тот, пусть еще более удаленный, тайник народа, в котором хранится и действует прогрессивная, счастливая сила жизненного развития» [4]. А. Платонов считал своего предшественника «образом высшего творческого деятеля», а драматургической задачей пьесы «Ученик лицея» является воплощение этого образа. В этой связи целью предлагаемого исследования является рассмотрение ономастикона пьесы и выявление его роли в формировании образа главного героя, а также воссоздании исторического хронотопа.

Творческие взаимосвязи А.С. Пушкина и А. Платонова исследовались А.А. Дырдиным [1], В.А. Свительским, В.П. Скобелевым [5], К.С. Когутом, Н.П. Хрящевой [6, 7], И.А. Спиридоновой [8], Н.В. Корниенко [9], Ч.А. Замостик [10], А.А. Олейниковым [11], Е.Н. Проскуриной [12] и др. Жена писателя, М. Платонова, вспоминала, как Андрей Платонович часто говорил: «Пушкин – поэт мирового значения, благодаря своей неотрывности от народа, … поэзия его оказывала и оказывает теперь влияние на ход развития исторического процесса мышления» [13]. Е.Н. Проскурина в одной из работ, посвященных выявлению влияния творчества А.С. Пушкина на творчество А. Платонова, писала: «Сама фигура Пушкина была знаковой для Платонова во все периоды его творчества. Диалог с поэтом осуществлялся им по-разному и в разных жанрах: на уровне прямого именования – в юбилейной публицистике … и в пьесе «Ученик лицея»; через тематические, мотивные, образные параллели, прослеживающиеся во многих произведениях» [12, с. 143].

Главным героем пьесы «Ученик лицея» является великий поэт, учившийся, как известно, в Царскосельском лицее и посвятивший этому эпизоду своей биографии множество произведений («Чем чаще празднует Лицей», «Воспоминания в Царском селе» и пр.).

Рассмотрение ономастического пространства пьесы считаем необходимым начать с заглавия, поскольку заглавие произведения и последующая его интерпретация способны повлиять на восприятие и понимание произведения читателем [14, с. 6]. Обозначая произведение библионимом *ученик лицея*, образованным по типу связи управление, А. Платонов обращает внимание на факты биографии А.С. Пушкина и своей: известно, что великий поэт учился в Царскосельском Лицее, который был в своем роде уникальным: программа обучения была составлена знаменитым «бюрократом» М.М. Сперанским, а полный курс Лицея

приравнивался к университетскому. В Лицей нельзя было попасть простому человеку, о поступлении Пушкина похлопотал его дядя Василий Львович, хороший знакомый М.М. Сперанского. У А. Платонова, напротив, процесс получения образования был сложен и бессистемен: поступив на физико-математическое отделение Воронежского университета, он переводится на историко-филологическое, но уходит оттуда в железнодорожный политехникум, который заканчивает только в 1921 году. Таким образом, считаем возможным говорить в том числе и об автобиографических мотивах в пьесе. О важности биографического контекста говорят К.С. Когут и Н.П. Хрящева, обращая внимание на то, что через полемику А. Платонова с «неправедной властью», которая «восходит в пьесе к пушкинскому «самостоянью», выраженному аллюзивным отсылом к стихотворению «Андрей Шенье» [7, с. 106], проявляется личная беда А. Платонова, связанная «с арестом несовершеннолетнего сына и ссылкой его в ГУЛАГ, как часть общенародной трагедии» [7, с. 106].

События, описываемые в пьесе, происходили на самом деле, а персонажи пьесы – реально существовавшие люди; таким образом, считаем справедливым утверждать историческую достоверность рассматриваемого произведения.

В традициях драматического произведения текст пьесы предваряет список персонажей, антропонимы которых формируются в соответствии с традиционными для модели ономастического творчества (термин наш, см. об этом [15]) А. Платонова композициями. Так, главный герой пьесы, поэт, ученик Лицея, упомянутый в списке персонажей первым, получает номинацию, которая формируется по двучастной композиции *фамилия+имя: Пушкин Александр*. Отсутствие у героя отчества призвано подчеркнуть его социальный статус и юный возраст. По такой же композиции сформированы антропонимы, которыми обозначены *Пущин Иван, Кюхельбекер Вильгельм, Дельвиг Антон*. Введение этих персонажей в текст пьесы сопровождается авторской ремаркой «друзья Александра, ученики Лицея» [16].

К ставшим в лицейские годы друзьями И. Пущину, В. Кюхельбекеру, А. Дельвигу А.С. Пушкин будет обращаться в своих стихах. Отметим, что дружба эта будет крепкой, потому что сформируется не просто на основе лицейского братства, а на глубоком внутреннем сходстве. Относительно отношений А.С. Пушкина и И.И. Пущина О.Л. Довгий отмечал, что «Пущин – лучший друг Пушкина» [17, с. 70]. Подобное утверждение исследователя базируется на лингвистическом анализе стихотворения «И.И. Пущину», в ходе которого О.Л. Довгий выявляет повторения лексем *мой* и *друг,* сообщает о том, что определения *первый* и *бесценный* воспринимаются как контекстуальные синонимы [17, с. 70], что позволяет закрепить в сознании читателя формулу о том, что Пущин – действительно, лучший друг Пушкина. Отметим, что этому способствует также употребление антропонима в качестве посвященного ему библионима, т.е. в сильной позиции.

В. Кюхельбекер, которого в Лицее по-дружески звали Кюхля, был глубоко образованным русофилом. Директор Лицея Е.А. Энгельгардт характеризовал его следующим образом: «Читал все и обо всем; имеет большие способности, прилежание, добрую волю, много сердца и добродушия … Прекрасно зная историю европейских литератур и теорию словесности, … Кюхельбекер был более всех своих товарищей образован и начитан» [18, с. 88]. «Именно с ним Дельвиг, по словам Пушкина, прочел Клопштока, Шиллера и Гельти; именно у него брал свои первые литературные уроки. Кюхельбекеру же Дельвиг обязан и своим приобщением к поэзии Древней Греции и Рима», – сообщает Р.Г. Назарьян [19, с. 95].

Об А. Дельвиге И.А. Виноградов писал: «Судьба Дельвига кажется каким-то бледным, ослабленным предвосхищением судьбы Пушкина. И там, и тут неудавшаяся семейная жизнь, столкновения с людьми, в руках которых находилась власть, привела к гибели» [20, с. 17].

Отметим также, что в тексте пьесы функционируют антропонимы, сформированные по модели *фамилия+имя+отчество.* Употребление А. Платоновым таких антропонимов обусловлено либо высоким социальным положением героя, либо его почтенным возрастом. В рассматриваемом произведении по такой модели образованы мужские антропонимы *Пушкин Василий Львович, Чаадаев Петр Яковлевич, Жуковский Василий Андреевич, Энгельгардт*

Егор Антонович, Державин Гаврила Романович и женский антропоним *Карамзина Екатерина Андреевна* (супруга писателя и историка – юношеское увлечение Саши Пушкина). Примечательно, что П.Я. Чаадаев в списке персонажей стоит отдельно и обозначен антропонимом, образованным по модели *фамилия+имя+отчество,* в отличие от друзей-лицеистов. Кроме того, авторская ремарка содержит характеристику, обозначающую социальный статус персонажа: «гвардейский офицер». Известно, что П.Я. Чаадаев, с которым А.С. Пушкин познакомился в 1816 году в Царском Селе, оказал большое влияние на будущего поэта. Очевидно, поэтому в пьесе этот персонаж получает номинацию, используемую А. Платоновым традиционно для демонстрации своего уважения к этому герою. Именование по трехчастной композиции *Пушкина Василия Львовича, Жуковского Василия Андреевича, Энгельгардта Егора Антоновича, Державина Гаврилы Романовича* и *Карамзиной Екатерины Андреевны* вполне обосновано как социальным статусом, так и возрастом этих персонажей. Пушкин Василий Львович – дядя поэта, занимавшийся литературной деятельностью и раскрывший его талант. Жуковский Василий Андреевич – русский поэт, ставший основоположником романтизма; А.С. Пушкин случайно познакомился с Жуковским, бывшим проездом в Лицее в сентябре 1815 года. В письме П.А. Вяземскому В.А. Жуковский напишет: «Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творенье! … Это надежда нашей словесности» [21].

Энгельгардт Егор Антонович, как уже отмечалось выше, был педагогом, вторым директором Лицея.

Державин Гаврила Романович – русский поэт, представитель русского классицизма, известный государственный деятель, о котором А.С. Пушкин написал всем известные строки:

«Старик Державин нас заметил

И, в гроб сходя, благословил...» [22].

Эти строки являются аллюзией ко всем известному эпизоду в биографии молодого поэта, когда на экзамене в Лицее присутствовал Г.Р. Державин.

Карамзина Екатерина Андреевна была сестрой упомянутого нами П.А. Вяземского, женой Н.М. Карамзина. Здесь важно обратить внимание на то, что в пьесе упомянута жена, а не сам Н.М. Карамзин. В основе этого лежат исторические факты: известно о ссорах между Пушкиным и Карамзиным и осложнениях в их отношениях: «отношения с Карамзиным чем далее, тем более становятся холодны и чужды» [23]. Кроме того, Ю.Н. Тынянов сообщает о том, что Е.А. Карамзина была «утаенною любовью» [23] А.С. Пушкина. Эта гипотеза (не подтверждающаяся пушкинистами), по мнению исследователя, базируется на том, что Н.М. Карамзин «принял самое деятельное участие в смягчении участи Пушкина, которому в 1820 г. угрожали Соловки или Сибирь. Несомненно, что на участие, которое он принял в судьбе Пушкина, повлияла именно Екатерина Андреевна» [23].

Другие женские персонажи пьесы обозначаются антропонимами, образованными по одночастной композиции *имя:* «*Даша, Маша* – крепостные девушки в людской Ольги Сергеевны». Отметим употребление писателем диминутивных форм женских антропонимов *Дарья, Мария* для обозначения, во-первых, молодых по возрасту, а во-вторых, простого происхождения героинь, в то время как няня поэта, очевидно, более возрастной персонаж (Даша – так обращается к ней бабушка), получает номинацию, образованную по двучастной модели *имя+отчество: Арина Родионовна*. Также по двучастной модели именуется сестра поэта *Ольга Сергеевна*, таким образом обозначается ее более высокий социальный статус относительно других женских персонажей.

Одним из популярных приемов в ономастической лаборатории А. Платонова является употребление в качестве номинативной единицы *функционально определяющего апеллятива*. К такой номинации писатель прибегает в тех случаях, когда она необходима, чтобы более точно, чем онимная единица, характеризовать персонаж. Анализируемая пьеса не становится в этом смысле исключением, и ряд персонажей, как мужских, так и женских, обозначается

функционально определяющим апеллятивом, например: *конвойный солдат, кухарка в доме Ольги Сергеевны, публика на экзамене в Лицее, посол датского короля, знатная дама с усами, музыкант со скрипкой, лакей в доме Ольги Сергеевны, 1-Й преподаватель Лицея, 2-Й преподаватель Лицея.* Видим, что в качестве функционально определяющего апеллятива может выступать обозначение как визуального признака (дама с усами), так и профессии, социальной роли (музыкант, лакей, преподаватель и пр.).

Кроме того, возможно употребление в качестве номинации персонажа сочетания антропонима и функционально определяющего апеллятива. Такие номинации строятся по моделям *функционально определяющий апеллятив+имя* (ямщик Кузьма); *функционально определяющий апеллятив+фамилия+имя+отчество* (генерал Савостьянов Геннадий Петрович). Примечательно, что имена таких персонажей не сопровождаются авторскими ремарками. Для А. Платонова достаточно указания на профессию, содержащегося в функционально определяющем апеллятиве. В картине мира писателя профессия – крайне важная характеристика, порой она важнее и информативнее имени, именно поэтому обозначить профессию или социальную принадлежность героя предпочтительнее, чем назвать его имя.

Таким образом, завершая рассмотрение пьесы А. Платонова «Ученик Лицея» с точки зрения выявления своеобразия ее ономастического пространства, отметим, что писатель использует следующие приемы номинации персонажей: в качестве мужских антропонимов используются номинации, формируемые по двучастной модели *фамилия+имя,* по трехчастной модели *фамилия+имя+отчество,* по моделям *функционально определяющий апеллятив, функционально определяющий апеллятив+имя* и *функционально определяющий апеллятив+фамилия+имя+отчество.* Женские персонажи пьесы обозначаются антропонимами, образованными по одночастной модели *имя,* по двучастной модели *имя+отчество* и по модели *функционально определяющий апеллятив.* Выбор способа номинации для писателя чрезвычайно важен, большое внимание он уделяет обозначению профессии или социального статуса персонажа, поскольку для него важно, чтобы герой был реализован в социуме. Кроме того, в рассматриваемом произведении имя, отражая действительность, выступает способом воссоздания исторического хронотопа.

Библиографический список

1. Дырдин А.А. «Тайная музыка свободы» (Жанр и авторское сознание в пьесе А. Платонова «Ученик лицея» // Вестник УлГТУ, 2012. №1. С. 25-27.
2. Платонов А. Пушкин – наш товарищ / А. Платонов. Собрание сочинений. Т. 8. М., 2011. С. 17 – 25.
3. Голованов И.А. Народный юмор в пьесах А. Платонова // Гуманитарный вектор. Серия «Филология. Востоковедение», 2014. № 4 (40). С. 14.
4. Платонов А. Пушкин и Горький / А. Платонов. Собрание сочинений. Т. 8. М., 2011. С. 31 – 44.
5. Свительский В.А., Скобелев В.П. «Тайная музыка свободы» («Ученик Лицея») // Андрей Платонов вчера и сегодня. Статьи о писателе. Воронеж: Полиграф.1998.
6. Когут К.С., Хрящева Н.П. Мотив юродства в пьесе А. Платонова «Ученик лицея» // Филологический класс. № 1 (39). 2015. С. 93-99.
7. Когут К.С., Хрящева Н.П. Поэтика драматургии А.П. Платонова конца 1930-х – начала 1950-х гг.: межтекстовый диалог / К.С. Когут, Н.П. Хрящева. СПб.: Нестор-История, 2018. 280 с.
8. Спиридонова И.А. Пушкин в творческой эволюции Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2001. Т. 6. С. 466-477.
9. Корниенко Н.В. «Болдинская осень» А. Платонова: Тамбов в жизни и творчестве писателя // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (145). С. 35–44.

10. Замостик Ч.А. Личность и творчество А.С. Пушкина в восприятии А. Платонова // Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта. 1999. №2 (12). С. 27-31.

11. Олейников А.А. «Пушкинский текст» в пьесе «Ученик лицея» А.П. Платонова // Русская литература XX-XXI веков: проблемы современной рецепции. Сборник статей и материалов научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией О.А. Бердниковой, Т.А. Никоновой, О.Ю. Алейникова. Воронеж, 2022. С. 83-90.

12. Проскурина Е.Н. След «Медного всадника» в «Котловане» // Критика и семиотика. Вып. 10. 2006. С. 142-166.

13. Платонова М. О пьесе Андрея Платонова «Ученик лицея» // Наш современник. 1974. №6. С. 124.

14. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика / Г.Ф. Ковалев. Воронеж: Научная книга, 2014. 447 с.

15. Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова: дис. … доктора филол. наук: 5.9.5; ВГТУ; науч. конс. С.А. Скуридина. Воронеж, 2023. 420 с.

16. Платонов А. Ученик Лицея / А. Платонов. Собрание сочинений. Т. 6. М. 2011. С. 134 – 153.

17. Довгий О.Л. Стихотворение А.С. Пушкина «И.И. Пущину»: опыт микрофилологического анализа // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. №8. С. 70-74.

18. Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский Лицей: Наставники и питомцы. 1811-1843 / Д.Ф. Кобеко. СПб, 1911. С. 88.

19. Назарьян Р.Г. Вильгельм Кюхельбекер как адресат послания Пушкина «К другу стихотворцу» и автор оды «На взятие Парижа» (опыт гипотетического исследования) // Временник пушкинской комиссии. 1993. С. 93-106.

20. Виноградов И.А. О творчестве Дельвига // А.А. Дельвиг. Полное собрание сочинений. Л.,1934. С. 5-40.

21. Жуковский В.А. Собр. соч. в 4 т. / В.А. Жуковский. Т. 4. Письма. Письма к разным лицам. П.А. Вяземскому. 19 сентября 1815 г. Петербург. С. 564.

22. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Роман в стихах / А.С. Пушкин. М., Азбука. 2022. 352 с.

23. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники / Ю.Н. Тынянов. М., Наука. 1969.

References

1. Dyrdin A.A. “The Secret Music of Freedom” (Genre and author’s consciousness in A. Platonov’s play “Lyceum Student” // Bulletin of UlSTU, 2012. No. 1. P. 25-27.

2. Platonov A. Pushkin - our comrade / A. Platonov. Collected works. T. 8. M., 2011. pp. 17 – 25.

3. Golovanov I.A. Folk humor in the plays of A. Platonov // Humanitarian vector. Series “Philology. Oriental Studies", 2014. No. 4 (40). P. 14.

4. Platonov A. Pushkin and Gorky / A. Platonov. Collected works. T. 8. M., 2011. pp. 31 – 44.

5. Svitelsky V.A., Skobelev V.P. “The Secret Music of Freedom” (“Student of the Lyceum”) // Andrei Platonov yesterday and today. Articles about the writer. Voronezh: Polygraph. 1998.

6. Kogut K.S., Khryashcheva N.P. The motive of foolishness in A. Platonov’s play “Lyceum Student” // Philological class. No. 1 (39). 2015. pp. 93-99.

7. Kogut K.S., Khryashcheva N.P. Poetics of dramaturgy by A.P. Platonov in the late 1930s – early 1950s: intertextual dialogue / K.S. Kogut, N.P. Khryashchev. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2018. 280 p.

8. Spiridonova I.A. Pushkin in the creative evolution of Platonov // Problems of historical poetics. 2001. T. 6. P. 466-477.

9. Kornienko N.V. “Boldino Autumn” by A. Platonov: Tambov in the life and work of the writer // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2015. No. 5 (145). pp. 35–44.

10. Zamostik Ch.A. Personality and creativity of A.S. Pushkin in the perception of A. Platonov // Bulletin of the Vitsebsk State University. 1999. No. 2 (12). pp. 27-31.

11. Oleynikov A.A. “Pushkin’s text” in the play “Lyceum Student” by A.P. Platonova // Russian literature of the XX-XXI centuries: problems of modern reception. Collection of articles and materials of a scientific and practical conference with international participation. Edited by O.A. Berdnikova, T.A. Nikonova, O.Yu. Aleinikov. Voronezh, 2022. pp. 83-90.

12. Proskurina E.N. The trace of the “Bronze Horseman” in the “Pit” // Criticism and semiotics. Vol. 10. 2006. pp. 142-166.

13. Platonova M. About Andrei Platonov’s play “Lyceum Student” // Our contemporary. 1974. No. 6. P. 124.

14. Kovalev G.F. Favorites. Literary onomastics / G.F. Kovalev. Voronezh: Scientific book, 2014. 447 p.

15. Bugakova N.B. Model of onomastic creativity in the individual author’s picture of the world by A. Platonov: dis. ... Doctor of Philol. Sciences: 5.9.5; VSTU; scientific cons. S.A. Skuridin. Voronezh, 2023. 420 p.

16. Platonov A. Student of the Lyceum / A. Platonov. Collected works. T. 6. M. 2011. P. 134 – 153.

17. Dovgy O.L. Poem by A.S. Pushkin “I.I. Pushchin": experience of microphilological analysis // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology. 2015. No. 8. pp. 70-74.

18. Kobeko D.F. Imperial Tsarskoye Selo Lyceum: Mentors and pupils. 1811-1843 / D.F. Kobeko. St. Petersburg, 1911. P. 88.

19. Nazaryan R.G. Wilhelm Küchelbecker as the addressee of Pushkin’s message “To a Friend the Poet” and the author of the ode “To the Capture of Paris” (a hypothetical research experience) // Temporary of the Pushkin Commission. 1993. pp. 93-106.

20. Vinogradov I.A. About Delvig’s work // A.A. Delvig. Full composition of writings. L., 1934. pp. 5-40.

21. Zhukovsky V.A. Collection op. in 4 volumes / V.A. Zhukovsky. T. 4. Letters. Letters to various persons. P.A. Vyazemsky. September 19, 1815 St. Petersburg. P. 564.

22. Pushkin A.S. Eugene Onegin. Novel in verse / A.S. Pushkin. M., ABC. 2022. 352 p.

23. Tynyanov Yu.N. Pushkin and his contemporaries / Yu.N. Tynyanov. M., Science. 1969.

УДК 82.1
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.015

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института филологии
Кондратьев А.С.
Россия, г. Липецк,
тел. +7(905)682-79-82
e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

Lipetsk State Pedagogical University Candidate of Philology named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky
Associate Professor of the Department of Russian language and Literature of the Institute of Philology
Kondratyev A.S.
Russia, Lipetsk,
tel. +7(905)682-79-82
e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Студент Института Филологии
Хотакко В.А.
Россия, г. Липецк,
тел. +7 (911) 133-19-01
e-mail: vs.antonov2002@gmail.com

Lipetsk State Pedagogical University Candidate of Philology named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky
student of the Institute Philology
Hotakko V.A.
Russia, Lipetsk,
tel. +7(911) 133-19-01
e-mail: vs.antonov2002@gmail.com

А.С. Кондратьев, В.А. Хотакко

1824 ГОД В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ А.С. ПУШКИНА: ВЫЗОВЫ ЭПОХИ И ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Проблема целостного понимания творческой эволюции А.С. Пушкина, укорененной в его духовном опыте, направляет исследовательскую мысль и читательское сообщество на освоение художественно-философских исканий поэта в переломном, в плане его становления, 1824 году, который до сих пор остается освоенным не в полной мере. Представления о месте и значении этого периода в духовной биографии русского классика определяются окончанием Южной ссылки и вынужденным переездом в Михайловское, тоже ссылку. Однако особое внимание следует уделить духовным процессам: если в 1824 г. П.И. Пестель подготовил конституцию – «Русскую правду», или «Заповедную Государственную Грамоту Великого Народа Российского», в чем со всей очевидностью нашло свое отражение греховное нарушение Божьих заповедей, а С.И. Муравьев-Апостол, составив «Православный катехизис», призывает взять оружие и восстановить попранную справедливость, то Пушкин в стихотворении «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» прощается с юношеским вольнодумством и выступает с резким осуждением бесовских помышлений.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, М.С. Воронцов, творческая эволюция, духовная биография, Одесса, Михайловское, П.И. Пестель, С.И. Муравьев-Апостол.

A.S. Kondratiev, V.A. Hotakko

1824 IN THE CREATIVE BIOGRAPHY OF A.S. PUSHKIN: CHALLENGES OF THE ERA AND SPIRITUAL TRADITION

The problem of a holistic understanding of the creative evolution of A.S. Pushkin, rooted in his spiritual experi-

© Кондратьев А.С., Хотакко В.А., 2024

ence, directs the research thought and the reading community to the development of the poet's artistic and philosophical searches in the turning point, in terms of his formation, 1824, which still remains not fully mastered. The ideas about the place and significance of 1824 in the spiritual biography of the Russian classic are determined by the end of the Southern Exile and forced relocation to Mikhailovskoye, also a link. However, special attention should be paid to spiritual processes: if in 1824 P.I. Pestel was the compiler of the "Russian Truth", or "The Reserved State Charter of the Great Russian People", which clearly reflected the sinful violation of God's commandments, and S.I. Muravyov, the Apostle, having compiled the "Orthodox Catechism", calls for taking up arms and restoring trampled justice, then Pushkin in the poem "Why are you sent was there and who sent you?" says goodbye to youthful free-thinking and comes out with a sharp condemnation of demonic thoughts.

Keywords: A.S. Pushkin, M.S. Vorontsov, creative evolution, spiritual biography, Odessa, Mikhailovskoye, P.I. Pestel, S.I. Muravyov-Apostol.

М.С. Воронцов, назначенный в мае 1823 г. Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области, соглашается на перевод А.С. Пушкина из Кишинева в Одессу, по настоятельной просьбе его петербургских друзей, о чем и писал А.И. Тургенев П.А. Вяземскому 15 июня 1823 г.: «<…> сказал Нессельроде в виде сомнения, у кого он должен быть: у Воронцова или Инзова. Граф Нессельроде утвердил первого, а я присоветовал ему сказать о сем Воронцову <…> Кажется, это пойдет на лад <…> за талантом дело не станет, лишь бы не захлебнулся <…> что-то будет с Пушкиным?» [1, т. 1, с. 131] Будущее Пушкина, прозванного П.А. Вяземским Бесом-Арабским, что не только восходит к привязке с местом службы чиновника Коллегии иностранных дел, но и обусловлено бурными событиями его юности, а потому – и метафорическое «бес», – тревожило его близкое окружение. Замысел «Евгения Онегина» и одесские впечатления способствовали духовному обновлению Пушкина: «Громадный перелом в жизни Пушкина, начавшийся с 1823 года, завершается в Михайловской ссылке. Этот перелом означал пересмотр многого: менялся взгляд на свое место в обществе, на политику, историю» [10, с. 141]. В духовной биографии А.С. Пушкина 1824 год остается по-прежнему освоенным не в полной мере, когда в стереотипных опытах освещения его жизненных и творческих исканий прежде всего отмечается *окончание* Южной ссылки, предопределившее вынужденный переезд в родовое Михайловское – тоже, как ни парадоксально, в ссылку.

На несостоятельность общепринятого подхода к описанию событий этого периода в жизни Пушкина обратила внимание в фундаментальном двухтомном труде «Жизнь Пушкина», созданном в эмиграции с 1929 г. по 1948 г., А.В. Тыркова-Вильямс, связанная родословной с А.Д. Тырковым, *одноклассником* Пушкина по Лицею, так что ее суждения вызывает безусловное доверие: «<…> дерзкий молодой поэт, сосланный в глушь потому, что влюбился в жену своего начальника» [8, с. 73]. В письме К.В. Нессельроде от 28 марта 1824 г. М.С. Воронцов характеризовал А.С. Пушкина, чиновника своей канцелярии, положительно, но все же высказался о планах по его отстранению от должности, из благовидных побуждений: «<…> не могу пожаловаться на Пушкина за что-либо, напротив, казалось он стал гораздо сдержаннее и умереннее прежнего <…> удаление его отсюда будет лучшая услуга для него <…> прошу этого только ради него самого; надеюсь, моя просьба не будет истолкована ему во вред <…> ему можно дать более средств обработать его рождающийся талант, удалив его в то же время от всего того, что ему так вредно, от лести и столкновения с заблуждениями и опасными идеями» [1, т. 1, с. 147], сказавшимися на его поэтической манере в подражательстве Байрону, на смерть которого, к недоумению многих, Пушкин так и не откликнулся стихами. В IX главе «Путешествие Онегина» ремаркой к описанию событий из жизни героя Пушкин отметил изменения в своих умонастроениях:

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне – теперь их нет:
Они прошли иль изменились…
Мир вам, тревоги прошлых лет! [6, т. 4, с. 170].

Письмо к министру К.В. Нессельроде о намерении избавиться от А.С. Пушкина было подготовлено М.С. Воронцовым и направлено 28 марта 1824 г. в Петербург с сообщением об этом решении, поддержанном «желающими добра» безответственному чиновнику, едва ли «не сбившемуся с пути», *одновременно* с частным письмом начальнику штаба 2-й армии, генерал-адъютанту

П.Д. Киселеву, своему давнему знакомому: «<…> напишу Нессельроде, чтобы перевести Пушкина в другое место <…> мне не в чем его упрекнуть, кроме праздности, я дам хороший отзыв Нессельроде и попрошу его быть к нему благосклонным. Но было бы лучше для самого Пушкина, я думаю, не оставаться в Одессе» [5, с. 42]. Кстати, оживленная переписка М.С. Воронцова по отлучению Пушкина от должности началась еще 6 марта 1824 г., когда генерал-губернатор в письме П.Д. Киселеву впервые заговорил о переводе коллежского асессора Пушкина на другое место службы, а 10 марта этого же года вышел в свет тиражом 1200 экземпляров долгожданный «Бахчисарайский фонтан», имевший весьма шумный успех и сразу же получивший одобрительные отзывы в критике и высокую оценку первых читателей. А.В. Тыркова-Вильямс сообщает о преподнесенном 1 мая 1824 г. только что изданном «Бахчисарайском фонтане»: «<…> Арзамасец Уваров забежал вперед другого Арзамасца, тоже царедворца, А.И. Тургенева, чтобы первому поднести императрице» [8, т. 1, с. 419] пушкинскую поэму. М.С. Воронцов же в эти дни опять обращается к К.В. Нессельроде: «<…> повторяю мою просьбу – избавьте меня от Пушкина, это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе» [1, т. 1, с. 147].

Пушкин же после истории с саранчой подает прошение об отставке, предварительно уведомив об этом 22 мая 1824 г. А.И. Казначеева, начальника канцелярии М.С. Воронцова: «Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг <…> службою не занимался», и поэтому он был готов к отставке, даже получая свое весьма высокое жалование, хотя и как «паек ссыльного невольника», однако с изрядным почтением отозвался о М.С. Воронцове, дерзкая эпиграмма на которого «Полу-милорд, полу-купец…» была воспринята одесским окружением явно недоуменно: «<…> дорожу мнением Воронцова <…> если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе другого начальника, кроме его сиятельства» [6, т. 9, с. 91–92]. О предстоящих изменениях в своей жизни Пушкин пишет 24–25 июня П.А. Вяземскому: «<…> поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою в отставку» [6, т. 9, с. 96–97]. Перехваченный же фрагмент письма Пушкина к неустановленному лицу от апреля – начала мая 1824 г., когда власти пытались найти благовидный предлог для перевода чиновника из канцелярии новороссийского генерал-губернатора, по его же настоятельной просьбе, на другое место службы, с упоминанием о неких «уроках чистого афеизма», послужил обоснованием пресловутой версии Михайловской ссылки. Приведенные нами факты из деловой и личной переписки М.С. Воронцова, видного государственного деятеля и прославленного военачальника, с просьбой об удалении Пушкина из Одессы свидетельствуют об очевидной условности определения его переезда в Михайловское как ссылка, хотя власти и не могли оставить затеянное М.С. Воронцовым дело о переводе Пушкина без должного к нему внимания в сложившихся на тот момент таких обстоятельствах, как абсолютное нерадение безответственного чиновника и опасное вольнодумство юного поэта, отмеченного признанием литературного сообщества.

Устоявшиеся воззрения на жизненные и творческие искания Пушкина, якобы совращенного с пути праведного безверием, никоим образом не соотносятся с пониманием его духовного опыта, ведь 28 марта 1824 г., когда М.С. Воронцов докладывал министру К.В. Нессельроде о байронических настроениях служащего в его канцелярии коллежского секретаря Пушкина, им был создан черновик так и не завершенного стихотворения «Зачем ты послан был и кто тебя послал?», знаменующего собой прощание с идеалами и героями мятежной и бунтарской юности, склонными преступить божественные заповеди:

Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью –
Все было предано презренью [6, т. 1, с. 592], –

что напрямую восходит к Нагорной проповеди Христа: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3), предостерегающей от горделивого помрачения ума на путях

становления человека: «Сказал безумец в сердце своем: “Нет Бога”» (Пс. 13:1). Мысль о трагических итогах духовной биографии совращенных с *пути праведного* гордыней, когда их осеняет *бесовское* уподобление «зла» – «добру», найдет свое отражение в эпиграфе к первой главе «Евгения Онегина», опубликованной в 1825 г., а в 1833 г. Пушкин его предпошлет всему роману, скрывая свое авторство пометой «Из частного письма»: «<…> признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства превосходства, быть может мнимого» [6, т. 4, с. 7], освоением тщетной несостоятельности которого и завершится обретение героем своего исконного лица.

В начале 1824 г. Пушкин пишет развенчивающее культ Наполеона, кумира молодежи своего поколения, стихотворение «Недвижный страж дремал на царственном пороге». Одержимый непомерной гордыней, «владыка севера» вознамерился видеть себя властелином мира и повелевать судьбами людей: «*Се благо*, думал он, и взор его носился / От Тибровых валов до Вислы и Невы» [6, т. 1, с. 219], потому что он свободен и не зависим ни от кого и ни от чего, однако Божественный промысел не суждено одолеть прельщенному бесовскими искушениями:

Таков он был, когда в равнинах Австерлица
Дружины севера гнала его десница,
И русский в первый раз пред гибелью бежал,
Таков он был, когда с победным договором,
И с миром, и с позором,
Пред юным он царем в Тильзите предстоял [6, т. 1, с. 221].

Поэтическое откровение Пушкина о духовной несостоятельности всякого покорившегося сатане преломилось в толстовской характеристике Наполеона в «Войне и мире», неспособного постигнуть ценностную иерархию *зла* и *добра*, уже в ее историческом проявлении: «Он, предначертанный провидением на печальную, несвободную роль палача народов, уверял себя, что цель его поступков была благо народов и что он мог руководить судьбами миллионов и путем власти делать благодеяния!» [7, т. 6, с. 271]. В творческом сознании А.С. Пушкина возникает образ «хладнокровного кровопийца», не отягощенного муками совести, а у Л.Н. Толстого «палач народов», преступивший христианские заповеди, полагает вправе творить благодеяния обездоленному человечеству.

В конце 1824 г. Пушкин пишет «Воображаемый разговор с Александром I», в котором в ответ на замечания, высказанные Императором по поводу юношеской оды «Свобода», с ее радикальным беснованием, сфокусированным на духовной перспективе восстановления попранной справедливости, говорит о преодоленных им соблазнах и искушениях, *законнического* толка: «Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде: Лучше бы вы прочли хоть 3 и 6 песнь “Руслана и Людмилы” <…> или “Бахчисарайский фонтан”» [6, т. 7, с. 297]. Тем более что с декабря 1824 г. на сцене петербургского Большого театра уже шел балет «Руслан и Людмила, или низвержение Черномора, злобного волшебника», партия Людмилы в котором была исполнена Авдотьей Истоминой, воспетой Пушкиным в «Евгении Онегине». Премьера балета же состоялась еще в декабре 1821 г. на сцене Пашковского, или Императорского театра на Моховой, где ставили спектакль по произведению отнюдь не ссыльного, но чиновника, получившего место при генерал-лейтенанте И.Н. Инзове, исполнявшем обязанности наместника Бессарабской области. Кстати, романс А.Н. Верстовского на стихи Пушкина «Черная шаль» с успехом исполнялся весь год, что также вносит свои коррективы в общественный статус поэта. За считанные месяцы Пушкин, прочитавший на выпускном экзамене в Лицее свое «Безверие», преисполненное искренней убежденности в том, что вера – «первое утешение», склонен был разве что не к «штыку приравнять перо», как через столетие и определит предназначение поэта В.В. Маяковский, разменявший «небеса поэзии» на схватку «коммунизма» с христианским миром. Пушкинское понимание роли поэта в истории вызвало недоумение 17-летнего Ф.И. Тютчева, студента Московского университета, выступившего по этому поводу с резкой отповедью:

Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною

Смягчай, а не тревожь сердца! [9, с. 27]

Теперь же, в 1824 году, и Пушкин, воспринимая человека и мир в категориях христианской аксиологии, отвечает Ф.И. Тютчеву новым поэтическим обращением к П.Я. Чаадаеву «К чему холодные сомненья?», создававшимся на протяжение всего года. Если в послании 1818 г. «тихая слава», или смирение, – не что иное, как «обман», то и грядущее в сознании лирического героя, подменившего в своем духовном опыте *честь* бесовским *бесчестием*, предстает как «обломки самовластья», прославившие их, героя и его адресата, богоборцами, посягнувшими на самонадеянное исправление Божьего промысла – венчание Государя на царствование. В стихотворении 1824 г. «Чаадаеву» герой напоминает своему товарищу юности о греховных помышлениях и представляет психологическую *развертку* своих христианских умонастроений:

Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиленье вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена [6, т. 1, с. 255].

Антитеза «обломков самовластья» и «камня, дружбой освященного» выявляет вектор духовного становления героя, преломленный в его сознании оппозицией христианской культуры Закона и Благодати, наставившей на выбор: «Ибо благодатию вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар» (Еф. 2:8). И в связи с художественным воплощением в лирике А.С. Пушкина его духовного опыта, органично вписывающегося в контекст национального самосознания православного народа, объяснимо, что о смерти Байрона – у него всего лишь одна скупая запись от 19 июля 1824 г.: «1824. 19/7 avril mort de Byron» [6, т. 7, с. 264]. На годовщину же его Памяти, 7 апреля 1825 г., Пушкин «заказал с вечера обедню за упокой его души», «раба божия боярина Георгия» [6, т. 9, с. 140], о чем и сообщил П.А. Вяземскому, переслав ему просвиру, хотя и распрощался уже с кумирами своей мятежной юности. А.А. Воейкова, крестница В.А. Жуковского, посвятившего ей свою балладу «Светлана», переписала весной 1824 г. в свой альбом стихотворение А.С. Пушкина 1823 г. «Демон», подводящее наряду с замыслом «Евгения Онегина» черту периоду его духовного странничества в поисках благодатного пристанища.

В 1824 г. П.И. Пестель, полковник, служивший в штабе 2-й армии под началом генерала П.Д. Киселева, из близкого окружения М.С. Воронцова, приезжал в Петербург представить свою конституцию – «Русскую правду» как «Заповедную Государственную Грамоту Великого Народа Российского». Столь претенциозный подзаголовок исторического документа об антихристианских воззрениях, усвоенных совращенным с пути праведного русским офицером, однозначно свидетельствует о признании им бесовских искушений. Если заповедь имеет прямое значение как религиозно-нравственное предписание, то возникает вполне обоснованный вопрос: а от кого эти заповеди и о чем они? Оказывается, от грешника – с наставлением на путь *неправедный*, к духовной погибели, по бесовскому наущению: «Духовенство должно быть признано частью Правительства <…> Духовные Лицы суть Чиновные особы и вместе с тем Российские Граждане» [2, с. 114]. Предельно откровенно выражены явные нарушения ценностной иерархии Закона и Благодати, предвещающие инквизиторские откровения из пророческой поэмы Ивана Карамазова о планах на бесовское переустройство мира: «Мы исправили подвиг твой и основали его на *чуде, тайне* и *авторитете*» [3, т. XIV, с. 234], чем и объясняется запись Ф.М. Достоевского в подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за 1875–1876 гг. о кризисе духовных доминант отечественной культуры и национального самосознания: «Необразованность, потребность впутаться, мерзавца, как Пестель, считать за человека» [3, т. XXIV, с. 82]. Пушкин был знаком с Пестелем, но внутренних точек их сближения как незаурядных натур так и не было выявлено, о чем вспоминает И.П. Липранди, кишиневский приятель поэта: «<…> когда Пушкин в первый раз увидел Пестеля, то, рассказывая о нем, говорил, что он ему не нравится, и, несмотря на его ум <…> никогда бы с ним не смог сблизиться» [4, с. 316]. Пушкин не видел своего приятеля Евгения Онегина, пониманию духовного становления которого и был посвящен роман, среди радикально настроенных молодых

реформаторов, как и сам не входил в их ряды, разве что только лишь в юности принимал ценностные установки тайных заговорщиков, о чем в приписке к письму Николаю I от 1826 г. и сообщал: «<…> ни к какому тайному обществу не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них» [6, т. 9, с. 221], однако в кабинете Онегина был портрет Байрона и на столе – бюст Наполеона, да и не обошел вниманием он прельстившие его книги о «современном человеке», с «безнравственной душой» и «озлобленным умом». И все же Пушкин в сохранившихся фрагментах X главы, калейдоскопе воспоминаний о юности своего поколения, признавшего бесовские ориентиры, упоминает возомнивших себя спасителями духовных изуверов:

Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна,
<…>
Дела иные уж пошли.
Там Пестель для тиранов
И рать набирал
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
И полон дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил [6, т. 4, с. 178–179].

Во время обыска у С.И. Муравьева-Апостола после его ареста был обнаружен кощунственный «Православный катехизис», порожденный бесовским наваждением, хотя и предполагается, что катехизис – это изложение в вопросно-ответной форме основ христианской веры: «Взять оружие и следовать Смело за глаголющим во имя Господня, Помня слова Спасителя Нашего: блажени Алчущие и жаждущие Правды яко тии Насытяся, и низложив Неправду и нечестие Тиранства восстановить правление Сходное с Законом божиим <…> А кто отстанет тот яко Иуда Предатель будет Анафимо Проклят Аминь» [2, с. 210–211]. Пушкин, наделенный даром пророчества, особо выделенного Ф.М. Достоевским, уже в начале 1824 г. *указал* на роковые испытания в грядущем, предрекая бесовскими установками подмену христианских заповедей: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5:6), начертав открывшиеся ему основные положения бесовского катехизиса С.И. Муравьева-Апостола:

Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустели алтари,
Свободы буря подымалась.
И вдруг нагрянула… Упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился Муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали [6, т. 1, с. 592].

Таким образом, 1824 год в духовной биографии А.С. Пушкина, начавшийся с того, что в журнале «Литературные листки» была опубликована заметка о предстоящей и уже ожидаемой публикации его новой поэмы «Бахчисарайский фонтан», а в декабре стало известно, что в «Сербских летописях» на 1825 год впервые было упомянуто имя чиновника и сочинителя Пушкина, – этот год ознаменовал вступление поэта в эпоху духовной и художественной *мудрости* и творческой *зрелости*. В Михайловском, после шумной светской Одессы, Пушкин сфокусировал свое человеческое внимание на восприятии и освещении феномена жизни:

Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же – то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены [6, т. 1, с. 226], –

тогда как ещё незадолго до этого его художественное сознание было посвящено *освещению* притязаний на *преображение* мира и человека на безблагодатных основаниях и в границах *законнического* поля самоопределения. Однако созданные летом в Тригорском едва ли

не на одном дыхании «Подражания Корану» вбирают поэтическую апелляцию к Страшному суду, когда с «небесной книги список дан», так в чем же причина того, что «кичится человек»? [6, т. 1, с. 248] Преодолев в 1824 г. соблазн греховных помышлений и деяний, Пушкин освобождается от бесовского влияния на творческие процессы в плане художественного освоения судеб человека и мира на культурно-историческом изломе и признается в письме от июля 1825 г. к Н.Н. Раевскому-сыну: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить» [6, т. 9, с. 170]. И вряд ли таковым могло бы стать мировосприятие поэта, который томился в «ссылке», но именно в Михайловском все-таки обретает осознание своего творческого предназначения.

Библиографический список

1. Вересаев В.В. Пушкин в жизни в 2-х т. I. М.–Л.: Academia, 1932. 298 с.
2. Декабристы. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 712 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 1–30. Л.: Наука, 1972–1990.
4. Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1985. С. 300–363.
5. Литературное наследство. Т. 58. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 1061 с.
6. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1–10. М.: Художественная литература, 1974–1978.
7. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22-х т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1980. 447 с.
8. Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина: в 2-х т. Т. 1. М.: Молодая гвардия, 2020. 471 с.
9. Тютчев Ф.И. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1986. 288 с.
10. Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы: из истории взаимоотношений. М.: Художественная литература, 1979. 422 с.

References

1. Veresaev V.V. Pushkin in life in 2 volumes I. M.-L.: Academia, 1932. 298 p.
2. The Decembrists. Selected works. Moscow: ROSSPAN, 2010. 712 p.
3. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 vols. 1-30. L.: Nauka, 1972-1990.
4. Liprandi I.P. From diary and memoirs // A.S. Pushkin in the memoirs of contemporaries: in 2 vols. 1. M.: Fiction, 1985. pp. 300-363.
5. Literary heritage. Vol. 58. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. 1061 p.
6. Pushkin A.S. Collected works in 10 volumes 1-10. M.: Fiction,
1974-1978.
7. Tolstoy L.N. Collected works: in 22 volumes. vol. 6. M.: Fiction, 1980. 447 p.
8. Tyrkova-Williams A.V. Pushkin's life: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2020. 471 p
9. Tyutchev F.I. Poems. Moscow: Soviet Russia, 1986. 288 p.
10. Eidelman N.Ya. Pushkin and the Decembrists: from the history of relationships. M.: Fiction, 1979. 422 p.

УДК 811 ББК 81.2 Рус-5
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.016

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
заведующий кафедрой русского языка и литературы, докт. филол. наук, профессор
Попова Е.А.
Россия, г. Липецк, тел. +7(4742)32-84-61
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Магистрант кафедры русского языка и литературы
Исмаэль М.Т.И.
Россия, Липецк, тел. +7(4742)32-84-61
e-mail: mohammed.ismael889@gmail.com

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
The department of Russian Language and Literature, head of the department, PhD, professor
Popova E.A.
Russia, Lipetsk, +7(4742)32-84-61
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Master's student of the Department of Russian Language and Literature
Ismael Mohammed Tamarkhan Ismael
Russia, Lipetsk, +7(4742)32-84-61
e-mail: mohammed.ismael889@gmail.com

Е.А. Попова, М.Т.И. Исмаэль

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ-АРАБИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

В работе рассматриваются прецедентные феномены арабского происхождения, встречающиеся в произведениях А.С. Пушкина (художественных, эпистолярных, публицистических): прецедентный текст *Коран*; прецедентные топонимы *Мекка, Медина*; прецедентные антропонимы (имена) *Шехерезада, Гарун-аль-Рашид*. Изучение этих прецедентных феноменов ведется с учетом жизненного и творческого пути поэта. Обращается внимание на семантику прецедентных феноменов-арабизмов в произведениях Пушкина и современном русском литературном языке и на то, что Пушкин был одним из первых известных русских литераторов, который стал использовать эту группу арабских заимствований в своих произведениях. Особое внимание уделяется такому прецедентному макротексту мусульман (прежде всего, арабов), как Коран, который находит отражение в творчестве Пушкина (это поэтический цикл «Подражания Корану», представляющий собой первое и самое яркое в русской поэзии обращение к Корану, и другие произведения; употребление слова *Коран* не только в прямом, но и в переносных значениях). Источником прецедентных антропонимов *Шехерезада, Гарун-аль-Рашид* является сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь», с которым Пушкин был знаком по французскому переводу А. Галлана. В ходе исследования авторы приходят к выводу о том, что, употребляя арабизмы как знаки чужой культуры, поэт делает их органичной частью своего текста и русской культуры в целом, что подтверждает слова Ф.М. Достоевского о всемирной отзывчивости Пушкина.

Ключевые слова: арабизмы, русский язык, арабский язык, А.С. Пушкин, прецедентные феномены, прецедентные высказывания, прецедентные онимы, прецедентные тексты, Коран, «Тысяча и одна ночь», всемирная отзывчивость.

E.A. Popova, M.T.I. Ismael

PRECEDENT PHENOMENA-ARABISMS IN THE WORKS OF A.S. PUSHKIN

The paper considers precedent phenomena of Arab origin found in the works of A.S. Pushkin (fiction, epistolary, journalistic): precedent text of the Koran; precedent toponyms Mecca, Medina; precedent anthroponyms (names) Sheherazade, Harun al-Rashid. The study of these precedent phenomena is carried out taking into account the life and creative path of the poet. Attention is drawn to the semantics of precedent phenomena-Arabisms in the works of Pushkin and the modern Russian literary language and to the fact that Pushkin was one of the first famous Russian writers who began to use this group of Arabic borrowings in his works. Particular attention is paid to such a precedent macrotext of Muslims (primarily Arabs) as the Koran, which is reflected in the works of Pushkin (this is the poetic cycle “Imitations of the Koran,” which is the first and most striking appeal to the Koran in Russian poetry, and other

© Попова Е.А., М.Т.И. Исмаэль, 2024

works; use words of the Koran not only in literal, but also in figurative meanings). The source of the precedent anthroponyms Sheherazade, Harun al-Rashid is the collection of Arabic tales “One Thousand and One Nights,” with which Pushkin was familiar from the French translation by A. Galland. In the course of the study, the authors come to the conclusion that, using Arabisms as signs of a foreign culture, the poet makes them an organic part of his text and Russian culture as a whole, which confirms the words of F.M. Dostoevsky about Pushkin’s worldwide responsiveness.

Key words: Arabisms, Russian language, Arabic language, A.S. Pushkin, precedent phenomena, precedent statements, precedent onyms, precedent texts, the Koran, One Thousand and One Nights, worldwide responsiveness.

Заимствованиям из арабского языка (арабизмам), вошедшим в русский язык, посвящена обширная литература [см. 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8 и др.]. Однако при этом в русистике отсутствуют специальные работы, в центре внимания которых были бы прецедентные феномены арабского происхождения, которые тоже следует отнести к арабизмам.

В русской лингвокультуре используются следующие прецедентные феномены-арабизмы:

1) прецедентные тексты: *Коран, «Тысяча и одна ночь»*;

2) прецедентные высказывания: *Тысяча и одна ночь[!]; Сезам, откройся (отворись)!; Али-Баба и сорок разбойников; Калиф на час; Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе; Волшебная лампа Аладдина; Выпустить джинна из бутылки; Нет бога, кроме бога <аллаха>, и Магомет Пророк его*;

3) прецедентные онимы, которые делятся на прецедентные антропонимы, или имена (*Гарун-аль-Рашид, Шехерезада (Шахерезада / Шахразада), Синдбад-мореход*) и прецедентные топонимы (*Мекка, Медина*).

Почти все эти языковые единицы зафиксированы в лингвистических словарях русского языка, главным образом в словарях крылатых слов и выражений, а также толковых. Все названные прецедентные феномены-арабизмы составляют часть активного словаря современных носителей русского языка. Некоторые из этих прецедентных феноменов использовал в своих произведениях А.С. Пушкин, который был одним из первых известных русских литераторов, в чьих произведениях употребляются эти арабизмы. Это объясняется тем, что мусульманский Восток неоднократно привлекал внимание Пушкина на протяжении его творческого пути, о чем, например, свидетельствуют многократные упоминания в его текстах (художественных, эпистолярных, публицистических) таких основных понятий ислама (исламизмов), как Коран, Аллах, пророк Магомет и др. Так, согласно «Словарю языка Пушкина», Пушкин 17 раз употребил в своих произведениях слово *Коран* и 3 раза – устаревший вариант *Алкоран (Алькоран)*; 6 раз – слова *Аллах* и *Алла* (то же, что Аллах [9, т. 1; с. 17]), 8 раз – *мусульман (музульман)*, 2 раза – *магометанин*, по 3 раза – *Байран (Байрам, Баиран)* и *минарет*, по 1 разу – *Рамазан* и *мечеть* и т.д. [9]. Слово *пророк*, представляющее собой старославянское заимствование из греческого языка, поэт использовал в том числе в значении «Об основателе магометанской религии – Магомете» [9, т. 3; с. 875], которое в «Словаре языка Пушкина» представлено как оттенок основного значения. Цель настоящей статьи – рассмотреть функционирование прецедентных феноменов арабского происхождения в произведениях А.С. Пушкина с учетом жизненного и творческого пути поэта.

Слово *Коран* (устаревшие варианты *К(к)уран*, *К(к)урган*, *А(а)лкоран*, *А(а)лькоран*) известно в русском языке с XV–XVI вв., о чем свидетельствуют данные «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера: *курган* (1479–1481 гг.), *куран* (1575–1584 гг.) [10; с. 322] и примеры использования лексем *коран, алкоран*, включенные в «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [11, т. 7; с. 305; т. 1; с. 29]. Наиболее полно значение этого слова представлено в «Большом академическом словаре русского языка»: «**КОРАН** (с прописной буквы). Главная священная книга мусульман, собрание проповедей, обрядовых и юридических установлений, молитв, притч, назидательных рассказов и т.п., произнесенных Мухаммедом в Мекке и Медине» [12, т. 8; с. 445]. Но Коран – это прецедентный текст не только для мусульман. В русской лингвокультуре самым известным произведением, связанным с Кораном и созданным на его основе, является пушкинский цикл «Подражания

Корану» (1824), состоящий из 9-ти стихотворений. Поэт в примечаниях к этому циклу отмечал художественные достоинства Корана: «<…> многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом» [13, т. 2; с. 213]. Пушкин при написании этого произведения пользовался русским переводом Корана М.И. Веревкина 1790 г., сделанным с французского перевода А. дю Рие 1770 г., а также французским переводом Корана М. Савари [см. 14; с. 34-35; 15]. Анализу цикла «Подражания Корану», в основном с точки зрения литературоведения, посвящена обширная литература [см. 16; с. 18-40; 17; 18; 19; 20; с. 63-84; 21; 22 и др.]. Подробно языковые особенности «Подражаний Корану», связанные с использованием церковнославянизмов, анализирует В.В. Виноградов [23; с. 121-131].

«<…> цикл “Подражания Корану” (1824) был непосредственно связан с раздумьями Пушкина над собственной духовной биографией и событиями своей эпохи. Показательно, что Коран привлекал поэта и как исторический памятник, и как памятник философский и поэтический» [21; с. 130]. Как считают исследователи, Коран наряду с Книгой пророка Исаии – основные источники стихотворения Пушкина «Пророк» (1826): «Так возникла весьма нетривиальная ситуация: ветхозаветный текст и фрагменты Корана оказались связаны единым поэтическим сюжетом, причем этот сюжет допускал возможность истолкования и в религиозном, и в литературном контекстах одновременно: духовная ода стала литературной декларацией» [21; с. 131]. «Подражания Корану» и «Пророк» считаются «лучшим из всех произведений европейских поэтов на “восточные темы”» [24; с. 5], так как Пушкин сумел «гениально передать и напряженную эмоциональность, и величавый пафос арабской поэтической образности» [24; с. 6].

Слова и словосочетания, связанные со словами *Коран, Алькоран* синтагматическими и парадигматическими связями, в произведениях Пушкина имеют положительно-оценочную коннотацию. Так, в 5-м стихотворении цикла («Земля недвижна; неба своды…») поэт называет Коран *сияющим* [13, т. 2; с. 210]; в 7-м стихотворении («Восстань, боязливый…») по отношению к Корану использована характерная для ислама перифраза *небесная книга* [13, т. 2; с. 211]. В стихотворном отрывке 1825 г. Пушкин сопроводил слово *Коран* эмоциональным эпитетом *сладостный*, т.е. «приятный <…> доставляющий наслаждение, удовольствие, услаждающий ум, чувства <…>» [9, т. 4; с. 181]: *В пещере тайной, в день гоненья, / Читал я* ***сладостный Коран*** (здесь и далее выделено нами. – Е.П., М.И.)*, / Внезапно ангел утешенья, / Влетев, принес мне талисман* [13, т. 2; с. 322]. В стихотворении «Недавно бедный музульман…» (1821) употребляется слово *Алькоран*, которое сочетается с традиционным для этого слова эпитетом *священный* [13, т. 2; с. 89].

Во всех толковых словарях русского языка, словарях иностранных слов, изданных в XX–XXI вв., слово *Коран* представлено как однозначное [см. 25; стб. 1412; 26; с. 102; 27; с. 365; 28; стб. 1464; 29; с. 456; 30; с. 715; 31; с. 359]. Однако Пушкин употреблял его не только в общенародном значении. Он также использовал его «шутливо, в связи со своей работой над “Подражаниями Корану”» [9, т. 2, с. 391]. В таком значении поэт употребил слово *Коран* в письме к брату Л.С. Пушкину: «Я тружусь во славу **Корана** и написал еще кое-что <…>» (1-10 ноября 1824 г. Из Тригорского в Петербург) [13, т. 10; с. 106]. Кроме того, Кораном Пушкин называл рукопись сборника своих стихотворений [9, т. 2; с. 391]: «Я проиграл потом рукопись мою Никите Всеволожскому (разумеется, с известным условием). Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой **Коран** пошел по рукам – и доныне правоверные ожидают его. Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись <…>» (П.А. Вяземскому. 29 ноября 1824 г. Из Михайловского в Москву) [13, т. 10; с. 111-112]. Во время написания этого письма Пушкин работал над «Подражаниями Корану», отсюда скрытое сравнение себя с Магометом (мотив бегства, изгнания из Мекки в Медину), рукописи – с Кораном, читателей – с правоверными. В-третьих, поэт употреблял слово *Коран* в значении «основополагающая книга»: так, Кораном в черновой статье «О поэзии классической и романтической» (1825) он назвал «стихотворный трактат Буало “Искусство поэзии”, положения которого стали обязательными для писателей-классиков» [9, т. 2; с. 391]: «Буало обнародовал свой **Коран** – и французская словесность ему покорилась» [13, т. 7; с. 36]. Только последнее из указанных значений слова *Коран* является общеязыковым: оно выделяется «Историческим словарем галлицизмов» Н.И. Епишкина [32]; приведенный выше пример из статьи Пушкина «О поэзии

классической и романтической» приводится в этом словаре в качестве одного из примеров употребления слова *Коран* в этом значении. Остальные же переносные значения анализируемого слова индивидуально-авторские, присущие идиостилю Пушкина.

Ф.М. Достоевский в Пушкинской речи, произнесенной на заседании Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 г. по случаю открытия памятника Пушкину в Москве, говоря о всемирной отзывчивости русского гения, в качестве одного из примеров приводит «Подражания Корану»: «<…> разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее?» [33; с. 146].

Таким образом, Коран, будучи основным памятником арабо-мусульманской культуры, прецедентным макротекстом мусульман всего мира, прежде всего арабов (Коран – первый и самый главный памятник литературного арабского языка), нашел отражение и в русской культуре, русском языке, в первую очередь в произведениях Пушкина.

Еще одним прецедентным феноменом-арабизмом является прецедентный топоним *Мекка*, восходящий к названию города в Саудовской Аравии, родины пророка Мухаммеда (Магомета) и религиозного центра ислама, и как нарицательное существительное включенный в толковые словари русского языка. *Мекка* – это эпоним, т.е. имя собственное, ставшее нарицательным, которое употребляется в значении «о месте, являющемся объектом стремлений, частых посещений, паломничества» [12, т. 10; с. 30]. Слово *Мекка* принадлежит к международному фонду коннотативных собственных имен и в то же время входит в состав русских коннотонимов, у которых развились переносные значения и которые расширили словарь нарицательных имен русской лингвокультуры. Проблема коннотонимии русского языка подробно исследована Е.С. Отиным, который под коннотонимом понимал «всегда собственное имя (антропоним, топоним, реже – эргоним, хрононим и др. онимы), в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» [34; с. 186]. К числу коннотонимов можно отнести также другие арабизмы: топоним *Медина*, антропонимы *Шехерезада (Шахерезада / Шахразада)* и *Гарун-аль-Рашид* (см. далее).

Пушкин употребил прецедентный топоним *Мекка* в процитированном выше письме к П.А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. в одном контексте со словом *Коран* в переносном значении. Говоря о своем вынужденном бегстве из Мекки в Медину, он имел в виду свою высылку из Одессы в Михайловское, причиной которой стала эпиграмма на новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова («Полу-милорд, полу-купец…» (1824)), под началом которого Пушкин служил в 1823–1824 гг., находясь на юге России (в южной ссылке).

В «Татарской песне» из поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823) Пушкин использовал топоним *Мекка* в прямом значении: *«Дарует небо человеку / Замену слез и частых бед: / Блажен факир, узревший* ***Мекку*** */ На старости печальных лет. <…>»* [13, т. 4; с. 181]. Арабизм *факир* означает «мусульманский аскет, давший обет нищенства, дервиш» [9, т. 4; с. 803].

Топоним *Медина* использован Пушкиным в письме к П.А. Вяземскому тоже в переносном значении. Являясь «вторым священным городом магометан, у жителей которого пророк, не признанный жителями Мекки, нашел благоприятный прием» [35; с. 873], слово *Медина* развивает переносное значение «место приюта изгнанника». Используя метафору бегства из Мекки в Медину, под которыми имеются в виду Одесса и Михайловское соответственно, поэт тем самым сравнивает себя с Магометом.

Следует отметить, что топонимы *Мекка* и *Медина* представляют собой арабизмы: название *Мекка* связывают с арабским словом *макораб* – «святыня» [36; с. 263], а Медина – по-арабски «город пророка» [36; с. 262].

Кроме Корана, в корпус прецедентных текстов носителей русского языка уже более 200 лет входит сборник арабских сказок *«Тысяча и одна ночь»*, окончательная редакция которого относится к XV–XVI вв. Этот сборник стал известен в Европе в начале XVIII в. по неполному и вольному французскому переводу, сделанному в 1704–1708 гг. французским литератором, ученым-востоковедом А. Галланом (1646–1715), который подверг текст переработке. Как отмечал перево-

дчик этих сказок на русский язык, известный отечественный ученый-арабист М.А. Салье, «подойдя к “1001 ночи” исключительно как к литературному произведению, Галлан при переводе ее ставил себе целью дать своим соотечественникам легкое и приятное чтение на восточные темы. По замечанию одного критика, Галлан рассматривал свой оригинал как обнаженное тело, которое он считал своим долгом одеть по лучшей французской моде XVII–XVIII века. Прекрасно зная литературные вкусы парижан эпохи Людовика XIV, Галлан неплохо справился со своей задачей; его перевод, который скорее следует рассматривать как самостоятельное литературное произведение, до сих пор читается не без удовольствия» [37; с. L-LI]. По справедливому утверждению этого же исследователя, «своей огромной популярностью в Европе сказки “Тысячи и одной ночи”, в значительной степени, обязаны таланту их первого переводчика, А. Галлана <…>» [37; с. XXIII]. Салье назвал А. Галлана «отцом 1001 ночи в Европе» [37; с. LI].

Первый русский перевод французской версии арабских сказок, выполненный А. Филатьевым, появился в 1763–1771 гг. Выражение *Тысяча и одна ночь* в русском языке употребляется иносказательно: что-то необычное, фантастическое, великолепное – «как в арабской сказке» (шутл.) [38; с. 614; 39; с. 591]. В толковые словари русского языка в статью ночь включена идиома, представляющая собой восклицание Тысяча и одна ночь!: так говорят «о множестве каких-либо невероятных, неправдоподобных событий, разговоров и т.п.» [12, т. 12; с. 604]; «Шутл. О сложном переплетении событий, приключений» [29; с. 658].

Таким образом, «Тысяча и одна ночь» – это и прецедентное высказывание, и прецедентный текст, к которому восходит большая часть прецедентных высказываний и прецедентных антропонимов-арабизмов, которые входят в дискурс русской языковой личности на протяжении двух с лишним веков: *Сезам, откройся (отворись)!; Али-Баба и сорок разбойников; Калиф на час; Волшебная лампа Аладдина; Выпустить джинна из бутылки; Гарун-аль-Рашид, Шехерезада (Шахерезада / Шахразада), Синдбад-мореход*.

Сказки из сборника «Тысяча и одна ночь» приводили в восторг как многих деятелей русской культуры, так и простых русских людей. В числе первых был А.С. Пушкин. «Восхищался арабскими сказками и Пушкин, – писал М.А. Салье в предисловии к одному из русских изданий сборника «Тысяча и одна ночь». – Впервые познакомившись с некоторыми из них в вольном переложении Сенковского, он заинтересовался ими настолько, что приобрел одно из изданий перевода Галлана, которое сохранилось в его библиотеке» [40; с. 5].

Как отмечают современные исследователи проблемы «Пушкин и культура арабо-мусульманского Востока», «Пушкину был вполне доступен известный сборник “Тысяча и одна ночь”, отразивший мифологические представления народов Востока – арабов, персов, индусов: французский перевод книги, выполненный А. Галланом, вышел в свет в Париже в 1704 г.» [21; с. 126].

«В лицее (а может быть, еще в доме отца) Пушкин познакомился с книгой Галлана в подлиннике; он мог читать ее и в русских переводах, в изданиях XVIII – начала XIX века (1763–1771; 1776–1784; 1789, 1796, 1803 гг.)» [20; с. 18].

В поэме «Руслан и Людмила» (1820) «Пушкин вводит в русский былинный эпос элементы ближневосточного фольклора, черпая новые образы и мотивы из знаменитого сборника арабских сказок “Тысяча и одна ночь”» [20; с. 3]. Так, по мнению Н.М. Лобиковой, этими сказками навеяны похищение Людмилы сразу же после свадьбы (в первую брачную ночь), образы старого карлы, волшебника Черномора и хазарского хана Ратмира, описание дворца Черномора. Но при этом Пушкин, используя разные источники, в том числе восточные, превращал «чужое» в «свое».

В произведениях Пушкина не встречается выражение *Тысяча и одна ночь*. Однако в конце письма к Н.С. Алексееву, своему кишеневскому приятелю и сослуживцу, написанном 1 декабря 1826 г. из Пскова в Кишенев, поэт помещает четверостишие, в котором использовано выражение *сказочка арабская*, имеющее такое же значение, что и выражение *Тысяча и одна ночь*: *Прощай, отшельник бессарабский, / Лукавый друг души моей – / Порадуй же меня не* ***сказочкой арабской****, / Но русской правдою твоей* [13, т. 10; с. 220]. Словосочетания

сказочка арабская и *русская правда* здесь выступают как контекстуальные антонимы, образуя антитезу. Выражение *арабские сказки* зафиксировано в «Большом словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной в значении «что-то удивительное, неожиданное, невероятное, экзотическое» [41; с. 613]. Сходное толкование значения этого фразеологизма представлено в «Словаре русской фразеологии» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой с таким объяснением его происхождения: «Что-л. удивительное, неожиданное, невероятное можно сравнить с чудесами арабских сказок из сборника “Тысяча и одна ночь”» [42; с. 526]. При этом дается ссылка на словарь Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной, в котором есть статья *арабские сказки* с таким же значением [см. 38; с. 25].

То, что Пушкин был знаком со сказками из сборника «Тысяча и одна ночь», подтверждают и прецедентные антропонимы *Шехерезада, Гарун-аль-Рашид*, которые он использовал в своих поэмах.

Следует отметить, что шуточным прозвищем Пушкина, которое ему дали во время пребывания в Бессарабии, было *бес арабский* (каламбур на слово *бессарабский*): «На днях получил я письмо от **Беса-Арабского** (орфография автора. – Е.П., М.И.) Пушкина» (Кн. П.А. Вяземский – А.И. Тургеневу, 30 апреля 1823 г.) [43; с. 202]; «Граф Воронцов сделан новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Не знаю еще, отойдет ли к нему и **бес арабский** (*Пушкин*)» (А.И. Тургенев – кн. П.А. Вяземскому, 9 мая 1823 г.) [43; с. 203]; «Кто-то выразился про Пушкина, играя словом **бессарабский** (здесь и далее выделено автором. – Е.П., М.И.) с намеком на его физиономию: **бес арабский**» [44; с. 209]. Конечно, словосочетание *бес арабский* – это каламбур, данный Пушкину за его поведение и внешность, но использование прилагательного *арабский* в этом прозвище весьма показательно.

Самым известным персонажем из сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь» является *Шехерезада (Шахерезада / Шахразада)* – жена персидского шаха Шахрияра, которая в течение 1001 ночи рассказывает ему все сказки, содержащиеся в этом сборнике. В русском языке это имя употребляется иносказательно в значениях: 1) нечто необычное, сказочно-великолепное (ирон.); 2) восточная красавица (шутл.-ирон.) [38; с. 681-682; 39; с. 651]; 3) «о ком-л., кто рассказывает о неправдоподобном, сулит сбыться несбыточным надеждам» [45; с. 771]. Имя Шехерезады появляется в поэме Пушкина «Руслан и Людмила» при описании дворца Черномора. О Шехерезаде в поэме Пушкин говорит как о своей предшественнице: *Довольно... благо мне не надо / Описывать волшебный дом; / Уже давно* ***Шехерезада*** */ Меня предупредила в том* [13, т. 4; с. 36]. Упоминание в «Руслане и Людмиле» имени Шехерезады, по мнению исследователей, стало для Пушкина «знаком восточного стиля» [20; с. 28]. Этот прецедентный антропоним поэт употребил в значении «искусная рассказчица; неистощимая сказочница». Поскольку сборник сказок «Тысяча и одна ночь» в русской лингвокультуре называют также *сказки Шахерезады (Шахразады)* / *«Сказки Шахразады»* [см., например: 37; с. LXI; 40; с. 5, 10; 46; с. X], то Пушкин в указанном фрагменте из поэмы делает отсылку к этому сборнику.

Гарун-аль-Рашид – имя правителя Багдада из сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь». В этих сказках Гарун-аль-Рашид описывается как мудрый, справедливый правитель и покровитель искусств. Стремясь узнать нужды беднейшего населения, он бродит, переодевшись купцом, по улицам Багдада. У героя сказок есть реальный исторический прототип – багдадский халиф Харун-ар-Рашид (763–809), который совершенно непохож на идеализированный образ правителя из «Тысячи и одной ночи». «Рашид» по-арабски – «справедливый».

Гарун-аль-Рашид стало нарицательным существительным (эпонимом) для обозначения сказочно богатого человека, который щедрой рукой раздает богатства, помогает людям и т.д. (шутл.-ирон.) [38; с. 130-131; 39; с. 129-130].

В поэме Пушкина «Анджело» (1833) с *Гаруном-аль-Рашидом* сравнивается добрый правитель Дук: *Воображение живое Дук имел; / Романы он любил и, может быть, хотел /*

Халифу подражать ***Гаруну-Аль-Рашиду*** (орфография Пушкина. – Е.П., М.И.) [13, т. 4; с. 371].

Рассмотренные нами прецедентные онимы, ставшие нарицательными существительными, не нашли отражения в «Словаре языка Пушкина», хотя ряд эпонимов включен в это издание (чаще всего с пометой *в нариц. употр.*, т.е. в нарицательном употреблении): см. *Аристарх, Аристотель, Аристофан, Афины, Байрон, Дон Жуан, Наполеон, Митрофан, Париж, Скотинин, Фамусов* и др. [9].

Таким образом, в русском языке среди арабизмов имеются прецедентные феномены, которые делятся на прецедентные высказывания, прецедентные онимы (антропонимы и топонимы), прецедентные тексты. К последним относятся Коран и «Тысяча и одна ночь». Эти тексты как важнейшая часть культуры арабского Востока не раз служили источником вдохновения для многих деятелей русской культуры, среди которых первое место занимает А.С. Пушкин. Появление у этих единиц языка переносных значений – важный показатель их освоения русским языком. А.С. Пушкин использовал в своих произведениях (художественных, эпистолярных, публицистических) название, сюжеты важнейшего прецедентного текста арабского Востока – *Корана*, прецедентные антропонимы *Шехерезада* и *Гарун-аль-Рашид*, восходящие к другому арабскому прецедентному тексту – сборнику сказок «Тысяча и одна ночь», а также прецедентные топонимы *Мекка* и *Медина*. Прецедентные феномены-арабизмы, составляя часть активного словаря современных носителей русского языка, находят отражение в творчестве гения русской культуры. При этом, используя арабизмы как знаки чужой культуры, поэт делает их органичной частью своего текста и русской культуры в целом, что подтверждает слова Ф.М. Достоевского о всемирной отзывчивости Пушкина. В совершенстве владея «методом перевоплощения в представителя другой национальной культуры и другой эпохи» [18; с. 63], Пушкин своим творчеством способствовал обогащению русской культуры и русского языка.

Библиографический список

1. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 298 с.

2. Александрова О.И. Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2010. 20 с.

3. Аль-Кадими М.Г.Ч. Арабизмы в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2010. 21 с.

4. Гаврилова Т.П. История арабской по происхождению лексики в русском языке (на материале памятников XII–XVIII вв.): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1981. 23 с.

5. Хуссайн А.Х. Русская лексика арабского происхождения в теоретическом и прикладном рассмотрении: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2001. 25 с.

6. Аль Каззаз М.А.А.Х. Арабизмы в русской речи: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2018. 26 с.

7. Маджмае Х.К.М. Лексика арабского происхождения в современном русском общественно-политическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2019. 217 с.

8. Эль-Мсафер Х.А.Х. Исламизмы в современном русском языке и дискурсе: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2016. 188 с.

9. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1. 975 с.; Т. 2. 1081 с.; Т. 3. 1282 с.; Т. 4. 1225 с.

10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб.: Терра – Азбука, 1996. 672 с.

11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1, 7. М.: Наука, 1975–1980. Т. 1. 371 с.; Т. 7. 403 с.

12. Большой академический словарь русского языка. Т. 8, 10, 12. Научный координатор издания А.С. Герд. М. – СПб.: Наука, 2007–2009. Т. 8. 840 с. Т. 10. 572 с. Т. 12. 652 с.

13. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2, 4, 7, 10. М.: Изд-во АН СССР, 1957–1958. Т. 2. 462 с. Т. 4. 595 с. Т. 7. 765 с. Т. 10. 902 с.

14. Фомичев С.А. «Подражания Корану»: Генезис, архитектоника и композиция цикла // Временник Пушкинской комиссии. 1978 / Под ред. М.П. Алексеева. Л.: Наука, 1981. С. 22-45.

15. Алексеев П.В. «Le Coran» Савари как источник «Подражаний Корану» А.С. Пушкина // Сибирский филологический журнал. 2013. Вып. 3. С. 36-43.

16. Томашевский Б. Пушкин: [В 2 кн.] Кн. 2. Материалы к монографии (1824–1837). М; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 575 с.

17. Фомичев С. Библейские мотивы в «Подражаниях Корану» // Коран и Библия в творчестве А.С. Пушкина. Под редакцией Д. Сегала и С. Шварцбанда. Иерусалим: Центр изучения славянских языков и литератур при Еврейском университете, 2000. С. 65-70.

18. Эткинд Е. Пушкинская «поэтика странного» // Коран и Библия в творчестве А.С. Пушкина. Под редакцией Д. Сегала и С. Шварцбанда. Иерусалим: Центр изучения славянских языков и литератур при Еврейском университете, 2000. С. 45-64.

19. Шварцбанд С. О первом примечании к «Подражаниям Корану» // Коран и Библия в творчестве А.С. Пушкина. Под редакцией Д. Сегала и С. Шварцбанда. Иерусалим: Центр изучения славянских языков и литератур при Еврейском университете, 2000. С. 37-44.

20. Лобикова Н.М. Пушкин и Восток: Очерки. М.: Наука, 1974. 96 с.

21. Захра М. А.С. Пушкин и Восток: заметки к теме // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. №3. С. 126-131.

22. Каменева М.Б. «Не славой – участью я равен был тебе…» (Русский поэт А.С. Пушкин и мусульманский пророк Мухаммед) // Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань: Изд-во «Бук», 2016. С. 10-13.

23. Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. 457 с.

24. Шидфар Б. Книга далекая и близкая // Тысяча и одна ночь: Избранные сказки / Перевод с арабского М. Салье. М.: Художественная литература, 1975. С. 5-18 (Библиотека всемирной литературы).

25. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Т. 5. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1918 стб.

26. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2 / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. 736 с.

27. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

28. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / Под ред. проф. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. 824 с.

29. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2004. 1536 с.

30. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.

31. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. 848 с.

32. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. URL: https://rus-gallicismes-dict.slovaronline.com/20402-%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD

33. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 26. Л: Наука, 1984. 518 с.

34. Отин Е.С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // Этимология. 1984. Под ред. Ж.Ж. Варбот, Л.А. Гиндина, Г.А. Климова, В.А. Меркуловой, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1986. С. 186-191.

35. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XVIIIA. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1896. 494 с.

36. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 512 с.

37. Салье М.А. Книга «Тысячи и одной ночи» // Тысяча и одна ночь: Собрание сказок: В 8 т. Т. 1 / Перевод, вступительная статья и комментарии М. Салье, под ред. акад. И. Крачковского. М.: ТЕРРА, 1993. С. XXI-LXIV.

38. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М.: ГИХЛ, 1960. 752 с.

39. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: ООО Издательство «Локид-Пресс», 2005. 677 с.

40. Салье М.А. Книга Тысячи и одной ночи // Тысяча и одна ночь. Книга первая: Ночи 1-270 / пер. с араб. М. Салье. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 5-12.

41. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.

42. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 2001. 704 с.

43. Вересаев В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников с иллюстрациями на отдельных листах. В 2 т. Т. 1. Изд-е 6-е, значительно дополненное. М.: Советский писатель, 1936. 448 с.

44. Бартенев П.И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М.: Сов. Россия, 1992. 464 с.

45. Шулежкова С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь…» Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых выражений русского языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 848 с.

46. Горький М. О сказках // Тысяча и одна ночь: Собрание сказок: В 8 т. Т. 1 / Перевод, вступительная статья и комментарии М. Салье, под ред. акад. И. Крачковского. М.: ТЕРРА, 1993. С. VII-XII.

References

1. Krachkovsky I.Yu. Essays on the history of Russian Arabic studies. M.-L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 298 p.

2. Alexandrova O.I. Vocabulary of Arabic origin in the system of modern Russian language: abstract. dis. ...cand. Philol. Sciences: 10.02.01. M., 2010. 20 p.

3. Al-Kadhimi M.G.4. Arabisms in modern Russian: abstract. dis. ...cand. Philol. Sciences: 10.02.01. Voronezh, 2010. 21 p.

4. Gavrilova T.P. History of vocabulary of Arabic origin in the Russian language (based on monuments of the XII-XVIII centuries): abstract. dis. ...cand. Philol. Sciences: 10.02.01. M., 1981. 23 p.

5. Hussain A.H. Russian vocabulary of Arabic origin in theoretical and applied consideration: abstract. dis. ...cand. Philol. Sciences: 10.02.01. M., 2001. 25 p.

6. Al Kazzaz M.A.A.H. Arabisms in Russian speech: abstract. dis. ...cand. Philol. Sciences: 10.02.01. Saratov, 2018. 26 p.

7. Majmae H.K.M. Vocabulary of Arabic origin in modern Russian socio-political discourse: dis. ...cand. Philol. Sciences: 10.02.01. Voronezh, 2019. 217 p.

8. El-Msafer H.A.H. Islamisms in modern Russian language and discourse: dis. ...cand. Philol. Sciences: 10.02.01. Voronezh, 2016. 188 p.

9. Dictionary of Pushkin's language: in 4 volumes / Rep. ed. acad. USSR Academy of Sciences V.V. Vinogradov. 2nd ed., add. M.: Azbukovnik, 2000. V. 1. 975 pp.; V. 2. 1081 pp.; V. 3. 1282 pp.; V. 4. 1225 p.

10. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: In 4 volumes. V. 2 / Transl. from German and additions by O.N. Trubachev. 3rd ed., stereotyp. St. Petersburg: Terra - Azbuka, 1996. 672 p.

11. Dictionary of the Russian language of XI–XVII centuries. V. 1, 7. M.: Nauka, 1975–1980. V. 1. 371 pp.; V. 7. 403 p.

12. Large academic dictionary of the Russian language. V. 8, 10, 12. Scientific coordinator of the publication A.S. Gerd. M. – St. Petersburg: Nauka, 2007–2009. V. 8. 840 p. V. 10. 572 p. V. 12. 652 p.

13. Pushkin A.S. Complete works in 10 volumes. V. 2, 4, 7, 10. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957–1958. V. 2. 462 p. V. 4. 595 p. V. 7. 765 p. V. 10. 902 p.

14. Fomichev S.A. "Imitations of the Koran": Genesis, architectonics and composition of the cycle // Temporary of the Pushkin Commission. 1978 / Ed. M.P. Alekseeva. L.: Nauka, 1981. P. 22-45.

15. Alekseev P.V. "Le Coran" by Savary as a source of "Imitations of the Koran" by A.S. Pushkin // Siberian Philological Journal. 2013. Issue. 3. Pp. 36-43.

16. Tomashevsky B. Pushkin: [In 2 books]. Book 2. Materials for the monograph (1824–1837). M; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 575 p.

17. Fomichev S. Biblical motifs in "Imitations of the Koran" // Koran and the Bible in the works of A.S. Pushkin. Edited by D. Segal and S. Schwartzband. Jerusalem: Center for the Study of Slavic Languages and Literatures at the Hebrew University, 2000. Pp. 65-70.

18. Etkind E. Pushkin's "poetics of the strange" // Koran and Bible in the works of A.S. Pushkin. Edited by D. Segal and S. Schwartzband. Jerusalem: Center for the Study of Slavic Languages and Literatures at the Hebrew University, 2000. Pp. 45-64.

19. Shvartsband S. About the first note to "Imitations of the Koran" // Koran and the Bible in the works of A.S. Pushkin. Edited by D. Segal and S. Schwartzband. Jerusalem: Center for the Study of Slavic Languages and Literatures at the Hebrew University, 2000. Pp. 37-44.

20. Lobikova N.M. Pushkin and the East: Essays. M.: Nauka, 1974. 96 p.

21. Zahra M. A.S. Pushkin and the East: notes on the topic // Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology. 2008. No. 3. Pp. 126-131.

22. Kameneva M.B. "Not in glory, but in fate I was equal to you..." (Russian poet A.S. Pushkin and the Muslim prophet Muhammad) // Current issues of philological sciences: materials of the IV International scientific conf. (Kazan, October 2016). Kazan: Buk Publishing House, 2016. Pp. 10-13.

23. Vinogradov V.V. The language of Pushkin: Pushkin and the history of the Russian literary language. M.; L.: Academia, 1935. 457 p.

24. Shidfar B. Book far and near // One Thousand and One Nights: Selected Tales / Translation from Arabic by M. Salye. M.: Fiction, 1975. P. 5-18 (Library of World Literature).

25. Dictionary of the modern Russian literary language in 17 volumes. V. 5. M. - L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. 1918 col.

26. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. V. 2 / Ed. A.P. Evgenieva. 2nd ed., rev. and add. M.: Russian language, 1982. 736 p.

27. Explanatory dictionary of the Russian language including information about the origin of words / Rep. ed. N.Yu. Shvedova. M.: Publishing center "Azbukovnik", 2007. 1175 p.

28. Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes. V. 1 / Ed. prof. D. Ushakova. M.: TERRA, 1996. 824 p.

29. Large explanatory dictionary of the Russian language / Ch. ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2004. 1536 p.

30. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative. V. 1. M.: Russian language, 2000. 1209 p.

31. Krysin L.P. Explanatory dictionary of foreign words. M.: Russian language, 1998. 848 p.

32. Epishkin N.I. Historical dictionary of Gallicisms of the Russian language. M.: ETS Dictionary Publishing House, 2010. URL: https://rus-gallicismes-dict.slovaronline.com/20402-%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD

33. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 volumes. V. 26. L: Nauka, 1984. 518 p.

34. Otin E.S. Development of connotonymy of the Russian language and its reflection in the dictionary of connotonyms // Etymology. 1984. Ed. J.J. Warbot, L.A. Gindina, G.A. Klimova, V.A. Merkulova, V.N. Toporova, O.N. Trubachev. M.: Nauka, 1986. Pp. 186-191.

35. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. V. XVIIIA. St. Petersburg: Semenovskaya Typolitography (I.A. Efron), 1896. 494 p.

36. Nikonov V.A. Brief toponymic dictionary. 2nd ed. M.: Book house "LIBROKOM", 2010. 512 p.

37. Salye M.A. The book “The Thousand and One Nights” // The Thousand and One Nights: Collected Fairy Tales: In 8 vols. V. 1 / Translation, introductory article and comments by M. Salye, ed. acad. I. Krachkovsky. M.: TERRA, 1993. P. XXI-LXIV.

38. Ashukin N.S., Ashukina M.G. Winged words: Literary quotes. Figurative expressions. M.: GIHL, 1960. 752 p.

39. Serov V.V. Encyclopedic Dictionary of winged words and expressions. M.: LLC Publishing House "Lockid-Press", 2005. 677 p.

40. Salye M.A. Book of One Thousand and One Nights // One Thousand and One Nights. Book one: Nights 1-270 / trans. from Arabic by M. Salie. M.: Inostranka, Azbuka-Atticus, 2020. P. 5-12.

41. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Large dictionary of Russian sayings. M.: OLMA Media Group, 2007. 784 p.

42. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book. St. Petersburg: Folio-Press, 2001. 704 p.

43. Veresaev V. Pushkin in life. A systematic collection of authentic contemporary testimonies with illustrations on separate sheets. In 2 volumes. V. 1. 6th edition, significantly expanded. M.: Soviet writer, 1936. 448 p.

44. Bartenev P.I. About Pushkin: Pages of the poet's life. Memoirs of contemporaries. M.: Sov. Russia, 1992. 464 p.

45. Shulezhkova S.G. “And life, and tears, and love...” Origin, meaning, fate of 1500 popular expressions of the Russian language. M.: FLINTA: Nauka, 2011. 848 p.

46. Gorky M. About fairy tales // One Thousand and One Nights: Collection of fairy tales: In 8 volumes. V. 1 / Translation, introductory article and comments by M. Salye, ed. acad. I. Krachkovsky. M.: TERRA, 1993. Pp. VII-XII.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81.373.225
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.017

Брянский государственный технический университет
доцент кафедры «Иностранные языки»
кандидат филологических наук
Ситянина Н.В.
Россия, г. Брянск
тел. 89103326526

Bryansk State Technical University
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
PhD in Philology
Sityanina N.V.
Russia, Bryansk
Tel. 89103326526

Н.В. Ситянина

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ И ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ В АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Художественный текст представляет собой сложное и интересное явление. Сама лексика и ее функционирование в художественном стиле обладают особыми качествами. В статье рассматриваются производные наименования явлений природы, выбранные из 21 произведения английских и американских авторов. Данные наименования представляют интерес, поскольку играют важную роль в создании художественного образа, передавая чувства, эмоции и внутренние переживания автора или героев художественного произведения. В данной статье автор намечает для себя контуры будущих подробных и углубленных исследований, рассматривая производные наименования с различных ракурсов. Сначала производные наименования рассматриваются с точки зрения словообразования. Представлены структурные модели выявленных производных наименований объектов и явлений природы, определены их количественные характеристики в виде частотности употребления данных наименований в художественных текстах и рассмотрены возможные причины реализации той или иной модели. Поскольку производное слово с точки зрения номинации занимает промежуточное положение относительно номинации непроизводным словом с одной стороны и предложением с другой, мы сочли возможным подвергнуть данные производные наименования ономасиологическому моделированию. Выявленные производные наименования рассматриваются в свете деривационной ономасиологии через построение ономасиологических моделей атомарных аргументов ономасиологического базиса и ономасиологического признака. Развертывание производных наименований в мотивирующие предложения позволяет сделать подход к их изучению более комплексным, что в свою очередь помогает глубже проникнуть в их семантику и лучше понять замысел автора художественного произведения. Также в статье мы касаемся некоторых семантических и стилистических особенностей наименований явлений природы, используемых в английских художественных текстах.

Ключевые слова*:* художественный текст, явление природы, производное наименование, структурная модель, ономасиологическая модель.

N.V. Sityanina

LEXICAL AND SYNTACTIC FEATURES OF NAMING OBJECTS AND PHENOMENA IN ENGLISH LITERARY TEXTS

Literary texts are very complex and interesting due to the variety, richness and expressive possibilities of the language means. The lexical composition and functioning of words in fiction have their own characteristics. The article examines the derived names of natural phenomena selected from 21 works of English and American writers. These

© Ситянина Н.В., 2024

names play an important role in creating an artistic image, expressing feelings, emotions and inner experiences of the writer or the characters of the literary text. In this article we outline the contours of future detailed and in-depth studies, considering derivative names from different angles. First, the derived names are considered in terms of word formation. We analyze the derived names of natural phenomena from the point of view of their structure and semantic features, reveal the structural models and the frequency of their use in literary texts. We also consider the possible reasons for the implementation of certain models. Since the derived word, from the point of view of nomination, occupies an intermediate position relative to the nomination of a non-derivative word on the one hand and a sentence on the other, we found it possible to subject these derived names to onomasiological modeling. We consider the identified names using derivational onomasiology and build onomasiological models of the atomic arguments of the onomasiological basis and onomasiological attribute. The expansion of derived names to motivating sentences makes it possible to make the approach to their study more comprehensive, which in turn helps to penetrate deeper into their semantics and better understand the intention of the author. The article also pays attention to the semantic and stylistic features of the derived names of natural phenomena used in English literary texts.

Keywords: literary text, natural phenomenon, derived name, structural model, onomasiological model.

Художественные произведения отличаются от других речевых произведений тем, что их основная коммуникативная функция заключается в передаче художественно-эстетических или поэтических особенностях текста. Ввиду того, что «изобразительная функция образности сочетается с когнитивной (познавательной)… образные средства актуализируют стоящие за языковыми единицами концептуальные структуры и конденсируют знания о мире» [1, с. 77]. Подтверждение данного тезиса можно встретить также в работах [2; 3].

Любой текст можно считать художественным произведением лишь в том случае, если он содержит художественный образ и оказывает определенного рода эстетическое воздействие на читателя. Такая эстетическая ориентированность противопоставляет художественные тексты текстам других типов, которые имеют первичное информативное содержание. Этот контраст проявляется в выборе языковых средств на разных уровнях. Информация, содержащаяся в литературном произведении, выводится из отдельных слов и словосочетаний, а также из отдельных предложений, которые переосмысливаются в рамках всего текста.

В произведениях художественной литературы крайне необходима сочетаемость слов друг с другом. Поэтому в данных текстах авторы уделяют особое внимание выбору номинативных средств, использованию стилистических приемов и неоднократному повторению некоторых приемов и фраз в одном произведении. Все это используется для достижения лишь одной цели – максимально возможного обогащения смыслового содержания.

Художественный стиль – «особый стиль речи, исторически сложившийся в системе английского литературного языка, обладающий рядом общих черт, также исторически изменчивых, и большим разнообразием частных особенностей, видоизменяющихся в зависимости от форм проявления этого стиля, от эпохи, от индивидуальной манеры автора» [4, с. 84]. Значение и функция образа природы в художественном произведении зависят от его жанра. В пейзажной лирике, например, образ природы занимает центральное положение, тогда как в эпической прозе он обычно играет второстепенную роль. Однако в прозаических произведениях изображение природы иногда выступает фоном конфликта. В целом отношения между персонажами и природой эмоционально переплетены в художественном тексте. Образы природы могут либо выражать гармонию между персонажами художественного произведения и природой, либо подчеркивать их антагонизм. Например, в «Короле Лире» Шекспир изображает штормовую погоду, чтобы отразить внутренний конфликт главного героя. Напротив, в «Цыганах» Пушкина безмятежная летняя ночь резко контрастирует с бурными эмоциями ревнивого Алеко.

При определенных условиях наименование явления природы может стать символом в художественном произведении [5]. Это обусловливает необходимость окказиональных связей между явлением природы и понятием, которое оно представляет, а также необходимость его повторного появления в тексте. Чтобы стать символом, наименование природного явления должно сначала использоваться в непосредственной близости от понятия, которое оно будет символизировать в дальнейшем. Повторение же подтверждает и усиливает случайную

связь, поскольку несколько похожих ситуаций отводят наименованию постоянную репрезентативную роль и гарантируют возможность его постоянного функционирования. Например, в романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие» дождь становится символом несчастья.

В одном художественном произведении повторяющееся использование ключевого наименования природного явления может менять его значение. У Э. Хемингуэя в уже упомянутом нами романе «Прощай, оружие» дождь из обычного погодного явления становится символом плохого настроения, предвестником опасности, несчастья и, наконец, символом безнадежности.

Эстетическая ценность художественного произведения во многом зависит от того, насколько умело автор может использовать словообразовательные возможности языка, а именно выразительный потенциал тех или иных структурных моделей, реализующих экспрессивные функции английского словообразования. В данной статье нами проанализировано 21 произведение английских и американских писателей и выделено 277 производных наименований явлений природы [6]. Приведенная ниже таблица содержит структурные модели данных наименований и частотность их употребления в художественных текстах.

№ п/п	Модель	Количество единиц	%	Примеры
1	Adj + N	168	60,7	balmy chill
2	N + Prep + N	50	18,1	waft of wind
3	Pl + N	17	6,1	glistening snow
4	Prep + N	13	4,7	under the rain
5	N + N	12	4,3	summer day
6	Adj + N + N	10	3,6	brightest sun glare
7	Adj + Adj + N	7	2,5	moist hungry earth
	Всего:	277	100	

Таблица показывает, что в художественных текстах преобладает модель **Adj + N**. Очевидное превалирование данной модели можно объяснить, с одной стороны, частым использованием качественных прилагательных, описывающих природные явления в художественных текстах.

“The bright patch of window glowed in the misty air” (E.M. Remarque “Three Comrades”).

«Сквозь мглистый воздух светило яркое пятно окна» (Э.М. Ремарк «Три товарища»).

“In the spell of fine weather Clifford, too, decided to go to the wood” (D.H. Lawrence “Lady Chatterley’s Lover”).

«Соблазнившись хорошей погодой, Клиффорд решил отправиться в лес» (Д.Х. Лоренс «Любовник леди Чаттерлей»).

Качественная характеристика различных атмосферных процессов в художественных текстах часто сопровождается употреблением прилагательных dry, fine, icy, little, light, loose, powdery, wet и др.

“Light drizzle … and thunder” (P. Anderson “Developmental delay”).

«Мелкий дождик…и гром» (П. Андерсон «Задержка в развитии»).

Также в состав данной модели могут входить прилагательные, обозначающие направления движения.

“The western wind is blowing fair” (O. Wilde “The Importance of Being Earnest”).

«Дует попутный западный ветер» (О. Уайльд «Как важно быть серьезным»).

С другой стороны, большое число наименований, образованных по модели Adj + N, можно объяснить тем фактом, что авторы художественных текстов часто используют эпитеты при описании явлений природы. Среди этих эпитетов выделяются метафорические и тавтологические эпитеты. В тавтологических эпитетах основное свойство определяемого ими явления природы подчеркивается за счет повторения в их составе одной и той же семы, которая акцентирует основные характеристики данного явления, например, wide sea, fair sun. Метафорические эпитеты, напротив, предполагают сравнение объекта с чем-то сильно от него отличающимся, что часто приводит к семантическому несоответствию или нарушению маркированности, а также к нарушению общепринятых представлений [7; 8]. При наименовании явлений природы авторы художественных произведений могут использовать анимистические и антропоморфные метафорические эпитеты. С помощью анимистических эпитетов неодушевленные объекты описываются как живые существа, например, trembling stars, angry sky. Антропоморфные эпитеты приписывают явлению природы свойства и действия, свойственные человеку, например, *whispering trees* (шепчущиеся деревья).

При анализе модели **N + Prep + N** мы обнаружили, что в качестве второго существительного авторы наиболее часто используют такие существительные, как beads, buckets, curtain, drops, handful, lines, sheets, spots, torrents, wall и др.

“We’re going to get buckets of rain” (W. Golding “Lord of the Flies”).

«Дождь будет проливной» (У. Голдинг «Повелитель мух»).

“Sheets of rain fell on them” (J. Steinbeck “The Grapes of Wrath”).

«На них обрушились потоки дождя» (Дж. Стейнбек «Гроздья гнева»)

В данной модели существительные, обозначающие явление природы, часто соседствуют с такими существительными, как acre, billows, cape, falls, fields, mounds, patches, whiteness и др. Эти существительные в основном используются для того, чтобы обозначить количество или цвет.

“The sky was still heavy with an imminent fall of snow…” (A. Koestler “Darkness at Noon”).

«Низкое небо грозило неминуемым снегопадом…» (А. Кестлер «Слепящая тьма»).

В модели **N + N** перед существительным, которое обозначает явление природы, в атрибутивной функции часто употребляется существительное, обозначающее время суток, название месяца, время года или географическое название.

“It was rapture enough to sit there beside him in silence, alone in the summer night in the white splendor of moonshine, with the wind blowing down on them out of pine woods” (L.M. Montgomery “The Blue Castle”).

«Настоящим блаженством было сидеть рядом с ним тихой летней ночью, в белом великолепии лунного света, когда из соснового леса на них дул ветер” (Л.М. Монтгомери “Голубой замок”).

“They were fresh now as a succession of April showers and gleams, followed by a lovely spring morning, could make them” (Sh. Bronte “Jane Eyre”).

“Теперь они были свежи настолько, насколько могла их сделать череда апрельских ливней и солнечных лучей, за которыми последовало прекрасное весеннее утро” (Ш. Бронте “Джейн Эйр”).

Примерами моделей **Adj + N + N** и **Adj + Adj + N** являются:

“It was not without a certain wild pleasure I ran before the wind delivering my trouble of mind to the measureless air-torrent thundering through space” (Sh. Bronte “Jane Eyre”).

«С неизъяснимым наслаждением бежала я навстречу ветру, отдавая свою тревогу этим безмерным воздушным потокам, проносившимся с воем над землей» (Ш. Бронте “Джейн Эйр”).

“The drill came up first with topsoil, then with gravel and then with white sea sand full of shells and even pieces of whalebone” (J. Steinbeck “East of Eden”).

«Бур прошел сквозь чернозем, сквозь гравий, а потом начался белый морской песок, в котором было множество ракушек и попадались даже кусочки китового уса» (Дж. Стейнбек «К востоку от Эдема»).

“Was it worth while opening an umbrella, was it necessary to hail a hansom, people coming out from the theatres asked themselves, looking up at the mild, milky sky in which the stars were blunted” (V. Woolf “The Years”).

«Стоило ли раскрывать зонт, нужно ли было останавливать экипаж?» - спрашивали себя люди, выходящие из театров, глядя на мягкое, молочное небо, в котором тускнели звезды“ (В. Вульф «Годы»).

В данной статье мы подвергли анализу реляционную структуру словообразовательных моделей, которые используются для образования производных наименований объектов природы и природных явлений в художественных текстах. «В терминах деривационной ономасиологии производное имя, т.е. языковая единица расчлененного способа именования, имеет бинарную номинативную структуру» [9, с. 5]. Вслед за Е.С. Кубряковой мы будем считать, что «ономасиологическая структура производного складывается из ономасиологического базиса (ОБ) – понятия, которое кладется в основу обозначениями ономасиологического признака (ОП) – понятия, которое так или иначе уточняет основное содержание обозначаемого, ограничивая его или конкретизируя или модифицируя основу называния» [10, с. 265].

В свете этой теории основу ономасиологического исследования составляет «ономасиологическая модель производного слова (ОМ), под которой понимается структурно-семантическая формула, во-первых, отражающая его морфологическое строение, во-вторых, называющая ономасиологические разряды компонентов, входящих в его состав, и, в-третьих, указывающая тип семантических отношений, в которые вступает основа (ОП) и суффиксальный элемент (ОБ) для наречения того или иного лица или предмета» [11, с. 21].

Рассмотрение реляционной структуры выделенных наименований представляется нам оправданным с семантической точки зрения. Развертывание производных наименований в мотивирующие предложения позволяет глубже проникнуть в их семантику, тем самым лучше понять замысел автора. При анализе выявленных в ходе исследования моделей нами были построены ономасиологические модели атомарных аргументов ОБ и ОП, которые используются в художественной литературе для образования наименований объектов и явлений природы. Эти модели можно разделить на следующие группы:

1. **Дескриптор (Dcr_Phen):** crescent billows, dewy orchard trees, placid sun, single russet leaves.
2. **Время (Temp_Phen):** April showers, lovely spring morning, midday sunshine.
3. **Место (Loc_Phen):** cliffs of Albion, forest fire, middle Georgia country.
4. **Вещество (Compos_Phen):** torrent of sea water, a faint cloud of dust, waft of wind.

В рамках данной статьи мы только определяем ономасиологические модели. Их подробное описание и анализ мы собираемся представить в отдельной работе.

В художественных текстах функционирование производных наименований явлений природы отличается широким использованием разнообразных фонетических, синтаксических и лексических изобразительных средств. Среди лексических средств наиболее широко представлены идентификаторы, повторы, метафоры, эпитеты и олицетворения.

Метафоры или скрытые сравнения используются авторами художественных произведений для выявления значимых черт объекта действительности, к которому применяется название другого объекта [12]. В большинстве случаев связь между объектами очевидна, что позволяет читателю понять, что именно автор имел в виду, используя метафорическое название. Например, использование глагола “shine” у Шекспира в сочетании “the eye of heaven”

недвусмысленно указывает на солнце*: Sometimes too hot the eye of heaven shines* («Порой, сияет зноем взгляд небес») (У. Шекспир, сонет 18).

Ранее была упомянута важность эпитетов в художественных текстах. Кроме эпитетов типа “blue skies”, “curving billows”, “green meadows”, “warm sun”, “white snow” и т.д., указывающих на общеизвестные характеристики явлений природы, встречаются сочетания типа “complacent sun”, “formidable waves”, “wild wind”, которые указывают на неожиданные и поражающие читателя своей новизной свойства объектов. Некоторые эпитеты, такие как “sullen earth” и “voiceless sands”, приписывают объектам природы свойства, которые не всегда очевидны. Были обнаружены эпитеты, имеющие структуру “N + of + N”, которые содержат эмоциональную и оценочную окраску, например “a devil of a sea”. В таких случаях основное существительное находится в “of”-фразе, а атрибутивное существительное является метафорой и эпитетом.

Авторы художественных произведений широко используют синонимы и антонимы. Значения синонимов при этом часто уточняются в контекстах, которые нейтрализуют их семантическое различие.

“In March the soft rains continued, and each storm waited courteously until its predecessor sank beneath the ground” (J. Steinbeck “East of Eden”).

«В марте продолжались слабые дожди, и каждый шторм вежливо дожидался, пока его предшественник не уйдет под землю» (Дж. Стейнбек «К востоку от Эдема»).

Некоторые авторы используют антонимы в рамках одного предложения в качестве стилистического приема для придания особой яркости или выразительности предложению:

“But his eyes, dimmed a little by many paintless days under sun and rain, brood on over the solemn dumping ground” (F.S. Fitzgerald “The Great Gatsby”).

«Но его глаза остались, и, хотя их цвет немного полинял от дождя и солнца, они и сейчас все также грустно созерцают мрачную свалку» (Ф.С. Фицджеральд «Великий Гэтсби»).

При описании природы в художественных произведениях авторы для придания особой выразительности используют не только эпитеты, синонимы и антонимы, но и усилительные наречия. Однако валентность этих наречий ограничена. Например, только наречие “severe” может использоваться в значении «очень сильный мороз», а наречие “strict” употребляться не может.

В качестве выводов проведенного исследования хотелось бы отметить следующее. При анализе 21 произведения английских и американских писателей мы выявили 277 производных наименований объектов и явлений природы, которые представлены такими структурными моделями, как Adj + N, N + Prep + N, PI + N, Prep + N, N + N, Adj + N + N, Adj + Adj + N. Самая распространенная модель – Adj + N, которая оказалась таковой из-за большого количества эпитетов, используемых для описания объектов и явлений природы в художественных текстах. В качестве ономасиологических моделей при этом выступают группы Dcr_Phen, Temp_Phen, Loc_Phen и Compos_Phen. Функционирование производных наименований объектов и явлений природы в художественных произведениях также сопровождается использованием самых разнообразных стилистических средств.

В данной статье мы также определили для себя направления дальнейших исследований по изучению богатого семантического потенциала производных наименований объектов и явлений природы в английских художественных текстах.

Библиографический список

1.Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.

2.Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке. // Когнитивные исследования языка, 2014. № 19. С. 20 – 28.

3.Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации. // Вопросы когнитивной лингвистики, 2016. № 4. С. 10 – 20.

4.Бэн З. Стилистика и теория устной и письменной речи. М.: Либроком, 2012. 135с.

5.Молчанова Г.Г. Проблемы межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры. // Когнитивные исследования языка, 2011. № 9. С. 122 – 135.

6.Plag I. Word-formation in English. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 254 p.

7.Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М.: Либроком, 2011. 184 с.

8.Фадеева Т.М. Взаимодействие сложного эпитета в художественном тексте с другими средствами выразительности. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2011. № 4. С. 47 – 54.

9.Шадрин В.И. Парадигматическая система номинативных средств английского языка. Ленинград, Изд-во ЛГУ, 1990. 80 с.

10.Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. 360 с.

11.Шадрин В.И. Ономасиология производного имени в английском языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 144 с.

12.Молчанова Г.Г. Метафорическая экспансия как скрытый код текста. // Когнитивные исследования языка, 2018. № 35. С. 232 – 241.

References

1) Nikolina N.A. Philological analysis of the text. Moscow, 2003. 256 p.

2) Boldyrev N.N. Interpretation of the world and knowledge about the world in language // Cognitive language Studies. 2014. Vol. 19. P. 20 – 28.

3) Boldyrev N.N. Cognitive Schemas of Linguistic Interpretation // Issues of cognitive linguistics. 2016. Vol.4. P. 10 – 20.

4) Bjen Z. Stylistics and theory of oral and written speech. Moscow, 2012. 135 p.

5) Molchanova G.G. Problems of Intercultural Communication: Symbol as a Cognitive Memory of Culture // Cognitive language Studies. 2011. Vol. 9. P. 122 – 135.

6) Plag I. Word-formation in English. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 254 p.

7.Vinogradova V.N. The stylistic aspect of Russian word formation. Moscow:, 2011. 184 p.

8) Fadeeva T.M. The interaction of a complex epithet in a literary text with other sources of expression // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2011. Vol. 4. P. 47 – 54.

9) Shadrin V.I. The paradigmatic system of nominative means of the English language. Leningrad: Leningrad State University Press, 1990. 80 p.

10) Language nomination. Types of names. Moscow, 1977. 360 p.

11) Shadrin V.I. Onomasiology of the derived name in English. St. Petersburg State University Press, 1996. 144 p.

12) Molchanova G.G. Metaphorical Expansion as a Hidden Text Code // Cognitive language Studies. 2018. Vol. 35. P. 232 – 241.

УДК 81’282.2
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.018

Воронежский государственный технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, тел. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercultural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, tel. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Л.В. Недоступова

ГОВОР ВЫМИРАЮЩЕГО ХУТОРА САПРИНО КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ РЕАЛИЙ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

В данной работе представлены отличительные языковые характеристики сельских жителей. Объектом статьи оказывается один из исчезающих говоров Воронежской области. Предметом исследования выступают речевые особенности диалектоносителей. Целью данного исследования является определение ярких фонетических и грамматических характеристик говора хутора Саприно Подгоренского района, отображающего реалии жизни середины XX века. В ходе проведенного нами анализа выявлены следующие особенности местного диалекта: оканье; на месте /i/ из ятя произношение [’и], ассимилятивно-диссимилятивное яканье; сохранение этимологического *е, не перешедшего в [’о]; исторический переход [е] в [о]; протетический [й] перед [и]; «г» фрикативного образования; «в» вариативный; на месте мягких согласных – твёрдые и, наоборот, на месте твёрдых – мягкие; замена -л- на -в-; шоканье; утрата начального гласного или согласного и др. Сочетание южнорусских и украинских черт свидетельствует о специфичности говора. Результат взаимовлияния напрямую связан с заселением этой территории, располагающейся в приграничном районе Воронежского края. Сделано заключение о том, что за годы существования, став переходным русско-украинским, местный диалект приобрёл самобытные черты. Он отражает реалии жизни человека середины XX века: крестьянское жилище и его составляющие; образование; воспитание; войну и оккупацию; голод и скромное питание; занятость; сложное детство; особенности трудовых процессов. Тема семьи, Родины – центральная в картине мира хуторян, в которой представлены ценности людей небольшого социума и одновременно всей страны, отображённые в живой народной речи.

Ключевые слова: народный говор, диалектные особенности, фонетические черты, грамматические характеристики, реалии жизни.

L.V. Nedostupova

THE DIALECT OF THE DYINGNING FARM OF SAPRINO AS A REFLECTION OF THE LIFE REALITIES OF THE MIDDLE OF THE XX CENTURY

This paper presents the distinctive linguistic characteristics of rural residents. The subject of the article is one of the disappearing dialects of the Voronezh region. The subject of the study is the speech characteristics of dialect speakers. The purpose of the scientific essay is to determine the striking phonetic and grammatical characteristics of the dialect of the Saprino farm, Podgorensky district, reflecting the realities of life in the mid-20th century. In the process of exploration activities, the following traits of the local dialect were identified: okanie; in the place of /i/ from yatya, the pronunciation [’i], assimilative-dissimilative yakanie; preservation of the etymological *e, which has not turned into [’o]; historical transition [e] to [o]; prosthetic [th] before [and]; "g" fricative formation; “in” variable; in place of soft consonants - hard ones and, conversely, in place of hard ones - soft ones; replacing -l- with -v-; shock; loss of initial vowel or consonant etc. The combination of South Russian and Ukrainian features indicates the specificity of the dialect. The result of mutual influence is directly related to the settlement of this territory, located in the border region of the Voronezh Territory. It was concluded that over the years of its existence, having become a transitional Russian-Ukrainian dialect, the local dialect acquired distinctive features. It reflects the realities of human life in the mid-20th century: peasant housing and its components; education; upbringing; war and occupation; hunger and frugal nutrition; employment; difficult childhood; features of labor processes. The theme of family and homeland is central to the picture

© Недоступова Л.В., 2024

of the world of the farmers. It contains the values of people of a small society and the whole country, reflected in living folk speech.

Key words: local dialect, dialect features, phonetic features, grammatical characteristics, realities of life.

Исследовательская работа по изучению местных особенностей речи ведётся специалистами достаточно давно. Важно отметить, что «обращение к народным говорам способствует изучению русского национального языка в целом» [1; с. 300]. Одновременно «диалектное слово позволяет исследователю увидеть и понять человека «изнутри», поскольку ничто не входит в язык иначе, как через слово» [2; с. 74].

Обратим внимание на то, что учёные разных регионов нашей огромной страны осуществляют активную исследовательскую деятельность и являются участниками проекта «Лексический атлас русских народных говоров» Российской академии наук. Среди них: Т.А. Вендина, С.А. Мызников, Л.Я. Костючук, А.В. Преображенский, Д.А. Анненкова (Добкина), Т.Е. Баженова, М.В. Боброва, И.В. Бродский, И.А. Букринская, О.Е. Кармакова, Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова, М.А. Гранова, Н.Ю. Грибовская, Е.А. Жданова, Л.А. Климкова, Е.В. Колесникова, Е.В. Колосько, В.М. Мокиенко, М.Д. Королькова, Л.В. Недоступова, В.А. Пыхов, Н.Л. Сухачев, О.А. Теуш, С.С. Токарева, Е.В. Цветкова, Н.В. Шевченко [3; с. 3-6]. Подчеркнём, что «в работах освещен широкий круг исследований диалектной лексики, семантики, структуры отдельных тематических групп и словообразования» [3; с. 2]. Вместе с тем, фиксация уходящих в прошлое различных типов диалектной речи в новом столетии чрезвычайно актуальна и должна быть продолжена.

Нами ведется изучение особенностей народной речи небольших сельских поселений Воронежского края. Языковым материалом настоящей работы стали записи бесед со старожилами – коренными жителями Саприно, произведённые в полевых условиях в 2020 и 2022 гг. Объектом научного сочинения оказывается один из исчезающих народных говоров. Предметом изыскания являются речевые особенности диалектоносителей.

Целью исследования выступает определение ярких фонетических и грамматических характеристик говора хутора Саприно Подгоренского района Воронежской области, отображающего реалии жизни середины XX века.

Обратимся к историческим фактам: «Хутор Саприно, населённый пункт в составе Гришевского сельского поселения Подгоренского муниципального района Воронежской области. <…> Хутор Саприно возник в середине XVIII века» [4]. Известно, что он расположен «в 14 км от его центра – поселка Опыт. В Подгоренском районе есть одноименный населенный пункт – село Саприно, относящееся к Витебскому сельскому поселению, где живут около 450 человек; <…> хутор Саприно, по некоторым данным, основали переселенцы из того самого села.

Саприно находится в полукилометре от трассы Воронеж – Луганск, на другой стороне которой, точно напротив, располагается хутор Варваровка. Асфальт до Саприно проложили в 1992 году, а в 2011-м сюда пришел газ. Во времена СССР на хуторе были магазин, ДК, почта и даже сельсовет. Но всего этого уже нет лет 30-40. <…> В Саприно трижды в неделю приезжает автолавка» [5].

Интересно, что в постепенно вымирающем населённом пункте всё еще жив говор, посредством знакомства с которым можно погрузиться в мир диалектоносителей. Среди его ярких отличительных ***фонетических особенностей*** сапринского диалекта выделяются следующие.

1) Оканье – характерная черта некоторых украинских говоров: *[к**о**рова́, кр**о**ва́т, кр**о**хма́ль, л**о**вы́л, м**о**ло́шин**о**во, м**о**ё, м**о**я́, нас**о**быра́лы, но́в**о**г**о**, **о**би́д, **о**дна́, **о**ды́н, **о**твэзла́, **о**тг**о**р**о**ды́лися, **о**тсно́х**о**уся, **о**тступа́лы, **о**тт**о**пля́лы, **о**тэли́л**о**ся, п**о**гы́п, п**о**жило́г**о**, п**о**ло́с**о**чка, п**о**ня́в, п**о**собля́л, п**о**хова́лись, п**о**хор**о**́нна, пр**о**гна́лы, пр**о**лэжа́л, пр**о**х**о**ды́ла, пр**о**шл**о**го́, пэ́рв**о**г**о**, ск**о**ты́ны, с**о**лда́т, со́р**о**к, ст**о**пэ́ц, ст**о**я́в, ра́но, р**о**дыла́ся, р**о**ска́з, т**о́**г**о**, т**о**ди́, т**о**пы́л**о**ся,*

*ка́жд**о**г**о**, Ко́н**о**н**о**ва, к**о**нэ́шн**о**, Москв**а́**, х**о**л**о́**дни, х**о**ды́ть, Х**о**пёр, ур**о**ды́л**о**сь, х**о**зя́ин]* и др.

2) Отмечено произношение [’и] на месте /i/ из ятя, включая позицию под ударением: *[м**и́**сто, м**и́**сяц, нав**и́**рно, над**и́**то, н**и**уди, на двор**и́**, на д**и́**ли, нав**и́**рно, нат**и́**лы, н**и́**мцы, ищ**и́**, об**и́**д, с**и**м, с**и́**ялы, ст**и**пь, тепл**и́и**, т**и**, ч**и**м]* (меня, место, месяц, на дворе, на деле, наверно, затеяли, немцы, ещё, обед, семь, сеяли, степь, те, чем) и др. Эта черта нами зарегистрирована и в других народных говорах Воронежской области [6-9].

3) Ассимилятивно-диссимилятивное *яканье*: *[л**я**г**а́**ла, р**я**б**я́**та, р**я**д**а́**, **я**г**а́**, **я**нб**а́**рь]* и др.

4) Сохранение этимологического *е, не перешедшего в [’о]: *[ид**е́**шь, живе́м, т**е**пл**и́**]* (идёшь, живём, тёплые) и др. Данный языковой факт свойствен диалектной системе украинского языка. Вместе с тем, «произношение [е] в окончаниях глаголов I спряжения распространено в говорах южнорусского наречия» [10; с. 195].

5) Исторический *переход* [*е*] в [*о*] только после исконно мягких согласных, в том числе сохранение [о] и в безударном положении: *[за́муж**о**м, **ё**г**о**, ничё**г**о, у моё]* (ср. лит.: замужем, его, ничего, у моего) и др.

6) Наблюдается протетический *[й]* перед гласным переднего ряда *[и]: [**й**и́, **й**и́хал**ы**, **й**ишá**ч**ил**ы**, нал**ы**в**а́й**им]* и др.

7) *Звук «г»* фрикативного образования: *[г**у**р**и́**ша, г**у**р**у́**ба, дв**ы́**г**у**алася, дор**о́**г**у**а, друг**у́**, заг**у**р**о́**тка, зг**у**р**о́**жена, ег**у́**, ёг**у́**, забиг**у́**ют**ь**, к**а́**ждог**о**, ляг**у́**ла, м**о́**г**о**, наг**у**р**а́**бэли, н**о́**вог**о**, н**о́**г**ы**, н**и́**дэ, нычег**у́**, одног**у́**, О́л**ь**г**у**а, отг**у**р**о**д**ы́**лися, пог**ы́**п, пожил**о́**г**о**, прог**у**н**а́**лы, прошлог**у́**, прысл**у́**г**у**а, п**э́**рвог**о**, пэрэг**у**р**о́**тка, пэрэг**у**р**о́**жина, Серёг**у**а, сиг**у́**дни, симн**а́**цатог**о**, Сталинг**у**р**а́**д, т**о́**г**о**, трэг**у**г**о́**льник, трыц**а́**тог**о**, усэг**у**д**а́**, г**у**лём, четы́рнацатог**о**, чог**у́**-то, чг**у́**н, шест**о́**г**о**, щэг**у́**, яг**у́**]* и др.

8) Губно-зубной звук *«в»* нередко заменяется губно-губным звуком и функционирует как *«у»* неслоговой: *[дух**о́у**ка, Кас**я́**но**у**ич, кла́си**у**, отсно́хо**у**ся, пост**а́у**лэ, **у**от, **у**ска́кую, **у**сé, **у**сэгд**а́**, **у**ставá**л**, **у**р**о́**де, **у**рэ́мя]*. Особенно заметна подобная замена при употреблении предлога «в» *[Зэрн**о́** выр**а́**шивалы **у** колхо́зе. Був**а́** вр**о́**де **у** прысл**у́**ах. Нас **у** колхо́зи посыл**а́**лы. Н**о́**г**ы** у наз у ус**э́**х **у** тепл**и́** бувы́. Пичь був**а́** от тут **у** хаты́ни. **У** том чуг**у**н**и́**. Бижи́ть **у** х**а́**ту. **У** б**у́**нкэр сы́палося]*. В то же время звук «в» может произноситься и как губно-зубной: *[Ко́нон**о**в**а**, кварти́**р**а, корова́, п**э́р**вый стоя́**в**]* и др. Заметим, что, с одной стороны, это позиционно обусловлено положением перед согласным и в конце слов, с другой – перед гласным. 9) На месте *мягких согласных* перед *и, е,* и на конце слов чаще используются *твёрдые: [ко́**н**ы, ко**н**э́ц, ко**н**э́шно, ку́х**н**э, кровá**т**, **к**ыда́йте, **к**ы́нул, **к**ыр**п**ы́ч, ло**в**ы́л, **л**эжа́нка, лю́**д**ы, ма́**т**эры, ма́**т**эр**э**н**э**, **м**ы́мо, **м**э́**н**ше, **м**эшка́х, наб**ы**тый, наг**у**р**а́б**эл, называ́**л**ы, накра́**с**ыла, нал**ы**ва́йим, напа́**л**э, на**п**ыса́в, насо**б**ыра́**л**ы, начина́**л**ы, ниг**д**э́, нос**к**ы́, **н**ычег**у́**, **н**э**в**эли́ка, **н**эг**у**ра́мотна, **н**э **п**эр**э́**ч, **н**эльз**я́**, **н**эмы́х, **н**эсли́, йи́**л**ы, од**ы**н, од**ы**нцатый, от**в**эзла́, **о**тступа́**л**ы, оттопля́**л**ы, о**т**эли́лося, **П**э́тро, пикл**ы́**, по**в**эрну́вси, пл**э́**чи, поеда́**л**ы, позама́тывал**ы**, пока́зывал**ы**, покла́**л**э, покупа́**л**ы, пособля́**л**ы, по**с**ыда́ли, по**р**э**з**эмова́лися, посыла́**л**ы, про**б**ы́**л**ы, прогна́**л**ы, прол**э**жа́л, под**ы**ви́ца, проход**ы́**ла, п**р**ы**б**ы́ла, п**р**ыслу́га, п**р**ышла́, **п**э́рвый, **п**эр**э**гор**о́**тка, **п**эр**э**гор**о́**жина, **П**э́тя, пше**н**ы́ца, рва́**л**ы, род**ы́**лося, **р**эша́**л**ы, сва**р**ы́ла, си́ялы, со**б**ыра́**л**ы, спа́**л**ы, спус**т**ы́лыся, ста́**л**ы, сто**п**э́ц, стоя́**л**ы, **с**ыстра́, **с**эм, так**ы́**х, то**п**ы́лося, т**р**эгу́льник, т**р**ыца́тог**о**, т**р**ы, **Т**ы́хон, **Т**ы́ша, **т**э́**б**э, **т**эпла́, **т**эх, убра́**л**ы, у**б**ы́ли, у**б**ы́ты, у**м**э́рла, уродылося, у**с**э́гда́, ухо́**д**ыш, хва**т**ы́**л**ы, ход**ы́**л, ш**л**ы]* и др. Важно отметить, что «после падения редуцированных в украинском языке не произошло вторичного смягчения согласных, более того, согласные отвердели и перед гласными переднего ряда» [6; с. 200]. 10) На месте твёрдых согласных замечены мягкие: *[молод**и́**, ободра́**н**и, пле́**н**и, ра́**д**и, стра**щ**ны́, тепл**и́**, холо́**дн**и, челове́ч**н**и]* (ср. лит.: молодые, ободранные, пленные, рады, страшные, тёплые, человечные) и др.

11) Наблюдается замена *-л-* на *-в-*: *[вби**в**, высыпа́**в**, вы́ше**в**, забы́**в**, напыса́**в**, поня́**в**, стоя́**в**]* (вбил, высыпал, вышел, забыл, написал, понял, стоял) и др. Уточним детали: «Эта украинская черта обусловлена фонетической причиной: характером произношения альвеолярного [л] в конце слова» [11; с. 324-325].

12) Имеет место *шоканье*: *[моло́**ш**иново, **ш**о, **ш**оп, **щ**ег**у́**]* (ср. лит.: молочного, что, чтоб, чего) и др. В этих случаях ослабление затвора приводит к употреблению согласного

[ш] на месте *[ч]*.

13) Утрата начального гласного или согласного: *[ко́ло]* – около, *[ско́чэ]* – вскочет, *[дэ]* – где; *[ля́нтэ]* – гляньте, *[от]* – вот; *[шо, щи]* – ещё и др.

14) Звонкие согласные остаются звонкими в слабой позиции *[дя́**д**ька, обі́**д**, раз, шо**б**]* или оглушаются: *[дэ́ни**х**, Бо**х**]* и др. Глухие согласные в аналогичной позиции становятся звонкими*: [**з**уоро́жена, **з** ним, **з**ра́зу]* и др., что является признаком украинских говоров.

15) Наблюдается диссимиляция согласных по способу образования: *[ни**х**то́, **х**то т]*. Данная черта характерна для многих южнорусских говоров.

16) Замечено употребление *[хв]* на месте *[ф]: [Со**хв**о́нивка, **хв**и́ны]* и др. Именно на эту особенность как раз в середине прошлого столетия указывала Н.П. Гринкова: «Любопытно отметить, что это фонетическое явление охватывает не только старый состав слов, как хвартук, хванарь, хранцуз или собственные имена, как Хвилип, Хведот и т.п., а захватывает фонетическое оформление совсем новых слов, в самое последнее время попавших в местный язык: хвонт, хвакт, па ɣрахвику» [12; с. 197].

17) Выявлено упрощение согласных и (или) отдельных гласных, выпадение слогов: *[оды́нцатый]* – одиннадцатый, *[подыви́ца]* – подивиться, *[поста́улэ]* – поставили, *[прислу́жуе]* – прислуживает, *[с ружо́м]* – с ружьём, *[сёдня]* – сегодня, *[спра́шите]* – спрашивайте, *[у моёе]* – у моего, *[уска́кую]* – вскакиваю, *[учёчик]* – учётчик, *[щитово́д]* – счетовод, *[щита́ем]* – считаем. Наблюдается также обратное явление – увеличение основы слова: *[вынто́внка]* – винтовка, *[моло́шиново]* – молочного, *[обо́и]* – оба, *[порэзэмова́лися]* – перезимовали, *[уоны́]* – они, *[уска́куя]* – ускакивает и др. Как показывает практика, данные фонетические особенности связаны с удобством произношения.

18) Функционирует перенос ударения в словах: *[до́бро]* – добро́, *[кило́метр]* – киломе́тр, *[корова́]* – коро́ва, *[малэ́нькою]* – ма́ленькой, *[настя́ш]* – на́стежь, *[ничёуо]* – ничего́, *[нико́му]* – никому́, *[нэ було́]* – не́ было, *[пробылы́]* – пробы́ли, *[Пэ́тро]* – Петро́, *[сэ́бэ]* – себе́, *[мэ́нэ]* – меня́, *[тэ́бэ]* – тебе́, *[умэ́рла]* – умерла́, *[ухо́дыть]* – уходи́ть и др.

19) Зафиксированы формы слов, возникшие в результате утраты интервокального [й] с последующим стяжением гласных: *[ула́вно]* – главное, *[зерновы́]* – зерновые, *[здоро́ви]* – здоровые, *[италя́]* – итальянцы, *[кра́йни]* – крайние, *[молоды́]* – молодые, *[нэвэли́ка]* – невеликая, *[нэчелове́чни]* – нечеловечные, *[нэура́мотна]* – неграмотная, *[нима́]* – немой, *[ободра́ни]* – ободраные, *[пле́ни]* – пленные, *[прошлого́дни]* – прошлогодние, *[пэ́рви]* – первые, *[похоро́нна]* – похоронная, *[страшны́]* – страшные, *[таки́]* – такие, *[теплы́]* – тёплые, *[холо́дни]* – холодные и др., что служит показателем украинских говоров. Добавим, чаще всего среди подобных форм прилагательные и местоимения.

Среди отличительных ***грамматических особенностей*** отмечаются следующие.

1) Окончание *-ою* вместо *-ой* у существительных и местоимений в творительном падеже: *[вэсно́**ю**, доя́рко**ю**, за мно́**ю**, за спино́**ю**, малэ́нько**ю**, зымо́**ю**]* и др. Здесь наблюдается сохранение древнерусского окончания. Данная тенденция имеет место в русских говорах Воронежской области [13; с. 141].

2) Выявлено отсутствие *-т* в окончаниях глаголов 3-го лица единственного числа: *[Одна́ ка́жэ одно́, друга́ ска́жэ. Нэ ма́тэ нэ зна́**е**, нэ ба́тэ. Бох ёго зн**а**. Господы́н вот си ха́ти бу́дэ жить. Нача́льника цэ ж ему́ прислу́жу**е**. Цэй жэ тоу́ прихо́д**а**. Вин нэ понима́**и** шо сказа́л. Пэ́тя ско́чэ тай ка́жэ. Вин то́потэ. Ни́миц ско́чэ в уру́би. Ма́тэ як уля́нэ]* и др. Эта черта характерна как для южнорусских, так и для украинских говоров.

3) Зарегистрировано *-ть* на месте *–т* в глагольных формах – черта южнорусских диалектов.: *[Сидя́**ть** на дворі́. За мно́ю сидя́**ть**. Стоя́лы як ка́жу**ть** модя́ры. Ночува́ть они прыхо́дю**ть**. Ой, пра́вда иду́**ть**. А иду́**ть** суды́ по доро́ги. Ко́лы го́ню**ть** ни́мцив. Тут стоя́**ть** той чууно́к. Туды́ пробижи́**ть**. Ни́миц бижи́**ть**. Они́ ёго бью**ть**. Мэня́ посыла́ю**ть**. Па́шу**ть** и карто́хэ. Лю́ды но́сю**ть**]* и др.

4) В возвратных глаголах отмечено ***-ся*** на месте *-сь*: *[Корова́ у нас уже́ отэли́ло**ся**.*

*Ничёго не роды́ло**ся**. Тоди́ тётя То́ня роды́ло**ся**. Як начала́**ся** война́. Вон они́ чим заныма́лы**ся**. Таки́ каза́ли**ся** мини́. Ну и отгороды́ли**ся**. Мы тоди́ похова́ли**ся** туды́. Як они́ вы́шли, и дэ́ваны ди́ли**ся**. Уже́ нэ спусты́лы**ся**. У нас як раз топы́ло**ся**. Як поравня́лы**ся** с на́ми. Я дывлю́**ся**. Коло́на и двы́гала**ся**. Як уроды́ло**ся** пшены́ца. Зэрно́ сы́пало**ся**. Шоб нэ рассы́пало**ся**]*.

5) На месте *-ся* употребляется ***-си****: [Оды́н повэрну́в**си**. На на́шу ту взбира́ют**си**. Цэ ж ди́вим**си**]*. Данная особенность свойственна украинским говорам.

6) Предлог *до* употребляется на месте предлога *к: [**До** нас як зашёл чи нима́, чи модя́р. Бижи́ть **до** нас]* и др.

7) Чётко прослеживается разрушение категории рода: *[Ты прыбы́ла па́лыца. То́ня як роды́лося. Пожилы́м людя́ми ста́рше. Шло тэпла́. Вынто́внка оно́ чи́рис пличо́. Той мишо́к тут же. Карто́хэ пролэжа́ло о́сень. Тётя роды́лося. Корова́ отэли́лося. Вся зэрно́ поеда́лы жуки́. Той чууу́н. Прище́плиный площа́тка]* и др.

Посредством народного говора представляется возможным воссоздать жизнь саприн-цев в реалиях прошлого. Для подтверждения этого достаточно обратиться к речевым произ-ведениям диалектоносителей, в них изображён мир сельских людей. Своеобразными свиде-тельствами прошлого стали важные темы жизнедеятельности хуторян:

1) Крестьянское жилище и его составляющие: *[Ха́та бува́ не така́ велика́. И бува́ згоро́жена кимна́та: от цэ уро́де зал, а як ухо́дыте цэ так уро́де ку́хня. От вид тэля́ты ш и скоты́ны ис ку́хни. И тоди́ нам буво́ ни́уди спать, як тум спа́лы ма́тэ и ба́тько. И стоя́в сунду́к, стил и туда́ бува́ гру́ба. Гру́ба туда́ бува́, ту́точкэ духо́ука, утю́ж. Там стопэ́ц и покла́лэ на лэжа́нку до́ски и на ний и там ляга́ем. Мы ляга́ли на пала́тях, но́гы у нас у усэ́х у тепли́ бувы́. И ту́точкэ поста́улэ крова́ть нэвэли́ка, по́мню шо отгороды́лися. Уже́ нэ ха́та ж, у нас ку́хнэ бува́, дэ спать нам. И пич бува́ от тут у хаты́ни. Як ухо́дыш, пич здоро́ва бува́. Ма́тэ и ба́тько на пичи́ спа́лы]*.

2) Отапливание помещения: *[Був чууу́н биз дна, на кырпыча́х стоя́л. От у том чууни́ поди́лалы ришётки. В гру́би як рас затопы́ли. Топы́ли мы таки́ па́лочки. И оттопля́ли тым гулём]*.

3) Образование взрослых: *[Тоди́ ни ма́тэ нэгра́мотна, нэ ба́тько. Так ба́тько щи моу напыса́ть бу́кву кэ и о. У моё хозя́ина ба́тько четы́ре кла́сы церко́вной шко́лы]*.

4) Образование детей: *[Тоди́ сим кла́сив и восьми́й калидор. Так учи́лыся. А бувы́ и тупакы́. Восьмиле́тка у нас була́ дэ́сять кило́мэтров. Як ста́ла зыма́, то на кварты́ру. Тоди́ зыма́ ра́но ляга́ла]*.

5) Воспитание: *[Каза́ла ма́тэ от мэни́: уляды́, пожилы́м людям и ста́ршэ сэ́бэ нико́му нэ пэрэ́чь ничо́го. А як иде́шь на рабо́ту, так шоб ты робы́ла. Шоб мини́ нэ каза́ли шо ты там злы́дничала]*.

6) Война и оккупация: *[А война́ колы́ прышла́, улядым, на нашу го́ру ту взбира́ютси, на наш ху́тир. Иду́ть суды́ по на́шей доро́гу. Каза́лы так шо у нас у ху́тири пробылы́ пэ́рвый захо́т ни ни́мцы, а хви́ны. Яки́ злы́й хви́ны, страшны́ они́, нэчелове́чни. Пото́м цэ вро́де и модя́ры шли, и ни́мцы. У нас у ха́тэ стоя́лы модяры. Каза́ли шо от тут бу́дуть жить. Ко́ны у них бувы́ здоро́ви]*.

7) Сложные погодные условия, русская зима для гитлеровцев: *[Ни́миц бижи́ть до нас, у ха́ту. И як откры́в настя́ш, ско́чэ в гру́би, то́потэ. Ма́тэ як уля́нэ, а ру́ки жёфти. Она́ ёго за ру́ку, нэльзя́, па́нэ. Ру́ки взмэ́рзли нэго́]*.

8) Грабежи: *[Був конэ́ц зымы́ Они́ у мэшка́х нэсли́. Ка́жуть, шо у нас награ́бэли. И к ка́ждогу за спино́ю мишо́к чогото битко́м набы́тый. И як раз про́тив нас. На йих нэ буво́ шо попа́ло. На йих нади́то буво́ усё. Як ни́мцы нас захваты́ли, а тоди́ чи́риз гот прогна́лы]*.

9) Движение пленных, изгнание врага: *[Сын с ружо́м, чи вынто́внка оно́ чи́рис пличо́. То туды́ пробижи́ть наш солда́т, то туды́. Ко́лы го́нють ни́мцив, от то шо пока́зывалы, шо позама́тывалы, шо они́ э́то то́чно. То́чно таки́ пле́ни. И шлы они́ як три ряда́. Они́ шли голо́дни, холо́дни, обо́драни. Оды́н упа́л, таки́ же пле́ный. Ёго дава́й пиднима́ть, ни як. Дава́й носка́ми бить. И тоди́ э́то ж та коло́на и двы́галася и двы́галася. И повырну́ли они́ я́ки*

на за́пат, а то восто́к. Повырну́лы они́ суды́, каза́ли на Сохво́нивку. И шли, йих уна́лы в Евдако́ву. Евдако́ва от нас двацати́ с чим кило́мэтров. Туды́, там ходы́ли поизда].

10) Участие односельчан в войне, боевые потери: *[Брат Ва́ня бул с два́цать пэ́рвоуо. Бил под Сталинура́дом. Там поуы́п. Отступа́лы, по́мню, шо прышло́ тоди́ с трэуу́льником. Похоро́нна прышла́]*.

1) Голод и скудное питание: *[Як ти́ки ни́мца проуна́лы, пэ́рвый уот у́олод був, и ничёуо не роды́лося. Тоди́ мы булы́ уоло́дни, рва́лы лободу́ и йи́лы, и пиклы́. Да́рма на́ша була́ уоло́дна. А на дру́уий уот як уроды́лося пшеныца. Фси зерновы́ уроды́лися. Маскали́ от нас бу́ли три кило́метра, хто́ т узна́л, шо па́шуть цэ вэсно́ю, карто́хэ дэ булы́. Так лю́ды но́сють прошлоуо́дни шоб порэзэмова́лися карто́хой. Мы насобыра́лы боуа́то тэх карто́х, ну крохма́ль бул. Таки́м ра́ди крохмалю́. Як корова́ отэли́лося, ма́тэ вары́ла киселя́ моло́шиново. До янбаря́ ми́сица ужэ́ нэ було́ с щэуо́ свари́ть кулеша́]*.

12) Занятость взрослых: *[Зэрно́ выра́шивалы у колхо́зи. У колхо́зи робы́ла доя́ркою. Дя́дя робы́л то учёчиком, то щитово́дом]*.

13) Трудное детство, занятость детей: *[От тоди́ мы йиша́чилы. По пэрва́х як мы щэ таки́ бувы́ по дэ́сять нам уот бувó. Нас у колхо́зи посыла́лы, на карто́хэ напа́лэ жукы́. Карто́хэ яко́ то уроды́лося, напа́лы жуки́. А тоди́ и на зерновы́ от таки́ то́чно жукы́. Мы детвора́ ходы́ли ловы́ли и собыра́лы тых жуки́х. Мо́жэ ма́сти нэ тако́й, но от таки́. У ка́ждоуо видро́, воды́ налыва́йим, шоб жук нэ выла́зыл. И цэ собыра́лы з карто́х и зэрна́. Поеда́лы жукы́ ис поло́сочик чёрный]*.

14) Посевные работы: *[Ищэ́ до тоуо́ мы си́ялы на буурги́. Odýн дидо́к стано́вица с одноуо́ кра́ю. Мишку́ шоб чи́рис плэ́чи, бири́те руко́ю жмэ́ньку и так кыда́йте. си́йте. Набыра́ли зирно́ и си́ялы. Покэ́ поси́ялы цэ ж ту пло́щать, тоди́ и друуу́ю ж си́им пло́щать]*.

15) Уборочные работы и их особенности: *[Убыра́ть пособля́лы. Пидросла́ ж, мэня́ посыла́ють на бычка́х зэрно́ вози́ть от комба́йна. Тоди комба́йн присла́лы таки́й, шо зэрно́ у бу́нкэр сы́палося, а з бу́нкера зэрно́ высыпа́лы. Така́ прище́плиный площа́тка и мы на тий площа́тка стоя́лы дво́е, открыва́лы бу́нкер. Зэрно́ насыпа́лося, мы ж подни́мы, и тут же йи́халы быки́. Мы кида́лы зэрно́ на ходу́. А тут же ж то́же два йих: odýн быки́ вбив, odýн мишки́ высыпа́в. Мэнэ́ посла́ли зэрно́ возы́ть, а ищи́ прыка́зый улядить, шоб нэ рассы́палося. Поуля́дайтэ, як у мэнэ́ булы́ быки́ молоди́. Цэ мы так и робы́ли]*.

Таким образом, посредством диалектной речи демонстрируется особый мир хуторян: простая деревенская жизнь, трудная работа и сложные реалии войны (в т. ч. проживание под одной крышей с захватчиками, которые вторглись к подгоренцам, и потеря близких).

Подведем итоги. Анализируемый говор Саприно включает разные фонетические и грамматические особенности, характерные как для великорусских, так и для украинских диалетов. Представленное в статье сочетание южнорусских и украинских черт в одном говоре свидетельствует о его специфичности. Процесс взаимовлияния напрямую связан с заселением этой территории, располагающейся в приграничном районе Воронежской области. За время своего существования, став переходным русско-украинским, местный диалект приобрёл самобытные черты. Кроме того, говор вымирающего хутора Воронежской области отражает реалии жизни людей середины XX века и демонстрирует диалектную речь в её современном состоянии.

По мысли Т.И. Вендиной, «самобытность русских диалектов выражается в основном в языковом сознании диалектоносителей в способности подметить такие особенности предметов и реалий окружающего мира, которые позволяют взглянуть на них иначе» [14; с. 5]. Подтверждают это речевые произведения, представляющие разноаспектные стороны жизнедеятельности сельского человека.

Тема семьи, Родины, как оказалось, является центральной в картине мира хуторян. В ней ценности людей небольшого социума и великой страны, отображённые в живой народной речи. В Год семьи в Российской Федерации они получают особую актуальность, поскольку родное,

традиционное нужно бережно сохранять. Бесспорно, «народная речь – это не только настоящая литература, но и хранительница самобытности русского языка» [15; с. 251].

Подводя итоги, напомним: «Не стоит забывать, что в настоящее время всё меньше диалектоносителей с ярко проявляющимися речевыми чертами остаётся в небольших деревенских социумах. Их можно считать свидетельством прошлого страны и нашей истории. Поэтому в XXI столетии необходимостью становится исследование говоров людей сельских поселений России» [9; с. 37] и воссоздание конкретных реалий прежней действительности.

Примечание: в работе используется русская упрощённая транскрипция.

Библиографический список

1. Шкабара Н.И. Оценочная характеристика человека в речи диалектоносителя // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сборник материалов Всероссийской с международным участием научной конференции. Волгоград: Фортесс, 2019. С. 300-303.

2. Вендина Т.И. Диалектное слово в культурно-языковом контексте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С.72-94.

3. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2023 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. 484 с. URL: https://nenadict.iling.spb.ru/publications/3257 (дата обращения: 02.03.2024).

4. Саприно, хутор. Воронежская Энциклопедия. URL: https://vrnency.ru/vol-1/ve-1-s/a-00144-s (дата обращения: 02.03.2024).

5. Заброшенные хутора: как пустеют воронежские деревни. Саприно. URL: https://riavrn.ru/districts/podgorensky/zabroshennye-khutora-kak-pusteyut-voronezhskie-derevni-saprino/ (дата обращения: 02.03.2024).

6. Недоступова Л.В. К вопросу о русско-украинских контактах (на материале говора села Кутки Грибановского района Воронежской области) / Воронежское краеведение: традиции и современность. Воронеж, 2017. С. 199-202.

7. Недоступова Л.В. Особенности речи петропавловской хохлушки (лексический аспект) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2017. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 269-275.

8. Недоступова Л.В. Речевой портрет щучанки (на материале говора с. Щучье Лискинского района) // Воронежское краеведение: традиции и современность. Воронеж, 2019. С. 210-214.

9. Недоступова Л.В. Диалектная языковая личность села Коломыцево Воронежской области // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 32-40.

10. Русская диалектология / [С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова и др.]; под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1989. 223 с.

11. Недоступова Л.В. Современное состояние одного воронежского говора (морфологический аспект). // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. Рязань, 2017. С. 322-327.

12. Гринкова Н. П. Воронежские диалекты: дис. … докт. филол. наук. Ленинград: Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1947. Т.55. 300 с.

13. Черенкова А.Д. К вопросу о склонении имён существительных в говорах Воронежской области // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9-10 (113). С. 138-143.

14. Вендина Т.И. Русские диалекты на диалектном ландшафте Славии // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сборник материалов Всероссийской с международным участием научной конференции. Волгоград: Фортесс, 2019. С. 5-14.

15. Черенкова А.Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Опыт презентации // Проблемы изу-

чения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы V Международной научно-практической конференции. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 250-254.

References

1. Shkabara N.I. Evaluative characteristics of a person in the speech of a dialect speaker // People's Russia: a scattering of languages, dialects, cultures: a collection of materials from the All-Russian scientific conference with international participation. Volgograd, 2019. P. 300-303.

2. Vendina T.I. Dialectal word in cultural and linguistic context // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research). St.-Petersburg, 2022. P. 72-94.

3. Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2023 / ed. by S.A. Myznikov. St.-Petersburg, 2023. 484 p. URL: https://nenadict.iling.spb.ru/publications/3257 (date of application: 02. 03. 2024).

4. Saprino, farm. Voronezh Encyclopedia. URL: https://vrnency.ru/vol-1/ve-1-s/a-00144-s (date of application: 02. 03. 2024).

5. Abandoned farmsteads: how Voronezh villages are emptying. Saprino. URL: https://riavrn.ru/districts/podgorensky/zabroshennye-khutora-kak-pusteyut-voronezhskie-derevni-saprino/ (date of application: 02. 03. 2024).

6. Nedostupova L.V. On the issue of Russian-Ukrainian contacts (based on the dialect of the village of Kutki, Gribanovsky district, Voronezh region) / Voronezh local history: traditions and modernity. Voronezh, 2017. P. 199-202.

7. Nedostupova L.V. Features of the speech of the Peter and Paul Khokhlushka (lexical aspect) // Modern Russian lexicology, lexicography and linguogeography. 2017. Institute of Linguistics. St.-Petersburg, 2017. P. 269-275.

8. Nedostupova L.V. Speech portrait of a Shchuchan woman (based on the dialect of the village of Shchuchye, Liskinsky district) // Voronezh local history: traditions and modernity. Voronezh, 2019. P. 210-214.

9. Nedostupova L.V. Dialectal linguistic personality of the village of Kolomytsevo, Voronezh region // Philology and culture. Philology and Culture. 2023. Vol. 4 (74). P. 32-40.

10. Russian dialectology / S.V. Bromley, L.N. Bulatova, K.F. Zakharova, etc.; edited by L.L. Kasatkina. 2nd ed., revised. Moscow, 1989. 223 p.

11. Nedostupova L.V. The current state of one Voronezh dialect (morphological aspect). // I.I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and prospects. Ryazan, 2017. P. 322-327.

12. Grinkova N.P. Voronezh dialects: abstract ... Doctor of Philology. Leningrad, 1947. Vol. 55. 300 p.

13. Cherenkova A.D. On the issue of declension of nouns in the dialects of the Voronezh region // News of the Volgograd State Pedagogical University. 2016. Vol. 9–10 (113). P. 138-143.

14. Vendina T.I. Russian dialects on the dialect landscape of Slavia // People's Russia: a scattering of languages, dialects, cultures: a collection of materials from the All-Russian scientific conference with international participation. Volgograd, 2019. P. 5-14.

15. Cherenkova A.D. Voronezh dialect texts as a source for studying the Russian national language, history and culture of the people. Presentation experience // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium: Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Voronezh: VSPU, 2009. P. 250-254.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.112.2
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.019

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и технологии перевода
Чечетка В.И.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-437-24-44
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

Voronezh State Technical University
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Translation Technology
Chechetka V.I.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-437-24-44
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

Московский международный университет,
кандидат педагогических наук, доцент,
зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации
Пашковская Н.Д.
Россия, г. Москва, тел. +7-921-734-02-85
e-mail: n.pashkovskaia@mmu.ru

Moscow International University,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication
Pashkovskaia N.D.
Russia, Moscow, tel. +7-921-734-02-85
e-mail: n.pashkovskaia@mmu.ru

Воронежский государственный технический университет
старший преподаватель кафедры иностранных языков и технологии перевода
Пилевцева А.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-400-07-63
e-mail: pilevceva-210486@mail.ru

Voronezh State Technical University
Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Translation Technology
Pilevtseva A.V.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-400-07-63
e-mail: pilevceva-210486@mail.ru

В.И. Чечетка, Н.Д. Пашковская, А.В. Пилевцева

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАВЫКОВ ПИСЬМА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Тезис о том, что «письмо перестраивает мышление» точно отражает сегодня первостепенную важность письма для многих процессов обучения, что и обуславливает актуальность данной работы. Письменная речь студентов стимулирует мышление, делает его более точным, ясным, обоснованным. Тесная связь между ментальными структурами и требованиями материализации в конкретном тексте на иностранном языке призвана закрепить эту основную задачу. Поэтому в учреждениях образования, будь то школа или вуз, наблюдается определенная плотность разнообразной письменной деятельности, ведь даже простое дидактическое занятие может иметь значительный стимулирующий эффект. Разнообразные письменные работы в значительной степени способствуют беглости письма, особенно если оно сопровождается консультационной помощью со стороны обучающего. Письменные задания требуют небольшой подготовительной работы со стороны преподавателя, но они оказываются чрезвычайно плодотворными для развития письменных навыков. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы: изучающие иностранный язык студенты со слабыми навыками письма нуждаются в четких структурирующих предложениях и руководящей помощи по улучшению своих навыков

© Чечетка В.И., Пашковская Н.Д., Пилевцева А.В., 2024

письма. Запоминание предложений и речевых формул оказалось полезным инструментом для успешного изучения иностранного языка.

Ключевые слова: письмо, письменная речь, метод скелетирования и определение границ слов, совместное моделирование предложений и текстов, копирайтинг.

V.I. Chechetka, N.D. Pashkovskaia, A.V. Pilevtseva

IMPROVING WRITING SKILLS IN GERMAN FOR STUDENTS OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

The thesis that "writing rebuilds thinking" accurately reflects today the paramount importance of writing for many learning processes, which determines the relevance of this work. Students' written speech stimulates thinking, makes it more accurate, clear, and grounded. The close connection between mental structures and the requirements of materialization in a specific text in a foreign language is designed to consolidate this basic task. Therefore, in educational institutions, whether it is a school or a university, there is a certain density of diverse writing activities, because even a simple didactic activity can have a significant stimulating effect. A variety of written works greatly contribute to the fluency of writing, especially if it is accompanied by consulting assistance from a teacher. Written assignments require little preparatory work on the part of the teacher, but they turn out to be extremely fruitful for the development of writing skills. As a result of the conducted research, the following conclusions were made: students studying a foreign language with weak writing skills need clear structuring suggestions and guidance to improve their writing skills. Memorizing sentences and speech formulas has proven to be a useful tool for successfully learning a foreign language.

Key words: writing, written speech, the method of skeletonization and definition of word boundaries, joint modeling of sentences and texts, copywriting.

В настоящее время предположение об однородности требований к обучению является иллюзорным. Дело в том, что неоднородность – это отличительная черта реальности преподавания в многоязычных группах/классах и особенно ярко проявляется в профессиональном образовании. Современная методика преподавания иностранных языков разделяет изучение языка на четыре навыка – аудирование, говорение, чтение и письмо, которые позволяют человеку понимать, создавать и использовать язык для эффективного общения. Из этих четырех навыков языковая неоднородность обучающихся находит наиболее заметное выражение в области навыков письма. Очевидно, что переход от устного к письменному языку часто обнажает лингвистические проблемы людей, говорящих на иностранном языке.

В современной методике преподавания иностранных языков письмо рассматривается как ключевой навык повседневной профессиональной деятельности и профессиональной подготовки будущих специалистов. Требования к навыку письма возрастают; в профессионально-теоретической подготовке процесс приобретения знаний, закрепления знаний и, не в последнюю очередь, проверка знаний в значительной степени связаны с письменной речью и письмом. Согласно методологическим принципам, поддержка навыка письма является ключевым моментом работы над иностранным языком, поскольку письменные высказывания остаются неизменными, письмо создает образы в памяти, по сравнению с речью вызывает некоторое замедление мыслительных процессов и, следовательно, побуждает к более осознанному обращению с языком. Обучать процессам письма – значит мотивировать обучающегося и, по возможности, систематизировать уже имеющиеся навыки письма. Совершенствование письменной речи студентов тесно связано с документированием индивидуального прогресса в обучении. Особые языковые возможности письма могут быть использованы также в любом учебном предмете.

Целью данного исследования является анализ деятельности преподавателя по совершенствованию навыков письма на иностранном языке в профессионально-теоретической подготовке студентов технических вузов.

Объектом исследования в данной статье служит письмо как продуктивный вид иноязычной речевой деятельности студента.

Предметом исследования выступает формирование навыков письма на иностранном языке, в данном случае – немецком, у студентов технического университета.

Следует подчеркнуть, что поощрение процесса письма на иностранном языке является важной частью обучения, его мотивацией. Как показывают исследования, обучающиеся, окончившие среднюю школу и посещающие учреждения профессионального/высшего образования, много раз испытывали трудности с письмом на иностранном языке в течение своей предыдущей школьной деятельности и часто сталкиваются с письменными заданиями в вузе, из-за чего пребывают нередко в подавленном состоянии. Недоумение, смирение, отказ, бегство и т.д., согласно наблюдениям, сделанным в ходе обучения, навыки письма часто рассматриваются обучающимися, которые не умеют писать на иностранном языке, как склонность к одаренности и связаны с представлением о том, что их собственные навыки письменной речи статичны и, следовательно, мало поддаются улучшению.

Самоанализ и самооценка собственного учебного процесса оказывают также мотивирующее и стимулирующее обучение действие. Использование учебных отчетов, дневников и ведение так называемых портфолио (сбор самостоятельных текстов, составление собственной «языковой биографии», самооценки) стимулирует взаимодействие с собственным процессом обучения и, кроме того, может быть использовано в качестве стимула для обучения письму [1. С. 58–61]. Портфолио, как правило, состоит из структурированного комплекта документов и образцов личных работ обучающегося, которые он собирает, дополняет и обновляет снова и снова. Например, цель отчета об обучении состоит в том, чтобы сфокусировать внимание на собственном процессе обучения. Кроме того, учебные отчеты могут быть представлены в виде бесед или интервью. В отчете об обучении должны быть заданы структурированные вопросы. Для этого приведем следующие примеры:

1. Ich über mich:	1. Я о себе:
Was habe ich gelernt?	Чему я научился?
Womit hatte ich Schwierigkeiten?	С чем у меня были трудности?
Was möchte ich beim nächsten Mal anders machen?	Что бы я хотел сделать по-другому в следующий раз?
Was möchte ich unbedingt noch lernen?	Чему еще я отчаянно хочу научиться?
2. Lernstand	2. Уровень обучения
Wie war mein Interesse an dem Thema?	Каков был мой интерес к этой теме?
✓ *Volltreffer*	прямое попадание
✓ *eher mäßig*	скорее умеренный
✓ *eher mäßig*	близко к цели
Wie bin ich mit meinem Lernstand zufrieden?	Насколько я доволен своим уровнем обучения?
✓ *sehr*	очень
✓ *zufrieden*	довольный
✓ *gar nicht*	совсем нет
Welche neuen Herausforderungen bietet das Thema für mich?	Какие новые задачи ставит передо мной эта тема?
3. Wir als Gruppe	3. Мы как группа
Wie ging es mir in der Gruppe? Konnte ich mich einbringen?	Как у меня дела в группе? Мог ли я принять участие?

Was habe ich von den anderen gelernt? Чему я научился у других?

И последнее, но не менее важное: подобные отчеты об обучении письму помогают более осознанно подходить ко всему процессу обучения в целом. Письменные работы студентов позволяют выявить, есть ли улучшения в обучении письму, его потенциал, что, в свою очередь, способствует укреплению оптимистичного отношения ко всему процессу обучения в вузе.

В большинстве высших учебных заведений нашей страны обучается много иностранных студентов, для которых и русский, и английский, и немецкий языки являются неродными. Многоязычные студенты живут с использованием как минимум двух-трех языков и владеют ими. Для них важно, чтобы двуязычие и многоязычие были неделимыми и неотъемлемой частью их жизни. Многоязычные обучающиеся часто воспринимают моноязычный педагогический подход, который обычно практикуется в учебных заведениях, как обесценивание их культурного и языкового происхождения и, следовательно, как неуверенность. Этот опыт также может проявляться в пессимистичном отношении к обучению при выполнении письменных заданий. Поэтому одним из способов повысить самооценку обучающихся – сделать многоязычие темой занятий. Спросите, где и как ваши ученики изучали немецкий/английский язык, когда и с кем они говорят на своем родном языке, на каком языке они мечтают или считают, какой язык является языком радости, печали, разума, юмора. Эти беседы о двуязычии и многоязычии не только учитывают двуязычную жизненную ситуацию студентов, но и дают им важную информацию о биографии обучающихся, изучающих язык, с точки зрения процесса обучения иноязычной грамоте [2. S. 377–436].

Не следует забывать также, что двуязычие и многоязычие являются большим преимуществом в сфере рынка труда и профессиональной деятельности; например, в кабинете врача, больнице или отделении банка в многонациональном жилом районе без языковых и культурных посредников.

Интересным является тот факт, что на дополнительных занятиях, проводимых во время обучения со студентами-иностранцами, зачастую текстовая продукция на иностранном языке отличается от текстовой продукции на родном языке обучающихся. Существенные различия заметны как на уровне качества ошибок, так и на уровне темпа письма. Обучающиеся, в основном, демонстрируют ошибки в использовании флексий и на уровне структуры предложения; орфографические ошибки, с другой стороны, обнаруживаются в меньшей степени. В рамках процесса поддержки, сопровождающего обучение, например, в США, становится очевидным, что многие дефектные языковые структуры уже закрепились, и соответствующие стандартам структуры приходится изучать буквально «заново» [3.S.128–156]. Поскольку редактирование устоявшихся языков требует точного решения индивидуальных письменных проблем обучающихся, эффективное и далеко идущее исправление устаревших ошибок возможно, в основном, только на вспомогательном или дополнительном обучении. С точки зрения обеспечения успеха в обучении изучающих германские языки, постоянное продвижение на протяжении всего обучения не только рекомендуется, но и необходимо.

Наблюдения показывают замедленный темп письма на иностранном языке студентами как особенность письма вообще. Еще одно заметное различие между выпускниками средних школ, владеющими родным и вторым языками, в выполнении письменных заданий проявляется в том, что студенты, не владеющие вторым языком письма, пишут медленнее, чем на родном языке или же носители языка. Учителя школ и профессионального образования также сообщают об этом и констатируют в связи с этим педагогическую дилемму, например, когда становится очевидным, что такие учащиеся отстают на экзаменах по сравнению с носителями языка из-за их замедленного темпа письма.

Какие существуют подходы к объяснению замедленного набора текста людьми, говорящими на втором языке, по сравнению с носителями языка? – Исследования в области "Немецкий как иностранный" дают интересные результаты по этому поводу. Хотя эти исследования не могут

быть непосредственно применимы к ситуациям изучения второго языка, они дают представление о процессах письма, которые происходят не на родном языке [4. S. 128–156]. Например, исследование Крингса, посвященное изучению немецкого языка как иностранного с исходным французским языком, предполагало, что учащиеся описывают образную историю, создавая мысленные образы, произносят операции вслух (метод мышления вслух) [2. S. 377–436].

В ходе исследования были получены следующие результаты: процесс письма обучающимися, за которыми наблюдали, в значительной степени сопровождался разного рода комментариями, что привело к прерыванию процесса письма. По сравнению с процессами воспроизводства текстов на родном языке вербализация, связанная с различными проблемами, была в десять раз выше, чем на родном языке; 40 % проблемных комментариев были связаны с различными областями, такими как порядок слов, орфография и т.п. Таким образом, это области, которые носители языка обычно выполняют в соответствии со стандартами, используя языковое чутье и особо не задумываясь.

Особые проблемы также возникли при использовании фиксированных формулировок (44%). Опять же, стандартные фиксированные семантические формулы также осваиваются носителями языка в основном интуитивно. Кроме того, на уровне скорости текстовой обработки носители языка произносили в среднем в два раза больше слов в минуту, чем носители второго языка [4. S. 128–156]. В связи с чем возникает вопрос, является ли это результатом того, что у учащихся нет времени на то, чтобы спокойно подумать и «просто писать», по крайней мере, так же быстро, как и у их товарищей, носителей языка.

Рассмотрев вышеуказанные факторы, связанные с процессом обучения грамоте в многоязычных группах, можно сделать следующие выводы: изучающие иностранный язык студенты со слабыми навыками письма нуждаются в четких структурирующих предложениях и руководящей помощи по улучшению своих навыков письма. Как показывают недавние исследования в области изучения иностранного языка, запоминание предложений и речевых формул оказалось очень полезным проверенным временем инструментом для успешного изучения иностранного языка. Так, успешно изучающие иностранный язык, когда их спросили, какой метод изучения языка оказался особенно полезным, подчеркнули, что это запоминание последовательности слов в предложениях. Данный процесс изучения языка был особенно полезным. Следует отметить, что предварительное задание, списывание и запоминание тематических шаблонов – предложений и идиом – особым образом поддерживают и расширяют лингвистические и текстовые навыки обучающихся, говорящих на разных языках. Часто можно наблюдать, как студенты упрямо заучивают заранее определенные фразы, поэтому особое значение имеет то, что речевые формулы с упражнениями используются в контексте профессионального содержания. Приведем некоторые шаблоны предложений, идиомы и формулировки, являющиеся вспомогательными средствами для письма:

Der Text handelt von …	Текст повествует о …
In dem Text wird von … berichtet.	В тексте сообщается о ....
In dem Text ist die Rede von …	В тексте идет речь о …
In dem Text geht es um das Thema «…».	В тексте речь идет о теме «...».
Der Text behandelt das Thema «…».	Текст затрагивает тему «...».
Der Autor geht von der Annahme aus, dass …	Автор исходит из предположения, что …
Der Autor bezieht sich auf eine Untersuchung, die … durchgeführt wurde.	Автор ссылается на расследование, которое ... было проведено.

Небезынтересен, на наш взгляд, в этой связи метод "скелетирования", который предусматривает представление профессиональных взаимосвязей в виде ключевых слов. На основе основного текста учащийся сталкивается с задачей составлять предложения и адекватно говорить о содержании предмета. Ср.:

Subcutane Infusion	Подкожная инфузия
Infusion in die Subcutis (Unterhautfettgewebe).	Вливание в подкожную клетчатку (подкожно-жировую клетчатку).
Nur auf Arztanordnung. Verabreichung von max. 1000 ml isotonischer Lsg. (Ringersg. 0,9 % NaCL, 5 % Glukose) in 24 Std.	Только по предписанию врача. Введение макс. 1000 мл изотонического р-ра. (0,9% NaCl, 5% глюкозы) за 24 часа.
Indikationen: Flüssigkeitsaufnahme ergänzen, bei Exsikkosegefährdung Krankenhausaufenthalt vermeiden.	Указания: дополнительное потребление жидкости, избегайте госпитализации в случае риска эксикоза.
Kontraindikationen: Stoffwechselentgleisungen, Störungen der Blutgerinnung, Schock, Hämatome, Entzündungen, Hautauffälligkeiten.	Противопоказания: нарушение обмена веществ, нарушение свертываемости крови, шок, гематомы, воспаление, кожные заболевания.
Material: Tablett, sterile Infusionsflasche, steriles Infektionsbesteck, sterile Flügelkanüle oder 30-mm-Kanüle …	Материал: поддон, стерильный инфузионный флакон, стерильный инфекционный прибор, стерильная крыльчатая канюля или 30-миллиметровая канюля …
Durchführung	Проведение
– Information des zu Pflegenden, Einverständnis einholen.	– Получить информацию о том, за кем ухаживают, получить согласие.
– Situation einschätzen: Desorientiertheit, Angst, Unruhe, braucht Patient ständige Betreuung?	– Оценить ситуацию: дезориентированность, страх, беспокойство, нуждается ли пациент в постоянном уходе?
– Flügelkanüle im 45-Grad-Winkel, längere Kanüle im 30-Grad-Winkel in Hautfalte einstechen.	– Вставить канюлю в створку под углом 45 градусов, более длинную канюлю в складку кожи под углом 30 градусов.
– Kanüle sicher fixieren.	– Надежно зафиксировать канюлю.
– Rollklemme öffnen und Tropfgeschwindigkeit einstellen.	– Открыть роликовый зажим и отрегулируйте скорость капания.
– Bei unruhigen und desorientierten Personen ständig beobachten, evtl. Sitzwache.	– Постоянно наблюдать за беспокойными и дезориентированными людьми, возможно, у них есть проблемы с психикой, если требуется – сиделка.
– Dokumentation.	– Документация.

Ниже предлагается основной текст, сформулированный выше в первых четырех абзацах:

Subcutane Infusion	Подкожная инфузия	Ключевые слова
Unter subcutaner Infusion versteht man eine Infusion in die Subcutis (Unterhautfettgebwebe).	Под подкожной инфузией понимается инфузия в подкожную клетчатку (подкожно-жировую клетчатку).	*versteht man*
Subcutane Infusionen erfolgen nur auf ärztliche Anordnungen.	Подкожные инфузии делаются только по назначению врача.	*erfolgen*

Innerhalb von 24 Stunden dürfen nicht mehr als 1000 ml der isotonischen Lösung verabreicht werden.	В течение 24 часов следует вводить не более 1000 мл изотонического раствора.	*verabreichen*
Die isotonische Lösung setzt sich entweder aus einer Ringerlösung oder aus einer 0,9-prozentigen Kochsalzlösung oder aus einer 5-prozentigen Glukoselösung zusammen.	Изотонический раствор состоит либо из раствора Рингера, либо из 0,9-процентного физиологического раствора, либо из 5-процентного раствора глюкозы.	*sich zusammensetzen* *entweder… oder*
Subcutane Infusion ist indiziert zur Ergänzung der Flüssigkeitsaufnahme mit dem Ziel der Verhinderung einer Exsikkose (Austrocknung).	Подкожная инфузия показана для дополнительного потребления жидкости с целью предотвращения эксикоза (обезвоживания).	*ist indiziert (angezeigt)*
Durch die Verabreichung einer subcutanen Infusion kann ein Krankhausaufenthalts vermieden werden.	Путем введения подкожной инфузии можно избежать пребывания в стационаре.	*vermieden*
Wenn der Patient Stoffwechselentgleisungen, Störungen der Blutgerinnung, Hämatome, Entzündungen, Hautauffälligkeiten oder einen Schock aufweist, dann sind subcutane Infusionen kontraindiziert (als Behandlungsform auszuschließen).	Если у пациента наблюдаются нарушения обмена веществ, нарушения свертываемости крови, гематомы, воспаление, кожные проявления или шок, то подкожные инфузии противопоказаны (исключены как форма лечения).	*Wenn.., dann…* *aufweisen* *sind kontraindiziert*
Zur Durchführung einer subcutanen Infusion benötigt man folgendes Material: Tablett, sterile Infusionsflasche, sterile Flügelkanüle oder 30-mm-Kanüle …	Для проведения подкожной инфузии необходим следующий материал: лоток, стерильный флакон для инфузии, стерильная крыльчатая канюля или 30-миллиметровая канюля	*benötigen*

Далее можно предложить такое задание:

Formulieren Sie bitte einen Text zum Thema «Intravenöse Infusion». Orientieren Sie sich an den Satzmustern des obigen Textes zum Thema «Subcutane Infusion» - Сформулируйте, пожалуйста, текст на тему "Внутривенное вливание". Ориентируйтесь на шаблоны предложений в приведенном выше тексте по теме «Подкожная инфузия».

«Скелетированный» текст по теме: «*Внутривенное вливание*»:

Intravenöse Infusion	Intravenöse Infusion
Infusion in die Vene (Unterarm, Handrücken, Ellenbeuge). Durchführung durch Arzt, Assistenz und Pflege durch Pflegekraft.	Вливание в вену (предплечье, тыльная сторона кисти, локтевой сгиб). Осуществляется врачом, ассистентом и санитаром.
Indikationen: Störungen des Wasser- und Elekrolythaushalts, zur parenteralen Ernährung. *Medikamentengabe.*	Показания: нарушения водного и электролитного баланса, для парентерального питания. Прием лекарств.
Kontraindikationen: erhöhte Blutungsneigung, frischer Herzinfarkt, Herzinsuffizienz	Противопоказания: повышенная склонность к кровотечениям, свежий сердечный приступ, сердечная недостаточность.
Material: Tablett, Händedesinfektionsmittel, Einmalhandschuhe, Stütze oder Kissen zur Armhochlagerung, 2 sterile Verweilkanülen, 10-ml-Spritze zum Durchspülen der Vene …	Материал: поднос, дезинфицирующее средство для рук, одноразовые перчатки, подставка или подушка для рук, 2 постоянные стерильные канюли, шприц на 10 мл для промывания вен. …

Многие методисты-практики считают, что отправной точкой развития навыков письма на иностранном языке является предложение [5. S. 200–214].

Обучение иноязычной грамоте, как правило, требует иного методического подхода, чем обучение письму на родном языке. Бывает, что многие обучающиеся, окончившие среднюю школу, говорят на немецком/английском языке как на родном, но у них нет интуитивных знаний грамматики, которые отличают тех, для кого немецкий или английский языки являются родными. По этой причине в рамках помощи учащимся, изучающим иностранный язык, возникает задача постфактум – разработать структуры второго языка (цель: «знать, как»). Грамматику можно назвать инструментом для формирования предложений. В большинстве случаев носители языка интуитивно понимают, как работают правила их родного языка, даже если они часто не могут объяснить их так легко. Знание и/ или осознание того, как формируются языковые структуры, способствует формированию навыков безопасного письма. Таким образом, языковая осведомленность – в смысле сознательного обращения с языком – предполагает знание правил («знание этого»); и этот процесс тесно связан с изучением грамматики [6. S. 12–22].

- Как уже упоминалось выше, отправной точкой для улучшения грамматического письма является предложение. Предусмотрено увеличение синтаксической сложности от простого предложения с глаголом до сложных предложений с союзами. При этом тематизация структурных особенностей, например, немецкого языка, должна проводиться не на изолированном уроке грамматики, а быть интегрирована в предметные контексты [7. S. 103-110]. Часто уточняющий эффект оказывает преобразование длинных предложений в короткие предложения или, наоборот, преобразование коротких предложений в длинные. Преобразование коротких предложений в длинные, которые должны быть оформлены в виде графической лестницы, также способствует обучению письму. Ср.:

1. *Das Bundessozialhilfegesetz*

gewährt

Hilfen zum Lebensunterhalt.

2. Das Bundessozialhilfegesetz

gewährt

mittellosen Menschen

in besonderen Lebenssituationen

zur Abwendung einer Not

Hilfen zum Lebensunterhalt.

3.Das Bundessozialhilfegesetz

hat/wird

mittellosen Menschen

in besonderen Lebenssituationen

zur Abwendung einer Not

Hilfen zum Lebensunterhalt

gewährt/gewähren.

2. Другой принцип работы таков: грамматика должна использоваться только в той степени, в которой она необходима обучающемуся, то есть преподавание грамматики не должно быть самоцелью. Кроме того, следует редактировать только те грамматические темы, которые в настоящее время используются в письменной форме. Отметим, что в методике преподавания иностранных языков нередко рассматривается формирование предложения в контексте оформления текста, анализируются различные средства структурирования текста. Вспомогательными средствами структурирования письма на тематическом уровне являются, например, интеллектуальные карты, кластеры и блок-схемы. Они сосредоточены на предметно-тематическом уровне и находят свое выражение в основном в употреблении существительных, прилагательных и глаголов [5.S. 200–214].

Метод скелетирования и определение границ слов, как уже упоминалось ранее, также являются вспомогательными средствами структурирования текста на лингвистическом уровне и включают в себя похожие на ключевые слова представления предложений и тематических контекстов. При этом перед студентами стоит задача использовать грамматические формы [6. S. 12–22].

Совместное моделирование предложений и текстов предусматривает совместные действия под руководством преподавателя и приводит к рассуждению вслух. Это делает мыслительные операции и стратегии речевого производства обучающихся прозрачными. Формулировка вслух оказывает облегчающее воздействие на процесс написания и сравнима с «проработкой» предложения [6. S. 12–22].

Во время совместного/ группового письма как формы совместного моделирования предложений и текстов студент меньше подвержен стрессу, что может быть похоже на написание на компьютере. При этом преподаватель выступает в качестве консультанта по письму. Групповое письмо требует руководства (обратить внимание на состав группы, лучше начать с простых упражнений; цепочки предложений: каждый пишет предложение, создавая рассказ, складывая истории, коллективный диалог, задавая импульсы изображения и т.д.) [1. С. 58 – 61].

Интересна также в этой связи работа по шаблонным текстам, т.е. написание по образцу. Образцом текста может быть любой текст, достойный подражания в той или иной форме: протокол, описание, определение, сопроводительное письмо, газетный отчет и т.д. С точки зрения дидактики письмо важно тем, что

текст скорее прослеживается, чем анализируется. Изучение текстовых шаблонов объединяет чтение и письмо и обостряет понимание лингвистических элементов заданного и собственного текста [1, 7, 8].

Следует отметить также методы работы по продвижению копирайтинга – написания текста с целью рекламы или других форм маркетинга. Это тексты, которые стимулируют рост продаж или популяризируют товар, компанию, услугу, человека или идею. Методы копирайтинга помогают облегчить различные операции с текстом. Во-первых, то, что хорошо для памяти, хорошо и для стиля. Длинные предложения не являются признаком повышенной сложности мышления, и исследования в области понимания давно указали на это заблуждение [9]. Кроме того, полезно многократно перечитывать свой собственный текст вслух, потому что чтение вслух приводит к усилению речевого восприятия. Подчеркнем, что в том виде, в каком они выполнены, это оказывает очень благоприятное влияние на навыки письма, когда обучающийся получает помощь в написании, например, в виде сформулированной фразы или по умолчанию первого предложения (вспомогательного предложения). Навыки письма также должны быть включены в процесс продвижения по службе. Например, рукописная документация пациента, которую невозможно прочитать, бесполезна. Поэтому нет ничего лишнего в том, чтобы переводить на занятиях тексты в чистом виде.

С другой стороны, немецкие дидактики отмечают, например, на экзаменах многие учащиеся из стран Восточной Европы показывают, что у них медленный темп письма – из–за очень точного шрифта, которому в их стране уделялось особое внимание. Формы темпа письма также должны учитываться при обучении этому навыку [9], например, свободное письмо: возможности и ограничения. Свободное письмо способствует быстрому написанию и устраняет возможные трудности для его реализации. Поскольку обучающийся, не умеющий писать, часто (пока) не имеет собственных стратегий самоконтроля над своим письменным продуктом, свободное письмо продуктивно только в том случае, если оно имеет соответственно корректирующую обратную связь.

В заключение отметим, что умение писать – это самый трудно приобретаемый навык. Было бы неверно думать, что навыки письма появляются сами по себе, что они возникают автоматически из других языковых навыков, таких как говорение или чтение. Здесь требуется, во-первых, овладение студентами техникой письма, т.е. собственно написанием, что предполагает сформированность как графических, так и орфографических навыков. Во-вторых, наличие умений в передаче собственных мыслей в письменной форме. Особенно это касается студентов с низким уровнем владения иностранным языком, ведь именно они сталкиваются чаще с трудностью выражения мыслей не только в устной, но и в письменной форме.

Библиографический список

1. Чечетка В.И. Обучение составлению портфолио на занятиях по деловому иностранному языку в неязыковом вузе/ В.И. Чечетка, Л.В.Лукина// Антропоцентрические науки в образовании : сборник научных статей XIX международной научно-практической конференции 28–29 ноября 2023 года (Воронеж, Россия) / редкол.: Э. П. Комарова (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. – С. 58 – 61. – ISBN 978-5-4446-1856-1

2. Krings, Hans P. Schreiben in der Fremdsprache – Prozessanalysen zum ›vierten skill‹. In: Gerd Antos & Hans P. Krings (Hrsg.): Textproduktion. Ein interdisziplinärer Forschungsüberblick. Tübingen: Niemeyer, 1989. – S. 377–436.

3. Mertens-Berkenbring, Ursula. Gesellschaftliche Integration und kooperative Übungsformen. In: Volker Kilian et al. (Hrsg.): Deutsch als Zweitsprache in der Erwachsenenbildung. Curriculumentwicklung – Übungsmaterial – Lehrerfortbildung. Berlin und München: Langenscheidt, 1995. – S. 128–156.

4. Ott, Margarete. Erforschung schriftsprachlicher Erwerbsprozesse in der Sekundarstufe I bei Muttersprachlern und Zweitsprachlern unter didaktischem Aspekt. In: Clemens Kammler & Werner Knapp (Hrsg.):

Empirische Unterrichtsforschung und Deutschdidaktik. Baltmannsweiler: Schneider-Verl. Hohengehren, 2002. – S. 200–214.

5. Peyer, Ann. Sätze. Praxis Deutsch, 147, 1998. – S. 12–22.

6. Portmann, Paul R. Zur Pilotfunktion des bewussten Lernens. In: Peter Eisenberg & Peter Klotz (Hrsg.): Sprache gebrauchen – Sprachwissen erwerben. Stuttgart: Klett, 1993. – S. 97–117.

7. Чечетка В.И. Чтение на иностранном языке как важнейший фактор улучшения понимания профессиональных текстов// Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 4 (51). 2023.– С. 103-110.

8. Пашковская Н.Д. Формирование навыка иноязычного общения на основе профессионально-ориентированного текста/ Н.Д. Пашковская, А. Р. Магдеева // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-navyka-inoyazychnogo-obscheniya-na-osnove-professionalno-orientirovannogo-teksta (дата обращения: 13.02.2024).

9. Ruhmann, Gabriela. Keine Angst vor dem ganzen Satz. Zur Schreibförderung am Studienbeginn. Der Deutschunterricht 53, 2000. – S. 43–51.

References

1. Chechetka V.I. Learning to compile a portfolio in business foreign language classes at a non-linguistic university / V.I. Chechetka, L.V.Lukina// Anthropocentric sciences in education : a collection of scientific articles of the XIX International scientific and practical conference on November 28-29, 2023 (Voronezh, Russia) / editor: E. P. Komarova (ed.) [and others]. - Voronezh : Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2023. – pp. 58-61. – ISBN 978-5-4446-1856-1

2. Krings, Hans P. Schreiben in der Fremdsprache – Prozessanalysen zum ›vierten skill‹. In: Gerd Antos & Hans P. Krings (Hrsg.): Textproduktion. Ein interdisziplinärer Forschungsüberblick. Tübingen: Niemeyer, 1989. – S. 377–436.

3. Mertens-Berkenbring, Ursula. Gesellschaftliche Integration und kooperative Übungsformen. In: Volker Kilian et al. (Hrsg.): Deutsch als Zweitsprache in der Erwachsenenbildung. Curriculumentwicklung – Übungsmaterial – Lehrerfortbildung. Berlin und München: Langenscheidt, 1995. – S. 128–156.

4. Ott, Margarete. Erforschung schriftsprachlicher Erwerbsprozesse in der Sekundarstufe I bei Muttersprachlern und Zweitsprachlern unter didaktischem Aspekt. In: Clemens Kammler & Werner Knapp (Hrsg.): Empirische Unterrichtsforschung und Deutschdidaktik. Baltmannsweiler: Schneider-Verl. Hohengehren, 2002. – S. 200–214.

5. Peyer, Ann. Sätze. Praxis Deutsch, 147, 1998. – S. 12–22.

6. Portmann, Paul R. Zur Pilotfunktion des bewussten Lernens. In: Peter Eisenberg & Peter Klotz (Hrsg.): Sprache gebrauchen – Sprachwissen erwerben. Stuttgart: Klett, 1993. – S. 97–117.

7. Chechetka V.I. Reading in a foreign language as the most important factor in improving the understanding of professional texts// Topical issues of modern philology and journalism. No. 4 (51). 2023.– pp. 103-110.

8. Pashkovskaya N.D. Formation of foreign language communication skills based on a professionally oriented text/ N.D. Pashkovskaya, A. R. Magdeeva // Problems of modern pedagogical education. 2023. No.79-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-navyka-inoyazychnogo-obscheniya-na-osnove-professionalno-orientirovannogo-teksta (date of application: 02/13/2024).

9. Ruhmann, Gabriela. Keine Angst vor dem ganzen Satz. Zur Schreibförderung am Studienbeginn. Der Deutschunterricht 53, 2000. – S. 43–51.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК: 82
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.020

Санкт-Петербургский государственный Медицинский университет им. И.И. Мечникова
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка
Белова А.В.
Россия, Санкт-Петербург,
+79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

St.Petersburg State Medical University named after I.I.Mechnikov
PhD in Philology, assistant professor of Russian language
Belova A.V.
Russia, Saint-Petersburg,
+79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

А.В. Белова

«АЛКОГОЛИЗМ И ВОЗМОЖНАЯ С НИМ БОРЬБА» АЛЕКСАНДРА ЧЕХОВА

Тема алкоголизма была близка Александру Павловичу Чехову, беллетристу и журналисту, репортеру газеты «Новое время», старшему брату Антона Чехова, проявляясь и в его жизни, и в его творчестве. Среди многочисленных рассказов Александра Чехова, посвященных этой теме, можно выделить, например, «Бабье горе», один из лучших его рассказов. В нем четко прослеживаются личные темы автора, в том числе и такой порок, как пьянство. В переписке братьев Александра и Антона Чеховых часто встречаются упоминания об этом недуге и происшествиях, которые из-за него возникали в жизни Александра Павловича. Александр Чехов активно участвовал в создании колонии для лечения больных алкоголизмом. В 1897-ом году Александр Павлович вместе с профессором психиатрии В.В. Ольдерогге начинает эпопею по устройству изоляционной колонии больных-алкоголиков, предпринята поездка по островам Финского залива в поисках места. Ал.П. Чехов регулярно публиковал материалы, посвященные этому вопросу, например, в газете «Новое время», о работе специальной комиссии из юристов, психиатров и антропологов, созданной во имя борьбы с пьянством, о предлагаемых методах лечения алкоголизма, об устройстве колонии. Им была подготовлена и опубликована в 1897 году в издательстве А.С. Суворина брошюра «Призрение душевнобольных в Петербурге. Алкоголизм и возможная с ним борьба». Александр Павлович неоднократно упоминал в письмах к брату Антону Павловичу о своей проблеме с алкоголем, пытался бороться с ней, поэтому к теме лечения алкоголиков безразлично относится не мог. В 1899 году Александру Чехову был вручен диплом в благодарность за помощь в организации колонии.

Ключевые слова: Александр Чехов, алкоголизм, письма.

A.V. Belova

«ALCOHOLISM AND A POSSIBLE FIGHT WITH IT» BY ALEXANDER CHEKHOV

The topic of alcoholism was close to Alexander Pavlovich Chekhov, a fiction writer and journalist, reporter for the newspaper “Novoye Vremya”, Anton Chekhov’s older brother, being reflected in both his life and his work. Among the numerous stories by Alexander Chekhov devoted to this topic, one can highlight, for example, “A Woman’s Grief,” one of his best stories. It clearly traces the author’s personal themes, including such a vice as drunkenness. In the correspondence of the brothers Alexander and Anton Chekhov, there are often references to this illness and the incidents that arose because of it in the life of Alexander Pavlovich. Alexander Chekhov actively participated in the creation of a

© Белова А.В., 2024

colony for the treatment of alcoholism patients.In 1897, Alexander Pavlovich, together with professor of psychiatry V.V. Olderogge begins an epic plan to set up an isolation colony for sick alcoholics; a trip is taken to the islands of the Gulf of Finland in search of a place. Al.P. Chekhov regularly published materials on this issue, for example, in the newspaper "Novoye Vremya", about the work of a special commission of lawyers, psychiatrists and anthropologists created in the name of combating drunkenness, about proposed methods of treating alcoholism, about the structure of the colony. He prepared and published it in 1897 in the publishing house A.S. Suvorin brochure "Charity for the mentally ill in St. Petersburg.Alcoholism is a possible fight against it." Alexander Pavlovich repeatedly mentioned his problem with alcohol in letters to his brother Anton Pavlovich, tried to fight it, so he could not be indifferent to the topic of treating alcoholics. In 1899, Alexander Chekhov was awarded a diploma in gratitude for his help in organizing the colony.

Key words: Alexander Chekhov, alcoholism, letters

«Пьяница!» [1; с. 549], «Раскаявшийся пьяница» [1; с. 551], «Алкоголизмус!» [1; 579], «Ненастоящий Чехов! Ну, как Вы себя чувствуете? Пахнет ли от вас водочкой?» [1; 532] - так часто обращался Антон Павлович Чехов в письмах к своему старшему брату Александру, который не оставался в долгу и парировал: «Брат пьяницы!» [1; с. 551].

Вот как вспоминает об Александре Павловиче И.А. Бунин: «Он (Антон Павлович - А.Б.) много говорил о своих братьях, Николае, Александре, которого он ставил очень высоко и бесконечно жалел, так как он иногда запивал, - этим он объяснял, что из него ничего не вышло, а одарен он был щедро. Александр был человек редко образованный: окончил два факультета - естественный и математический, много знал и по медицине. Хорошо разбирался в философских системах. Знал много языков. Но ни на чем не мог остановиться. А как он писал письма! Прямо на удивление. Был способен и на ручные работы, сам сделал стенные часы. Одно время был редактором пожарного журнала. Над его кроватью висел пожарный звонок, чтобы он мог всегда знать, где горит. Он был из чудаков, писал только куриными перьями. Любил разводить птицу и сооружал удивительные курятники, словом, человек на редкость умный, оригинальный. Хорошо понимал шутку, но последнее время стал тяжел: когда был трезв, то мучился тем, каким он был во хмелю, а под хмелем действительно был тяжел. Я спросил Антона Павловича:

- А не мучается ли он, что вы заслонили его как писателя?

Он улыбнулся своей милой улыбкой и ответил:

- Нисколько, ведь и пишет он между делом, так, чтобы лишнее заработать. Да я и не знаю, что его больше интересует: литература, философия, наука или куроводство? Он слишком одарен во многих отношениях, чтобы отдаться чему-нибудь одному... Вот и брат Михаил служил в финансовом ведомстве, бросил, работает по книжному делу у Суворина. Пишет рассказы, но никаких усилий не делает, чтобы стать настоящим писателем. У нас ведь нет такого честолюбия, как у многих писателей нынешних. У нас у всех есть любовь к тому делу, над каким мы трудимся» [2; с.128].

Антон Павлович писал в письме к А.С. Суворину от 10 октября 1888 года писал: «Что мне делать с братом? Горе, да и только. В трезвом состоянии он умён, робок, правдив и мягок, в пьяном же – невыносим <...> Но у нас в роду нет пьяниц. Дед и отец иногда напивались с гостями шибко, но это не мешало им благовременно приниматься за дело или просыпаться к заутрене. Вино делало их благодушными, оно веселило сердце и возбуждало ум» [3; с.23-25].

Из воспоминаний младшего сына Ал.П. Чехова Михаила Александровича Чехова, актёра МХАТа, создателя своей актёрской школы в США, где жил с 1939-го года: «Антон Павлович Чехов говорил про него: - Александр гораздо способнее меня, но он никогда ничего не сделает из своего таланта - его погубит болезнь» [4; с.14]; о тяжелых запоях отца: «Отец никогда не уезжал, он внезапно исчезал, и через несколько дней после его исчезновения мать получала письмо или краткую телеграмму: «Я - в Крыму», «Я - на Кавказе». Он любил путешествовать и умел это делать» [4; с.80–81], «но печальны были его возвращения, - добавляет Михаил Чехов. - Печальны потому, что отец возвращался больным. Он страдал тяжелыми, изнурявшими его физически и нравственно приступами запоя. Его исчезновения были мучительной борьбой с приближавшимися припадками. Его колоссальная воля

задерживала наступление болезни надолго, но болезнь всегда побеждала его, и он, сгорая от стыда и мучаясь за мать и за меня, с болью в голосе тихо говорил:

- Мать, пошли, милая за пивом <...> В первые дни своей болезни отец ходил по притонам и ночным чайным той дачной местности, где мы жили, беседовал с жуликами, ворами и хулиганами и раздавал им деньги. Популярность его в их кругу была очень велика. Они любили и уважали его. И не только за его деньги, но за те беседы, которые он вел с ними» [74; с. 48–49].

В связи с биографическими воспоминаниями Александра Павловича о детстве Антона Павловича Мария Чехова писала так: «Старший брат, при всех его способностях и талантливости, был больным человеком и во время вспышек болезни (запоя) много фантазировал» [5; с.16].

«Александр Павлович Чехов был человек нездоровый, наклонный подчас сильно выпить» [6, 115] - так отзывается Н. М. Ежов в своих воспоминаниях об Ал.П. Чехове.

Тема алкоголизма проходит сквозь жизнь и творчество Александра Павловича. Среди многочисленных рассказов, посвященных этой теме, можно выделить, например, «Бабье горе», один из лучших рассказов Ал. П. Чехова. В нем четко прослеживаются личные темы автора, в том числе и такой порок, как пьянство.

В переписке братьев Александра и Антона Чеховых часто встречаются упоминания об этом недуге и происшествиях, которые из-за него возникали в жизни Александра Павловича:

«Всем своим существом прошу: не гневайся на меня. Сегодня ровно неделя, как я мучаюсь и нравственно, и физически. Тотчас по приезде в Питер я захворал и слег в постель, так что пришлось звать доктора. Пьяные подвиги не прошли даром; четыре дня была беспрерывная рвота, истощившая меня до положения мочалки. За все время я не спал и не питался. Вчера только в желудке удержался первый стакан молока, а сегодня я еле могу двигать пером и вылезаю из норы на улицу, чтобы отправить тебе деньги. При таких условиях я не заработал ни одного пятака <...> Нет, будет! Это в последний раз в жизни!.. Шабаш!» [1; с.533];

«Пьяница! <... > Я написал (Антон Чехов в письме А.С. Суворину - А.Б.), что в пьяном образе ты склонен к гиперболам и экстазу: ты туманишься, забываешь чин свой и звание, оттягиваешь вниз губу, несешь чепуху, кричишь всему миру, что ты Чехов, и наутро рвешь… Вечером и ночью врешь, а утром рвешь <...> Когда бываешь выпивши, не прячь этого от редакции и не оправдывайся. Лучше начистоту действовать...А главное - старайся прочно пригвоздиться к делу, тогда никто не поставит удаль в укор молодцу. Да и на какой леший пить? Пить - так уж в компании порядочных людей, а не solo и не черт знает с кем. Подшофейное состояние - это порыв, увлечение, так и делай так, чтоб это было порывом, а не делать из водки нечто закусочно-мрачное, сопливое, рвотное - тьфу!» [1; с.549];

Александр Павлович отвечал: «Выдержал у Суворина вполне заслуженную и подавляющую всепрощением встрепку за поклонение Бахусу. Повесил было нос, но теперь снова наладилось, и старичина снова ласков со мной» [1; с. 551];

«Мои дела довольно плохи. Простудился я или сказались пьянственные грехи - не знаю, но кашляю я и днем и ночью с натугою, доходящей до ругани. Сегодня идет пятнадцатый день этого удовольствия. Сначала я предполагал инфлюэнцу, но потом решил, что тут дело пахнет расплатою за грехи блудно прожитой молодости <...> Я с тобою откровенен был всегда и на этом основании сознаюсь тебе чистосердечно, что струсил я ужасно от мысли, что живот мой ко аду приблизися, и в настоящую минуту трушу. Картины рисуются самые скверные. Гоню я их от себя, но они лезут. Питие неисчерпаемое я бросил, только не поздно ли? Жаль будет, если да» [1; с.607];

«Старею и дряхлею. Выпитое в юности сказывается в старости» [1; с.625];

«Завидую тебе, тому, что ты бросил курить: мне это никак не удается. Насчет «бросил пить» - руку, товарищ! Я уже пятый месяц трезвенничаю абсолютно и нахожу, что никому и

ничему я этим жертв не приношу, а чувствую себя сравнительно прекрасно. Потребности не только нет, но даже иногда я жалею, зачем я прежде пил. Ныне становится даже противно, если на конке от соседа «водочкой пахнет». Впрочем, грех осуждать, Антоша. На том свете взыщется» [1; с. 651];

«После твоего отъезда из Питера я не пил ничего абсолютно. Думаю не пить и всю дорогу (имеется в виду поездка в Таганрог - А.Б.) и надеюсь, что выдержу, ибо много дум в голове, много замыслов и немало надежд на поправку здоровья» [1; с. 694-695];

«Не пил и не пью абсолютно уже 3-й месяц и приписываю это направлению, которое мне давали в молодости родители» [1; с.703];

«Юбилей «Нового времени» встретили и провели отчетливо. Я не только пьян не был, но даже в рот не брал» [1; с. 709];

«Ничего не пью, ем умеренно, t ниже нормальной (35,6), а вторые сутки преследует меня рвота и слабость, как бы после пьянства» [1; с. 712];

О поездке в Киев: «Позорно обворован в вагоне с наркозом. Семь врачей - яко наг, яко благ, я восьмой» [1; с.712];

«Сердце дурит: из лап медиков не выхожу. Говорят, что я здорово «нахлестал» его алкоголем, а теперь, когда алкоголь брошен, нахлестываю его непосильной работой и чрезмерным трудом… Впрочем, я вам, медикам, верю мало. Я здорово пил в 80-х годах, а теперь - конец 90-х. Десятилетняя давность прошла, значит, сердце ерундит не по закону»; [1; с.790].

«Сегодня ночью чуть не издох: сердце производило систолы и диастолы с каким-то тяжелым для меня свистом, а в сонных артериях жужжали шмели. Здорово я струсил. Не пей, Антоша, в молодости!» [1; с.796] и т. п.

В книге А.П. Кузичевой читаем: «Весной 1898 года Александр так страшно запил в Москве, что, не помня ничего, спрашивал у Ивана, не просил ли денег на обратную дорогу, «не наделал ли каких-нибудь глупостей, за которые пришлось бы извиняться...Никогда в жизни не допивался до такого сплошного одурманивания. Грех, да и только»!» [7; с.142].

Тема алкоголизма не может не тревожить Александра Павловича, и в 1897-ом году Александр Павлович вместе с профессором психиатрии В.В. Ольдерогге (В.В. Ольдерогге - известный профессор, лечивший алкоголиков гипнозом - А.Б.) начинает эпопею по устройству изоляционной колонии больных-алкоголиков, предпринята поездка по островам Финского залива с в поисках места. Тогда же Ал.П. Чеховым написана и издана брошюра «Призрение душевнобольных в Петербурге. Алкоголизм и возможная с ним борьба».

«Судьба (а может и он сам) - вспоминает Михаил Александрович Чехов, - подшутила над ним: он был автором книг на тему «Алкоголизм и борьба с ним» <…> однажды отец согласился на опыт гипноза. Отец и О. (В.В. Ольдерогге - АБ) сели друг против друга и, если мне не изменяет память, О. быстро задремал под взглядом отца» [8; с. 13].

В 2012 году был издан сборник в 2-х томах «Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию». Книга адресована всем интересующимся психиатрией, ее историей, историей медицины и Санкт-Петербурга. В первом томе помещен очерк Александра Павловича Чехова, которое печатали по изданию:

Чехов А. П. 1. Призрение душевнобольных в Петербурге. 2. Алкоголизм и возможная с ним борьба. - СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1897. - 181 с. Была опубликована первая часть, посвященная содержанию душевнобольных в Петербурге [9; с. 219-274].

В предисловии читаем: «Александр Павлович Чехов - известный писатель, публицист, журналист, одним словом литератор. Значительную часть его творчества составляют публицистические очерки, посвященные специфическим сторонам современного ему быта. Среди них важное место занимает воспроизводимое нами издание, где описывается состояние психиатрической службы города во всем ее многообразии. Автор подчеркивает положительные стороны и не скрывает существующие проблемы. Первоначально эти очерки были опубликованы в газете «Новое время», в которой работал автор, а в 1897 году были

собраны в одной книге» [7; с. 219].

В брошюре объединены два материала (об душевнобольных и алкоголиках), поскольку оба они взаимосвязаны между собой и представляют собой явления, о которых обычно принято в обществе умалчивать. Однако, и тех и других следует лечить и помогать им, в том числе решать и проблему их размещения. Вот как пишет Александр Павлович об положении дел в отношении таких больных в недалеком прошлом: «Восемь тому назад душевнобольные, алкоголики, страдающие белой горячкой и различными видами нервных расстройств, принимались в полицейские приемные покои и содержались там до более или менее благоприятных обстоятельств, когда можно было или разместить их по больницам <...> Переживая без врачебной помощи острый период в полицейских покоях, заболевшие иногда волей-неволей переходили в состояние хронического заболевания, мало или же вовсе не поддающегося лечению <...> В настоящее время душевнобольные уже не терпят мытарств при полиции. Их доставляют прямо в больницу при форменных «отношениях», и больница принимает их без отговорок» [9; с. 223-224]. Александр Павлович описывает существующие лечебные заведения, в которых содержатся такие больные (больница Николая Чудотворца, больница св. Пантелеймона, Новознаменская дача, Уткинская дача и др.), а также устройство, лечение, медицинский и надзирательский персонал, режим и быт пациентов.

О призрении психических больных Александр Чехов также неоднократно пишет в письмах к брату Антону Павловичу: «В начале лета доканчивал поклонение Baccho (Бахусу - А.Б.), начатое поездкой в Киев. Ныне здрав и работаю довольно усердно, но превращу рукописи в деньги не скоро. Теперь снова занялся сумасшедшими и изучаю призрение душевнобольных в Петербурге» [1; с. 713]; о фельетоне в сумасшедшем доме: «Кстати, будь добр, выручи из «Русской мысли» мою злополучную рукопись [1; с. 714]; «Вызволи поскорее из «Русской мысли» мою «сумасшедшую» рукопись. Теперь, когда идут в «Новом времени» мои фельетоны о психиатрии и производят некоторый эффект, я мог бы легко пристроить рукопись в Питере» [1; с. 715].

О своем труде про алкоголизм Александр Чехов отозвался в письме к брату так: «Посылаю брошюру, которую некий ревнитель трезвости раздает, издав на свой счет, в церквах в предупреждение пианства. Просил его фамилию держать в секрете» [1; с. 722], на что Антон Павлович ему отвечал в том же юмористическом духе: «Алкоголизм» получил и очень рад, что тебя пропечатали не Павловичем, а Лукичом. Так тебе и нужно» (брошюра Ал.П. Чехова «Алкоголизм и возможная с ним борьба», изданная петербургским союзом трезвенников. СПб., 1897. На обложке брошюры было ошибочно напечатано: «Сочинение А.Л.Чехова» - А.Б.) [1; с. 722].

В тексте одной из статей Александра Чехова («Алкоголизм и возможная с ним борьба»), написанной в свойственной ему ироничной манере, опубликованной в № 7945 газеты «Новое время» о работе специальной комиссии из юристов, психиатров и антропологов, созданной во имя борьбы с пьянством читаем: «С замиранием ждут, не скажет ли комиссия того заколдованного слова, которое спасло бы или излечило» («Новое время» от 12 (24) апреля 1898 г.). В комиссии принимали деятельное участие М. Н. Нижегородцев, В. М. Бехтерев, А. Я. Данилевский, Г. И. Дембо, С. Н. Данилло, В. В. Ольдерогге, Д. А. Дриль, И. В. Сажин и др. Именно в этой статье Александр Чехов упоминает о докторе В.В. фон-Ольдерогге, который нашел несколько островов в Финском заливе для устройства колонии для алкоголиков.

Среди статей, посвященных алкогольной теме Александр Павлович упоминает и эту: «Вчера сдал, т.е. отнес в редакцию «Журнал для всех» статью об алкоголизме - «Современное состояние вопроса об алкоголизме» - строк 300» [1; с. 782].

Тема колонии для больных алкоголизмом будет прослеживаться в переписке братьев Чеховых на протяжении трех лет с августа 1897 года по 1899 год (год основания колонии), да и после этого о ней будет упоминать Александр Павлович, вплоть до 1903 года, сообщая о

действующем лечебном заведении, которое было создано благодаря и его трудам. Путь это был непростой, и о каждом шаге Александр Павлович аккуратно сообщал в своих письмах к брату Антону:

«Я уже писал тебе о результатах у Витте (С.Ю. Витте - министр финансов - А.Б.). Они благоприятны: он обещал самую широкую поддержку. Но Ольдерогге как фанатик, кажется, испортит все дело. Он составил для В. Проект-смету с затратою 63-х тыс.руб. Единовременно и 12 тыс.р. ежегодной субсидии, ясное дело, что В. таких сумм не даст. Несмотря на все усилия, мне не удастся урезонить этого ребенка-идеалиста. Острова уже куплены. Превосходны» [1; с. 746];

«Ездил я с Ольдерогге, после твоего отъезда, несколько раз в Финляндию. Острова найдены. Идут переговоры с аборигенами о купле-продаже. Витте, обещавший «самую широкую поддержку», широчайшим образом молчит и помощи нам не тщится. По требованию Дофина (Алексей Суворин, сын А.С. Суворина - А.Б.) написал два фельетона на алкогольную тему, но он их затерял. Публика же нашим делом заинтересована и ждет развязки. [1; с. 747];

«Сегодня ночью я уезжаю на Аландские острова на Балтийском море ...Еду я вот почему и зачем...Сам я, как ты знаешь, не безгрешен, сам знаю тяготу алкоголизма <...> Клинических картин я насмотрелся достаточно. Написал я, как тебе известно, несколько фельетонов на эту тему. Эффект получился довольно приличный. Нашлись доброхоты - большей частью измочаленные пьянством , - которые дают деньги (до 25 000 руб.) для того, чтобы основать колонию для алкоголиков...Теперичкэ психиатр Ольдерогго и я едем на Аландские острова, где нам предлагают Лоцмановское ведомство Финляндии три острова для колоний. Ольдерогге хлопочет о врачебно-психиатрической стороне дела, а я рассчитываю в будущих фельетонах описать то, что я видел, слышал и чего можно ожидать от этой затеи. В Финляндии все дешево. Ввиду этого я нанимаю пароход за свой собственный счет из Або на Аланды.. Но если мне, под диктовку психиатрии, удастся организовать колонию для алкоголиков и таким путем помочь хоть двум-трем Свешниковым, то я умру с сознанием, что жил не совсем даром...может быть, я и ошибаюсь и, может быть, пропагандирую не то, что нужно. Но меня Бехтерев и Черемшанский (люди тебе известные) убеждают, что я делаю доброе дело. А приступаю я к нему, к этому делу, со страхом и с трепетом» [1; с. 740-741];

«Затеянная и излюбленная Ольдерогге и мною идея колонии алкоголиков на островах близка, кажется, к осуществлению. Что могли - сделали по силам. Общее сочувствие. Во главе дела поставили в виде затычки принца Ольденбургского. Авось вывезет. Не погибать же алкоголикам! Дай Бог сделать что-либо мало-мальски доброе. И мало-мальски хорошее пригодится. Любопытства ради, если тебя как врача поинтересуют ходы комиссии по алкоголизму, прочти мою статью в № 7945» [1; с. 771];

«Наше с Ольдерогге дело по устройству колонии для алкоголиков раздвоилось: в Питере мы основываем лечебницу для острых и, независимо от нее, колонию для хроников на острове. Витте уже отпустил 44 тысячи на лечебницу; даст и еще 100 т. на колонию. Дело идет на лад, и, кажется, мы кое-что создадим такое, что умирать будет не стыдно. Пожелай нам успеха» [1; с. 775];

«Об алкогольном предприятии писать можно, что оно идет на лад. Нам отпущено 42 тысячи на лечебницу, а 60 тыс на колонию - еще ждем и о них хлопочем» [1; с. 777];

«Лечебницу для алкоголиков Ольдерогге открывает 1-го января 1899 года. Затея на островах не выгорела. Мешает финляндский патриотизм и сепаратизм» [1; с. 790];

«Радуйся! Вчера мы открыли, наконец, благотворительное общество в пользу пьяниц. Будем учреждать лечебницы и колонии. Прочти мой отчет в «Новом времени» (если его редакция, сокращая, не испакостит). Председателем - Мержеевский, вице - Ольдерогге. Я - членом совета. Попадись ты мне теперь в пьяном виде. Узнаешь кузькину мать...» [1; с. 818].

Антон Павлович одобрительно отзывался о хлопотах старшего брата: «Я согласен и

верую, что польза выйдет огромная и даже ты можешь получить серебряную медаль на Станиславской ленте для ношения на шее, но при условии, что вопроса ты не бросишь на полдороге, а упрямо будешь возиться с ним всю жизнь, так сказать, до гробовой доски. Это любопытный вопрос, ибо вытекает из него доброе, а главное - умное дело» [1; с. 742]. В письме к старшему брату Антон Павлович пишет: «В последнем номере «Недели» прочти статью об алкоголизме: упоминают о тебе» [1; с. 745] (речь идет о статье П. Алексеева «Пьянство и безумие», напечатанной в газете «Неделя», 1897, № 29, 20 июля; в сноске к этой статье говорилось: «У нас по инициативе Ал. П. Чехова (брата знаменитого писателя) возник проект учреждения на одном из пустынных островов Финского залива лечебного учреждения для пьяниц». Автор статьи имел в виду заметку Ал. П. Чехова «Алкоголизм и возможная с ним борьба» («Новое время», 1898, № 7945, 12 апреля), в которой говорилось: «Нужны лечебницы специальные, непременно изолированные от мира и от соблазнов, откуда нельзя было бы совершать побегов. Удастся ли отыскать скоро такие укромные и уединенные места на суше, пока еще неизвестно, т.к. их еще никто не искал. Но в море они уже найдены. Это те острова, которые доктор В. В. Ольдерогге отыскал в Балтийском море и о которых я уже подробно говорил в своем месте». В этом же письме Антон Павлович интересовался ходом дела: «Был ли Ольдерогге у Витте? Результаты?» [1; с. 745].

Антон Павлович Чехов активно содействовал организации колонии, о чем свидетельствует и следующая выдержка из письма В.В. Ольдерогге к А.П. Чехову от 31 июля 1897г.: «Благодаря Вашему слову перед Суворинym я был принят Витте <...> Он мне предложил изложить всё это на бумаге и передать ему лично и пообещал «широкую» помощь. Не знаю, что сделаю, но Вы и брат Ваш оказали этому делу уже великую услугу <...> Позвольте выразить мою глубокую признательность перед Вами за отзывчивость Вашу к чужому, как бы могло казаться, делу и задачам, благодаря которой надежды брата Вашего и мои на устройство колоний для алкоголиков сделали на пути к осуществлению, как мне думается, крупный и быстрый шаг вперед» [3; с. 67-68].

О трудах Александра Чехова читаем и в письме Георгия Митрофановича Чехова к Антону Павловичу от 8 августа 1897 года: «Александр Павлович занят алкоголизмом, и я читал целый ряд его статей о том, какими разнообразными средствами прибегают финляндцы для борьбы с алкоголизмом в Финляндии: Александр, значит, побывал там и теперь рассказывает, каким энергичным борцом против пьянства является велосипед. Не приобрел ли он себе велосипеда? Удивительно, какой он интересный человек!» [10; с. 540].

В 1899 году Александру Чехову был вручен диплом в благодарность за помощь в организации колонии: «Получил диплом почетного члена от алкогольного общества за труды по устройству лечебницы и приобретению островов для колонии» [1; с. 825].

И последнее упоминание в письме 1903-го года: «Основанная Ольдерогге и мною колония в финляндских шхерах, действует. Если запьешь, милости просим к нам» [1; с. 843].

О колонии для больных алкоголизмом находим упоминание в 1903 году в журнале «Вестник трезвости»: годовой комплект журнала с рекламой «Колонии наркоманов и алкоголиков во имя св. Леонида доктора Ольдерогге» (Вестник трезвости. Ежемесячное издание/ ред.-изд. д-р Н.И. Григорьев. №№ 97-108 (годовой комплект). СПб., 1903. 48 с. Журнал посвящен вопросам, как бороться с пьянством, какие меры принимать против этого зла в жизни общественной и семейной, в школах и в войсках»).

Александр Чехов неоднократно признавал свою проблему, пытался бороться с ней, поэтому к теме лечения алкоголиков безразлично относится не мог: «Сам я, как ты знаешь, не безгрешен, сам знаю тяготу алкоголизма, а потому тебе и должна быть понятна моя забота о борьбе с алкоголизмом» [1; с. 740], он понимал всю пользу этого предприятия: «Кажется, мы кое-что создадим такое, что умирать будет не стыдно» [1; с. 775].

Библиографический список

1.Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка // Под ред И.Н. Сухих. Сост., подг. текста и коммент. Е.М. Гушанской, И.С. Кузьмичева. М.: «Захаров», 2012. 960 с.

2. Чехов А.П. в воспоминаниях современников. Москва: Гослитиздат, 1960. 208 с.

3.Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974-1983. Т. 3.

4. Чехов М. А. Путь актёра: Жизнь и встречи / Михаил Чехов. М.: Издательство АСТ, 2019. 352 с.

5. Чехова М. П. Из далекого прошлого. М.: Гос.изд-во художественной литературы, 1960. 290 с.

6. Ежов Н. М. А.С. Суворин/ Николай Ежов// Исторический вестник. 1915. № 1. С. 115.

7. Кузичева А. П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». М.: Молодая гвардия, 2012. 848 с.

8. Чехов М. А. Литературное наследие. В 2-х т. М.: Искусство, 1995. Т.1. 542 с.

9. Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Том I. История. СПб.: «Издательскополиграфическая компания «КОСТА», 2012. 584 с.

10. Алферьева А.Г., Кожевникова Е.А., Коноплева Е.П., Малых И.В., Шипулина О.А., Щеглова С.А. Таганрог и Чеховы: Материалы для биографии А.П. Чехова/ Науч.ред. и предисл. И.Е. Гитович. Таганрог, 2003.

References

1. Alexander and Anton Chekhov. Memories. Correspondence // Edited by I.N. Dry. Comp., preparation of text and commentary. EAT. Gushanskaya, I.S. Kuzmicheva. M.: “Zakharov”, 2012. 960 p.

2. A.P. Chekhov in the memoirs of his contemporaries. Moscow: Goslitizdat, 1960. 208 p.

3. Chekhov A.P. Complete works and letters: In 30 volumes. Letters: In 12 volumes / USSR Academy of Sciences. Institute of World Lit. them. A. M. Gorky. - M.: Nauka, 1974-1983. T. 3.

4. Chekhov M. A. The actor’s path: Life and meetings / Mikhail Chekhov. M.: AST Publishing House, 2019. 352 p.

5. Chekhova M. P. From the distant past. M.: State Publishing House of Fiction, 1960. 290 p.

6. Ezhov N. M. A.S. Suvorin / Nikolai Yezhov // Historical Bulletin. 1915. No. 1. P. 115.

7. Kuzicheva A.P. Chekhov. The life of an individual. M.: Young Guard, 2012. 848 p.

8. Chekhov M. A. Literary heritage. In 2 volumes. M.: Art, 1995. T.1. 542 s.

9. St. Petersburg Psychiatric Hospital St. Nicholas the Wonderworker. To the 140th anniversary. Volume I. History. St. Petersburg: “Publishing and printing company “COSTA”, 2012. 584 p.

10. Alferyeva A.G., Kozhevnikova E.A., Konopleva E.P., Malykh I.V., Shipulina O.A., Shcheglova S.A. Taganrog and the Chekhovs: Materials for the biography of A.P. Chekhov / Scientific editor. and preface I.E. Gitovich. Taganrog, 2003.

УДК 070-11
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.021

Воронежский государственный университет,
аспирант кафедры литературы и журналистики
Пономарев П. А.
Россия, г. Воронеж, тел. +79103452477
e-mail: ponomarev-pavel-leb@yandex.ru

Voronezh State University,
postgraduate student of the Journalism and Literature Department

Ponomarev P. A.
Russia, Voronezh, tel. +79103452477
e-mail: ponomarev-pavel-leb@yandex.ru

П. А. Пономарев

ПРИНЦИПЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ДИАЛОГА В РОССИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются ключевые этический и аксиологический принципы современной российской публицистики – коммуникативная ответственность автора публицистического текста, ориентация публициста на диалог с аудиторией. Речь идет о том, как в условиях современной медиареальности создавать качественные публицистические материалы, которые бы отвечали принятым в журналистском дискурсе нормам этики, опираясь на традиции отечественной поэтики публицистики. Наше исследование опирается на идеи и принципы представителей воронежской школы журналистики, формировавшиеся примерно в последнюю четверть прошлого века, и в частности, теоретические наработки одного из ключевых представителей этой школы – профессора Л. Е. Кройчика.

В нашем случае разговор о теории, поэтике и практике публицистики расширяется до границ в принципе теории коммуникации, коммуникативистики как области научных знаний о процессах коммуникации. Публицистический акт – создание публицистического текста, его публикация и последующий отклик аудитории – так же является одним из видов коммуникативных актов.

Цель работы: рассмотреть выше обозначенные понятия с точки зрения теории коммуникации; проанализировать их встроенность в современную теорию публицистики и их применение на практике; выявить основные функции данных принципов.

Результатом нашей работы являются рекомендации по применению этих принципов в практической журналистике. В качестве основного вывода может служить тезис о том, что в условиях сложившейся медиареальности, где выгодная интерпретация факта превалирует над его объективностью, опора автора публицистического текста на принципы коммуникативной ответственности и диалога с аудиторией позволит сохранить на качественно высоком уровне содержательный и ценностный аспекты медиатекстов, а также выработать морально-этические нормы современной медиадеятельности.

Ключевые слова: публицистика, коммуникативная ответственность, диалог, коммуникация, коммуникативистика, публицистический дискурс, автор, аудитория.

P. A. Ponomarev

THE PRINCIPLES OF COMMUNICATIVE RESPONSIBILITY AND DIALOGUE IN RUSSIAN PUBLICISTIC DISCOURSE

This article discusses the core ethical and axiological principles of modern Russian journalism such as the journalistic text author's communicative responsibility and the journalist's focus on the dialog with their audience. It concerns creation of quality journalistic materials meeting the ethical standards accepted in journalistic discourse, relying on the traditions of domestic poetics of journalism, in the conditions of modern media reality. Our research is based on Voronezh journalism school representatives' ideas and principles, which were formed approximately in the last quarter of the previous century, and in particular, on the theoretical developments of Professor L. E. Kroychik, one of the key representatives of this school.

© Пономарев П.А., 2024

In our case, the discussion of the theory, poetics and practice of journalism expands to the boundaries of the communication theory and communication studies as a field of scientific knowledge about communication processes as a whole. A journalistic act, meaning the creation of a journalist text, its publication and the audience subsequent response, is also one of the types of the communicative acts.

The purpose of our work is considering above-mentioned concepts in terms of the communication theory; analyzing their embeddedness in the modern theory of journalism and their practical application; identifying the main functions of these principles.

The result of our work is the recommendations on application of these principles in practical journalism. The main conclusion can be the thesis that in conditions of current media reality, where the profitable interpretation of a fact prevails over its objectivity, the journalistic text author's reliance on principles of communicative responsibility and dialog with their audience allows to keep the informative and value aspects of the media texts at high quality level and also to elaborate moral and ethical standards of modern media activity.

Keywords: publicism, communicative responsibility, dialogue, communication, communicology, publicistic discourse, author, audience.

Понять, какой смысл заложен в слове «коммуникация», на самом деле, не так сложно. Для этого нужно «протянуть» цепочку из исходных лексем – слов-первооснов, слов из языка, в котором изначально возникла эта лексическая единица.

Возникла она в латинском языке. Существительное commūnicātiō (в переводе – «сообщение», «передача» (информации)), производное от глагола communicare – изначально в значении «со-общать», т.е. «соединять», «связывать», «делать общим». Впоследствии этот смысл трансформировался. Сегодня в значении слова «сообщать» заключается смысл «говорить», «беседовать», «передавать информацию». Последнее значение наиболее близко к «коммуникации».

В свою очередь, инфинитив communicare в форме 1-го лица единственного числа звучит как «communico» – «сообщаю». Что практически созвучно однокоренному прилагательному communis («общий»). В составе этого слова приставка cum- (варианты com-, co-) – русский аналог «с», «со-» (в значении «вместе»; как видите, на письме это выглядит практически одинаково, независимо от языка) – и существительное mūnus – «обязанность», «служба».

Таким образом, самый общий смысл слова «коммуникация» сегодня – «процесс сообщения». В русском языке это слова впервые появляется в 1709 г. (через польское communicacja, из латинского commūnicātiō) в лексиконе Петра I и Феофана Прокоповича [1; с. 303]. Любопытно, что в то время под словом «коммуникация», попавшим в русский язык из латинского «через французское и польское посредничество», подразумевалось «сообщение во время войны и военных действий» [2; с. 59].

Коммуникация – один из главных признаков социального взаимодействия. Еще в 1970-х гг. сравнительные исследования американских ученых Ф. Дэнса и К. Ларсона показали, что в научной литературе и учебных пособиях встречается 126 определений понятия «коммуникация» [3]. Коммуникация – «это особый тип информационного обмена, форма взаимодействия между группами людей, невозможного без общего культурного кода и языка» [4; с. 79], – определяет исследователь коммуникативных процессов в медиа В. В. Хорольский.

С точки зрения науки понятие коммуникации наиболее всего сопряжено с коммуникативистикой – областью научных знаний, изучающих процесс(ы) коммуникации. Это относительно новая, продолжающая свое формирование научная сфера знаний. Она формируется в начале XX века и изначально базируется на знаниях и представлениях о коммуникации, начиная с Античности (Платон, Аристотель), в самых разных областях интеллектуальной деятельности человека. Первоначально исследователей коммуникативистики интересовало непосредственно газетное дело. После Второй мировой войны круг исследований расширяется до литературы, театра, кино, радио и т.п. К началу 1970-х гг. складываются социологический и теоретико-эмпирический подходы в области коммуникативистики.

Объектом изучения общей теории коммуникации выступает совокупность коммуникативных процессов. Предметом теории коммуникации являются общие закономерности ком-

муникативных процессов в различных областях действительности. Важно отметить, что все эти процессы объединяет изначальная диалогичность, а сами они носят социально значимый характер. Тем не менее, вопрос об объекте и предмете теории коммуникации является дискуссионным, поскольку нет единой теории коммуникации, но есть совокупность различных теоретических подходов. При этом само существование коммуникативистики как самостоятельной научной дисциплины некоторыми исследователями ставится под вопрос.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что предметом исследований коммуникативистики становится многообразие коммуникативных процессов, влияние факторов глобализации на информационное общество и т.д. Объектом исследований коммуникативистики становятся каналы распространения информации, информационные ресурсы современного общества и, в конечном счете, – сам текст (в том числе и в первую очередь – медиатекст).

Таким образом, коммуникативистика – научная сфера знаний, характеризующаяся своей междисциплинарностью. Ее теоретические основы складывалась, исходя не только из таких частностей, как системы социальной и когнитивной психологии, моделирование социальных процессов, практические риторики, практики бизнес-коммуникаций, но и, в первую очередь, из самой медиапрактики середины прошлого – начала нынешнего столетий.

Согласно концепции Э. Мунье, СМИ и в целом процесс коммуникации в XX веке приобрели тоталитарно-воздействующий характер, довлеющий над всеми остальными медиафункциями [5]. Отсюда возникает понятие коммуникативной ответственности, под которым имеется в виду следующее:

1) способность субъекта высказывания к адекватной реакции как на актуальную действительность в целом, так и на коммуникационную деятельность других субъектов высказывания – участников процесса коммуникации, диалога;

2) предвидение различных моделей существования дискурса, в рамках которого происходит деятельность субъекта(ов) высказывания (коммуникативный дискурс, медиадискурс и др.), и, следовательно, купирование возможных негативных последствий этих моделей;

3) стремление к идеальной модели существования обозначенного дискурса.

Современный медиадискурс существует в эпоху относительности истины – в эпоху постправды, порожденную отчасти эпохой постмодерна. Это время, когда собственное мнение (пусть даже ошибочное, дилетантское) превалирует над мнением экспертным, стремящимся к объективной реальности, истинности [6]. Все это имеет прямое отношение к публицистике – виду творческой деятельности, сориентированной на максимальное воздействие на аудиторию с помощью медиа в форме распространения фактов, взглядов и оценок, помогающих познанию закономерностей реальной действительности (определение Л. Е. Кройчика) [7; с. 29].

Наличие коммуникативной ответственности у автора-публициста по отношению к своей деятельности является, на наш взгляд, необходимой составляющей, поскольку говорит о том, какие ценности отстаивает автор в своем тексте. В реалиях постправды, когда превалирует релятивизм ценностей, этот вопрос особенно актуален. Содержание понятия коммуникативной ответственности апеллирует в первую очередь к вопросам этики и аксиологии. «Коммуникативная ответственность с этой точки зрения подразумевает тщательную моральную интерпретацию решений и действий, ориентацию на диалог» [8; с. 48], – пишет Н. А. Воронина. Следовательно, если говорить о коммуникативной ответственности в публицистике и шире – в медиа, то это тоже будет иметь отношение, в первую очередь, к этике и аксиологии как предметным областям науки журналистики.

Иными словами, коммуникативная ответственность – это, скорее, не «про самовыражение», а «про самооправдание» автора. Поскольку процесс коммуникации в этом случае становится первостепенным, то коммуникацию следует рассматривать как диалог двух сторон, в котором субъект сознает свою роль в этом процессе, т.е. осознает себя личностью. Участ-

ники коммуникации становятся участниками общения, т.е. авторами сообщений, адресованных друг другу. Сообщением, в свою очередь, становится некий текст, созданный автором, адресованный другому лицу – предполагаемой аудитории – и стремящийся к обнародованию (публикации). Таким образом, можно утверждать, что процесс коммуникации носит творческий характер, а автор посредством своего творчества создает возможности для дальнейшего поддержания и развития коммуникации. Автор – движущая сила процесса коммуникации. Развиваясь сам, автор совершенствует свою коммуникативную – творческую – деятельность.

В свою очередь ответственность – это способность человека осуществлять ответную на что-либо деятельность, соразмерную с собственной позицией, мироощущением, системой нравственных координат, взятой этим человеком за основу. Это некий результат нравственного развития самого человека – в частности, в процессе взаимодействия с другими людьми. Отсюда – коммуникативный характер этой деятельности. Поэтому понятие «самовыражение» и становится тождественным понятию «самооправдание» в первую очередь в публицистической деятельности – когда автор актом своего публицистического высказывания оправдывает факт своего бытия. Отсюда – идея об антропоцентричности автора в своем тексте. Иначе говоря, автор-личность играет исключительную роль в тексте, а значит, несет ответственность за свое творческое существование, наложенную талантом, способностями и потребностью в выражении собственных идей и чувств, облеченных в эстетическую форму.

Само понятие коммуникативной ответственности относительно новое: оно появилось, судя по результатам современных гуманитарных исследований, в начале нынешнего века [9; 10]. В этом смысле теория коммуникативной ответственности в публицистическом дискурсе нуждается как в научном обосновании, так и в обобщении имеющихся знаний: исследования в этой области довольно хаотичны и слабо систематизированы, а с учетом быстро изменяющейся медиареальности – практически не встроены в современную концепцию российской медиасистемы.

Наиболее эффективная форма коммуникации – диалог, т.е. равноправие сторон, вступающих в коммуникативную связь друг с другом. Диалоговая коммуникация, «образуя общность “МЫ”, создает почву для совместной творческой деятельности, для дружеского общения, для раскрытия и развития личностного потенциала партнеров» [11; с. 87], – утверждает теоретик социальной коммуникации А. В. Соколов. Именно диалоговая форма взаимодействия наиболее полно раскрывает личностные, творческие возможности каждой из сторон.

Понятие «диалог» обширное: он есть практически в каждой сфере, в каждом виде деятельности человека, поэтому само понятие диалога выходит за рамки только научного дискурса. При этом не следует сужать идею о диалоге до пределов внешнего взаимодействия субъекта бытия с другим субъектом. Диалог – это и внутренняя деятельность: работа личности, нравственное самосовершенствование. Ведя внутренний разговор с самим собой, мы принимаем решения и совершаем поступки, соразмерные с нашими взглядами и принципами, отчего и складывается общий уровень нашей нравственности. Диалог – это процесс «события», т.е. слитности собственного существования с миром. Как мир воздействует на нас, так и мы воздействуем на него. Так со-бытие́ становится собы́тием – свершившимся явлением, индивидуализирующимся в своей уникальности и неповторимости.

«В публицистике, – пишет представитель воронежской школы журналистики профессор Л. Е. Кройчик, – со-бытие – непременный энергетический ресурс существования произведения в пределах общественного диалога.

Автор и аудитория ощущают себя равноправными участниками общения, равновеликими субъектами бытия» [12; с. 175].

Нас в первую очередь интересует диалог в публицистике, при котором субъект познания входит в контакт с субъектом высказывания – автором публицистического текста, транслирующим свою точку зрения. В свою очередь, субъект публицистического высказывания ищет «живой отклик аудитории», поэтому именно в диалогичности заключается специфика публицистического слова. При этом такое равноправие, по утверждению Л. Е. Кройчика, «не

сводимо к публикации читательских откликов на выступление прессы – оно заложено в самую суть обсуждения, в публичную постановку вопросов, имеющих актуальное значение. Приглашение к серьезному разговору – первый знак такого равноправия. Знак уважения аудитории» [13; с. 49–50]. Иными словами, публицистический диалог – это равноправное обсуждение социально-культурных проблем представителями всех сторон, а автор и аудитория в публицистике – равноправные участники такого обсуждения, общения. Читатель публицистического текста в таком диалоге – субъект обращения. Он может не видеть своего собеседника, но при этом будет обязательно вести с ним внутренний диалог. Именно в публицистике, на наш взгляд, такой диалог проявляется наиболее ярко, когда актуальная, волнующая информация, подкрепленная авторской позицией, становится темой для обсуждения, причиной формирования новых взглядов и идей. Таким образом, сообщение в публицистическом акте – передача знаний, заложенных в тексте, – имеет двусторонний характер – характер диалога, со-общения – общения сторон, при котором происходит обмен информацией. Поэтому удачный публицистический текст – тот, который вызвал реакцию аудитории и, следовательно, дал автору новые творческие силы (оправдал бытие автора – его «пребывание-в-мире») – можно считать конечным результатом процесса авторского самовыражения – авторским самооправданием. Таким образом, автор-публицист проходит свою творческую эволюцию от потребности самовыражения к потребности самооправдания – т.е. к осмыслению своего и духовного, и физического существования, к гармоничному синтезу окружающей реальности и собственного «Я».

Однако на рубеже минувшего и нынешнего веков потребность в диалоге в информационно-коммуникативном пространстве России утрачивается. В первую очередь исчезает потребность в диалоге с аудиторией у самих журналистов. Хотя именно потребность в диалоге, по мнению Л. Е. Кройчика, породила всю информационно-коммуникативную систему: «Коммуникационная основа СМИ – это диалог передающего сознания с сознанием воспринимающим (подчеркнуто автором – ***П. П.***), основанный на взаимном доверии. Там, где кончается доверие, начинается манипуляция» [14; с. 204]. Отсутствие потребности в диалоге между автором и аудиторией – один из ключевых признаков системного кризиса российского информационного пространства, в котором роль автора публицистического произведения сегодня нивелируется: авторская точка зрения, индивидуальность, творческий стиль и почерк подпадают под общую категорию – так называемый «неформат». Большинство нынешних СМИ, подстраиваясь под массовую аудиторию, унифицируют свои тексты. Таким образом, публицистический дискурс сегодня сведен практически в единое текстологическое пространство (медиапространство), где точка зрения и индивидуальный стиль автора практически нивелированы. В своей последней монографии «Актуальные проблемы теории публицистики» (2021 г.) Л. Е. Кройчик ставит диагноз современной российской публицистике: пассивность. «Индивидуально-неповторимый активно думающий адресант» «вымывается» из современных СМИ. По большей части, сам автор не стремится к демонстрации своего «авторства», прикрываясь «объективностью» и калькируя западный подход «объективной бесстрастности» в своем тексте.

Мы считаем, что принцип диалога в современной системе массовых коммуникаций неотменим. Вся деятельность современных медиа заключается в интерактивной форме взаимодействия с аудиторией. Интеракция – непрерывный диалог. Правда, следует отметить, что сегодня не СМИ/медиа формируют аудиторию, а наоборот – от запросов и реакции аудитории зависит деятельность журналистов. Это – реалии времени, в которых вынуждены работать нынешние медиаспециалисты. Но оценив критически, объективно эти реалии, современные работники медиа должны выработать для себя такие стратегии дальнейших собственных действий, при которых диалог сторон должен выйти на потенциально новый качественный уровень. Принцип коммуникативной ответственности, на наш взгляд, может в этом помочь. В условиях сложившейся медиареальности коммуникативная ответственность субъ-

екта публицистического высказывания и апелляция к ней авторов публицистических текстов может стать скрепой – инструментом, сдерживающим современную медиареальность от ее негативного воздействия как на российское, так и на мировое сообщество. Главная опасность, к которой ведет такое воздействие – состояние «Bellum omnium contra omnes» («Война всех против всех»). Дело в том, что в последние десятилетия в медиапространстве семантические акценты с фактов сместились в сторону оценочных суждений. Иными словами, «это значит, что факт в журналистике даже в идеале перестает быть священной коровой. Его интерпретация может быть столь изощренной, что точность и правдивость деталей не позволяет заметить случайного или намеренного искажения сути проблем» [4; с. 85].

Деятельность нынешних российских публицистов трансформировалась из культурно-просветительской в информационно-обслуживающую и сугубо пропагандистскую. На наш взгляд, современной отечественной публицистике не хватает опоры не столько на воздействующую, сколько на просветительскую функцию. Подталкивать аудиторию к формированию мнения следует не прямой оценкой в лоб, а предоставлением широты знаний, обзорного характера информации. Опора на концепцию коммуникативной ответственности позволит не только повысить уровень материалов российских публицистов, содержательную и ценностную составляющую их текстов, но и выработать морально-этические нормы медиадеятельности в условиях современной реальности, скорректировать работу медиа с точки зрения аксиологической направленности.

Библиографический список

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е – Муж) // Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

2. Раренко М. Б. «Коммуникация»: к вопросу об истории слова в русском языке // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 2. С. 59–69.

3. Dance F., Larson C. The Functions of Human Communication: A Theoretical Approach. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1976. 296 p.

4. Хорольский В. В. Коммуникативистика и теория журналистики в контексте медийной глобализации: методологические загадки // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 8. С. 78–89.

5. Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. 559 с.

6. Keyes R. Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. N.Y.: St. Martin’s Press, 2004. 312 p.

7. Кройчик Л. Е. Актуальные проблемы терминологии современной теории публицистики // Коммуникация в современном мире : Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации» 15-16 мая 2015 г. Часть I (под общ. ред. проф. В. В. Тулупова). Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2015. С. 29–30.

8. Воронина Н. А. Коммуникативная ответственность и уровни ее развития: теоретический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4. С. 47–51.

9. Канке В. А. Этика ответственности. Теория морали будущего. М.: Логос, 2003. 352 с.

10. Матьяш О. И. [и др.] Межличностная коммуникация: теория и жизнь / под науч. ред. О. И. Матьяш. СПб.: Речь, 2011. 560 с.

11. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2002. 341 с.

12. Кройчик Л. Е. Публицистический жанр: природа и стратегия развития // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 171–176.

13. Кройчик Л. Е. Публицистика смутного времени // Современные проблемы журналистской науки : Ежегодный сборник научных статей. Воронеж: факультет журналистики ВГУ, 2009. С. 32–50.

14. Кройчик Л. Е. Актуальные проблемы теории публицистики : монография / Л. Е. Кройчик, Р. В. Жолудь, В. С. Мазенко; под общ. ред. Л. Е. Кройчика. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. 217 с.

Referenses

1. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. t. 2 // Trans. from him. and additional by O. N. Trubacheva. 2nd ed., ster. M.: Progress, 1986. 672 p.

2. Rarenko M. B. 'Kommunikatsiya' (Communication): on the history of the Russian word // PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin. 2020. No. 2. Pp. 59–69.

3. Dance F., Larson C. The Functions of Human Communication: A Theoretical Approach. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1976. 296 p.

4. Khorolsky V. V. Communicology and theory of journalism in the context of media globalization: methodological riddles // Science Journal of VolSU. Literary Studies. Journalism. 2009. No. 8. Pp. 78–89.

5. Munie E. The Manifesto of personalism. M.: Republic, 1999. 559 p.

6. Keyes R. Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. N.Y.: St. Martin's Press, 2004. 312 p.

7. Kroychik L. E. Actual problems of terminology of modern theory of publicism // Communication in the modern world : Materials of the All-Russian scientific and practical conference «Problems of mass communication» on May 15-16, 2015. Part I (under the general editorship of Prof. V. V. Tulupov). Voronezh: Faculty of Journalism, VSU, 2015. Pp. 29–30.

8. Voronina N. A. Communicative responsibility and the levels of its development: a theoretical aspect // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2013. No. 4. Pp. 47–51.

9. Kanke V. A. Ethics of responsibility. The theory of morality of the future. M.: Logos, 2003. 352 p.

10. Matyash O. I. [et al.] Interpersonal communication: theory and life / edited by O. I. Matyash. St. Petersburg: Speech, 2011. 560 p.

11. Sokolov A.V. General theory of social communication. St. Petersburg: Mikhailov V. A. Publishing House, 2002. 341 p.

12. Kroychik L. E. Publicistic genre: nature and development strategy // Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism. 2013. No. 2. pp. 171-176.

13. Kroychik L. E. Journalism of the Time of Troubles // Modern problems of journalistic science : An annual collection of scientific articles. Voronezh: Faculty of Journalism, VSU, 2009. Pp. 32-50.

14. Kroychik L. E. Actual problems of the theory of publicism: monograph / L. E. Kroychik, R. V. Zholud, V. S. Mazenko; under the general editorship of L. E. Kroychik. Voronezh: VSU Publishing House, 2021. 217 p.

ЯЗЫК СМИ
LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 659.181, 351.811.122
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.022

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Магистр факультета дизайна и рекламы
Грамакова А.А.
Россия, г. Москва,
тел.: +7-916-640-84-13
e-mail: anna.gramakova@yandex.ru

Moscow University for Industry and Finance "Synergy"
The department of design and advertising
Master student
Gramakova A.A.
Russia, Moscow, tel.: +7-916-640-84-13
e-mail: anna.gramakova@yandex.ru

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Кандидат психологических наук,
доцент кафедры корпоративной культуры
Шавырина А.А.
Россия, г. Москва, тел.: +7-916-524-46-91
e-mail: anna.a.shavirina@gmail.com

Moscow University for Industry and Finance "Synergy"
The chair of corporate culture
PhD in psychology, associate professor
Shavyrina A.A.
Russia, Moscow, tel.: +7-916-524-46-91
e-mail: anna.a.shavirina@gmail.com

А.А. Грамакова, А.А. Шавырина

СПЕЦИФИКА СЮЖЕТНОГО РЕШЕНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА АУДИОВИЗУАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ И ИНСТАЛЛЯЦИЙ НА ТЕМУ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ГЕОГРАФИИ СОЗДАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

В статье приводятся результаты исследования художественных инсталляций и аудиовизуальной социальной рекламы на тему безопасности дорожного движения в Российской Федерации и за рубежом. Проведенный сравнительный анализ позволяет определить основные тематики видеороликов и разницу в особенностях творческого подхода отечественных и зарубежных авторов, также опыт внедрения инсталляций, связанных с безопасностью дорожного движения, как в России, так и за рубежом. Авторы выделяют направления существующих образцов аудиовизуальной рекламы, каждый из которых классифицируется по тематике проблемы, а затем по применению. Особое внимание уделяется значению социальной аудиовизуальной рекламы для современного общества, поскольку она является важным инструментом формирования общественного самосознания, конструирования общественной позиции и средством коммуникации между обществом и государством. В заключение подводятся итоги об особенностях как графического и сюжетного, так и психологического воплощения социальной аудиовизуальной рекламы на тему о безопасности дорожного движения в разных географических реалиях. Авторы приходят к выводу, что аудиовизуальная социальная реклама и инсталляции играют значимую роль в современных социальных проектах, и это определило обоснованность исследования социальных видеороликов и инсталляций с целью разработки плакатов на тему безопасности дорожного движения. Изучение аналогов в смежных сферах позволило получить более чёткое и детальное представление не только о самых актуальных проблемах, но и об особенностях креативного подхода к созданию социальной рекламы в разных странах, а также выявить, что и в российской, и в зарубежной рекламе присутствует определенная специфика. Следовательно, при разработке социальных рекламных плакатов важно учитывать полный состав и особенности всех элементов социальной кампании, а также планировать проектирование в зависимости от страны, на аудиторию которой предполагается распространять влияние будущего социального проекта.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, дизайн, видеоролики, реклама, визуальный контент, социальная реклама, эффективность.

© Грамакова А.А., Шавырина А.А., 2024

A.A. Gramakova, A.A. Shavyrina

SPECIFICITY OF A PLOT DECISION AND ARTISTIC-PSYCHOLOGICAL COMPONENT OF AUDIO-VISUAL SOCIAL ADVERTISING AND INSTALLATIONS ON THE SUBJECT OF ROAD SAFETY DEPENDING ON THE GEOGRAPHY OF THE CREATION AND APPLICATION

The article presents the results of research of artistic installations and audio-visual social advertising on road safety in the Russian Federation and abroad. The conducted comparative analysis allows to determine the main themes of videos and the difference in the creative approach of domestic and foreign authors, as well as the experience of implementing installations related to road safety, both in Russia and abroad. The authors highlight the directions of existing samples of audio-visual advertising, each of which is classified by the topic of the problem, and then by the application. Special attention is paid to the importance of social audio-visual advertising for modern society, as it is an important tool for the formation of social identity, the construction of public attitudes and the means of communication between society and the state. In conclusion, the article summarizes the features of both graphic and narrative and psychological implementation of social audio-visual advertising on road safety in different geographical realities. The authors conclude that audio-visual social advertising and installations play a significant role in modern social projects, and this determined the validity of the study of social videos and installations for the development of road safety posters. The study of analogues in related fields allowed to obtain a clearer and more detailed understanding not only of the most pressing problems, but also of the features of creative approach to the creation of social advertising in different countries, and to reveal that in Russian, and in foreign advertising there is a certain specificity. Therefore, when developing social advertising posters it is important to take into account the full composition and features of all elements of the social campaign, as well as to plan the design depending on the country, to which the impact of a future social project will be extended.

Key words: road safety, design, videos, advertising, visual content, social advertising, effectiveness.

Безопасность дорожного движения является одной из важных социально-экономических и демографических задач Российской Федерации, а так как ощутимый эффект способны дать зарекомендовавшие себя проекты социальной рекламы и пропаганды, обладающие уникальным механизмом влияния на процесс формирования общественного и индивидуального правового сознания граждан, необходимо принятие мер в области развития данного направления.

Согласно результатам исследования А.Н. Солодовниковой «Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата», безопасность дорожного движения является в Российской Федерации одной из семи главных тем современной социальной рекламы и стоит на втором месте по значимости [1]. Наряду с плакатами, социальные проекты нередко включают различные инсталляции на улицах и в других местах общественного пользования, а во многих случаях в тесной взаимосвязи с плакатами и баннерами определённой рекламной кампании существуют также видеоролики, поскольку их объединяет общая идея, стиль, характер обращения к зрителю и т.д.

Если говорить о **значении социальной аудиовизуальной рекламы** для современного общества, то на сегодняшний день она является важным инструментом формирования общественного самосознания, конструирования общественной позиции и средством коммуникации между обществом и государством. Стоит отметить, что социальная реклама имеет двусторонний характер. И от общества, и от государства зависит то, насколько эффективной и прочной будет общественная взаимосвязь и насколько оперативно будут формироваться поведенческие установки и модели в социуме. Рассматривая рекламу как инструмент воздействия на аудиторию, следует обратить внимание на то, что оно должно отражать положительный эффект, так как реклама является одним из средств становления массового сознания, одним из методов гуманизации общества, направленного на улучшение и возрождение нравственных ценностных ориентиров [2].

В условиях современных общественных реалий социальная реклама продолжает развиваться и формировать социальные взаимоотношения. Исследования, неоднократно прово-

дившиеся западными психологами, показывают, что ролики, часто показываемые на телевидении, автоматически входит в подсознание телезрителя, побуждая его к определенным действиям.

Таким образом, многие исследователи считают, что наиболее эффективна социальная реклама именно на телевидении [3; 4; 5; 6; 7], хотя некоторые придерживаются мнения, что социальная реклама более востребована в сети Интернет [8], что, однако, не меняет сути – речь идёт о видеоформате рекламных сообщений. Данный феномен связан, главным образом, с его специфическими свойствами – способностью сообщать в звукозрительной форме о наиболее важном и насущном. Этому способствует также эффект сопричастности и максимальная персонифицированность. Следует также отметить давно известный факт, что видео обладает множеством преимуществ перед текстом или звуком, поскольку зритель быстрее запоминает визуальную информацию, чем звуковую, и воздействие происходит сразу на большее количество каналов восприятия человека.

Однако если в начале первого десятилетия XXI века российские СМИ понимали необходимость существования социальной рекламы в медиапространстве, то уже последние несколько лет социальная реклама начинает существовать практически только в Интернете и в городском общественном транспорте. Тем не менее, вне зависимости от каналов распространения, аудиовизуальная реклама является убедительным рекламным средством, позволяющим не только информировать пользователей об учреждении культуры, но и формировать общественное мнение, повышать авторитет в глазах населения. Социальная видео-реклама – это небольшой ролик, освещающий давно существующую укоренившуюся в обществе проблему и направленный на изменение поведения и мышления людей, на которое способна повлиять значимая для общества идея, лежащая в основе сюжета. Такие ролики всегда убедительны и позволяют с большей вероятностью достучаться до зрителя. Социальная аудиовизуальная реклама является полноценной отраслью кинематографа. В социальных роликах содержится сюжет, они интересны, способны заставить зрителя рассмеяться, заплакать или задуматься. Хорошая социальная реклама вызывает массу эмоций и желание поделиться увиденным с друзьями. Востребованность видеороликов у населения объясняется понятными всем проблемами, возможностями их решения; и не случайно социальные ролики являются самой популярной формой социальной рекламы, а их просмотры – самыми частыми из всех других средств массовой информации.

По итогам рассмотрения отечественных социальных видеороликов **о безопасности на дорогах** можно отметить, что дизайнеры уделяют пристальное внимание социальной рекламе из-за высокой важности проблемы. Учитывая тот факт, что алкогольное опьянение принято считать наиболее частой причиной серьёзных аварий, кажется вполне логичным, что данная тема в современной российской аудиовизуальной социальной рекламе по БДД представляется самой популярной. Согласно опросам, проведённым агентством «Естественно», 25% респондентов допускают вождение автомобиля в нетрезвом состоянии [9].

Так, в рамках Всероссийской социальной компании «Выпил – не заводись!» в 2009 году в кинотеатрах и на телевидении демонстрировался ролик «Осколки». Сюжет построен вокруг уходящей из гостей семьи: супружеская пара с детьми выходит на улицу, и мужчина, отстранившись от жены, бежит вперёд и, врезавшись в столб, разбивается и рассыпается на осколки, подобно стеклянному сосуду. Женщина с детьми печально смотрят ему вслед.

По-особому решили подойти к освещению данного вопроса создатели видеоролика со слоганом «Протрезвей, а потом садись за руль». В данном видео нет никакого трагизма, драмы или страшных последствий: сюжет выстроен с юмором, ненавязчиво, под аккомпанемент весёлой музыки.

Меры по предупреждению нетрезвого вождения принимают различные государственные организации регионов. Так, госавтоинспекция Ростовской области призывает водителей не пить за рулём в ролике, который снят в тёмных, мрачных тонах, но под бодрый музыкальный ряд в стиле рок, и финалом становится смерть отца главного героя. В последнем кадре

появляется надпись на экране: «Теряешь ощущение реального? А кто-то из-за тебя теряет жизнь». По заказу МВД России по г. Элиста снят незатейливый видеоролик, в котором парень в нетрезвом состоянии садится в машину, и на заднем сиденье по очереди появляются друзья и родственники, оплакивающие его. В итоге выясняется, что они его разыграли. В финальном кадре появляется призыв: «Не садитесь за руль в нетрезвом состоянии!».

Социальные ролики также снимаются выпускниками вузов. Среди них можно отметить ВКР под названием «Револьвер», в которой содержится фраза «Твоя жизнь в твоих руках», а намерение сесть за руль в состоянии алкогольного опьянения приравнивается к сознательному самоубийству.

Существует также отдельная категория видеороликов, создатели которых пытаются воздействовать не только на тех, кто сам употребляет алкоголь перед тем, как сесть за руль, но и на свидетелей этого – на людей, которые могут предотвратить гибель близкого человека, вовремя остановив его или того, кто может быть для него опасен. С финальным призывом «Останови пьяного! Сохрани жизнь» снят мрачный ролик с трагическим финалом: девушка, не остановившая после застолья любимого человека, в результате теряет его.

Иногда внимательность и чувство ответственности участников дорожного движения помогают избежать аварий. ДПС ГИБДД г. Красноярск снят короткометражный социальный видеофильм «Выбор за тобой...», в котором трагедия, напротив, предотвращена благодаря своевременному звонку на горячую линию: по случайному стечению обстоятельств мужчина, сделавший заявление о нетрезвом водителе, спасает своих жену и ребёнка. Ещё один социальный ролик ГИБДД «Позвони!» призывает к социальной сознательности, демонстрируя два варианта развития событий при замалчивании о пьяном водителе или состоявшемся звонке с сообщением о нём.

Не менее часто, чем проблему нетрезвого вождения, авторы отечественных видеороликов поднимают вопрос **соблюдения правил дорожного движения**. Данную тенденцию, характерную именно для российских реалий, можно было проследить и при исследовании социальных плакатов.

Видеоролик «Челюсти» является центральным элементом широкомасштабной социальной кампании «Дистанция», проводимой по инициативе Госавтоинспекции МВД России совместно с Российским союзом автостраховщиков (РСА) и экспертным центром «Движение без опасности». Эмоциональный ряд сюжета весьма разнообразен. Легкое повествование неожиданно перебивается показом эффектной опасной ситуации, однако финал ролика оптимистичен. Видео не содержит нравоучений, в нем сочетается юмор, метафора и эффект неожиданности, что апеллирует к сознательности зрителя. Всё это, а также харизматичные запоминающиеся герои, доступно объясняют и взрослым, и детям о том, как важно соблюдать безопасную дистанцию.

Центральным элементом социальной кампании «Притормози» выступает ролик «Пиктограммы». Организаторами проекта также являются Госавтоинспекция МВД России и Российский союз автостраховщиков при информационной поддержке экспертного центра «Движение без опасности». Цель кампании – сократить число аварий, происходящих из-за нарушения водителями правил проезда нерегулируемых пешеходных переходов. Задача – донести до водителей, что очень важно заблаговременно снижать скорость перед «зеброй». Сюжет видеоролика можно охарактеризовать как позитивный, в нем использовано видео с наложением анимации, однако при этом звуковое сопровождение и происходящее на экране вызывают эмоциональную реакцию.

Следует отметить, что безопасный пешеходный переход в аудиовизуальной рекламе представлен как с точки зрения водителя, так и пешехода. Главная цель таких роликов – воспитать культуру взаимодействия водителей и пешеходов в транспортной среде. Между водителем и пешеходом должен быть налажен контакт – встреча взглядов перед переходом дороги и благодарность за взаимную вежливость. Мультипликационный ролик нарисован просто,

без лишних отвлекающих деталей, и поднимает настроение, а не запугивает возможными последствиями нарушений ПДД. Данная реклама снята в рамках кампании «Сложности перехода», которая реализуется силами Госавтоинспекции, Российского союза автостраховщиков и экспертного центра «Движения без опасности».

Специально для широкомасштабной социальной кампании «Пешеход на переход» снят видеоролик с элементами анимации, в котором роль дисциплинированного пешехода сыграл один из самых востребованных российских актеров – Егор Бероев. Увидев ролик, водители поймут, что, не пропуская пешехода, они не просто нарушают Правила дорожного движения, а нарушают права человека. А пешеходы, в свою очередь, осознают, как важно переходить дорогу именно по «зебре».

С позитивным вектором снят также социальный ролик «Стань заметным – засветись» от ГИБДД Самарской области о важном значении светоотражающих элементов, в котором представлена трогательная забота сотрудников о пешеходах. Мистическое «предупреждение из будущего» звучит в видеоролике «Неправильная парковка», что позволяет избежать трагического финала.

Социальный ролик от ГИБДД Сургутского района предлагает два варианта развития событий на выбор: с опасным обгоном и без него. Хотя надо согласиться с комментариями пользователей о том, что «ролик хороший, но не доработали. В варианте с хэппи эндом водитель должен был по «hands free» ответить. А так получается, ГИБДД закрывает глаза на разговоры по телефону за рулём».

Исследования целевой аудитории (мужчин и женщин 18-35 лет, практикующих агрессивный способ вождения) показали, что люди, нарушая правила, не верят в возможность аварии. Они излишне уверены в средствах безопасности своего транспортного средства и просто не хотят думать о трагическом исходе. Главная задача проекта «Напрасный риск – разбитая жизнь» Всероссийской социальной кампании «Движение без опасности» – вывести водителей из заблуждения, что автомобиль является безопасным видом транспорта, даже если этот автомобиль — новый. Проезд на красный сигнал светофора приводит к самым тяжёлым последствиям для участников ДТП. Иногда лучше умереть, чем остаться в живых [9].

Пронзительный социальный ролик «Водитель, помни...» представляет из себя просто собранную нарезку из видеорегистраторов и камер видеонаблюдения, однако музыкальное сопровождение и крупный шрифт текста взывают к социальной ответственности и действительно заставляют задуматься.

Короткометражный 8-минутный фильм «Кредитка» с элементами мистики снят в лучших традициях известного триллера «Пила». Лента в художественно-иносказательной форме повествует о различных способах закончить поездку в автомобиле летальным исходом. Видеоряд в мрачных тонах с неприятным антуражем, подробные детализированные кадры пострадавших людей, а также специфическая звуковая дорожка (нагнетающая музыка, шёпот с эхом), не говоря уже о самой сути сюжета, оставляют крайне тягостное впечатление.

Частой темой российских социальных роликов по БДД является **призыв к использованию ремней безопасности.** Согласно исследованиям, проведенным агентством «Естественно», в 42% случаев люди не пристёгиваются, потому что ремень им «мешает». По словам генерального директора агентства Натальи Агре, риск помять свою одежду для кого-то оказывается серьёзнее, чем угроза гибели. В ролике «Пристегни ремень! Если хочешь выжить» даётся простое и технологичное объяснение последствий отказа от использования ремня безопасности. Столкновение на скорости 50 км/ч по силе приравнивается к падению с пятого этажа. Данный видеоролик характеризуется приглушённой цветовой гаммой, тоскливым звучанием струнных и клавишных инструментов, летальным финалом и шокирующим детализированным изображением погибшего [9].

Сюжет видеоролика «Пристегнитесь, или пристегнут вас» обращён к тем, кто не пользуется ремнями безопасности: слоган звучит в тот момент, когда медики закрепляют на носилках пластиковые мешки с останками погибших в автокатастрофе родителей, ребенок ко-

торых выжил исключительно благодаря автокреслу. Тёмная цветовая гамма, смена спокойной музыки в начале на тревожную в конце в сопровождении воя сирен, трагическая развязка, мрачный вывод и даже демонстрация большого количества крови – классический пример социальной рекламы с негативным вектором.

Социальная реклама о ремнях безопасности может быть и позитивной. Например, в видеоролике от ГИБДД ребёнок на заднем сиденье в детском кресле плачет и капризничает, пока его родители не пристёгиваются. Другой пример – анимационный ролик, который в забавной форме напоминает, что на заднем сиденье тоже нужно пристёгиваться. Режиссёр Виталий Шепелев снял видеоролик, способный вызвать достаточно противоречивую эмоциональную реакцию. Сюжет ролика показывает семейную сцену в машине: жена рассказывает мужу о своей измене и решении развестись, забрав у него сына и всё имущество. Муж говорит, что у него уже и так есть самое главное – ремень безопасности, и организует ДТП.

Востребованной темой для аудиовизуальной рекламы в области БДД является также **проблема превышения скоростного режима**, так как превышение скорости – причина значительного количества дорожно-транспортных происшествий.

В социальном ролике от ГИБДД «Сбавь скорость! Тебя дождутся» в рамках Всероссийской социальной кампании «Движение без опасности» дети ждут родителей у окна. Видео снято в мрачных тонах, атмосфера нагнетается неспокойной музыкой, и сюжет ожидаемо заканчивается аварией. Другой социальный ролик от ГИБДД «Нам некуда спешить» показывает зрителю место ДТП со всеми последствиями, но жертвы в нем деликатно не показаны, хотя по разлетевшимся вокруг вещам очевидно, что среди погибших были дети.

Заслуживают внимания и видеоролики, созданные в регионах РФ. Один из них, под названием «Ограничитель», – участник XI Всероссийского конкурса телерадиопрограмм по безопасности дорожного движения (Чеченская республика). В сюжете двое молодых парней подбивают взрослого мужчину «погонять», на что тот отвечает: «Не могу. У меня тут ограничитель», а затем открывает заднее стекло, за которым в детском кресле спит маленький ребёнок. Лица молодых людей сразу же заметно вытягиваются. Ещё одна чеченская социальная реклама, по сути, является римейком зарубежного видеоролика «Mistake», где у двух водителей перед моментом столкновения появляется возможность выйти из машин и поговорить благодаря остановившемуся моменту времени.

Интересен необычный интерактивный проект «Crush The Speed Project», организованный в Москве, в котором пользователям предлагалось перемещать на дорогах разбитые машины, так как их вид неизменно заставляет водителей снизить скорость. Несколько смятых автомобилей каждую неделю перемещали, согласно предложениям пользователей, к самым опасным и оживлённым участкам городских дорог с целью привлечь внимание водителей и снизить риск новых аварий.

Актуальной в отечественной рекламе представляется тема **детского кресла**. Всероссийская социальная кампания по безопасности детей-пассажиров «Автокресло – детям!» – проект Госавтоинспекции МВД РФ, Российского союза автостраховщиков (РСА) и общественной организации «Движение без опасности» – отмечена на Международном фестивале фильмов по безопасности дорожного движения (Global Road Safety Film Festival). Телевизионный ролик «Автокресло важнее всех игрушек» получил награду «Лучший европейский ТВ-ролик по безопасности дорожного движения» в категории «Коммуникационные решения и кампании по безопасности дорожного движения». Несмотря на современные игрушки на полках, ролик снят в тёплой атмосфере, напоминающей Россию начала XX века, навевающей воспоминания о «Щелкунчике», добрых старых сказках и безоблачном детстве.

В XI Всероссийском конкурсе телерадиопрограмм по безопасности дорожного движения со слоганом «Самое безопасное место для ребенка в автомобиле – автокресло» участвовали различные любительские видеоролики из регионов, где под весёлую музыку ребёнок «отказывается» ехать в машине без автокресла, и даже один анимационный фильм «Свобод-

ное падение», в котором проводится параллель с прыжком с самолёта, когда у ребёнка отсутствует парашют.

Ещё одна злободневная тема – **использование телефона за рулём**. Видеороликов на эту тему снято мало, однако на самом деле данная проблема крайне актуальна, что понятно уже из исследования российских социальных плакатов. В процессе вождения транспорта внимание и бдительность играют главную роль, поскольку ситуация на проезжей части меняется каждую секунду. Если водитель в процессе управления транспортом отвлекается на телефон (разговор, смс, социальные сети и др.), теряются драгоценные секунды, внимание и контроль за обстановкой. В результате в случае возникновения опасности водитель не успевает вовремя среагировать и предпринять необходимые действия.

Социальный ролик от Минтранса Чувашии, снятый по образцу европейской рекламы «When you drive, park your phone» («Отложи телефон за рулём»), демонстрирует лобовое стекло, обзор на котором постепенно заполняют уведомления с мобильного телефона, что приводит к «слепому» управлению автомобилем, результатом которого становится авария.

МВД России по Челябинской области информирует, что использование телефона без системы Hands Free за рулём стало одной из распространенных причин смертности на дорогах. В ролике «Дорога тоже может ответить» в финале зрителям показывают безутешного мужа, которому при звонке на телефон жены ответил сотрудник ГИБДД. Юмористический анимационный фильм с братьями Колобками показывает, куда можно доехать «с телефоном за рулём».

Отвлечение внимания от дороги за рулём в целом можно выделить в отдельную тематическую рубрику. Находясь за рулем, мы сами не замечаем, как отвлекаемся на, казалось бы, незначительные мелочи: разговор с пассажиром, сигналы телефона, рекламу или происходящее в салоне автомобиля. Всё это может привести к самым серьёзным и печальным последствиям.

В рамках социальной кампании 2020 года «Внимание на дорогу!» в ролике с «индикатором» уровня внимательности и различных видов отвлечения Госавтоинспекция предупреждает: «В реальной жизни второго шанса может не быть!». Видеоролик «Исчезающие» объясняет проблему отвлечения внимания участников дорожного движения через метафору «исчезновения», показывая, что когда человек чем-то увлекается, он пропадает как водитель автомобиля или как пешеход. «Отвлекаешься за рулём? Считай, что тебя нет!» – говорит голос за кадром.

Выделить отечественную аудиовизуальную рекламу о ценности жизни ребёнка в отдельную группу сложно – её слишком мало. Ролик «Не теряйте детей» показывает, как легко потерять ребёнка не только из вида на пять минут, но и вообще навсегда. Халатность родителей часто становится причиной, по которой гибнут или получают тяжёлые травмы дети. Но в то же время обращает на себя внимание: с какой высокой скоростью огромный грузовик несётся по дворовой территории, движение по которой не должно превышать 20 км/ч, и насколько просто ребёнку попасть на дорогу с детской спортивной площадки: между ребёнком, играющим в мяч, и дорогой нет ни одной ограды или забора. В гибели детей виноваты не только их родители, но и другие взрослые люди.

Агрессии на дороге, а также в целом **культуре вождения**, в отечественной социальной рекламе внимания уделяется недостаточно, однако подобные видео всё же есть. Авторы ролика «Будь человеком! В железных машинах – живые люди» в первую очередь стремятся к тому, чтобы люди видели на дорогах прежде всего других людей, а не железные машины. Здесь использована классическая метафора. В ролике транслируется и другая идея: ударить женщину считается недопустимым, но «проучить» её на дороге, «подрезать», грубо обругать – это обычное явление. Из-за таких грубостей случаются и аварии, и травмы, порой гораздо более серьёзные, чем от удара рукой. В итоге мы видим мрачный и жестокий видеоряд с большим количеством крови и насилия.

На основании рассмотренных примеров можно заметить, что в российской аудиовизуальной рекламе практически никогда не демонстрируются страшные детали катастроф, даже кровь можно увидеть крайне редко: обычно вместо этого в негативных роликах трагизм ситуации и тяжёлая атмосфера передаются с помощью общей цветовой гаммы, тёмного времени суток, неприятного антуража, погоды (дождь, гроза), тревожного музыкального сопровождения, эмоций на лицах персонажей и т.п. Во многих видеосюжетах люди узнают о гибели близких не лично, вживую, а из смс или телефонного звонка. Всё это приводит к предполагаемому выводу, что либо отечественные рекламисты стремятся щадить чувства зрителей, либо рекламу с явной жестокостью и детализацией трагического исхода строго фильтрует российская цензура.

Интересно отметить тот факт, что в отечественных социальных плакатах практически не встречается метафор и аллегорий, которыми насыщены зарубежные плакаты, однако в российских видеороликах метафоричность используется довольно часто.

Аудиовизуальная социальная реклама и инсталляции играют значимую роль в современных социальных проектах. Учитывая данный факт и бесспорную тесную взаимосвязь данного продукта с социальными плакатами, исследование социальных видеороликов и инсталляций с целью разработки плакатов на тему безопасности дорожного движения обосновано и целесообразно, так как даёт возможность, изучив аналоги в смежных сферах, получить более чёткое и детальное представление не только о самых актуальных проблемах, но и об особенностях креативного подхода к созданию социальной рекламы в разных странах.

Определённая специфика присутствует как в российской, так и в зарубежной рекламе – это и различие в популярных тематиках, и своеобразные идейно-психологические методы подхода, и художественные приёмы, свойственные географии создания и применения рекламного продукта.

В этой связи можно сделать вывод, что при разработке социальных рекламных плакатов важно учитывать полный состав и особенности всех элементов социальной кампании, а также планировать проектирование в зависимости от страны, на аудиторию которой предполагается распространять влияние будущего социального проекта.

Библиографический список

1. Солодовникова А.Н. Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата: автореф. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук. Саратов, 2013. 197 с.

2. Вальянов Н.А. Особенности развития социальной рекламы на российском телевидении // Молодежь и наука: сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section001.html (дата обращения: 28.03.2023)

3. Данилевская Н.В. Национально значимые ключевые смыслы современной социальной рекламы (на материале русских телевизионных текстов) // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 4 (32). С. 51-57.

4. Кондратская В.Л., Жукова А.С. Методы влияния аудиовизуальной социальной рекламы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Том 25 (64) № 1. Часть № 2. С. 387-394.

5. Саркисян О. Конспект рекламиста / Саркисян О., Гудзева О., Красовский Г. М.: РА «Нью-тон», Центр промышленного маркетинга и рекламы МГТУ «Станкин», 1999. 129 с.: ил.

6. Федорова М.Г. Феномен аудиовизуальной социальной рекламы в России 1990-х

годов. // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2017. № 2/3 (21). С. 209-212.

7. Украинская Е.В., Украинский В.Н. Влияние телевизионной рекламы на общественные ценности // Информационная безопасность регионов. 2016. № 1(22). С. 61-66.

8. Кузнецова А.А. Средства распространения видеоролика социальной направленности // Вестник Московского государственного университета печати. 2015. № 2(5). С. 220-224.

9. Крылов Р., Ломакин Д. Агентство «Естественно» шокирует, чтобы не допустить смерть // Наука о рекламе. 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.advertology.ru/article59196.htm (дата обращения: 11.03.2023)

References

1. Solodovnikova A.N. Modern social advertising: ways to influence the addressee. Extended abstract of candidate's thesis. Saratov, 2013. 197 p.

2. Valyanov N.A. Features of Development of Social Advertising on Russian Television // Youth and Science: a collection of materials IX of the All-Russian Scientific and Technical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists with International Participation, devoted to the 385th anniversary of the founding of Krasnoyarsk. Krasnoyarsk: Siberian Federal District, 2013. [Electronic text]. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section001.html (date of application: 28.03.2023)

3. Danilevskaya N.V. Nationally significant key meanings of modern social advertising (on the material of Russian TV texts) // Messenger of Perm University. 2015. Ex. 4 (32). p. 51-57.

4. Kondratskaya V.L., Zhukova A.S. Methods of Influence of Audiovisual Social Advertising // Scholarly notes of Tavrichesky National University named after. V.I. Vernadsky. Series «Philology. Social Communications». 2012. Vol. 25 (64) 1. Part 2. P. 387-394.

5. Sarkisyan O. Conspectus of advertising / Sarkisyan O., Gudzeva O., Krasovskiy G. Moscow, 1999. 129 p.

6. Fedorova M.G. The phenomenon of audiovisual social advertising in Russia in the 1990s. // Man in the world of culture. Regional Cultural Research. 2017. Vol. 2/3 (21). P. 209-212.

7. Ukrainskaya E.V., Ukrainsky V.N. Impact of television advertising on public values // Information security of regions. 2016. Vol. 1(22). P. 61-66.

8. Kuznetsova A.A. Means of distribution of the video of social orientation // Bulletin of Moscow State Press University. 2015. Vol. 2(5). P. 220-224.

9. Krylov R., Lomakin D. Agency «Naturally» shocks to prevent death // Science about advertising. 2008. [Electronic text]. URL: http://www.advertology.ru/article59196.htm. (date of application: 11.03.2023)

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ
EVENTS AND REVIEWS

УДК 811.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.023

Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания, канд. филол. наук, доцент
Долгова Е.Ю.
Россия, г. Самара, тел. +79277254025
e-mail: dolgova@.pgsga.ru

Samara State University of Social Sciences and Education, Department of the Russian Language, Speech Culture and Methods of Their Teaching, Candidate of Philology, Associate Professor
Dolgova E.Yu.
Russia, Samara, +79277254025
e-mail: dolgova@.pgsga.ru

Е.Ю. Долгова

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РУСИСТИКЕ: ОБ ИТОГАХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА Е.П. ИВАНЯН (САМАРА, СГСПУ, 13 МАЯ 2024 Г.)

E.Y. Dolgova

CHALLENGES OF THE TIME IN LINGUISTIC RUSSIAN STUDIES: ON THE RESULTS OF THE METHODOLOGICAL SEMINAR OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF PROFESSOR E.P. IVANYAN (SAMARA, SSSPU, MAY 13, 2024)

13 мая 2024 года в Самарском государственном социально-педагогическом университете состоялся методологический семинар научной школы профессора Е.П. Иванян «Вызовы времени в лингвистической русистике».

В семинаре приняли участие преподаватели, аспиранты и докторанты Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ), Самарского государственного технического университета (СГТУ), Тольяттинского государственного университета (ТГУ), Поволжского государственного университета сервиса (ПВГУС), Самарского лицея информационных технологий (ГАОУ СО «СамЛИТ (Базовая школа РАН)»), филиала Военного учебного научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани (ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Сызрани).

В научных докладах, представленных на семинаре, были раскрыты и концептуально обобщены различные аспекты современной лингвистической науки, рассмотрены ключевые тенденции в изучении языка, текста, дискурса.

В последние десятилетия новая языковая реальность стала очевидным фактом. Участники методологического семинара, учитывая это, рассмотрели широкий спектр тем и пред-

© Долгова Е.Ю., 2024

ставили результаты своих исследований.

Семинар начался с доклада «Современные вопросы методологии лингвистического исследования» Е.П. Иванян, основателя самарской научной школы «Теория языка (Семантика и прагматика языковых единиц)», доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ.

Профессор Е.П. Иванян, имеющая многолетний опыт руководства выпускными квалификационными работами студентов и магистрантов, диссертациями аспирантов и докторантов, обратила внимание исследователей-лингвистов, участников семинара, на центральные проблемы системной лингвистической методологии, являющейся непременной основой любой научной работы. В докладе профессора Е.П. Иванян был дан исчерпывающий и всесторонний ответ на вопрос о том, как правильно и грамотно выбрать формы работы и методы исследования, от которых зависят достоверность и доказательность результатов научных изысканий.

В продолжение семинара прозвучал доклад О.Д. Паршиной, кандидата филологических наук, доцента, заведующего кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ, «Прецедентные высказывания с компонентом «прирастать Сибирью»: к вопросу о разграничении самостоятельности и вариантности». Автор исследования отметил, что прецедентное высказывание (ПВ) с компонентом *прирастать Сибирью* начинает функционировать в языке средств массовой информации с 60-х годов XX века. Его источник – цитата из письма М.В. Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Ученный завершает это письмо следующими словами: «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке».

В рамках исследования О.Д. Паршиной выявлено четыре ПВ, восходящих к словам Ломоносова: *могущество России будет прирастать (прирастает) Сибирью, богатство России будет прирастать (прирастает) Сибирью, прирастать Сибирью, прирастать провинцией.* В качестве критериев, позволяющих утверждать, что перед нами четыре самостоятельно функционирующих ПВ, названы следующие: 1) частотность функционирования ПВ; 2) включение ПВ в заголовочные комплексы, то есть способность выступать в качестве проприальной единицы – названия того или иного текста; 3) образование на базе ПВ трансформов; 4) использование ПВ в качестве средства создания языковой игры; 5) различия в репрезентации аксиологии.

Представленная тема прецедентных феноменов с семантикой русской провинции активно изучается в научной школе профессора Е.П. Иванян. В опубликованных исследованиях ученых научной школы рассмотрена аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации [1], описаны прецедентные феномены с мелиотративной [2], [3] и пейоративной оценкой [4]. Учеными научной школы начата работа по описанию прецедентных имен русской провинции [5], [6].

В продолжение тем провинции и прецедентных феноменов на семинаре прозвучали доклады аспирантов Томского государственного университета В.С. Бычковой и Д.Р. Резникова. В исследовании В.С. Бычковой, старшего преподавателя кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ, «Образ типичных провинциала / провинциалки в текстах СМИ» главное внимание было уделено лингвистическим образам провинциалов, формирующимся на основе сочетаемости с адъективами, содержащими семантику типичности [7], [8]. Анализ языкового материала позволил исследователю сделать вывод о том, что образ типичного провинциала в СМИ включает в себя процессуальные и непроцессуальные черты: провинциалы отличаются амбициозностью и трудолюбием, но нередко становятся участниками неприятных ситуаций из-за присущих им психологических комплексов. Образ «типичного» является образцом при классификации объектов, и его характеристика основана на чувственном восприятии признаков [9], [10], [11]. Однако такой образ не является объективным, а, скорее, зависит от стереотипов и гендерных установок. Результаты исследования

показали необходимость дальнейшего детального анализа образа типичных провинциалов с учетом культурных ассоциаций и семантики номинаций лица.

В докладе аспиранта ТГУ Д.Р. Резникова «Проблема прецедентности в поэтическом тексте: теоретический обзор» был произведен анализ научного опыта в области изучения прецедентных феноменов в поэзии на примере работ как российских, так и зарубежных специалистов. Цель исследования заключалась в рассмотрении точек зрения различных ученых на функционирование прецедентных феноменов и их влияние на структуру и смысловое содержание поэтических текстов. Предметом исследования стали методологические подходы к анализу прецедентности в поэтических текстах. Автор суммировал теоретические выкладки и практические наработки в данной области, выявил ключевые аспекты и предложил новые направления для дальнейшего изучения проблемы прецедентности. Особое внимание в докладе было уделено вопросам взаимосвязи прецедентности и лингвокультурной составляющей поэтических текстов [12].

С докладом «Учебный курс "Методология комплексного анализа художественного текста" для магистрантов: особенности содержания и структуры» выступила М.Г. Соколова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ. В докладе была подробно изложена концепция учебного курса для магистрантов Тольяттинского государственного университета по направлению подготовки «Филология». Автор учебного курса представил тематическое планирование в виде разделов и учебных тем; образцы оценочных средств и материалов, необходимых для осуществления текущего контроля успеваемости магистрантов; познакомил с авторской методикой анализа тропеического уровня поэтического текста в аспекте инвариантности и парадигматичности поэтического образа [13], [14].

В научной школе профессора Е.П. Иванян всесторонне изучаются динамические процессы в области словообразования современного русского языка, в том числе разрабатывается проблема функционирования словообразовательных экспрессивов [15] [16]. Теме бинарных образований с препозитивным элементом *бомж-* был посвящен доклад И.В. Гуровой, кандидата филологических наук, доцента, заведующего кафедрой дошкольного образования СГСПУ. В докладе были представлены результаты изучения тематических групп указанных бинарных образований [17].

Бомж- как начальный элемент сложных слов в значении «относящийся к бомжам» регистрируется в НРЛ-93: *бомж-жильё* ‘жильё бомжей’; *бомж-отель* (о ночлежке для бомжей) (НРЛ-93, с. 49–50). Однако автор исследования, опираясь на анализ внушительного по объему языкового материала, показал, что в речевой практике бинарные образования с первой частью *бомж-* демонстрируют изменения закреплённых в словарях семантических характеристик и могут употребляться для номинации различных предметов и явлений, не имеющих прямого отношения к «лицам без определённого места жительства». Значение таких дериватов репрезентируется семами ‘дешёвый’, ‘экономный’ (тематические группы "Еда" и "Путешествие"); ‘бедный’ (тематическая группа "Средства связи"); ‘мешковатый’, ‘свободный’, ‘многослойный’, ‘небрежный’; ‘простота’, ‘искренность’ (тематическая группа "Мода").

Теме комбинаторно-синтагматического потенциала прилагательных цвета в русском языке начала XXI века был посвящен доклад Е.Ю. Долговой, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ. Автор исследования отметил, что в XXI веке изучение синтагматического построения речи стало предметом отдельного направления — комбинаторной лингвистики и, в частности, комбинаторной лексикологии, основу которой составляют понятия синтагматики (линейные отношения лексем) и комбинаторики (изучение и составление комбинаций лексем в целях достижения заданного автором смысла).

Источником языкового материала в исследовании послужили академические толковые словари, фразеологические словари русского языка, в том числе «Словарь русских фразеологических неологизмов (конец 80-х гг. XX в. – 2000–2020 гг. XXI в.)» (Составители: Е.В. Генералова, В.М. Мокиенко, при участии О.В. Раиной, Н.А. Росовой), данные основного, газетного и виртуального подкорпусов Национального корпуса русского языка.

Предметом внимания в исследовании стали не только зафиксированные толковыми и фразеологическими словарями сочетания прилагательных цвета, но и коллокации, представленные в Национальном корпусе русского языка, фразеологические неологизмы, сочетания типа *желтая сборка, зеленый компьютер, коричневая опасность* и другие, не отраженные в словарях.

Лингвокультурологическому аспекту изучения языковых явлений были посвящены доклад докторанта СГСПУ А.М. Клюшиной «О некоторых особенностях отражения мира человека русской лингвокультуры репрезентантами семантики крайности» и выступления аспирантов Н.Н. Немич (СГСПУ) и Е.В. Косс (ТГУ).

Доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации А.М. Клюшина подняла проблему характеристики некоторых особенностей отражения мира человека русской лингвокультуры репрезентантами семантики крайности. Автором исследования было отмечено, что, будучи значимым фрагментом русской языковой картины мира и важным признаком мира человека русской лингвокультуры, понятийная категория «крайность» отражает стихийные силы русского национального характера [18], [19], [20]. Изучение семантики крайности осуществлялось исследователем с позиций современной функциональной лингвистики в русле научной школы грамматики П.А. Леканта и его продолжателей (О.Б. Акимовой, Е.П. Иванян, С.М. Колесниковой и др.).

В докладе «Семантика лексемы жуть: лингвокультурологический аспект» Н.Н. Немич, преподавателя кафедры русского языка филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Сызрани, была дана характеристика лексемы *жуть* как репрезентанта семантического поля страха. В результате проведенного анализа словарных статей лексикографических источников автором исследования было установлено, что слово *жуть* имеет древнерусское происхождение, количество его ЛСВ в разных словарях варьируется от одного до трёх [21]. Лексема *жуть* в русском языке имеет не только лингвистическое, но и культурологическое значение. Это слово часто используется в литературе, кино и других искусствах для создания атмосферы напряжения и ужаса. Результаты исследования позволили автору утверждать. что слово *жуть* занимает значимое место в языковом сознании носителей русского языка, так как помогает передать эмоции и чувства, которые бывает трудно выразить другими словами [22].

С докладом «Лингвистические средства выражения категории определенности/неопределенности в некоторых сочетаниях с термином родства ДЯДЯ» выступила Е.В. Косс, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ТГУ. В докладе был произведен анализ сочетаний, в составе которых реализуется обобщенный автором на основе произведенного ранее лексикографического портретирования [23] лексико-семантический вариант (ЛСВ) «определенный/неопределенный неродственник мужского пола» термина родства ДЯДЯ.

В фокусе научного поиска докладчика оказались особенности бытования сочетаний, содержащих указанный ЛСВ (в классификации автора – ЛСВ-3), с точки зрения категории определённости/неопределенности (КОН). Проблемы, связанные с КОН, привлекают внимание многих ученых (Е.П. Иванян, В.Н. Мигирина, А.М. Пешковский, Е.Н. Сидоренко). КОН рассматривается как объективное свойство материального мира, всех форм бытия. К средствам КОН ученые традиционно относят неопределенные и указательные местоимения, кроме того, отмечается, что некоторые другие части речи в некоторых контекстах также начинают указывать на КОН.

В выявленном автором языковом материале – выборке из Национального корпуса русского языка – зафиксировано 417 вхождений ЛСВ-3. Проведенный исследователем анализ

показал, что в 78 вхождениях эксплицитно реализованы значения КОН, причем примеры, содержащие семантику неопределенности, более частотны (55 вхождений), а содержащие семантику определенности – менее частотны (23 вхождения). Семантика неопределенности в языковых примерах выражается широким спектром средств: самые многочисленные примеры – сочетания с неопределенными местоимениями *какой-то* (27), *один* (10), *какой-нибудь* (7), *некий* (4). Невысокую частотность показывают сочетания с удвоенным неопределенно-указательным местоимением *такой-то и такой-то* (1), со слиянием местоимений *какой-такой* (1), с прилагательным *неизвестный* (1). Примечательно нетипичное для выражения семантики неопределенности использование указательного местоимения *такой* в близком к неопределенному артиклю значении (3), а также указательного местоимения *тот* в обобщенно-неопределенном значении (1). Семантика определенности выражается указательным местоимением *этот* (16), *такой* (4), *тот* (3) [24], [25].

Проблема функционирования эргонимов была представлена в докладах «Идеографическая деривация в самарских эргонимах (на примере сферы «Подарки и впечатления»)» Н.Д. Осиповой и «Прагматика языковой игры служебных частей речи в самарской эргонимии» А.А. Хохловой.

Исследование Н.Д. Осиповой, кандидата филологических наук, старшего преподавателя кафедры русского языка, культуры речи и методики их препоадвания СГСПУ, было посвящено анализу креолизованных эргонимов г. Самары сферы цветочных салонов, магазинов подарков, сувенирной продукции и услуг по организации праздничных мероприятий. Доклад продолжил серию исследований Н.Д. Осиповой в сфере коммерческой номинации [26]. По мнению исследователя, в вербальный текст эргонима могут быть включены идеограммы четырех видов: логограммы, схемограммы, грамматограммы и иконограммы. Согласно результатам исследования в большинстве случаев креолизация осуществляется путем идеографизации. Включение идеограмм в названия коммерческих предприятий обусловлено задачами привлечения внимания потенциальной потребительской аудитории, графической актуализации смыслового наполнения эргонима, отражения сферы деятельности предприятия, ориентации на определенный сегмент потребителя.

С темой «Прагматика языковой игры служебных частей речи в самарской эргонимии» выступила А.А. Хохлова, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» СГТУ. В докладе значительное внимание было уделено выявлению приёмов языковой игры на уровне прагматики. Автором исследования было выявлено и описано 28 приёмов на материале эргонимов, содержащих служебные части речи [27], [28].

Выступление М.С. Агафонцева, ассистента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ, «Лексика наказания в повести Н.Г. Помяловского "Очерки бурсы"» было обращено к вопросу о функционировании конституентов с семантикой угрозы, наказания в рамках выделения семантического поля наказания на материале повести Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы». В исследовании было произведено моделирование указанного семантического поля: выявлены ядро, центр и периферия, дана их краткая характеристика. Особое внимание уделено периферийной зоне семантического поля, в которой выделено шесть тематических групп, содержащих слова с семантикой угрозы и наказания. Автором исследования отмечена роль переносных выражений (метафоры, фразеологизмов) в организации тематических групп периферийной зоны семантического поля наказания в тексте повести [29].

С темой «Сравнительная характеристика средств выражения функционально-семантической категории ужасного на лексическом уровне (на материале дилогии "Убыр" Ш. Идиатуллина и рассказа "Упырь" А.К. Толстого)» выступила А.А. Федотова, преподаватель ПВГУС. В докладе была рассмотрена функционально-семантическая категория (ФСК) ужасного на примере литературы новейшего периода («Убыр» Ш. Идиатуллина) и русской классической литературы XIX века («Упырь» А. К. Толстого). Автором исследования было

показано, что в плане выражения ФСК ужасного представляет собой особое значение, выраженное лексическими средствами языка. В ходе исследования была выявлена лексико-семантическая группа обозначений существа, наносящего вред человеку с общей семой «оно страшное», рассмотрена лексико-семантическая группа обозначений сна на грани реального и фантастического [30].

О методических находках рассказала А.Н. Моргунова, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы ГАОУ СО «СамЛИТ (Базовая школа РАН)», в докладе «Методика работы с одаренными детьми на уроках русского языка». Автор показал, что приоритетным направлением работы учителя в «Самарском медико-техническом лицее» г.о. Самара является выявление и развитие у лицеистов, обучающихся по индивидуальной образовательной траектории, знаний в области лингвистической науки на углубленном уровне. А.Н. Моргунова представила индивидуальные и групповые проекты учеников 8-10 классов лицея, рассказала о высоких результатах лицеистов – участников творческих конкурсов и лингвистических олимпиад разного уровня.

Активные процессы в русском языке последних десятилетий требуют дальнейшего изучения, осмысления и описания. Результаты исследований, проведенных учеными-лингвистами самарской научной школы профессора Е.П. Иванян, формирует основу дальнейших изысканий в области анализа языка, текста, дискурса.

Библиографический список

1. Паршина О.Д., Иванян Е.П. Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века // Научный диалог. 2020. № 8. С. 123–140.
2. Паршина О.Д. Прецедентный феномен "прирастать провинцией": к постановке вопроса // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3(38). С. 87–96.
3. Паршина О.Д., Бычкова В.С. Прецедентный феномен «Москвы уголок» как мелиоративное обозначение провинции / // Семантика. Функционирование. Текст. К 75-летию со дня рождения С. В. Черновой: межвузовский сборник научных трудов. Киров: ООО Издательство "Радуга-ПРЕСС", 2023. С. 134–140.
4. Паршина О.Д. Об одной трансформации прецедентного феномена «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» при номинации провинции // Русский язык: образование, наука, культура: Материалы международной научно-методической сессии. Москва, 23–25 ноября 2022 года / Под общей редакцией С.М. Колесниковой. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 160–168.
5. Иванян Е.П. Характеристика традиций обозначения русской провинции проприальными единицами / Е. П. Иванян // Русистика без границ. 2022. Т. 6, № 2. С. 44–55.
6. Иванян Е.П. К вопросу о проприальных единицах Российской провинции // Наука и культура России. 2022. Т. 1. С. 119–122.
7. Бычкова В.С. Провинциалы в русской лингвокультуре – аксиологические аспекты инаковости // Культура и антикультура: Сборник статей X Международной научно-методологической конференции. В 2-х томах, Тюмень, 01–30 июня 2023 года / Отв. редактор Л.Л. Мехришвили. Том 1. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2023. С. 214–220.
8. Бычкова В.С. Анализ онимов с номинациями ПРОВИНЦИАЛ, ПРОВИНЦИАЛКА // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: Сборник материалов VII Международной научной конференции к 80-летию профессора Г.Н. Тараносовой. В 2-х частях, Тольятти, 17–19 апреля 2023 года. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2023. С. 32–34.
9. Бычкова В.С. Вербализация внешности провинциалки в русской лингвокультуре // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: мате-

риалы VIII Международной научно-практической конференции, Уфа, 29 апреля 2022 года / отв. ред. Ф. Г. Фаткуллина. Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. С. 28–30.

10. Бычкова В.С. К вопросу о семантико-прагматических особенностях номинации «Провинциалка» в современном русском языке // Состояние и перспективы лингвистической и методической мысли в современном образовательном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой юбилеям известных представителей Самарской лингвистической школы А. Н. Гвоздева и Е. М. Кубарева, Самара, 20 мая 2022 года / отв. ред. Т. Е. Баженова. Самара: Научно-технический центр, 2022. С. 108–119.

11. Бычкова В.С. Провинциал vs провинциалка: семантико-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 9. С. 2851–2859.

12. Резников Д.Р., Паршина О.Д. Прецедентные имена советских государственных деятелей в поэтических текстах Т.Ю. Кибирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 12. С. 4289–4296.

13. Соколова М.Г. Анализ стихотворения С.А. Есенина "Клен ты мой опавший, Клен заледенелый..." в аспекте инвариантности поэтических образов // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков : Сборник материалов VII Международной научной конференции. К 70-летию профессора Юрия Ивановича Горбунова, Тольятти, 13–14 мая 2021 года. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2021. С. 281–285.

14. Соколова М.Г. Разработка и применение модели анализа образных полей поэтического языка в практике вузовского преподавания лингвистических дисциплин // С любовью к Слову : Сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования, Арзамас, 09–10 февраля 2021 года / Отв. редактор О.В. Никифорова. – Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", 2021. С. 191–195.

15. Гоннова Н.В. Царь-производные в эпоху глобализации // Actual problems of the humanities: monograph: in 3 vols. / ed. by K. Vítková. Vienna: East West, 2016. Vol. 3. P. 42–53.

16. Гейт-производные в русском дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Гурова Ирина Владимировна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. Уфа, 2018. 22 с.

17. Гурова И.В. Когда вспоминают бомжа? // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2022. С. 77–81.

18. Клюшина А.М. Изучение семантики крайности как лингвистическая проблема // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков : Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 06–07 апреля 2023 года. Том Выпуск 7. Нижний Новгород: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина", 2023. С. 45–51.

19. Клюшина А.М. Категория крайности в лингвистической русистике: аналитический обзор // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26, № 2. С. 70–80.

20. Клюшина А.М. Проявление крайности в русской лингвокультуре: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 6. С. 1849–1855.

21. Немич Н.Н. Лексикографическое портретирование синонимичных конституентов поля семантики невыразимого // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26, № 2. С. 34–46.

22. Немич Н.Н. Конституенты семантики невыразимого как маркеры модусов перцепции // Современные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы : Сборник статей участников IV Международной научно-практической конференции, Арзамас, 28 марта 2022 года / Науч. редактор Л.Н. Набилкина, отв. редактор Д.Л. Морозов. Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", 2022. С. 247–251.

23. Косс Е.В. Лексикографический портрет слова «дядя» во вторичной номинации / Е. В. Косс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 3. С. 789–795.

24. Косс Е.В. Терминосистема родства: проблемы дефиниции и номенклатуры в разных лингвокультурах // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2022: материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 22–25 марта 2022 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. С. 248–252.

25. Косс Е.В., Паршина О.Д. Репрезентация внешности мужчины номинацией "дядя" в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 10. С. 3422–3428.

26. Осипова Н.Д. Прагматонимы-предложения как номинативная тенденция XXI века (на материале наименований конфет) // Русистика без границ. 2022. Т. 6, № 3. С. 18–28.

27. Хохлова А.А. Аналитический обзор изучения эргонимии в лингвистической русистике «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 2 (февраль). С. 177–180.

28. Хохлова А.А. Особенности языковой игры в современных самарских эргонимах сферы «Отдых и развлечения» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 11. С.3903–3908.

29. Агафонцев М.С. Характеристика семантического поля наказания в повести Н.Г. Помяловского "Очерки бурсы" // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. VII Международная научная конференция (к 80-летию профессора Г.Н. Тараносовой), Тольятти, 17-19 апреля 2023 г. Сборник материалов. В 2 частях. Часть II / под ред. И.А. Изместьевой. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2023. С. 10–17.

30. Федотова А.А. Лексические средства выражения функционально-семантической категории ужасного в дилогии «Убыр» Ш. Идиатуллина и рассказе «Упырь» А.К. Толстого // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Отв. редактор Ф.Г. Фаткуллина. Уфа. 2022. 243–245.

References

1. Parshina O.D., Ivanyan E.P. The axiology of the phenomenon of the province in the Russian mass media of the beginning of the XXI century // Scientific dialogue. 2020. No. 8. pp. 123-140.

2. Parshina O.D. The precedent phenomenon of "growing a province": to pose a question // Topical issues of modern philology and journalism. 2020. No. 3(38). pp. 87-96.

3. Parshina O.D., Bychkova V.S. The precedent phenomenon of "Moscow corner" as a reclamation designation of a province / // Semantics. Functioning. Text. To the 75th anniversary of the birth of S. V. Chernova: interuniversity collection of scientific papers. Kirov: Raduga-PRESS Publishing House, LLC, 2023. pp. 134-140.

4. Parshina O.D. On one transformation of the precedent phenomenon "to the village, to an aunt, to the wilderness, to Saratov" in the nomination of the province // Russian language: education, science, culture: Materials of the international scientific and methodological session. Moscow,

November 23-25, 2022 / Under the general editorship of S.M. Kolesnikova. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2022. pp. 160-168.

5. Ivanyan E.P. Characteristics of the traditions of designating the Russian province with proprietary units / E. P. Ivanyan // Rusistics without borders. 2022. Vol. 6, No. 2. pp. 44-55.

6. Ivanyan E.P. On the question of the proprietary units of the Russian province // Nauka and the culture of Russia. 2022. Vol. 1. pp. 119-122.

7. Bychkova V.S. Provincials in Russian linguoculture – axiological aspects of otherness // Culture and anticulture: Collection of articles of the X International Scientific and Methodological Conference. In 2 volumes, Tyumen, June 01-30, 2023 / Editor-in-chief L.L. Mehrishvili. Volume 1. Tyumen: Tyumen Industrial University, 2023. pp. 214-220.

8. Bychkova V.S. Analysis of synonyms with the nominations PROVINCIAL // Text: philological, socio-cultural, regional and methodological aspects: Collection of materials of the VII International Scientific Conference on the 80th anniversary of Professor G.N. Taranosova. In 2 parts, Tolyatti, April 17-19, 2023. Tolyatti: Tolyatti State University, 2023. pp. 32-34.

9. Bychkova V.S. Verbalization of the appearance of a provincial woman in Russian linguoculture // Theoretical and practical problems of the development of modern humanities: materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Ufa, April 29, 2022 / ed. by F. G. Fatkullina. Ufa: Bashkir State University, 2022. pp. 28-30.

10. Bychkova V.S. On the issue of semantic and pragmatic features of the nomination "Provincial" in modern Russian // State and prospects of linguistic and methodological thought in modern educational space: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the anniversaries of famous representatives of the Samara Linguistic School A. N. Gvozdeva and E. M. Kubareva, Samara, May 20, 2022 / ed. by T. E. Bazhenov. Samara: Scientific and Technical Center, 2022. pp. 108-119.

11. Bychkova V.S. Provincial vs provincial: semantic and pragmatic aspect // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 15, No. 9. pp. 2851-2859.

12. Reznikov D.R., Parshina O.D. Precedent names of Soviet statesmen in the poetic texts of T.Y. Kibirov // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2023. Vol. 16, No. 12. pp. 4289-4296.

13. Sokolova M.G. Analysis of S.A. Yesenin's poem "You are my fallen maple, frozen maple..." in the aspect of invariance of poetic images // Actual problems of theoretical and applied linguistics and optimization of teaching foreign languages: Collection of materials of the VII International Scientific Conference. On the 70th anniversary of Professor Yuri Ivanovich Gorbunov, Tolyatti, May 13-14, 2021. Tolyatti: Tolyatti State University, 2021. pp. 281-285.

14. Sokolova M.G. Development and application of a model for analyzing figurative fields of poetic language in the practice of university teaching of linguistic disciplines // With love to the Word : A collection of articles by participants of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philology, Professor Lyudmila Alekseevna Klimkova, specialist in lexicology, dialectology, onomastics, word formation, Arzamas, February 09-10, 2021 / Editor-in-chief O.V. Nikiforova. – Arzamas: Arzamas branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", 2021. pp. 191-195.

15. Gonnova N.V. Tsar-derivatives in the era of globalization // Actual problems of the humanities: monograph: in 3 vols. / ed. by K. Vítková. Vienna: East West, 2016. Vol. 3. Pp. 42-53.

16. Gate derivatives in Russian discourse: abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences: 02/10/2011 / Gurova Irina Vladimirovna; [Place of protection: Bashkir State University]. Ufa, 2018. 22 p.

17. Gurova I.V. When do they remember a homeless person? // Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scientific papers. Kirov: Raduga-PRESS Publishing House, 2022. pp. 77-81.

18. Klyushina A.M. The study of the semantics of extremes as a linguistic problem // Scientific discussion: questions of philology and methods of teaching foreign languages : A collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, April 06-07, 2023. Volume Issue 7. Nizhny Novgorod: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin", 2023. pp. 45-51.

19. Klyushina A.M. The category of extremes in linguistic Russian studies: an analytical review // Izvestia of the Southern Federal University. Philological sciences. 2022. Vol. 26, No. 2. pp. 70-80.

20. Klyushina A.M. Manifestation of extremes in Russian linguoculture: an analytical review // Philological science. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 15, No. 6. pp. 1849-1855.

21. Nemich N.N. Lexicographic portraiture of synonymous constituents of the field of semantics of the inexpressible // Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Philological sciences. 2022. Vol. 26, No. 2. pp. 34-46.

22. Nemich N.N. Constituents of the semantics of the inexpressible as markers of modes of perception // Modern trends in language education: experience, problems, prospects : A collection of articles by participants of the IV International Scientific and Practical Conference, Arzamas, March 28, 2022 / Scientific editor L.N. Nabilkina, editor D.L. Morozov. Arzamas: Arzamas branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", 2022. pp. 247-251.

23. Koss E.V. Lexicographic portrait of the word "uncle" in the secondary nomination / E. V. Koss // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2023. Vol. 16, No. 3. pp. 789-795.

24. Koss E.V. The terminological system of kinship: problems of definition and nomenclature in different linguistic cultures // Student and science (humanitarian cycle) – 2022: proceedings of the international student scientific and practical conference, Magnitogorsk, March 22-25, 2022. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, 2022. pp. 248-252.

25. Koss E.V., Parshina O.D. Representation of a man's appearance with the nomination "uncle" in modern Russian // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2023. Vol. 16, No. 10. pp. 3422-3428.

26. Osipova N.D. Pragmatonyms-sentences as a nominative trend of the XXI century (based on the material of candy names) // Rusistics without borders. 2022. Vol. 6, No. 3. pp. 18-28.

27. Khokhlova A.A. Analytical review of the study of ergonymy in linguistic Russian studies "Modern science: actual problems of theory and practice". The series "Humanities". 2023. No. 2 (February). pp. 177-180.

28. Khokhlova A.A. Features of the language game in modern Samara ergonyms of the sphere "Recreation and entertainment" // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2023. No. 11. pp.3903–3908.

29. Agafontsev M.S. Characteristics of the semantic field of punishment in N.G. Pomyalovsky's novella "Essays of Bursa" // Text: philological, socio-cultural, regional and methodological aspects. VII International Scientific Conference (dedicated to the 80th anniversary of Professor G.N. Taranosova), Tolyatti, April 17-19, 2023. Collection of materials. In 2 parts. Part II / edited by I.A. Izmestyeva. Tolyatti: Publishing House of TSU, 2023. pp. 10-17.

30. Fedotova A.A. Lexical means of expressing the functional and semantic category of the terrible in the dilogy "Ubyr" by S. Idiatullin and the story "Ghoul" by A.K. Tolstoy // Theoretical and practical problems of the development of modern humanities. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Editor F.G. Fatkullina. Ufa. 2022. 243-245.

УДК 811.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2024.54.3.024

ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства Обороны Российской Федерации
канд. филол. наук, преп. 8 кафедры (языкознания и литературы)
Чуйков П.Л.
Россия, г. Москва, тел. 8(909)6961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru

FGK HEU HE «Military University named after Prince Alexander Nevsky» of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Candidate of Philological Sciences, teacher of the Department No. 8 (Linguistics and Literature)
Chuykov P.L.
Russia, Moscow, 8(909)6961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru

П.Л. Чуйков

120 ЛЕТ НАЗАД НЕ СТАЛО А.П. ЧЕХОВА

P.L. Chuikov

120 YEARS AGO A.P. CHEKHOV DIED

В 1890 году тридцатилетний А.П. Чехов совершил путешествие на Сахалин. Вернувшись в Москву, писатель на основе путевых впечатлений начал работу над произведением «Остров Сахалин», одна из глав которого впервые была опубликована в сборнике «Помощь голодающим» (1892). Автор с документальной точностью рассказал о жизни ссыльных, затронув и вопросы медицины.

Чехов пишет, что каторжники на Сахалине не выглядели здоровыми людьми, их болезненность бросалась в глаза: «Среди ссыльных мужчин вы не встретите хорошо упитанных, полных и краснощеких; даже ничего не делающие поселенцы тощи и бледны» [1, с. 347]. Они производят на Чехова ужасное впечатление – это были плохо одетые люди, исцарапанные и искусанные москитами.

После посещения Александровской ссыльнокаторжной тюрьмы возмущенный ее антисанитарными условиями Чехов утверждает, что при системе общих камер невозможно соблюдение чистоты в тюрьме. Заключенные не бывают одиноки даже для того, чтобы совершить молитву; шум раздражает их и мешает спать им, уставшим после работы. Это оказывает плохое влияние на питание и психику каторжников: «Стадная сарайная жизнь с ее грубыми развлечениями, с неизбежным воздействием дурных на хороших, как это давно уже признано, действует на нравственность преступника самым растлевающим образом» [1, с. 90]. По мнению писателя, такая жизнь отучает человека от домовитости, в результате чего он не может быть хорошим хозяином и добрым семьянином.

Изучение архивов позволило Чехову составить статистику, уточнить сколько раз в больницах оказывались страдающие такими болезнями, как жаба, воспаление горла, ветряная оспа, брюшной тиф, лихорадка, крупозная пневмония, дизентерия, рожа, госпитальная гангрена, сибирская язва, болезни дыхательных органов и другие. Чехов пишет не только о заболеваниях, встречающихся на Сахалине, но и о причинах, которыми они вызваны. Так, отмечая высокую смертность от чахотки, писатель приходит к выводу: «Суровый климат, всякие лишения, претерпеваемые во время работ, побегов и заключения в карцерах, беспо-

© Чуйков П.Л., 2024

койная жизнь в общих камерах, недостаток жиров в пище, тоска по родине – вот главные причины сахалинской чахотки» [1, с. 352]. Автора возмущают неблагоприятные условия жизни и тяжелая работа каторжников. Были среди них также страдающие расстройством питания, цингой, маразмом, воспалением мозга, апоплексией, параличом, эпилепсией, нравственным помешательством, желудочно-кишечными заболеваниями, конъюнктивитом.

Писатель столкнулся с недисциплинированностью фельдшеров лазарета в Александровске, которые своим отношением к работе «позорили бога Эскулапа». Так, когда один каторжный ушиб бок, фельдшер отказался принять его, после чего пострадавший, не перенеся обиды, попытался перерезать себе горло: «Повязки на шее нет; рана предоставлена себе самой. <…> У хирургических больных повязки грязные, морской канат какой-то, подозрительный на вид, точно по нем ходили» [1, с. 358]. Указывает Чехов и на отсутствие больничного инвентаря. Когда ему необходимо было разрезать нарыв на шее мальчика, фельдшер принес два скальпеля, которые оказались тупыми, непригодными для работы: «Прошу карболовой кислоты в растворе – мне дают, но не скоро; видно, что эта жидкость употребляется здесь не часто. Ни таза, ни шариков ваты, ни зондов, ни порядочных ножниц, ни даже воды в достаточном количестве» [1, с. 359].

К сожалению, судьба отмерила писателю короткий жизненный путь. На его здоровье оказал разрушающее воздействие туберкулез. При этом тяжелый недуг Чехова повлиял и на его творчество, усилив талант писателя, как справедливо утверждает А.П. Кузичева в монографии «Жизнь “отдельного человека”» (Серия ЖЗЛ, 2010): «Его природный дар – видеть незримое, понять неуловимое, рассказать о непередаваемом – развился в напряженном труде. И то, что открывалось некоторым героям Чехова силой и прозрением любви или предсмертного чувства, в самом Чехове, наверно, жило постоянно. Неизлечимая болезнь усилила этот необыкновенный талант, всегда и ото всех потаенный» [2, с. 831].

В 1904 году, находясь в Ялте, писатель говорит родным и близким, что устал и мечтает об отдыхе. Он страдает от кишечных расстройств, испытывает мучения и нехватку сил, когда поднимается по лестнице. Если похудевший писатель, сгорбившись, медленно шел по улице, опираясь на палку, мальчишки кричали ему: «Антошка-чахотка!».

Понимая, что его болезнь неизлечима, Чехов все же не жаловался на здоровье. Ему становится трудно работать, но он высказывает намерение поехать на войну на Дальний Восток, причем не корреспондентом, а врачом, потому что врач, по его словам, сможет увидеть больше. У писателя уже был опыт оказания помощи раненым: он собирал средства на помощь чахоточным, на борьбу с холерой и голодом.

Художник К.А. Коровин отмечает, что в ялтинской комнате Чехова пахло креозотом, а сиплый кашель и остро-выдававшиеся плечи писателя свидетельствовали об обессилившем его страшном недуге. Чехов переезжает в Москву, где доктор Таубе ставит ему диагноз: катар кишок и плеврит. Помимо обезболивающих средств, опытный врач рекомендует писателю диету и спиртовые компрессы. Процесс лечения был сложным. А.П. Кузичева отмечает, что Чехов подверг сомнению методику Таубе: «Тот предположил, что лихорадит больного из-за малярии, не поощрял массаж, хотя это снимало на время сильнейшие боли в спине, руках и ногах. <…> От болей ему (Чехову – *П.Ч.*) впрыскивали мышьяк, морфий, давали хинин» [2, с. 835].

Возлагая надежды на немецких врачей, Чехов с женой О.Л. Книппер едет на немецкий курорт. Накануне отъезда он говорит своему другу писателю Н.Д. Телешову, что едет умирать. Тем не менее, из Германии Чехов жалуется родным только на одышку, из-за которой ему трудно подниматься по лестнице. Писатель сообщает, что поправляется, хорошо спит и ест, что его ноги не болят. Чехов сохраняет чувство юмора и продолжает шутить: «Очевидно, желудок мой испорчен безнадежно, поправить его едва ли возможно чем-нибудь, кроме поста, т. е. не есть ничего – и баста. А от одышки единственное лекарство – это не двигаться» [Цит. по: 2, с. 839].

А.П. Кузичева подчеркивает, что состояние писателя резко ухудшилось 29 июня 1904 года: «Ему давали кислород, клали лед на сердце, кололи морфий. Ночью он бредил… В среду, 30 июня, Чехов весь день сидел в подушках, потому что лежа он задыхался. <…> Ночью опять не мог заснуть и попросил морфия» [2, с. 839]. 1 июля писателю стало легче, но в ночь на 2 июля он проснулся от удушья, чувствуя, что умирает. Ему снова дали кислород и впрыснули камфару. По воспоминаниям О.Л. Книппер, писатель попросил у доктора шампанского. Когда его просьбу исполнили, он произнес: «Давно я не пил шампанского». Выпив содержимое бокала, Чехов вскоре умер.

Вопреки мнению о том, что писатель умер от туберкулеза, исследователи Куодрэмского института биологических наук (Великобритания) в 2018 году пришли к выводу: причина смерти Чехова – кровоизлияние в мозг. Ученые исследовали химический состав проб, взятых с его рукописей, и с запятнанной кровью рубашки, которая была на Чехове в день смерти. В этих пробах, помимо протеинов, которые свидетельствуют о наличии микробактерий туберкулеза, ученые обнаружили протеины, способствующие образованию тромба. Он и привел к закупорке сосудов и кровоизлиянию в мозг.

Библиографический список

1. Чехов А.П. Остров Сахалин // Чехов А.П. Собр. соч. в 12 т. М.: Правда, 1985. Т. 11. С. 39-360.

2. Кузичева А.П. Жизнь «отдельного человека» М.: Молодая гвардия, 2010. 847 с. (Серия ЖЗЛ).

References

1.Chekhov A.P. Sakhalin Island // Chekhov A.P. Sobr. op. in 12 volumes. M.: Pravda, 1985. Vol. 11. pp. 39-360.

2.Kuzicheva A.P. The life of an "individual" M.: Molodaya Gvardiya, 2010. 847 p. (ZHZL series).

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются **в квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц**.**

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел.+7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) FederalUniversity named after M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer

Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel.+7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег… (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, … .

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, … .

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст…….

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/ (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin’s works. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/ (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics.M., 1997. 415 p.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

№ 3(54) 2024

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 30.09.2024. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 25,8. Усл. печ. л. 26,6. Тираж 26 экз. Заказ № 198
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84